

БОРИС ГОДУНОВ

Александр БОХАНОВ

БОРИС
ГОДУНОВ

В

И

П

В

И

П

ЕЛИКИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ

ПЕРСОНЫ

Александр
БОХАНОВ

Борис Годунов

Александр
БОХАНОВ

В ЕЛИКИЕ
И СТОРИЧЕСКИЕ
П ЕРСОНЫ

Москва
Вече

УДК 929
ББК 63.3(2)44
Б72

Боханов, А.Н.

Б72 **Борис Годунов / Александр Боханов. — М. : Вече, 2012. — 352 с. : ил. — (Великие исторические персоны). ISBN 978-5-9533-5679-4**

Фигура Бориса Годунова вызывает у многих историков явное неприятие. Он изображается «коварным», «лицемерным», «лукавым», а то и «преступным», ставшим в конечном итоге виновником Великой Смуты начала XVII века, когда Русское Государство фактически было разрушено. Но так ли это на самом деле? Виновен ли Борис в страшном преступлении – убийстве царевича Димитрия? Пожалуй, вся жизнь Бориса Годунова ставит перед потомками самые насущные вопросы. Как править, чтобы заслужить любовь своих подданных, и должна ли верховная власть стремиться к этой самой любви наперекор стратегическим интересам государства? Что значат предательство и отступничество от интересов страны во имя текущих, клановых выгод и преференций? Где то мерило, которым можно измерить праведность властителей, и какие интересы должна выражать и отстаивать власть, чтобы заслужить признание потомков?

История Бориса Годунова невероятно актуальна для России. Она поднимает и обнажает проблемы, бывшие злободневными и «вчера» и «позавчера»; таковыми они остаются и поныне.

**УДК 929
ББК 63.3(2)44**

Чудна милость Божия, определившая равное воздаяние всякому, исполнившему честно долг свой, царь ли он или последний нищий. Все они там уравниются, потому что все внидут в радость Господина своего и будут пребывать ровно в Боге.

Н.В. Гоголь

Введение

В истории России существуют периоды и исторические фигуры, окутанные плотной серой пеленой «общеизвестного». Русская история вообще вся сплошь покрыта и затушевана домыслами и тенденциозными измышлениями, выдаваемыми столетиями (!) за «научные факты». Поэтому так много в исторических исследованиях формулировок, по сути дела, антинаучных, типа «как известно», «общеизвестно», «наука доказала», «исторически установлено» и т. д. и т. п. Однако при ближайшем рассмотрении устоявшихся мировоззренческих банальностей возникает множество вопросов и частного и общего характера, которые старые трюизмы никак не проясняют. К числу таких «серых» исторических провалов относится личность и царствование Бориса Фёдоровича Годунова (1552—1605, Царь с 1598 года).

У очень многих историков этот герой вызывает явное неприятие. Годунов изображается «коварным», «лицемерным», «лукавым», а то и «преступным», ставшим в конечном итоге виновником Великой Смуты начала XVII века, когда Русское Государство фактически было разрушено. Подобным историческим изгоем выставляется далеко не только он. «Ученые мужи», вынося свои вердикты, самодовольно полагают, что они уполномочены заявлять на весь свет о «виновности» тех или иных героев Отечественной истории, так как вооружены «объективными фактами», на поверку оказывающимися в большинстве случаев набором слухов, сплетен и измышлений.

При чтении подобного рода трудов, как наших, так и зарубежных сочинителей, невольно возникает вопрос: как же могло многие столетия существовать, развиваться и отражать нашествия многочисленных врагов огромное государство — Русь-Россия, когда ею управляли по преимуществу слабые, неумные, злобные, алчные, невежественные, преступные, а то и просто «психически больные» личности, под бременем которых «эксплуатируемый народ», положение которого постоянно «ухудшалось», столетиями только и мечтал что об «освобождении»? Подобная картина может показаться карикатурной, но это именно так. Русская история — один из самых оболганных и окарикатуренных культурных феноменов в летописи человечества.

О природе данного явления здесь не место размышлять, но одну, генеральную, причину, думается, обозначить необходимо. Она была ясно выражена замечательным пастырем-богословом Митрополитом Петербургским и Ладожским Иоанном (Снычевым, 1927—1995). «Настойчивые попытки многих исследователей найти в характере Бориса одну из причин обрушившихся на Россию бед объясняется довольно просто: не умея или не желая вникнуть в духовную подоплеку событий, историки искали “виновного”. Переноса на пространство истории свой ежедневный бытовой опыт, они стремились найти “того, кто всё испортил”, ибо это давало разуму, лишённому веры, иллюзию обрётённой истины. Возможно, эти мотивы не всегда были осознаны и не у всех одинаково сильны, но они просто неизбежны для современного рационалистического подхода к познанию истории»¹.

Именно в западническом мировоззрении скрыта корневая, гносеологическая причина того неприятия, которое вызывал Борис Годунов, как и немалое число других исторических персонажей.

За тысячу с лишним лет монархического правления в Руси-России правили только три Династии: Рюриковичи, потомки легендарного князя Рюрика², Годуновы и Романовы. Правда, четыре года — 1606—1610-й — Русским Царём являлся Василий Иванович Шуйский, но Шуйские вели своё родословие от Рюри-

ка, а потому их неуместно рассматривать как самостоятельную Династию. Если быть совершенно точным, то около года, с июня 1605 по май 1606 года, на Руси правил Ажедмитрий I, но он выступал не как самостоятельный властелин, родом Отрепьев, а как сын Царя Иоанна Грозного. Годуновы же дали России двух Царей: Бориса Фёдоровича (1552—1605) и его сына — Фёдора Борисовича (1589—1605).

Казалось бы, формально Бориса Годунова ну никак нельзя отнести к числу «неизвестных» исторических персонажей. О нём говорится во всех школьных учебниках, о нём написаны отдельные книги, а опера Модеста Мусоргского «Борис Годунов» в «четырёх действиях с прологом», созданная по одноимённой драме А.С. Пушкина и первый раз поставленная на сцене Императорского Мариинского театра в Петербурге в 1874 году, навсегда вошла в золотой фонд Русской культуры. Исполнение же роли Царя Бориса Ф.И. Шаляпиным в 1908 году во время Русских сезонов в Париже оказалось триумфальным и обессмертило и исполнителя и героя, о которых в Европе до того практически ничего не знали. Образ мучимого грехами повелителя страны, представленный в живописных костюмах и ярком музыкальном воплощении, производил неизгладимое впечатление.

Однако подобные блестящие, но именно художественные образы и сценические картины, конечно же, не являлись исторически адекватными. Об этом дальше придётся говорить особо. В конечном итоге важно ведь не количество написанного, а его содержание, его историческая достоверность. А вот тут-то как раз мировоззренческого разнообразия и не наблюдается.

Пока же важно установить, что, собственно, стало причиной той якобы «нелюбви» народной, благодаря которой образ Царя Бориса не был занесён историками, современниками и потомками в разряд выдающихся исторических героев. Для этого обратимся к характеристике, данной ему фактическим родоначальником светской отечественной историографии — Н.М. Карамзиным (1766—1826), который предложил свое видение истории Бориса Годунова, принятое потом на веру А.С. Пушкиным и М.П. Мусоргским.

В своей пафосной эпопее «История государства Российского» Н.М. Карамзин уделил Годунову и времени его правления немало страниц. Том десятый, вышедший в 1821 году («Царствование Фёдора Иоанновича»), в значительной степени посвящён деятельности Бориса Годунова, а следующий, одиннадцатый том, увидевший свет в 1824 году, почти целиком посвящен личности и делам Царя Бориса.

Экстракт же своих исторических представлений Карамзин сделал в особом произведении — «Записке о древней и новой России в её политическом и гражданском отношениях», составленной для Императора Александра I в 1811 году. К этому документу сейчас и обратимся. О Борисе Годунове в «Записке» говорится следующее:

«Злодеяние, втайне умышлённое, но открытое Историею, пресекло род Иоаннов. Годунов, татарин происхождением, Кромвель умом, воцарился со всеми правами Монарха законного и с тою же системою единовластия неприкосновенного. Сей несчастный, сражённный тению убитого им Царевича, среди великих усилий человеческой мудрости и в сиянии добродетелей наружных, погиб как жертва властолюбия неумеренного, беззаконного, в пример векам и народам. Годунов, тревожимой совестью, хотел заглушить её священные укоризны действиями кротости и смягчал Самодержавие в руках своих; кровь не лилась на Лобном месте; ссылка, заточение, невольное пострижение в монахи были единственным наказанием бояр, виновных или подозреваемых в злых умыслах. Но Годунов не имел выгоды быть любимым, ни уважаемым, как прежние Монархи наследственные. Бояре, некогда стояв с ним на одной ступени, ему завидовали, народ помнил его слугою придворным. Нравственное могущество Царское ослабело в сём избранном Венценосце»³.

Итак, рассмотрим подробнее основные карамзинские тезисы. Годунов в представленном описании выглядит нелицеприятно. Правда, «последний летописец» признаёт, и вполне справедливо, что кровь при Годунове не лилась, то есть при нём не было казней врагов и злоумышлителей. Во всем же остальном — образ откровенно негативный. Во-первых, Карамзин прямо обвиняет Годунова в убийстве сына Иоанна Грозного Царевича

Дмитрия (1582—1591), в злодеянии, «открытом Историей». Во-вторых, Годунов был одержим «неумеренным властолюбием», был родом «татарин», отличался коварством и вероломством, почему и возникло сравнение его с Кромвелем. Оставим для другого времени разговор о Царевиче Дмитрие (Димитрии), остановимся пока на других вопиюще тенденциозных масках карамзинского полотна.

Что касается «татарского» происхождения. Дальним предком Годунова считался мурза Чет, прибывший из Золотой Орды на службу Москве ещё в 30-х годах XIV века при Великом князе Московском (1325 год) и Великом князе Владимирском (с 1328 года) Иване Даниловиче Калите (1282—1340). Мурза принял крещение с именем Захария и выстроил в Костроме Ипатьевский монастырь, где потом хоронили предков Царя Бориса Годунова. Помимо Годуновых Захария стал родоначальником известных дворянских родов Сабуровых и Вельяминовых. К XVI веку Годуновы давно и прочно обрусели. «Татарское» происхождение на них не сказывалось никак, так что называть Бориса Годунова «татарином» нет никаких оснований. Фамилия Годуновых не принадлежала к числу именитых боярских родов; их возвышение началось в последние годы Царствования Иоанна Грозного (1533—1584).

Сравнение же Годунова с лидером английской антироялистской революции Оливером Кромвелем (1599—1658) просто неуместно. Кромвель прославился своими военными успехами в борьбе со сторонниками Карла I Стюарта (1600—1649), как и неимоверной лютостью по отношению ко всем врагам и просто несогласным. Именно по его настоянию Король в январе 1649 года был публично предан казни (обезглавлен), а сторонников Короля в годы, когда Кромвель был фактическим диктатором в Англии (1553—1558), казнили без числа. Годунов же боролся в последние месяцы жизни не с законным претендентом на престол, а с самозванцем Ажедмитрием, но даже и тогда не проявлял никакой особой жестокости.

Собственно, идея о «плохом» Царе Борисе не была произведением Н.М. Карамзина. За двести лет до него, ещё в начале XVII века, этот взгляд был как бы канонизирован в замечатель-

ном памятнике той эпохи — «Новом летописце», составленном около 1630 года и содержащем изложение Русской истории с последних лет царствования Иоанна Грозного. «Летописец» сочинялся в кругах Патриарха Филарета — отца первого Царя из Династии Романовых Михаила Фёдоровича — и содержит очевидный отпечаток идеологической пристрастности. Именно в «Новом летописце» явно и открыто были сформулированы те обвинительные перлы о «коварстве», «лицемерии», «жестокости» Годунова, которые потом принял на веру Н.М. Карамзин и последующие. Там же впервые публично и «на века» было как бы канонизировано обвинение Годунова в организации убийства Царевича Дмитрия в Угличе в 1591 году.

Патриарху Филарету добрая память о Царе Борисе Фёдоровиче была не нужна и даже противопоказана. Он пережил «утешения» боярского рода Романовых при этом Царе; забыть и простить того не мог. Убийство же 10 июня 1605 года Четвертого Русского Царя — Фёдора Борисовича Годунова, незамоленное и непрощёное, резало глаз, тревожило память, и его хотелось как можно скорее забыть, переложив грехи за Цареубийство на отца Убиенного — Царя Бориса Годунова. Поражает даже не столько сама позиция Филарета и иже с ним, а то, что «история по Филарету» оказала просто какое-то магическое воздействие на последующих «описателей истории»...

Вердикты Карамзина, как и многих других историков, совершенно игнорируют несколько важнейших обстоятельств. Борис Годунов был избран на Царство не путём интриг, которые никто и никогда не документировал, а волеизъявлением «Русской земли», избран на Земском соборе единодушно! Это одна сторона дела. Имелась и другая. Законное правопреемство царской власти за Борисом Годуновым всегда признавал и отстаивал первый Святой⁴ Русский Патриарх Иов (ок. 1525—1607), благочестие которого никогда не подвергалось сомнению.

Некоторые историки считают, что с воцарением Годунова в 1598 году началась эпоха Смутного времени, продолжавшаяся полтора десятка лет и закончившаяся только в 1613 году, когда на царство был призван юный Михаил Фёдорович Романов (1596—1645). Касательно финального рубежа Смуты, то

здесь и споров быть не может; рубеж этот бесспорен. Что же касается начала Смуты, то её вряд ли справедливо датировать 1598 годом.

Первые годы после воцарения Царя Бориса в стране наблюдались политическая стабильность и динамичное экономическое развитие, а внешние враги Руси не угрожали. Как написал известный русский историк С.Ф. Платонов (1860—1933), «первые два года своего царствования Борис, по общему отзыву, был образцовым правителем»⁵. Некоторые авторы вообще невероятно высоко оценивают историческую роль Третьего Русского Царя. Здесь в качестве своего рода парадокса можно привести высказывание одного из творцов и главных фигурантов другой Русской Смуты — 1917 года — А.Ф. Керенского (1881—1970), который заявлял, что «это был один из самых замечательных русских государственных деятелей допетровского времени»⁶.

Первая Смута началась в конце правления Бориса Годунова, когда на западных окраинах страны появилась грозная опасность в лице самозванца, присвоившего себе имя сына Царя Иоанна Грозного — Дмитрия.

Ужас ситуации состоял не только в самом этом факте, но и в том, что представители родовитых боярских фамилий и значительная часть всего «служилого люда» сначала тайно, а потом и явно симпатизировали самозванцу и открыто его поддержали, присягнув на верность проходимцу. Карамзин был совершенно прав, когда говорил, что боярская спесь была главным побудительным мотивом «нелюбви» к Годунову, вызвавшей фактически национальное предательство, совершенное русской родовой элитой в начале XVII века.

И самое страшное событие, камертон всей драмы Смуты — убийство в июне 1605 года сына Бориса Годунова Царя Фёдора Борисовича Годунова (1589—1605). Он был законным правопреемником, ему присягнули все высшие должностные лица государства, но прошло всего сорок девять дней после смерти отца, и 1 июня 1605 года толпа негодяев сначала свергла Фёдора с престола, а через несколько дней (10 июня) убила и его, и его мать Царицу Марию Григорьевну. Думается, что именно с этого момента и началась Смута.

Это — первый в Русской истории случай Цареубийства, за которое никто не покаялся и никто не понес даже минимального наказания. Один только уже престарелый и больной, вскоре «исторгнутый из сана», Патриарх Иов пытался спасти Отрока-Царя и молил Бога о ниспослании милости. Милость ниспослана не была, но зато беспощадная кара последовала.

В последующие годы в стране началась жесточайшая междоусобная война, унесшая бессчетное количество человеческих жизней. Фактически Россия пережила страшный приступ гражданской войны. Как написал настоятель Троице-Сергиевой лавры Преподобный Дионисий⁷: «Божьим праведным судом, за умножение грехов всего православного христианства, в прошлых годах учинилось в Московском государстве, не только между общего народа христианского междоусобие, но и самое сродное естество пресечаше. Отец на сына и брат на брата восстали, едиnorodная кровь в междоусобии проливалась»⁸.

Государство было фактически разрушено, а Москва оккупирована польско-литовскими католическими интервентами. Понадобились невероятные усилия, море крови, чтобы изгнать захватчиков и восстановить русскую власть, а потом потребовалось ещё несколько десятилетий, чтобы залечить раны Смуты.

Поразительно, что первому факту Цареубийства в Русской истории до сих пор практически не даётся надлежащей нравственно-исторической оценки. В своё время Н.М. Карамзин, высоко оценивавший личные качества юного Фёдора, назвав его «первым счастливым плодом европейского воспитания», само его убийство не воспринимал как чудовищный акт. Историограф ограничился сентиментально-назидательной сентенцией: «Сын (Фёдор. — А.Б.) естественно наследовал права его (отца. — А.Б.), утвержденные двукратною присягою, и как бы давал им новую силу прелестью своей невинной юности, красоты мужественной, души равно твёрдой и кроткой... Но тень Борисова с ужасными воспоминаниями омрачала престол Фёдоров: ненависть к отцу препятствовала любви к сыну»⁹.

Иными словами, сын стал жертвой злодеяния отца. Так пишут до сих пор. И всё. Притом что факт причастности к «злодеянию» в Угличе Бориса Годунова не был документально уста-

новлен ни до Н.М. Карамзина, ни им, ни после. Существовало лишь «мнение», основанное на тенденциозных заключениях «Нового летописца», на некоторых более ранних безымянных «показаниях», на «записках» изолгавшихся иностранцев да туманных намёках некоторых современников. Об этот речь пойдёт особо.

В Русской истории было несколько омерзительных случаев Цареубийства, ставших навсегда фактами богоотступничества русских людей.

В июле 1762 года был убит внук Петра I Император Пётр III (1728—1762).

В июле 1764 года в каземате Шлиссельбургской крепости был умерщвлён Император Иоанн Антонович (1740—1741), провозглашённый Императором по воле Императрицы Анны Иоанновны (1693—1740) и свергнутый с Престола в ноябре 1741 года.

В марте 1801 году группа негодяев из числа гвардейских офицеров убила Императора Павла I (1754—1801).

В марте 1881 года в результате террористического акта народовольцев погиб Император Александр II (1818—1881).

В июле же 1918 года в Екатеринбурге был убит вместе с Семьей Последний Царь Николай II (1868—1918), отрешённый от власти ещё в марте 1917 года.

Этот трагический мартиролог жертв богопротивного человеческого злобного неистовства открывал как раз юный Фёдор Борисович Годунов.

В отечественной светской западнической историографии, которая безраздельно доминировала у нас в стране по крайней мере два века, страшное богоотступничество — Цареубийство — никогда не рассматривалось в духовном контексте. Такого контекста в западоцентричной литературе просто вообще никогда не существовало. Только голый эмпиризм, сдобренный сентенциями формационной или цивилизационной методологии, — и достаточно. В качестве характерного примера приведём выдержку из сочинения известного современного историка.

Об убийстве Царя Фёдора Борисовича и Царицы Марии говорится: «Царицу быстро задушили верёвками. Фёдор же отчаянно сопротивлялся, но покончили и с ним. Сестру (Ксе-

нию. — А.Б.) оставили в живых. Позже её постригли в монахини и отправили в Кирилло-Белоозерский монастырь. Выйдя на крыльцо, бояре объявили народу, что Царь и Царица-Мать со страху отравились. Другие Годуновы также были обнаружены и затем высланы. Династия Годуновых прекратила своё существование»¹⁰.

Всё, тема считается исчерпанной. Ну ладно, не знает автор, что Кириллов монастырь являлся мужской обителью и туда женщин «не ссылали». Это, как говорится, мелочи. Куда важнее другое обстоятельство, совершенно проигнорированное. Убийство Царя — это богоотступничество, это страшный грех, за который неминуемо следует наказание Всевышнего. И оно последовало. Полное разорение страны и гибель множества людей в эпоху Смуты — разве не есть подтверждение вечной библейской истины!

Духовный смысл происходивших тогда на Руси событий объяснил Митрополит Петербургский и Ладожский Иоанн: «Клятвопреступление стало фактом. Народ, ещё недавно столь настойчиво звавший Бориса на Царство, присягавший ему как богоданному государю, попра л обеты верности, отринул законного наследника престола, попусти л его злодейское убийство и воцарил над собой самозванца и вероотступника, душой и телом предавшего л давним врагам России. Вот где таится подлинная причина Смуты, как бы ни казалось это странным отравленному неверием и рационализмом современному уму. Совершилось преступление против закона Божиего, которое и повлекло дальнейшие гибельные последствия всеобщего разора и мятежа»¹¹.

До сих пор прах Годуновых — двух Царей и Царицы Марии — покоится не в царской усыпальнице — соборе Архистратига Михаила (Архангельском соборе) Московского Кремля, а во дворе Троице-Сергиевой лавры, рядом с Успенским собором. В годы советской власти, после того как лавра по решению богоборческих властей была в 1919 году закрыта, усыпальницу Годуновых осквернили. При её «официальном» вскрытии в 1945 году выяснилось, что сохранились только обрывки облачений, погребальных саванов и гряда перемешанных костей; царские же черепа вообще отсутствовали¹².

Хотя Борис Годунов был погребен со всеми почестями, «по царскому чину», в Архангельском соборе, но в июне 1605 года, после утверждения у власти самозванца, его гроб был извлечен из могилы и перенесён на кладбище женского Варсонофьевского монастыря. Там же погребли в простых гробах Царя Фёдора II и его мать — Царицу Марию Григорьевну. Хоронили без отпевания, как безродных и бездомных.

Эта обитель, упразднённая ещё в 1765 году, располагалась между Большой Лубянкой и Рождественкой в Москве. Монастырь был основан в самом начале XVI века, а кладбище при нём стало последним земным пристанищем для нищих и насильственно убиенных безродных. Погребение здесь для москвичей считалось позорным. Именно сюда Ажедмитрий I и распорядился поместить останки ненавистных Годуновых. Это была бесовская месть живых мёртвым. Примечательно, что история не сохранила свидетельств того, чтобы кто-то из знатных бояр, входивших в близкое окружение самозванца и считавших себя «православными», протестовал против данного кощунственного действия.

Лишь когда с Ажедмитрием было покончено, а у власти утвердился главный боярский интриган Василий Иванович Шуйский (1552—1612, Царь 1606—1610), то он отдал распоряжение о перезахоронении Годуновых в Троице-Сергиевом монастыре, что и произошло в сентябре 1606 года. Там же в 1622 году была похоронена и несчастная дочь Бориса Годунова Цесаревна Ксения (1581—1622), которой пришлось стать на время наложницей Ажедмитрия, который потом и отправил её в Княгининский монастырь во Владимире¹³, где она приняла постриг с именем Ольги.

В Архангельский собор прах Бориса Годунова так и не вернули. По горькой иронии истории клеветник, лицемер и клятвопреступник Василий Шуйский погребён в царской усыпальнице, а бранные останки двух легитимных Царей — Бориса и Фёдора Годуновых — покоятся далеко за её пределами.

Поразительно, насколько современники безразлично относились к судьбе останков Царя Бориса и Царя Фёдора. Не было ни протестов, ни плача, ни возмущения. Толпы москвичей

пришли на Красную площадь в июне 1605 года созерцать выставленные напоказ тела удушенных Фёдора и Марии, тысячи созерцали процессию унижительного перезахоронения Царя Бориса в Варсонофьевском монастыре; не наблюдалось никакого возмущения, никакой горести, а одно только праздное любопытство. И всё это происходило в православной стране! Многие боярские родовые кланы не любили и даже ненавидели Годуновых до такой степени, что, как признавался В.И. Шуйский, он переметнулся на сторону Лжедмитрия только для того, что «свергнуть Годуновых»!

Удивляет другое: почему простые люди, тот самый «народ», для которого Царём Борисом Годуновым было сделано немало благих дел, имя которого возносилось на ектеньях по всей Руси, никак не выражал не то что горя, а хотя бы сожаления во время надругательства над прахом одного Царя и убийства другого! Мало того, толпы москвичей пели и плясали на улицах и площадях после воцарения Лжедмитрия, а через год пели и плясали после свержения самозванца и его убийства! Да, действительно, это была эпоха всеобщего помешательства! Первая, но не последняя в истории России.

Тема о Борисе Годунове невероятно актуальна для России. Это может показаться странным, но это именно так. Она понимает и обнажает проблемы, бывшие злободневными и вчера и позавчера; таковы они остаются и поныне.

Отметим некоторые тематические ипостаси. Бремя власти и её ответственность за народ и страну. Ответственность народа за сохранение институтов власти и высшего среди них. Как править, чтобы заслужить «любовь» подданных, и должна ли верховная власть домогаться этой самой любви наперекор стратегическим интересам государства? Предательство и отступничество от коренных нужд и интересов страны во имя текущих, клановых выгод и преференций; возможно ли вообще оправдание отступничества? Грех клятвопреступления и искренность покаяния. Где то мерило, которым можно измерить праведность властей предрежащих, и какие интересы должна выражать и отстаивать власть, чтобы заслужить признание потомков? Как складываются исторические стереотипы вос-

приятия ушедшей действительности и людей её? Все эти, как и многие иные коренные вопросы, поднимает и обнажает тема о Борисе Годунове.

Хотя сослагательное наклонение к истории неприменимо, но ныне оно чрезвычайно распространено, а потому автор и считает возможным сделать одну ремарку: если бы Династия Годуновых не пала, то у России была бы совершенно иная историческая судьба. Но не сложилось, не получилось. В любом случае Борис Годунов и его время — переломная эпоха в истории России, которая неизменно будет привлекать внимание всех, интересующихся историей Отечества. Здесь много удивительных взлетов и страшных падений, которые бывает трудно прагматически объяснить. Порой казалось, что Русь-Россия подошла к последнему историческому краю и даже переступила его, что дальше — гибель и небытие. Но случилось немыслимое чудоявление и страна возрождалась буквально из крупниц на пепелище.

Замечательно точно об этот написал один из поэтов Серебряного века Игорь Северянин (Лотарев, 1887—1941).

На Восток, туда, к горам Урала,
Разбросалась чудная страна,
Что не раз, казалось, умирала,
Как любовь, как солнце, как весна...

И когда народ молчал сурово
И, осиротелый, слеп от слёз,
Божьей волей воскресала снова,
Как весна, как солнце, как Христос!

Думается, что давно назрела необходимость осмысления Русской истории через преодоление рудиментарных формул позитивистско-материалистической методологии, не способной привести к постижению великого духовного смысла Русской истории. Как писал А.С. Пушкин П.Я. Чаадаеву в октябре 1836 года: «...клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог её дал»¹⁴.

Русский гений очень точно обозначил свое провиденциальное понимание истории, которая — дар Всевышнего. Дар этот люди воспринимали и в разные временные эпохи распоряжались им по-разному. Трепетно ценили, трогательно и надёжно оберегали, не жалея жизни защищали, но случалось, что бездумно, безоглядно и пренебрежительно расточали и пренебрегали. Всю эту противоречивую и грандиозную драматургию постичь и понять без православной оптики невозможно. Без неё история лишается своего главного нерва, надвременного смысла, становясь сухим и скучным каталогом случайного сцепления причинно-следственных связей.

И последнее. Автор настоящей работы совершенно не собирается себя позиционировать в качестве какого-то суперзнатока, который вот сейчас «расскажет правду» и «только правду», которую люди до него не ведали. Подобный приём, который ныне чрезвычайно распространён и который иначе как школярским и назвать нельзя, автору совершенно чужд.

Речь будет идти не о каком-то «документальном открытии», — всё главное уже давным-давно открыто, а только о новом прочтении как бы «давно известного», но прочтении обязательно в духовном контексте, без которого постижение Русской истории невозможно. В глубинном, онтологическом осмыслении давно нуждается весь поток времён, в котором более тысячи лет пребывала Россия, в том числе и такой важный, переломный момент её истории, как эпоха Бориса Годунова.

Глава 1.

ОКО РУССКОГО ГЕНИЯ

Любой разговор о восприятии Бориса Годунова потомками, о бытующих в общественном сознании стереотипах вести невозможно, если оставить в стороне драму великого Александра Сергеевича Пушкина (1799—1837) «Борис Годунов». О фундаментальном значении Пушкина в развитии Русской культуры нет надобности вести речь. Любой мало-мальски образованный человек знает (обязан знать!) выдающиеся произведения этого автора, к числу которых относятся практически все его сочинения. Оставляя в стороне несравненный художественный уровень этого воистину первого Мастера Русской культуры, отметим только один момент, который чрезвычайно важен именно в данном случае.

Помимо уникального художественного дара Пушкин был наделён и ещё одним редким качеством: он обладал чувством живого историзма. Его натура, страстная и честная, никогда не была сервильной. Он писал и говорил об исторических событиях и людях ушедших эпох только то, что соответствовало его восприятию, ощущению и пониманию. Он не был рабом не только какой-то общественной группы; он отвергал вообще общепринятое мировоззрение, когда оно противоречило мировосприятию его внутреннего «я». Он — гений, а гений всегда свободен, творчески свободен, вне зависимости от социальных рамок и общественного статуса данного лица.

Пушкинский историзм раскрывался в его постижении нравов и устоев минувшего времени, вне зависимости от того, насколько это минувшее было далеко от пушкинской эпохи. Он не созерцал историю, а переживал её; ему удавалось переноситься в иные времена и быть участником давних событий, про-

чувствовал их как свое личное дело. Обладая проникновенным умом и живостью исторических восприятий, Пушкин обладал знанием и пониманием человеческой природы, моральных и психологических поведенческих мотиваций, а потому он порой видел и чувствовал то, что давние летописи, документы и скучные исторические трактаты до потомков не доносили. Он умел приоткрывать завесу времени и видеть живую панораму давно прошедшего. Подобные черты отличали все пушкинские произведения, но в первую очередь — «Бориса Годунова»¹⁵.

Естественно, что нельзя изучать историю «по Пушкину»; но ощущать аромат давнего времени, его психологическую драматургию, почувствовать живой нерв истории без Пушкина невозможно.

Пушкин приступил к написанию «Годунова» в последние месяцы 1824 года, вскоре после прочтения X и XI томов «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина, в которых речь шла как раз о Русской истории конца XVI — начала XVII века. Карамзин первым представил читающей России Русскую историю того времени, а Пушкин первым творчески откликнулся на это знаменательное общественное событие. Когда работа была в самом разгаре, то Мастер писал В.А. Жуковскому (1783—1853) в августе 1825 года: «Трагедия моя идёт, и думаю к зиме её кончить, вследствие чего читаю только Карамзина да летописи. Что это за чудо эти 2 последних тома Карамзина! Какая жизнь! Это злободневно, как свежая газета...»¹⁶

Важно отметить, что Пушкин живо чувствовал «актуальность» разрабатываемого сюжета: тема греха и искупления, должного нравственного выбора как власти, так и народа была злободневной и в XVI веке, и в XIX веке. Можно добавить, что она не потеряла своей значимости и в наши дни.

Чуть раньше, в середине июля 1825 года, в корреспонденции князю П.Я. Вяземскому (1792—1878) сообщал: «Передо мной моя трагедия. Не могу вытерпеть, чтоб не выписать её заглавия: “Комедия о настоящей беде Московскому государству, о Царе Борисе и о Гришке Отрепьеве писал раб Божий Александр сын Сергеев Пушкин в лето 7333, на городище Ворониче”. Каково?»¹⁷

Пушкин соединил в одном ряду такие, кажется, антагонистические понятия, как «трагедия» и «комедия». Подразумевалось, что речь пойдёт о трагедии народа и страны и о комедии, или ярмарочном балагане, связанном с «царем» Ажедмитрием.

Во времена Пушкина слово «комедия» означало не только веселое представление, где, по заключению замечательного лексикографа В.И. Даля (1801—1872), «общество представлено в смешном, забавном виде»¹⁸. Само слово «комедия», производное от латинского *comœdia*, появилось в русском языке довольно поздно, не ранее XVIII века. Оно обозначало и представление, но одновременно и низкие человеческие качества: ложь, лицемерие, притворство. Эти эпитеты как раз очень применимы ко всему действию Ажедмитриады. Пушкин, в совершенстве владея не только русской лексикой, но и фонетикой, или, условно выражаясь, «чувством звука», в конце концов, убрал «комедию» и оставил только «трагедию».

Александр Сергеевич приступил к созданию произведения в расцвете творческих сил. В конце июля 1825 года в письме Н.Н. Раевскому (младшему, 1801—1843) он как бы приоткрыл завесу над своей «творческой лабораторией»: «Вы спросите меня: а Ваша трагедия — трагедия характеров или нравов? Я избрал наиболее легкий род, но попытался соединить и то и другое. Я пишу и размышляю. Большая часть сцен требует только рассуждения; когда же я дохожу до сцены, которая требует вдохновения, я жду его или пропускаю эту сцену — такой способ работы для меня совершенно нов. Чувствую, духовные силы мои достигли полного развития, я могу творить»¹⁹.

Сопричастность, сопереживание происходившим событиям меняло масштаб восприятия их. Хотя трагедия была посвящена Н.М. Карамзину, Пушкин чувствовал и понимал, что «карамзинские русло» не может вместить то грандиозное половодье чувств, ассоциаций, представлений и смыслов, сопряженное с темой о Борисе Годунове. Он хотел придать драматургии вселенское, поистине библейское звучание. В сентябре 1825 года в письме князю П.А. Вяземскому восклицал: «Благодарю тебя и за замечания Карамзина о характере Бориса. Оно мне очень пригодились. Я смотрел на него с политической точки, не замечая

поэтической его стороны: я его засажу за Евангелие, заставлю читать повесть об Ироде²⁰ и тому подобное»²¹. Хотя отдельной подобной сцены в окончательном варианте и не появилось, но тема Царя-Ирода там звучала не раз...

В ноябре 1825 года Пушкин сообщал П.А. Вяземскому: «Трагедия моя кончена; я перечитал её вслух, один, и бил в ладоши и кричал ей: ай да Пушкин, ай да сукин сын»²².

Здесь самое время кратко обрисовать общеисторический фон, на котором происходило создание «Бориса Годунова».

На закате эпохи Александра I (1801—1825) Пушкин превратился почти в изгоя; он сам писал о себе: «Я — вне закона». Сначала отправленный из Петербурга «служить» на Юг, он осенью 1824 года за свои «непозволительные» стихи был выслан в имение родителей Михайловское Псковской губернии. Его призывы и просьбы разрешить вернуться из «постылого Михайловского», хлопоты петербургских друзей никаких результатов не приносили.

Воцарение в декабре 1825 года Императора Николая I (1796—1855, Император с 1825 года) сулило избавление от затянувшегося плена. Однако декабрьский мятеж в Петербурге создал новые препятствия. Пушкин был лично знаком со многими лидерами мятежа, а некоторые относились к числу его друзей.

Не чувствуя за собой никакой политической вины, Пушкин не считал подобные обстоятельства существенными. Он хотел вернуться, просил друзей «похлопотать». В апреле 1826 года он получил письмо от В.А. Жуковского, в котором тот совсем не разделял радужных надежд и просил друга-изгнанника не спешить и быть «осторожным»: «Всего благоразумнее для тебя остаться покойно в деревне, не напоминать о себе и писать, *но писать для славы*. Дай пройти несчастному этому времени... Ты ни в чем не замешан — это правда. Но в бумагах каждого из действовавших находятся твои стихи. Это худой способ познакомиться с правительством».

Пушкин же совсем не собирался «дружить с правительством». Он хотел с ним «помириться», но на условиях сохранения своего человеческого достоинства. О том откровенно высказался в письме своему другу, барону А.А. Дельвигу (1798—

1831) в феврале того же года: «Я желал бы вполне и искренно помириться с правительством, и, конечно, это ни от кого, кроме его, не зависит. В этом желании более благоразумия, нежели гордости с моей стороны»²³.

Стремясь добиться торжества справедливости, Пушкин поступил прямо противоположно увещаниям Жуковского. В конце мая 1826 года он отправил послание Императору Николаю Павловичу. Кратко изложив свою историю, заключал: «Ныне с надеждой на великодушие Вашего Императорского Величества, с истинным раскаянием и с твердым намерением не противуречить моими мнениями общепринятому порядку (в чем и готов обязаться подпискою и честным словом) решился я прибегнуть к Вашему Императорскому Величеству со всеподданнейшею моею просьбою»²⁴. Просьба была такова: разрешить ему переехать или в Москву, или в Петербург, или «в чужие края».

Прошло почти три месяца, и наконец свершилось. В Михайловское примчался царский фельдъегерь с приказанием немедленно явиться в Москву, где в то время находилась Царская Фамилия и Двор по случаю коронации Николая I. В «Высочайшем повелении» от 28 августа говорилось: «Пушкина призвать сюда. Для сопровождения его командировать фельдъегеря. Пушкину позволено ехать в своем экипаже свободно, под надзором фельдъегеря, не в виде арестанта. Пушкину прибыть прямо ко мне»²⁵.

4 сентября 1826 года Александр Сергеевич покинул Михайловское, а 8 сентября был в Первопрестольной, прямо проследовав в канцелярию дежурного генерала, где получил указание начальника Главного штаба барона И.И. Дибича (1785—1831): по распоряжению Императора прибыть в Чудов (Николаевский) Дворец в Кремле. Как Пушкин рассказывал, «небритый, в пуху, измятый», он и предстал перед Самодержцем.

Царь принял Поэта в своих личных апартаментах в 4 часа дня 8 сентября. Это была не только первая встреча Поэта и Императора Николая Павловича, но и их первая беседа. Новый Монарх слышал о Пушкине как о «возмутителе спокойствия», но он уже знал и ценил его поэтический талант.

Этот диалог Власти и Гения оброс потом многочисленными сказаниями. Для высшего света сам по себе факт был трудно-объяснимым. Царь в период жесткого графика своего пребывания в Москве уделил более двух часов человеку, которого еще вчера считали «неблагонадежным». Нет сомнения в том, что это была именно «беседа», так как для выражения «Монаршей воли» столь продолжительный временной отрезок не требовался.

Встреча Царя и Поэта не только переменяла общественное положение А.С. Пушкина. Она способствовала росту его престижа, невольно рождала уважение к нему среди тех, кто раньше «не любил» и даже «терпеть не мог этого рифмоплета». Поэт услышал из уст Самодержца и нечто необычное: «Ты будешь присылать ко мне всё, что сочинишь; отныне я сам буду твоим цензором»²⁶. Неслыханное дело! Царь стал его цензором, сам Монарх теперь будет читать рукописи такого человека! По представлениям того времени, да и не только того, это была неслыханная милость, это означало высочайшее признание!

Нельзя сказать, чтобы Пушкину доставляло особую радость цензорство Царя. Конечно, оно избавляло от ненужных и изматывающих ограничительных рогаток на других уровнях, но создавало специфические проблемы. Царское решение нельзя было оспорить, нельзя было никому пересмотреть. Здесь возникали сложности, иным авторам не известные. Так и получилось с драмой «Борис Годунов».

Осенью 1826 года она была представлена Царю, который прочел её в кругу Семьи и сделал заключение, которое шеф Третьего отделения граф А.Х. Бенкендорф (1783—1844) и препроводил автору: «Я считаю, что цель г. Пушкина была бы выполнена, если б с нужным очищением переделал комедию свою в историческую повесть или роман наподобие Вальтера Скотта».

Пушкин не принял высочайшие рекомендации, решив не публиковать произведение. Когда же через несколько лет он вознамерился жениться и надо было приводить в порядок денежные дела, встал вопрос и об издании «Годунова». Требовалось непременно получить санкцию Царя. Пушкин отправил просьбу «по принадлежности» — Бенкендорфу.

В письме обозначил причины разногласий с Царем и невозможность изменить то, что изменению не подлежит: «Государь соблагволил прочесть её, сделал мне несколько замечаний о местах слишком вольных, и я должен признать, что Его Величество был как нельзя более прав». Но не все замечания возможно было переделкой устранить.

«Драматический писатель не может нести ответственности за слова, которые он влагает в уста исторических личностей. Поэтому надлежит обращать внимание лишь на дух, в каком задумано всё сочинение, на то впечатление, которое оно должно произвести. Моя трагедия — произведение вполне искреннее, и я по совести не могу вычеркивать того, что мне представляется существенным»²⁷. Пушкин просил разрешение опубликовать «Годунова» в том виде, как он существует.

Неизвестно, как этот «возмутительный вызов» власти воспринял Бенкендорф, но известно, что Царь признал правоту Поэта. «Годунов» увидел свет в конце декабря 1830 года в авторской редакции. Уместно сказать, что произведение печаталось в отсутствие Пушкина; этим делом занимался его друг В.А. Жуковский. Будучи чрезвычайно осторожным, можно даже сказать, «властибоязненным», Жуковский внес некоторые переделки и сокращения, конечно же, не менявшие авторской концепции. Только в одном месте пушкинская мысль была искажена. В конце произведения у Пушкина, в сцене «Площадь перед собором в Москве», значилось: «Н а р о д. Да здравствует Царь Дмитрий Иванович!»

Появилось же совершенно иное, ныне хрестоматийное: «Народ безмолвствует». Подобная «инверсия» совершенно меняла смысл происходящего. Народ, который в реальности был деятельным участником событий, свергал Царя Фёдора, а потом радостно присягал Ажедмитрию, а потому и нёс историческую ответственность за свои действия, за происходящее. Пушкин это прекрасно чувствовал и понимал. Во втором же, «приглаженном», варианте «народ» превращался скорее в зрителя, созерцателя, жертву событий, а потому и должен был быть свободным от возмездия Проведения!

Здесь уместна ещё одна общеисторическая ремарка, так сказать, историографического свойства. В отечественной истори-

ческой традиции всегда было принято изображать Лжедмитрия как тёмного и аморального самозванца, как орудие враждебных Руси сил, проклятого и Церковью и памятью народной. Приведём выписку только из одного документа: Утверждённой грамоты об избрании на Московское Царство Михаила Федоровича Романова, составленной весной 1613 года, вскоре после призвания на Царство первого Царя из Династии Романовых. В ней говорится, что Лжедмитрий, бывший монах Чудова монастыря Григорий Отрепьев, есть «богоотступник и еретик», «которого в миру звали Юшкой», от Истинной Веры отвратился, обратился в «чернокнижество, ангельский образ отверг и обругал, и по наущению дьявола отступил от Бога»²⁸.

В литературе, среди авторов, кто специально занимался историей Лжедмитрия, достойно внимание умозаключение известного историка С.Ф. Платонова (1860—1933). По его словам, «он был очень некрасив: разной длины руки, большая бородавка на лице, некрасивый большой нос, волосы торчком, несимпатичное выражение лица, лишенный талии, неизящная фигура» — вот какова была внешность самозванца. Однако внешность для политического деятеля не главное. Главное же — его взгляды, дела и поступки. И здесь картина представлялась удручающей. «Брошенный судьбой в Польшу, умный и предприимчивый», он «понахвтался в Польше внешней “цивилизации” и кое-чему научился»²⁹.

Совершенно иную точку зрения постулировал историк Н.И. Костомаров (1817—1885). Одолеваемый русофобским комплексом, он создавал просто омерзительную панораму русского быта и государственного управления. В своей многотомной «Русской истории в жизнеописаниях её деятелей» самозванец представлен с явной симпатией. Это был деятель, который «русским внушал уважение к просвещению и стыд своего невежества». Даже внешность его рисовалась в нежно-умилительных тонах. «Он был статен, но лицо его не было красиво, нос широкий, рыжеватые волосы; зато у него был прекрасный лоб и умные выразительные глаза». Одним словом, Лжедмитрий был «лучом света» в русском царстве темноты, отсталости и жестокости³⁰.

Совсем иначе Костомаров описывал подлинного сына Иоанна Грозного — Царевича Дмитрия. По его мнению, это — маленький садист, обожавший смотреть, как режут кур, ненавидящий Бориса Годунова, страдавший эпилепсией и истерическим припадками; одним словом, истинный сын своего «отца-изверга» Иоанна Грозного³¹. Грозного же Костомаров ненавидел как личного заклятого врага и клеветал по его адресу без устали!

Гнусные клеветы «профессиональный историк» оглашал в православной стране, где погибший в 1591 году девятилетний Царевич Димитрий почитался святым с 1606 года. Его имя празднично возглашалась по всей стране трижды в год: в день рождения, день убийения и день перенесения мощей. Как же надо было не только не любить, но и просто не уважать русскую духовную традицию, веру миллионов сердец, чтобы сочинять непристойности! А ведь нечто подобное пишут по сю пору; появилась даже генерация «молодых дарований», взращенная на западных грантах, главная цель которых — лить грязь на Русский Дом. Бог им судья. Оставим в стороне русофобов всех мастей и всех времён и их пошлые вирши. Вернёмся к Пушкину, который искреннее любил Россию и никогда не клеветал на предков, хотя дела минувших дней далеко не всегда одобрял.

Тема Годунова привлекла Пушкина, во-первых, яркой драматургией эпохи, в которой раскрывались как все лучшие, так и все худшие человеческие качества. Он увидел здесь возможность предложить собственное видение происшедшего.

Была и ещё одна причина, не столько важная и существенная, но всё-таки повлиявшая на выбор сюжета Пушкиным: заметное участие в тех событиях одного из его предков — Гавриила, или, как его называли в нормах того времени, Гаврилы Пушкина. Это — подлинный исторический персонаж, который не раз появляется в драме Александра Пушкина, в том числе и в одной ключевой сцене: чтении «грамоты» самозванца в июне 1605 года народу, той грамоты, где авантюрист провозглашал себя сыном Царя Иоанна Грозного, предлагая москвичам присягнуть ему на верность.

Эту «грамоту» в Москву доставили от самозванца Наум Плещеев и Гаврила Пушкин и читали в разных местах, а 1 июня

1605 года на Лобном месте на Красной площади. Про Плещеева у Пушкина не говорится ни слова; главная роль в этом драматическом эпизоде отведена Гавриле, который и призывал москвичей признать «законного Царя». После этого в Москве поднялся мятеж, в результате которого был свергнут Царь Фёдор Годунов, вскоре затем и убитый.

Гаврила Пушкин (ок.1560—1638) принимал участие во многих и значимых событиях Русской истории начала XVII века. Впервые в документах он упомянут в 1579 году, когда женился на Марье Мелентьевне — дочери Василисы Мелентьевой, считавшейся одно время сожительницей Царя Иоанна Грозного. Здесь необходимо сделать одно пояснение. Пресловутая Василиса проходит в различных сочинениях и как «Мелентьева» (фамилия) и как «Мельентьевна» (отчество). За исключением именитых представителей, обычные роды в XVI веке фамилий в нынешнем понимании ещё не имели.

Эта самая Василиса ко времени начала сожительства с Грозным числилась вдовой дьяка Мелентия, который звался Ивановым, так как его отца звали Иваном. Вот у этой-то вдовы и была дочь Мария (Марья), ставшая женой Гаврилы Пушкина, которая, являясь дочерью Мелентия Иванова, должна была числиться Ивановой. Может, благодаря этой связи, а может быть, и нет, Гаврила впервые выполнял поручение Первого Царя Иоанна Грозного уже в 1581 году, когда в звании стрелецкого сотника доставил царскую грамоту в Ругодив (Нарву).

Возвышение Гаврилы Пушкина началось в 1605 году, когда он, состоя воеводой в Белгороде, примкнул к стану Ажедмитрия и вызвался доставить в Москву его послание. За оказанную услугу самозванец сделал Гаврилу «великим сокольничим³² и думским дворянином³³». Затем Пушкин занимал разные должности и исполнял поручения и при Василии Шуйском, в заговоре против которого он состоял, а после свержения несчастного Царя Василия I и при других правителях. Его имя значилось и под грамотой Московской Думы о необходимости приглашения на Царство старшего сына Польского Короля (Речи Посполитой) Сигизмунда III (1566—1632, Король с 1587 года) Королевича Владислава (1595—1648).

В 1830 году А.С. Пушкин в стихотворении «Моя родословная» написал:

Смирив крамолу и коварство
И ярость бранных непогод,
Когда Романовых на Царство
Звал в грамоте своей народ,
Мы к оной руку приложили...

Александр Сергеевич был совершенно прав. Его предок «руку приложил» и играл довольно заметные роли при Царе Михаиле Фёдоровиче. В качестве думного дворянина он в 1614—1615 годах был воеводой в Вятке, в 1618 году ему был поручен Челобитный приказ, в 1619 году он — товарищ боярина Бориса Михайловича Лыкова, начальника Разбойного приказа. В 1626 году Гаврила Пушкин был отпущен Царем в деревню в своё поместье, где жил оставшиеся годы, приняв перед смертью монашеский постриг.

В драме А.С. Пушкина выведен и ещё один персонаж под его родовой фамилией, некий «боярин Афанасий Пушкин». Это вымышленный герой, которого нет у Н.М. Карамзина и которого не только не обнаруживается среди предков Александра Сергеевича, но его вообще не существовало. В описываемые годы здравствовал думный дворянин Евстафий Михайлович Пушкин, но никак не боярин, служивший с 1601 году в далекой Сибири и даже косвенного участия в событиях не принимавший.

Не существовало в действительности и приспешника самозванца «князя Курбского», который при переходе русско-литовской границы обуреваем желанием отомстить за отца, который теперь «утешится во гробе». Вот отец-то этого придуманного героя, который погибает во время столкновения воинства самозванца с царским войском, как раз был хорошо известен. Князь А.М. Курбский (1528—1583) — один из самых, если и не самый, одиозный предатель за всю историю. Он предал Россию, бросил семью, детей и с мешком наворованного золота в 1564 году бежал в Польшу. Здесь он верой и правдой начал служить извечным русским врагам и даже участвовал в

военных кампаниях против Руси! Князь-изменник трижды в эмиграции был женат и в третьем браке имел сына Дмитрия (род. 1582), который был провинциальным польским шляхтичем, истинным католиком и никакого отношения к истории с Лжедмитрием не имел.

Драма «Борис Годунов» начинается со сцены в кремлевских палатах, где беседуют два видных аристократа: князь Шуйский и князь Воротынский. Оба принадлежали к самому высокому родословному кругу. Василий Иванович Шуйский (1552—1612) вел его от Рюрика, а Иван Михайлович Воротынский (ум. 1627) от князя Черниговского и Великого князя Киевского Михаила Всеволодовича (1179—1246), убитого по приказу хана Батыя (1208—1255)³⁴ в Орде за отказ поклониться языческим идолам и в 1547 году причисленного к лику святых.

Пушкин точно установил и время этой беседы: 20 февраля 1598 года. Момент был переломный. Уже больше месяца прошло после смерти Царя Фёдора Иоанновича, государство обезглавилось, а Борис Годунов, шурин Царя Фёдора, последние годы фактически управлявший делами государства, отказывался «идти на Царство». Он удалился в Новодевичий монастырь, куда ещё раньше ушла и вдова Царя Фёдора Царица Ирина — родная сестра Бориса Годунова.

Пушкин сразу обрисовывает и характеры своих первых персонажей. Иван Воротынский предстаёт в образе честного служаки, в то время как князь Василий Шуйский — сплошная интрига и клятвопреступление. Ему ясно, в чём он и убеждает Воротынского, что упорство Бориса Годунова — только игра, которая скоро кончится, а потом тот «принять венец смиренно согласится». Это точка зрения Н.М. Карамзина, которую Пушкин и озвучивает устами князя Шуйского. Воротынского всё ещё одолевают сомнения и страхи за судьбу страны, но Шуйский бескомпромиссен: Годунов — лицемер и лицедей.

Здесь же, на первых страницах пушкинской трагедии, возникает и имя Царевича Дмитрия (Димитрия). О том, что царскородный ребёнок был умерщвлён по приказу Годунова, об этом сообщил опять Шуйский. Воротынский поражён, но он не может не верить собеседнику, так как именно тот по царско-

му повелению расследовал «углическое дело» в 1591 году. Но обвинений такого рода никем тогда не выдвигалось. «Полно, точно ль Царевича сгубил Борис?» — вопрошает Воротынский. И тогда Шуйский озвучивает аргументы, которые четыреста лет служат доказательством «злодеяния» Бориса Годунова. «Весь город был свидетель злодеянья; все граждане согласно показали; и возвратясь, я мог единым словом изобличить сокрытого злодея».

«Весь город» знал о факте злодеяния, но не имел, конечно же, никакого представления о том, что к делу как-то причастен Годунов. Воротынский оказался в недоумении; выходило, что совершено великое злодеяние, а Шуйский знал истинного погубителя, но солгал, скрыв его имя. Его последующий вопрос вполне уместен: «Зачем же ты его (Бориса Годунова. — А.Б.) не уничтожил?» Действительно, ведь скажи Шуйский правду гласно, то Годунов не только бы «отлетел от власти», но, может быть, и головы лишился!

Далее последовало исповедальное признание Шуйского, которого не было ни у Карамзина, ни у кого-то другого, но которое отразило пушкинское понимание ситуации, где лицедеем оказывался как раз не Борис Годунов, а именно Шуйский. Он уверял, что Борис его «смутил спокойствием, бесстыдностью неожиданной, он мне в глаза смотрел как будто правый, расспрашивал, в подробности входил, и перед ним я повторил нелепость, которую мне сам он нашептал». Подобное откровение выглядело несуразно, что и отразила реплика Воротынского: «Не чисто, князь». Дело действительно представлялось «нечистым», учитывая, что Шуйский официально и публично заявлял, что Царевич зарезался сам, без посторонней помощи.

Затем последовал самооправдательный монолог Василия Шуйского, раскрывающий со всей очевидностью блестящее знание Пушкиным человеческой природы, его умение заглянуть в черную бездну человеческой души и вынести на поверхность, на свет Божий, то, что там таилось. Князь начал уверять, что он не мог иначе поступить, что Царь Фёдор Иоаннович на всё смотрел «очами Годунова, всему внимал ушами Годунова». В этом была доля правды (о том писал и Н.М. Карамзин), но не вся правда.

Царь Фёдор Иоаннович, вопреки и Карамзину, и некоторым другим историкам, совсем не был ни «слабоумным», ни «безвольным». Простить убийство своего сводного брата он никогда бы не смог, так как утаённое преступление, — это отступничество от Бога, это преступление перед Ним. Полное же и беспредельное благочестие Царя Фёдора никогда бы не позволило этого сделать.

В конце монолога Шуйский всё-таки выставляет причину, так понятную по всем человеческим меркам: он боялся, боялся за свою жизнь. Прямо этого он не сказал и, как природный интриган, облек своё признание в декоративную форму. «Не хвастаюсь, а в случае, конечно, никакая казнь меня не устршит, я сам не трус, но также не глупец и в петлю лезть не соглашуся даром».

Пушкин как будто лично был знаком с Шуйским, так уверенно, так убедительно и исторически достоверно представлен образ князя, который на своём веку только и делал, что лицемерил, лгал и отступничал. Он и Бога не боялся, а потому не раз переступал через крестную присягу, клятву на Кресте. На Руси эта была высшая, абсолютная форма выражения правдивости, честности и верности. Воротынский, который куда в большей степени, чем его собеседник, ощущал свою ответственность перед Богом, был сокрушён. «Ужасное злодейство», — вымолвил он. Теперь ему стало понятно, почему Борис Годунов так долго упирается от принятия Царского венца, так как «кровь невинного младенца ему ступить мешает на престол».

Шуйский мог торжествовать, он обольстил именитого князя, а потому решил произнести разоблачительную речь о Борисе Годунове, ставя ему в главную вину «незнатность рода». Тут Пушкин попал, что называется, «в десятку». Ему самому было хорошо известно, как в его время, в «век политеса и куртуазы», представители высшего света, многие из которых были лишены не только талантов, дарований и заслуг, но и вообще каких-либо добродетелей, кичились «знатностью рода». Двумя с лишним столетиями ранее подобная кичливость, родовая спесь, с которой так беспощадно и в конечном счёте безрезультатно, боролся Иоанн Грозный, носила ещё более вопиющие формы. Здесь

корень всей драматургии, связанной с Лжедмитрием, со всеми предательствами бояр и вообще «именитых людей». Ясно было как день: что бы ни делал Годунов, какие бы решения ни принимал, никогда такие, как Шуйский, не признают его первенства, не станут ему «верноподданными». Ведь Годунов «вчерашний раб, татарин, зять Малюты, зять палача и сам в душе палач» — по аттестации Шуйского.

Здесь Пушкин пропустил одну интересную деталь, может быть, потому, что Карамзин о том не упомянул. Ставя в упрек Годунову, что он «зять Малюты», интриган-князь забыл о том, что его «любезный» младший брат Дмитрий Иванович Шуйский (1560—1612) был женат также на дочери Малюты Скуратова (ум.1573) ³⁵ — Екатерине. Так что чванливый Шуйский то же оказывался родственником «палача» — Малюты Скуратова.

В первом действии, в указанном диалоге двух родовитых исторических персонажей, Пушкин сумел диагностировать страшную болезнь средневековой Руси: патологическое самомнение, родовую гордыню «званных и именитых», тех, кто близко стоял к кормилу власти, а порой ею и распоряжался, но кто думал только о своих «исторических правах» и готов был тешить фамильную спесь любыми способами, даже если они не только не отвечали нуждам государства, но им и противоречили. Годунов «не ровня нам», и «мы имели право наследовать Фёодору» — вот резюме той беседы, которая имела место в драме Пушкина между Воротынским и Шуйским.

Это был сильнейший импульс, формировавший неприятие Годунова ещё до того, как он занял престол. Пушкин очень точно передал настроения родовитого боярства, которое устами Шуйского выразило бытующие в этой среде намерения: «Когда Борис хитрить не перестанет, давай народ искусно волновать, пускай они оставят Годунова...»

Воспрепятствовать восшествию на престол Бориса они никак не могли: в тот момент он был первым среди прочих, шурин благочестивого, христоролюбивого Царя Фёдора, его знали и ценили те, кто не имел «родословия от Рюрика», или, как выразился Шуйский у Пушкина, «Рюриковой крови». Именитые же затаились и решили начать ту интригу против Бориса,

которая обернулась в конечном итоге преступлением против Родины. Они начали исподволь распространять слухи и слухи, которые должны были дискредитировать Бориса Годунова. Никто из историков не установил «исходный рубеж» начала этой противогосударственной деятельности, а Пушкин назвал точную дату: 20 февраля 1598 года³⁶, день согласия Бориса Годунова принять монарший венец. Думается, что он был прав, хотя, конечно же, никто с фактурной точки зрения ни подтвердить, ни опровергнуть этого не сможет. Пушкин был великим художником, а законы художественного творчества и исторического исследования не есть одно и то же.

Когда толпы народа во главе с Патриархом со слезами на глазах молили, рыдали и умоляли принять престол и Борис Годунов согласился, то прочие «природные» вельможи не могли не испытать досады. Почему он, а не я? Почему ему такие почести, почему ему поют осанну, славословят, хотя «мой род» именитее, а мы теперь должны служить этому «татарину»? Думается, что именно эта уязвлённая гордыня и родила, как сейчас бы сказали, «грандиозный проект», название которого «Ажедмитрий». Не имея шансов одолеть Годунова в честном противостоянии, они прибегли к недопустимым средствам, которые вызвали последующие отречения и клятвопреступления.

Всё остальное — роль польских магнатов, монахов-иезуитов и покровительство римских пап — только политические и общеисторические «виньетки», декоративный антураж. Корень же всей этой преступной эскапады находился в России, и А.С. Пушкин точно это почувствовал и выразил. Много позже известный историк С.М. Соловьев (1820—1879), вооружённый мощным эмпирическим знанием, заключал, что на пути к престолу родовое боярство встретило крепкого противника — Бориса Годунова, для которого надо было изыскать такое «орудие, которое было бы так могущественно, чтобы свернуть Годунова, и в то же время так ничтожно, что после легко было бы от него отделаться и очистить престол для себя»³⁷. Таковым «орудием» и стал Ажедмитрий. Пушкин гениально предчувствовал и поэтически выражал ту подоплеку событий, которую Соловьев диагностировал «сухим слогом» историка...

Фактически все эти слуги, служки и восхвалители «чудом спасавшегося Царевича Димитрия» бросили вызов Богу, так как отвергли все нормы и каноны не только государствоустояния, но и Церкви. И в числе главных отступников находился «именитый Рюрикович» — князь Василий Иванович Шуйский, которого Пушкин в своей драме устами князя Воротынского называет «лукавым царедворцем».

Может показаться странным, но в трагедии Пушкина нет главного героя, проходящего через весь сюжет. Общее количество действующих лиц превышает восемь десятков, но это многолюдье совершенно не умаляет остроты и выразительности драматического произведения. Самому Борису Годунову уделено не такое уж значительное внимание, как может показаться: он появляется только в шести сценах из двадцати трех. Его антипод Ажедмитрий фигурирует чаще: в девяти картинах.

Наличествуют только два героя, которые проходят так или иначе, зримо или незримо, через всё сочинение: это образ убиенного Царевича Димитрия и один неперсонифицированный герой, которого Пушкин обозначает как «народ», напрямую выступающий в шести сценах. Как очень удачно выразился в своё время философ, критик и известный славянофил И.В. Киреевский (1806—1856), главным «предметом трагедии» является не лицо, но «целое время, век»³⁸.

В контексте данного исследования особо интересно, как Пушкин представляет Бориса. Образ этот не нарисован темными красками; в некоторых случаях чувствуется даже авторская симпатия. Главный персонаж появляется только в четвертой сцене, которая разворачивается в кремлевских палатах. Действующие лица здесь — Борис Годунов, Патриарх Иов, бояре. События происходили уже после принятия Годуновым царского венца. Годунов представлен умным, тихим и смиренным; не испытывающим радости от своей новой роли. Скорее наоборот, он напуган, его гнетут безрадостные мысли. «Сколь тяжела обязанность моя!» — восклицает новый Царь.

Пушкин прекрасно понимал, что царская участь — это не только власть, но и неимоверно сложная ноша служения людям, стране, Богу. Обращаясь к боярам, Царь восклицает: «От вас я

жду содействия бояре, служите мне, как вы ему (Царю Фёдору Иоанновичу. — А.Б.) служили, когда труды я ваши разделял, не избранный ещё народной волей». Затем он отправляется в Архангельский собор «поклониться гробам почивших властителей России». Вечером же назначается грандиозный пир, куда следует допускать всех: от вельмож «до нищего слепца; всем вольный вход, все гости дорогие». Он же избран «народной волей», а потому все слои населения и должны разделить праздник нового воцарения.

Одним из узлов пушкинской трагедии является ночная сцена в Чудовом монастыре, сцена пятая, где впервые появляется образ Григория Отрепьева. Пушкин поставил тут и дату: 1603 год. Этот был год, как считалось, начала восхождения самозванца, время превращения бывшего монаха в исторически заметную фигуру. Именно тогда чернец бежит в Польшу и там впервые возникают разговоры о чудом спасшемся Царевиче Дмитрие. Если же быть достоверно точным, то следует заметить, что слухи эти имели куда более давнюю историю, а отступник, монах-расстрига Григорий, бежал на Запад значительно раньше. Однако подобные хронологические мелочные придирки к художественному произведению, конечно же, предъявлять невозможно.

В этой сцене присутствует и другой персонаж — седовласый старец, склонившийся над летописью. В черновом варианте драмы он был назван «летописцем Пименом», а в окончательном — «отцом Пименом». Это монах Чудова монастыря (Чуда архангела Михаила)³⁹ — одной из самых высокочтимых на Руси обителей, который занимается составлением летописи. Он представлен, с одной стороны, как хранитель исторической памяти, а с другой — как смиренный, беспристрастный мудрец и провидец. Собирательный образ благочестивого старца позволил Пушкину соединить в единый поток ушедшее и настоящие время, показать их неразрывную смысловую связь.

Автор приводит кое-какие сведения о прошлом Пимена. Хотя мирское имя его неизвестно, но упоминается, что в молодые лета тот принимал участие во взятии Казани (1552 год), воевал с литовцами и «видел двор и роскошь Иоанна» (Иоанна

Грозного). «Я долго жил и многим наслаждался», — признаётся Пимен. Из хронологических данных следует, что Пимену в 1603 году было не менее семидесяти лет. И во время Пушкина, а уж тем более в более ранние эпохи это считалось глубокой старостью.

Именно от лица Пимена ведётся рассказ об Иоанне Грозном и его правлении, который молодой монах впитывает с жадным вниманием. Пушкин в этой сцене очень точно обнажает психологическую драму Грозного, обязанного быть нелицеприятным земным правителем, твёрдым до жестокости, но в то же время стремившего быть угодным Богу. В этом кратком описании Пушкин оказывается выше Карамзина, представляя судьбу Иоанна Грозного именно как великую трагедию. Отягощенный мирскими заботами и мирскими грехами, душа Царя рвалась в монастырскую обитель, туда, где душа могла обрести покой в молитвенном общении с Богом, а потому он многие годы мечтал принять постриг. Пимен рассказывает будущему самозванцу, что видел именно в той келье, где они находятся, Грозного Царя, обливающего слезами перед лицом честных монахов и дающего своего рода обет уйти к ним в обитель. В конце своего рассказа Пимен подытоживал: «Так говорил державный Государь, и сладко речь из уст его лилася — и плакал он. А мы в слезах молились, да ниспошлет Господь любовь и мир его душе, страдающей и бурной».

Сцена в монастырской келье начинается общими размышлениями Пимена, которые в современных понятиях можно было бы назвать историософскими. Там есть следующий пассаж:

Да ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу,
Своих царей великих поминают
За их труды, за славу, за добро —
А за грехи, за тёмные деяния
Спасителя смиренно умоляют.

Пушкин очень точно выразил не просто «русское мировоззрение», а именно русско-православный взгляд на историю

Отечества. Подобное народное восприятие власти многие десятилетия, если не сказать, столетия, начиная с Н.М. Карамзина, фактически игнорировалось отечественной исторической наукой, сизмальства возвращенной в антихристианской, европоцентричной системе координат и понятий. Потому историки, образно выражаясь, постоянно «ломали голову» над тем, почему же Иоанн Грозный, которого «профессиональные знатоки прошлого» бесконечно судили и обличали, вынеся ему беспощадные уничижительные вердикты, почему этот Царь, вопреки заключениям многих историков, не стал кровавым пугалом в сознании народном. За сорок лет его безраздельного господства на Руси (1544—1584) против него не только не было ни одного восстания или бунта, но и потом, по прошествии лет и десятилетий, он пользовался почти повсеместным уважением, что и отразил эпитет «Грозный», означающий правителя грозного, но справедливого и христолюбивого. Историки указанную, как казалось, странную дилемму так и не могли решить. Всё объяснил А.С. Пушкин.

В сцене в монастыре есть и ещё одна важная сюжетная линия, которая напрямую уже касается непосредственно Бориса Годунова. Пимен повествует о Царевиче Дмитрие (Димитрии), точнее говоря, о дне его гибели 15 мая 1591 года в Угличе. Волею судьбы Пимен оказался в том месте в тот трагический день. Далее идёт описание, почти полностью повторяющее изложение Н.М. Карамзина. Да как же могло быть иначе; никаких других исторических трактатов в тот период не существовало.

Пришел я в ночь. На утро, в час обедни,
Вдруг слышу звон, ударили в набат.
Крик, шум. Бегут на двор царицы. Я
Спешу туда ж — а там уже весь город.
Гляжу: лежит зарезанный Царевич;
Царица мать в беспамятстве над ним,
Кормилица в отчаянии рыдает,
А тут народ остервеняясь волочит
Безбожную предательницу-мамку...

В общем и целом эта картина соответствует и последующим историческим описаниям. Со времени Карамзина и до наших дней каких-либо принципиально новых документов в обращении не появилось. В смысловом отношении чрезвычайно важен следующий фрагмент:

Вдруг между их, свиреп, от злости бледен,
 Является Иуда Битяговский.
 «Вот, вот злодей!» — раздался общий вопль,
 И вмиг его не стало. Тут народ
 Вслед бросился бежавшим трём убийцам;
 Укрывшихся злодеев захвати
 И привели пред тёплый труп младенца,
 И чудо — вдруг мертвец затрепетал —
 «Покайтесь!» — народ им завопил:
 И в ужасе под топором злодеи
 Покаялись — назвали Бориса.

Итак, причастность Бориса Годунова к убийству Цесаревича удостоверяют два лица: Шуйский и летописец Пимен. Подробный разбор всего «угличского дела» будет впереди. Пока же необходимо прояснить несколько моментов, касающихся упомянутых героев. «Иуда Битяговский» — это дьяк⁴⁰ Михаил Битяговский, правитель земской избы в Угличе, заведовавший дворцовым хозяйством вдовы Иоанна Грозного Марии Нагой. Разгневанной толпой он был умерщвлён («заброшен камнями»). В момент гибели Царевича Битяговского рядом не было, но это ничего не меняло, так как многие современники, о чём сообщают летописные сказания, именно на него возлагали главную вину. Кроме Битяговского, в тот же день толпа учинила кровавый самосуд ещё над несколькими лицами, служившими при дворе Марии Нагой. Был убит сын Михаила Битяговского Данила, его племянник Никита Качалов и сын мамки («постельница и нянька») Цесаревича Василисы Волоховой — Осип. В горячке стихийного «возмездия» было умерщвлено не менее двенадцати человек.

Пушкин, воспроизводя схему событий по Н.М. Карамзину, невольно оказался в том же заданном сюжетном тупике, что и «последний летописец». Казалось бы, «Иуда Битяговский» хоть теоретически мог явиться исполнителем воли «коварного Бориса», который как первый боярин ведал назначением всех служилых людей, в том числе и Битяговского, служившего до Углича помощником воеводы⁴¹ в Казани. Но причём здесь все остальные «злодеи», которые «под топором» сделали страшное признание. Все они к Борису Годунову никакого отношения не имели, и если и слышали о нём, то вряд ли когда близко видели. Но законы художественного жанра в данном случае одержали верх над документальной основой. Следует присокупить ещё, что мамка Василиса Волохова, та самая «безбожная предательница-мамка», была следственной комиссией Шуйского полностью оправдана. Она служила постельницей ещё при Иоанне Грозном, а после его кончины последовала за его вдовой Марией Нагой в Углич, где выдала свою дочь за племянника Битяговского Никиту Качалова. Убийство её зятя Никиты и сына Осипа, дружки детских игр Цесаревича, — всего лишь безумный акт человеческой злобы. Однако вернёмся к Пимену и «чернецу Григорию».

Пимен чувствует, что подходит жизнь к земному пределу, а труд его завершается: «Ещё одно последнее сказанье — и летопись окончена моя, исполнен долг, завещанный от Бога». Он хочет передать потомкам то, что видел, слышал и знал о днях минувших, и надеется, что «брат Григорий» продолжит его занятия. «Тебе свой труд передаю», — закончил седовласый старец. Сцена как раз и завершается патетическим монологом будущего самозванца, который совершенно не собирается становиться тихим и неприметным летописцем; он мечтает о том, чтобы сделаться орудием мести Божией.

Борис, Борис! Всё пред тобой трепещет,
Никто тебе не смеет и напомнить
О жребии несчастного младенца, —
А между тем отшельник в темной келье
Здесь на тебя донос ужасный пишет;

И не уйдешь ты от суда мирского,
Как не уйдёшь от Божьего суда.

Следующая краткая, шестая сцена происходит в палатах Патриарха и сводится к диалогу игумена Чудова монастыря и Патриарха. Здесь приводятся те туманные сведения об истинном происхождении самозванца, которые были весьма туманными и для Карамзина, но таковыми остаются они и поныне.

Действие разворачивается тогда, когда слух о Ажедмитрии уже достиг Москвы и стал темой пересудов. Игумен сообщает подробности биографии «сосуда дьявольского» — Гришки Отрепьева, который возгласил, что «будет Царём на Москве». Игумен привел те данные, которые были на тот момент добыты, ставшие основой биографии Ажедмитрия в изложении Карамзина. Имя игумена Пушкиным не названо, но, очевидно, это был Пафнутий, который должен был прекрасно знать Отрепьева. Пафнутий потом принимал активное участие в событиях Смуты и был сторонником Романовых.

Игумен сообщал, что Григорий был из рода Отрепьевых, в миру звали Юрием, или Юшкой, из Галича, «смолоду постригся неведомо где», жил в Суздале в Спасо-Евфимиевском монастыре⁴², оттуда ушел, «шатался по разным монастырям», наконец, прибил к «моей чудовской братии», а я «отдал его под начал отцу Пимену». Он «весьма грамотен: читал наши летописи, сочинял каноны святым». А теперь он «убежал». Этот момент является как бы той камертоновой точкой, когда начинается моральное противостояние между тенью Царевича Димитрия и Царём Борисом Годуновым.

Борис Годунов представлен в драме в последние период своего правления; на то указывает особая ремарка из седьмой сцены. «Шестой год я царствую спокойно», — говорит о себе Царь Борис. Он добился всего, о чём можно было мечтать, и даже более, но душа его была неспокойна, счастье на земле он не обрёл. Обычно когда пишут о Борисе Годунове, то говорят о «трагедии совести». Подобная светская трактовка не совсем точна.

Совесь — голос Правды, голос Божий в душе человеческой. Замечательно об этом написал Отец Церкви святой Иоанн Зла-

тоуст (ок. 347—407). «Нет между людьми ни одного судьи, столь неусыпного, как наша совесть. Внешние судьи и деньгами подкупаются, и лестью смягчаются, и от страха потворствуют, и много есть других вещей, которые извращают правоту их суда. Но судилище совести ничему такому не подчиняется... И это делает совесть не однажды, не дважды, но многократно и во всю жизнь, и хотя прошло много времени, она никогда не забывает сделанного, но сильно обличает нас и при совершении греха, и до совершения, и по совершении»⁴³.

Нет никаких указаний на то, что А.С. Пушкин когда-нибудь читал творения Иоанна Златоуста, но его понимание принципиально не отличается от формулы великого Подвижника Христианства. Совесть — это моральный суд человека за грехи свершённые или только за их помыслы.

«Ни власть, ни жизнь меня не веселят; предчувствую небесный гром и горе. Мне счастья нет», — признаётся Царь Борис. Что же гнетёт «Самодержца всея Руси»? Пушкин приводит обширный монолог Царя, раскрывает внутренние переживания повелителя огромной страны, то есть даёт голос герою, который в истории голоса был лишён и современниками, и потомками. Все говорили или от его имени, или за него, и только Пушкин-художник отважился предоставить слово самому Борису Годуну. И сразу обрисовывается великая трагедия власти, ноша которой оказывается столь тягостной, порой непосильной, а результаты — ничтожны. Все годы правления Годунов был полон намерения править честно, благочестиво, нести людям спокойствие и благополучие. И действительно, немало сделал добрых дел. Но ничего не получилось, не сумел он завоевать любви народной. «Я думал свой народ в довольстве, во славе успокоить, щедротами любовь его снискать». Но всё оказалось тщетным. «Живая власть для черни ненавистна, они любить умеют только мёртвых».

При этом Александр Сергеевич так убедителен, так выразителен, сумел найти такие краски и тона, что невольно проникаешься сочувствием к его герою. Конечно, Пушкин был в плену, так сказать, «багажа исторического знания»; он не мог документально и фактурно постичь нюансы времени. Здесь он

почти полностью доверяет Н.М. Карамзину, озвучившему немало слухов и сплетен, которые плодили как соотечественники, но особенно иностранцы и которые наш «мэтр» выдавал за «исторические факты». В данном случае это касается такого момента, как смерть Царицы Ирины, вдовы Царя Фёдора Иоанновича и родной сестры Бориса Годунова, принявшей постриг и ушедшей в монастырь, которую тот, по слухам, якобы коварно «отравил». Пушкин очень удачно предваряет упоминание об этом вымысле репликой Царя: «Кто ни умрёт, я всех убийца тайный...»

Так называемое «отравление Ирины» — вымысел чистой воды, какового у «последнего летописца» немало, хотя он это не утверждал наверняка, а как бы озвучивал гнусность как «слух». Карамзин ведь «по первому призванию» был «литератором», а потому вольно или невольно, но его исторические экзерциции окрашены художественными фантазиями. Конечно, Карамзин не имел некоей сверхзадачи специально представить Царя Бориса в своей эпопее «русским Каином», но его личная морально-психологическая установка нередко доминировала над фактурным материалом, а потому оценка всех, почти всех, исторических героев оказывалась сугубо и заведомо пристрастной...

Думы и переживания Годунова в седьмой сцене наполнены тягостными предчувствиями. Не только нелюбовь подданных его угнетает; его волнует будущее своих детей, которое не представляется безоблачным. Он прекрасно понимает, что его царский венец неизбежно сотворит им нелёгкую судьбу. Вообще, Царь показан Пушкиным нежным и заботливым отцом, и его чадолюбивость невольно вызывает симпатию. Тёплым внутрисемейным отношениям специально посвящена первая часть десятой сцены, происходящей в царских палатах. Царь очень печалится об участи своей любимой дочери Ксении, о тяжелой ее доле:

В невестах уж печальная вдовица!
Всё плачешь ты о мертвом женихе.
Дитя моё! Судьба мне не сулила

Виновником быть вашего блаженства
Я, может быть, прогневал небеса
Я счастье своё не мог устроить.
Безвинная, зачем же ты страдаешь?

Этот внутренний монолог Бориса предваряет мизансцена, когда Ксения целует портрет умершего жениха, произнося грустную эпитафию. И если вся драма написана белым стихом, то данный фрагмент изложен прозой. «Милый мой жених, прекрасный королевич, не мне ты достался, не своей невесте — а тёмной могилке на чужой стороне. Никогда не утешусь, вечно по тебе буду плакать». В этом месте необходимы важные исторические ремарки.

Если принять утверждение, что кара Божья за грехи родителей настигает и детей, то один из самых страшных случаев в отечественной истории — это участь детей Бориса Годунова. Как уже упоминалось, сын вместе с матерью были убиты 10 июня 1605 года. Сыну шел только семнадцатый год!

Дочь же Ксению ждала ещё более страшная участь: брат и мать были убиты на её глазах, а её, молодую и красивую, сделал свой наложницей негодяй Лжедмитрий, то есть обесчестил, о чём знала вся Москва! Существует исторически необоснованная версия, что Ксения якобы пыталась отравиться, но её насильно спасли от смерти, чтобы оставить для утех самозванца⁴⁴. Современник тех событий дьяк приказа Большого прихода⁴⁵ Иван Тимофеев (ок. 1555—1631) написал о Ксении, что Лжедмитрий, «без её согласия, срезал, как недозрелый колос». Пять месяцев дочь Царя Бориса была наложницей самозванца, который затем её «одел в монашеские одежды»⁴⁶. Остаток своих лет, очень долгих лет — она преставилась в 1622 году, Ксения прожила в монастырской обители, закончив свои земные дни в облике благочестивой инокини Ольги во Владимирском Княгинином монастыре.

Несчастья стали преследовать бедную Царевну Ксению ещё задолго до смерти отца. Пушкин не случайно вложил в уста Бориса выражение: «В невестах уж печальная вдовица». Она овдовела буквально накануне свадьбы...

Когда отец взойшёл на престол в 1598 году, Ксении исполнилось шестнадцать лет; это была пышущая здоровьем, статная и розовощёкая девица, и все современники отмечали её несомненную красоту. Она уже была в том возрасте, когда надо было думать о замужестве. Отец, получив новое, царское достоинство, хотел, чтобы у дочери появился суженый не из числа подданных, даже самых родовитых, а из круга именитых иностранцев. Иными словами, он хотел равнородного, но не морганатического брака. В этом смысле Годунов намеревался сломать старую традицию Московского царства, так как за более чем столетний период такого на Руси ещё не было.

Последний раз подобное случилось в 1472 году, когда Великий князь Московский Иоанн III Васильевич (1440—1505) вторым браком женился на греческой принцессе Софии (Зое) Палеолог (1455—1503) — племяннице последнего Императора Константиновской империи (Византии) Константина XI Палеолога, погибшего в 1453 году при захвате Константинополя (Царьграда) турецкими полчищами. Был ещё один пример, теперь уже явно неудачного брачного союза: Иоанн III в 1494 году выдал свою дочь Елену (1476—1513) за Короля Польши и Великого князя Литовского Александра Ягеллона (1461—1506). Рассказы о мучениях католиками несчастной Елены Иоанновны потом долго на Руси передавались из уст в уста, а уверенность в том, что её отравили злобные иезуиты, была всеобщей.

С тех пор все правители на Руси и их дети никаких матримониальных уз с иностранными династиями не имели. Борис Годунов вознамерился сломать традицию, а потому уже в 1598 году был найден европейский претендент на руку дочери, сын Шведского Короля Эрика XIV — принц Густав Шведский (1568—1607). Швед не имел никакого состояния, но, по словам Н.М. Карамзина, «знал языки... много видел в свете, с умом любопытным и говорил приятно». Царь встретил принца, действительно по-царски, передал ему в удел Калугу с тремя волостями «для дохода». Но принц не оценил радушия Бориса Годунова; проводил дни в праздности и пирах и даже пригласил к себе давнюю любовницу — некую Екатерину, дочь хозяина гостиницы из Данцига. Терпение Царя истощилось, мысль о браке

была похоронена, но Густаву дозволили остаться в России, и он умер в Кашине, под Москвой, в 1607 году.

Вторым женихом Ксении должен был стать двоюродный брат Императора Священной Римской империи Германской нации Рудольфа II (1552—1612) — Максимилиан-Эрнст (1558—1618). Переговоры были долгими и сложными, Максимилиан колебался, хотя Годунов предлагал ему в управление (удел) Тверское княжество и даже обещал сделать его в дальнейшем Королем Речи Посполитой (Польши). Однако Царь выдвигал одно условие: муж дочери должен жить в России. К тому же Максимилиан был католиком, а Ксения православной, а между этими конфессиями существовало полное отторжение; случай с Еленой Иоанновной на Руси не был забыт. В итоге «династическая сделка» не состоялась.

Третьим претендентом на руку Ксении стал принц Иоанн Шлезвиг-Гольштейнский (1583—1602), сын Датского Короля Фредерика II (1534—1588), тот самый пушкинский «Иоанн королевич», с которым дело почти дошло до свадьбы. Накануне венчания царевна Ксения поехала на богомолье в Троице-Сергиев монастырь, а в это время принц совершенно неожиданно скоропостижно скончался в Москве (28 октября 1602 года). «Я дочь мою мнил осчастливить — как буря, смерть уносит жениха», — горюет отец. К слову сказать, смерть датского принца бесстыжая молва тоже приписывала Годунову, обвиняя в «отравлении»...

Пушкин выводит в своей драме на авансцену и сына Царя Бориса — Царевича Фёдора. Он возникает в кратком эпизоде общения отца и сына. Автор сопровождает описание замечанием: «Царевич чертит географическую карту». Эта деталь не была случайной. Фёдор Годунов вошёл в историю России не только как правитель с самым коротким периодом правления (всего 49 дней), но и как автор фактически первой географической карты России⁴⁷. Отрок с гордостью показывает почти завершённый свой труд и объясняет отцу, что обозначено на листе:

Чертёж земли московской; наше царство
Из края в край. Вот видишь: тут Москва,

Тут Новгород, тут Астрахань. Вот море,
Вот пермские дремучие леса,
А вот Сибирь.

Самодержец восхищен и произносит монолог о полезности и важности обучения и знании разных наук, так как «когда-нибудь, и скоро, может быть», сын примет «под свою руку» правление над державой. Пасторальная сцена общения отца и сына прерывается приходом влиятельного сановника — троюродного брата Царя боярина Семёна Годунова, управлявшего делами сыска и дознания. Этот Годунов после воцарения Ажедмитрия будет по его приказу убит.

Семён Годунов сообщит Царю неприятное известие: поступили доносы дворецкого Василия Шуйского и слуги Гаврилы Пушкина. Указанные лица показали, что из Кракова прибыл тайно гонец, общался с господами и отбыл вскорости обратно. Воля Царя была выражена тотчас: «Гонца схватить». Стало известно так же, что у Шуйского накануне вечером состоялось собрание, на котором присутствовали влиятельные лица: бояре Милославские, Бутурлины, Михаил Салтыков и Гаврила Пушкин, «а разошлись уж поздно».

Самодержец немедленно вызывает для показаний Шуйского. Далее следует диалог между Монархом и главным боярским интриганом, которого исторические документы не засвидетельствовали, но который вполне мог иметь место. Шуйский прекрасно понимает, что Борис наверняка проведал о вчерашних событиях — прибытии гонца и о собрании в его палатах, — и решает предвосхитить вопросы, делая важные признания: был посланец из Кракова, сообщивший, что в Кракове появился самозванец, провозгласивший себя Царевичем Димитрием. Итак, имя прозвучало, событие объявлено. Неизвестно, от кого именно Годунов узнал о начале Ажедмитриады, возможно, что и от Шуйского.

Приведённый в этой сцене диалог Царя и вельможи полон психологического напряжения. Царь озадачен, обескуражен, кровь прильнула к лицу, он понимает, что нависла угроза всему, чем он дорожил, угроза, которая ещё ему в жизни не встреча-

лась. Даже когда он находился при дворе Иоанна Васильевича (Грозного), который был скор на расправу, поводом к которой могло стать что угодно, то и тогда он знал, что делать и как надо было себя вести. Теперь же он того не ведал. Борис Годунов прекрасно понимал, как падка толпа на слухи, как легко можно увлечь чернь пустыми словами и богатыми посулами. Шуйский сказал, что простонародье «питается баснями» и, конечно, он прав. Тут же возникло у властителя желание принять экстренные крутые меры: перекрыть границу, «чтоб ни одна душа не перешла за эту грань; чтоб заяц не прибежал из Польши к нам».

Когда первые эмоция отхлынули, Борис Годунов стал говорить, что ему не может угрожать какой-то простой смертный. Ведь он Царь законный, избран всенародно, «увенчан великим Патриархом». Смешно, да и только! Но Шуйский не смеялся. Царя это обстоятельство озадачило, и тогда он приступил к допросу боярина, ведь именно он был «послан на следствие» по делу смерти Царевича Димитрия Иоанновича в 1591 году. Царь хочет знать все мельчайшие подробности того давнего дела и главное, заклиная Шуйского «крестом и Богом»: «Узнал ли убитого младенца и не было ль подмены». В случае же лужавства Царь обещает Шуйскому и его семье такие кары, такие казни, что Иоанн Васильевич Грозный «от ужаса во гробе содрогнётся». И родовитый собеседник дал Царю свидетельские показания:

И мог ли я так слепо обмануться,
Что не узнал Димитрия? Три дня
Я труп его в соборе посещал,
Всем Угличем туда сопровождаемый.
Вокруг его тринадцать тел лежало,
Растерзанных народом, и по ним
Уж тление примерно проступало,
Но детский лик Царевича был ясен
И свеж и тих, как будто усыплённый;
Глубокая не запекалась язва,
Черты ж лица совсем не изменились.

Нет, государь, сомненья нет: Димитрий
Во гробе спит.

Повествование боярина несколько успокоило растревоженную душу Монарха. Отослав Шуйского, он предаётся своим размышлениям. Ему стало понятно, почему «тринадцать лет мне сряду всё снилось убитое дитя». Но неизбежно возникал вопрос: кто «грозный супостат»? Ответа пока ещё не было, но Годунов предчувствовал, что он вскоре появится. Уже в состоянии успокоения Царь Борис заключает:

Безумец я! Чего ж я испугался?
На призрак сей подуи — и нет его.
Так решено: не окажу я страха, —
Но презирать не должно ничего...
Ох, тяжела ты, шапка Мономаха.

Ни в этой сцене, ни в последующих, вообще нигде в драме не говорится о том, что Годунов инспирировал смерть Царевича Димитрия или что он вообще намеревался сжить со света младшего сына Иоанна Грозного. Пушкин подобного злоумышления в делах и мыслях своему герою не приписывает. Здесь он склоняется перед документом; здесь художник становится смиренным рабом его. Хорошо было Шекспиру; он создал вымышленную реальность, а потому все его Гамлеты и Макбеты могли действовать, мыслить и поступать согласно воле автора. Английский драматург имел возможность писать их биографии на чистом листе. У Пушкина же такой возможности не было; задача у него куда сложнее. Контур портрета был начерчен не им, а Историей. Его главные действующие лица подлинные, о них известно только то, что известно, а переступать этот рубеж ни в коем случае нельзя. Великий русский художник этого и не делал.

В драме наличествует и ещё один обличитель Монарха, который появляется в семнадцатой сцене, названной «Площадь перед собором в Москве». Здесь говорят, судят о событиях, передают слухи, обсуждают последние новости простолюдины,

не имеющие сценических имен. Среди этой толпы находится и некий юродивый, весьма чтимый москвичами. Присутствие его нельзя назвать случайным; подобных людей всегда на Руси было немало. Многие из них были весьма почитаемы православными, так как человек, во имя Бога отринувший всё земное, подвергающийся истязаниям грешную человеческую плоть, а потому и лишенный обычных человеческих слабостей, есть угодник Божий; он овладел величайшей христианской добродетелью — смирением. Ибо как было сказано Спасителем: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное»⁴⁸.

Среди многих подобных подвижников веры на Руси в вечной памяти остался московский юродивый Василий (1469—1557), которого нарекли «блаженным»⁴⁹, что означало «счастливый», память коего Церковь всегда чтит 2 августа. С его именем связано множество чудотворений и провидческих предсказаний и сам Иоанн Грозный трепетал перед Василием. Когда тот представился 2 августа, то Царь с боярами нёсли его одр, а Митрополит Московский и всея Руси Макарий совершал погребение на кладбище Троицкой церкви, «что во рву», там, где и возник Покровский собор. В 1588 году Царь Фёдор Иоаннович приказал устроить в Покровском соборе придел во имя Василия Блаженного и соорудить для его мощей серебряную раку. С тех пор самый замечательный храм-памятник русской архитектуры носит имя Василия Блаженного и является бесспорной доминантой, украшающей Красную площадь в Москве.

Юродивых было немало и во времена Царя Бориса. С одним из них, по имени Николка, и встретился Самодержец, когда оказался на площади, «перед собором». Вполне возможно, то был именно собор Василия Блаженного, который в то время блистал во всей своей неповторимой красоте. Под сенью этого благолепия Бориса Годунова и настигла нежданно-негаданная кара. Николка пожаловался Царю, что его дети обижают, отняли у юродивого копейку. Повелитель тут же распорядился «подать ему милостыню», а потом поинтересовался: «О чём он плачет?» Ответ поверг всех собравшихся в трепет: «Вели их зарезать, как зарезал ты маленького Царевича». Свита тут вознегодовала, хотела выгнать и наказать «дурака». Миропомазанник повел

себя иначе. Распорядился оставить в покое юродивого, а на прощание изрёк: «Молись за меня, бедный Николка».

Сцена чрезвычайно важная для понимания того, что положение Бориса становилось час от часу всё более шатким. Слово юродивого — более значимо, чем мнение лицемера Шуйского или тихого смиренного черноризца Пимена, звучавшее в боярской палате или монастырской келье. Устами юродивых, как то точно знали на Руси, глаголет Истина; так Господь нередко говорит с «людьми христианскими». Потому возглас маленького и внешне несчастного человечка сподобился грому небесному. Теперь появилось и третье мнение — третье, самое весомое обличение, напрямую связывающее Царя Бориса с убийством несчастного Дмитрия. Это уже был глас народа, где подобное суждение имело широкое распространение.

В пушкинском произведении Годунова постоянно гнетёт воспоминание о погибшем младенце, что невольно вызывает предположение, что именно он каким-то образом повинен в гибели Царевича. А как же иначе объяснить, почему Провидение обрушило на Бориса Годунова и на его семейство жесточайшие муки, которые иначе как наказанием или возмездием и объяснить невозможно. Пушкин же прекрасно знал историю конца Династии Годуновых и кратко описал это в своей драме. Но чего он не знал, а что узнали почти через сто лет его потомки-соплеменники, так это то, что бывают в истории примеры гибели благочестивых, морально совершенных коронованных особ. Речь идёт о Последнем Царе Николае II и Царице Александре. В этой связи уже возникает просто библейская проблема не личного греха и воздаяния, как в случае с Борисом Годуновым, а о наказании целого народа за богоотступничество. Но это уже другая тема...

Тень маленького Дмитрия невольно омрачает все последние месяцы жизни Царя. Эта тень, воплотясь в образе какого-то самозванца, превратилась в угрозу не только лично Борису, но и всему русскому миропорядку. Подобная историческая коллизия отражена в пятнадцатой сцене, названной «Царская дума». Самодержец, повелитель огромной страны, совещается с ближними боярами по поводу страшного бедствия, угро-

жающего стране. Происходящее просто не укладывалось в голову:

Возможно ли? Расстрига, беглый инок
На нас ведёт злодейские дружины,
Дерзает нам писать угрозы!..
Бунтовщиком Чернигов осаждён...

Происходило нечто непредставимое, на Руси никогда не бывшее: похороненный тринадцать лет назад ребёнок воскрес из гроба и собрал войнство, представлявшее серьезную опасность безопасности державы.

Здесь Пушкин обнажает очень большую, серьезную и, надо прямо сказать, болезненную тему о русском самозванчестве. Была эта историческая проблема чисто русская, или это явление мирового порядка? Конечно, подобное явление встречалось и в других странах и в другие времена, но думается, что для последних веков это — уже по преимуществу русская проблема. Этому феномену посвящены специальные научные изыскания, к которым и отсылаем всех интересующихся⁵⁰.

Пушкину пришлось в своём творчестве ещё раз близко прикоснуться к проблеме самозванчества, когда писал «Историю пугачевского бунта», увидевшую свет в 1834 году и посвященную восстанию 1773—1775 годов. Там тоже был бунт, тоже был самозванец Емельян Пугачев, выдававший себя за убиенного в 1762 году супруга Екатерины II Петра III.

Оставим далеко в стороне психиатрическую сторону проблемы, разнообразные маниакальные синдромы и психозы, которые заставляют людей верить в себя как воплощение неких исторических персонажей. В данном случае нас занимает два вопроса. Один частный — верил ли сам пресловутый самозванец в свою царскородность? Пушкин однозначно не верил, а его герой-самозванец прямо признается будущей своей жене Марине Мнишек (1588—1614), что Царевич Дмитрий «давно погиб, зарыт и не воскреснет», а он всего лишь «бедный черноризец». Пушкин в этом моменте обостряет ситуацию до крайности, заставляя Ажедмитрия заниматься самобичеванием перед

лицом обожжаемой невесты: «Обманивал я Бога и царей, я миру лгал...»

Гришка Отрепьев просто разоблачает себя, представляясь крупным по замыслу, но довольно заурядным авантюристом, как то и было на самом деле, мечтающим об успехе, славе, власти и деньгах. В данной же сцене молодой человек жаждет исключительно того, чтобы Марина полюбила его не за знатное происхождение и царские перспективы, а за его естество. Когда же выясняется, что гордая полька имела ледяное сердце, что она намеревается выйти замуж только за царского сына и совсем не готова на общественное самоотречение во имя любви, то настроение Лжедмитрия резко меняется. Он оскорблен, что его признания не вызвали сердечного отклика в душе Марины. Тогда он повторяет, как заклинание: «Тень Грозного меня усыновила, Димитрием из гроба нарекла, вокруг меня народы возмутила и в жертву мне Бориса обрекла». Как азартный игрок он будет играть до конца, хотя в итоге на карту может быть поставлена и его собственная жизнь, но выбора у него уже нет.

Отношения Григория и Марины — романтическая история, а именно романтизм был так популярен в литературе и поэзии в век Александра Сергеевича. Сейчас бы подобную историю могли назвать «приключенческим триллером»....

Вопрос второй куда более масштабен, социален и судьбоносен: почему наши предки так легко, так безоглядно доверялись различным проходимцам, авантюристам и шарлатанам, выдававшим себя то за Царевича Димитрия, то за Царевича Алексея (убиенного сына Царя Петра I), то за Императора Александра I, «ушедшего с престола», то за младшую Дочь Николая II Княжну Анастасию, то ещё за кого-то? Одних только известных Лжедмитриев было трое, и всегда вокруг них группировались толпы приспешников! В общей сложности в XVI, XVII и XVIII веках счет самозванцев на Руси шел на десятки. Конечно, верили фантастическим химерам далеко не все и не всегда, даже в самом известном случае — с Лжедмитрием I, но неизбежно находилось большее или меньшее количество «людей православных», принимавших всерьез подобные исторические фантомы. Внятного и

убедительного ответа на поставленный выше вопрос нет до сих пор, хотя «точки зрения» и «мнения» существуют...

Годунов не представлен в драме злодеем, так как истинный злодей не ведаёт мук совести. Уже в первых сценах это морально надломленный и физически больной человек; Пушкин не раз пишет о том, что Борис «покраснел», что ему «кровь ударила в голову». В знаменитом же монологе Царя в шестой сцене говорится:

Как молотком стучит в ушах упрёк,
И всё тошнит, и голова кружится,
И мальчики кровавые в глазах...
И рад бежать, да некуда...ужасно!
Да, жалок тот, в ком совесть нечиста.

Ясно совершенно, что у Годунова серьёзные нелады со здоровьем, что, как сейчас бы сказали, у него «проблемы с сердечно-сосудистой системой», которые в конце концов и свели его в могилу: он умер ведь от апоплексического удара. Физическое состояние Царя несомненно ухудшали «муки совести», а выражение — «и мальчики кровавые в глазах» — давно вошло в обиходный язык как метафорическое выражение нравственных мучений людей с уязвлённой совестью. Потому так часто эти «кровавые мальчики» ассоциировали с убийством Царевича Димитрия, хотя если внимательно изучить пушкинский текст, то подобной подноготной там нет. Автор использовал один из вариантов псковского диалектического выражения — «мальчики в глазах», что означает «рябит в глазах». В подобной транскрипции Годунов признаётся не в злодеянии, а сетует на своё болезненное состояние. К тому же слово «кровавый» совсем не означает обязательно «окровавленный»; его с полным правом можно воспринимать в качественно иных смысловых значениях: «багровый», «цвета крови», «красный»...

Кульминацией в пушкинском повествовании о Борисе Годунове является двадцатая сцена, разворачивающаяся в Москве в царских палатах. Тут автором специально смещены хронологические ориентиры; он же создавал не летопись событий, а

представлял драму человека, раздавленного ношей Царского венца. Начинается она с известия о том, что Ажедмитрий и его воинство потерпели полный разгром при столкновении с царскими войсками под командованием князя Ф.И. Мстиславского. Событие имело место 21 января 1605 года при Добрыничах⁵¹. Царь у Пушкина уже знает о том, но понимает, что настоящей победы нет, что пройдёт время и негодяй соберет новую рать и будет снова и снова посягать на священные основы власти. Самозванец ведь, по словам Бориса, «именем ужасным ополчён».

Царь чувствует, что подошёл к пределу земного бытия. В этот момент, когда надо думать о высоком и вечном, о грядущей встрече с Богом, перед Которым предстоит держать ответ, мысли его покорены всё ещё земными тяготами. Да, видно, был слишком милостив к подданным, многое и многое прощал, а надо было давить, гнать, сечь и жечь, да так, чтобы «верноподданные» дух перевести не могли. Так делал Иоанн Грозный, а как его почитают в народе до сих пор!

Нет, милости не чувствует народ:
Твори добро — не скажет он спасибо;
Грабь и казни — тебе не будет хуже.

Пушкин так проникновенно выстраивает свое повествование, так рельефно и трепетно воссоздаёт ситуации и внутренние переживания действующих лиц, что порой невольно кажется, что он был участником — очевидцем событий и что именно ему главные исторические герои высказывали свои сокровенные мысли и чувства. В этом раскрывалось замечательное качество историзма, которым в полной мере был наделён Александр Сергеевич и которое так редко встречается у других творцов. Потому пушкинские воссоздания картин и характеров так убедительны; он не заменяет документ личными фантазиями, а художественно дополняет его.

С потрясающей выразительностью воспроизведена картина последних мгновений жизни Самодержца, когда среди придворных началась паника после того, «как он на троне сидел и

вдруг упал — кровь хлынула из уст и из ушей». При последних проблесках угасающей жизни Борис Годунов просит всех удалиться и оставить его наедине с сыном. После этого следует обширный монолог умирающего, отразивший представления Годунова в интерпретации Пушкина. Ничего подобного, конечно же, никакие свидетельства той поры до нас не донесли. Завещание Годунова, содержащее изложение философии власти, которое умирающий отец заповедует сыну, — реконструкция обстоятельств, вышедшая из-под пера русского творческого гения, лично переживавшего давно минувшее время, глубоко чувствовавшего коллизии эпохи, понимавшего людей её.

Я подданным рождён и умереть
Мне подданным во мраке б надлежало;
Но я достиг верховной власти... чем?
Не спрашивай. Довольно: ты невинен,
Ты царствовать теперь по праву станешь,
Я, я за всё отвечу Богу...

Отец, осознавая свою греховность, стремится отгородить сына от всех жизненных проявлений, которые назывались греховными. «Я, я за всё один отвечу Богу», — то ли шепчет, то ли выкрикивает умирающий Самодержец вся Руси. Нет, он, и только он примет все отступничества от Воли Божией на себя, а сыну мир, чистоту и благорасположение хочет оставить, чем только милость Всевышнего и можно заслужить. Он прекрасно знал и понимал, что Волей Всевышнего не только нельзя управлять, но Она для человеческого ума вообще непостижима. И были примеры — сколько их! — когда дети наказывались за деяния родителей. То и из Писания известно, да и из истории давней и недавней, свидетелем которой он сам был.

Время нынешнее представлялось чрезвычайно опасным. Русь, как море бурное, всколыхнулось, вспенилось, и на поверхности, в этой самой пене, вертится и крутится грязь мирская и разные непотребства донные. Борис, вооруженный знанием, опытом, наделённый волей, мог успокаивать, усмирять подоб-

ную страшную стихию. «Я с давних лет в правленье искушенный, мог удержать смятение и мятеж».

Как то будет делать Фёдор, отрок, вчерашний ребёнок, который слишком мал и слишком неопытен! Хотя Борис после воцарения брал сына — ему только минуло девять лет — на заседания Боярской Думы, где обсуждались все важнейшие вопросы государственной жизни, и на встречи с послами иных государей, но что дитя в том могло уразуметь? Он ещё не ведает греха как проявления самохотения человеческого, он ещё не замарал ни тело, ни, главное, душу — чувствами, настроениями и желаниями неблагочестивыми. Но, с другой стороны, как просто, вооружившись только благопожеланием, снисхождением и смирением, обмануться в жизни, принять ложь за истину, а свет за тьму. Как легко можно не заметить или простить то, что прощению на земле не подлежит. Эта тяжелая «азбука жизни», и Борис совсем не был уверен, что сын его овладел в должной мере. И со всей силой искренней отцовской любви Борис взывает к сыну: «О, милый сын, не обольщайся ложно, не ослепляй себя ты добровольно».

Сам Борис прошел долгий путь, видел, знал, перечувствовал и пережил многое и многих. Его жизненные учения стоили дорого: сколько раз приходилось молчать, приспособливаться, лицемерить, угодничать, чтобы сохранить жизнь и положение, чтобы добиться житейских выгод. О каком тут благочестии говорить! Даже в монастырях, сколько разных нехорошестей происходит; сам то видел, да и другие рассказывали. А ведь там братья и сестры, ушедшие от мира, там только пост и молитва, там встреча с образом Божиим каждый миг и на каждом шагу. А что же про мирские дела говорить! Тут кругом только притворство, корысть, себялюбие и так мало чистоты и бескорыстной и высокой подлинности. Помнил Борис хорошо, того и забыть невозможно, как великий и грозный Царь Иоанн, который к нему самому мирволил, разуверился на склоне лет в людях, как мало кому он доверял в изолгавшемся мире и как потому он был одинок и несчастен.

Да и он сам кому может доверить первостепенное дело, кому он может поручить мудрое попечение о своём сыне, которому уже в юных летах предстоит принять венец повелителя державы.

Умных немало, хотя бы тот же «ближний боярин» Шуйский. А вот преданных? Что у них, у царских приближённых, на уме, о том один Бог ведаёт! Всех государственных мужей Годунов знал наперечёт. Некоторые при нём возвысились, а другие, такие как Василий Шуйский и другие из того рода, с давних времен обретались в Царских теремах; или службы исполняли, или какие-то личные дела обделывали. Уж считай сто лет минует, как род Шуйских всё время около высшей власти крутится. Многих из них знал лично Годунов, о других был наслышан. И самый, пожалуй, «свой» — это Василий Шуйский. Они же с Борисом одногодки, им обоим уже за полвека перевалило, а это ведь время мудрости.

Никогда Борис не замечал в Василии поползновений чрезмерных, никогда он не подозревался в том, что хотел бы захватить царский венец. Этот боярин был одним из первых, кто зимой приснопамятного 1598 года, после смерти благочестивого Царя Фёдора Иоанновича назвал преемника — Бориса Годунова. Со слезами на глазах умолял Бориса, чуть ли не в ногах валялся! Обращаясь к сыну, отец не только вопрошал, но и наставлял:

Но, ты молодой, неопытный властитель,
Как управлять ты будешь под грозою
Тушить мятеж, опутывать измену?
Но Бог велик! Он умудряет юность,
Он слабости дарует силу... слушай:
Советника, во-первых, избери
Надёжного, холодных зрелых лет,
Любимого народом — а в боярах
Почтенного породой или славой —
Хоть Шуйского...

Отец дал сыну самый неподходящий совет; но ведь и выбора у него по-настоящему и не было. В своей предсмертной агонии Борис Годунов рекомендует в качестве «надёжного советника», человека действительно чрезвычайно умного и расчётливого, но хладнокровного и со лживой душой, измена которого в кон-

це концов и решила судьбу юного Фёдора Борисовича. Именно он 1 июня 1605 года перед возбуждённой толпой скажет с Лобного места на Красной площади слова о том, что «Борис послал убить Дмитрия, но Цесаревича спасли; вместо него погребён попов сын». Это был приговор Годуновым, который разгневанная чернь «разного роду» и привела в исполнение. Да и все остальные именитые бояре, «почтенные породой или славой», изменили и обрекли на гибель и молодого Царя, и его мать-царицу, став соучастниками неимоверного злодеяния — Цареубийства.

Чрезвычайно показателен следующий фрагмент царского наставления, раскрывающий, с одной стороны, понимание Пушкиным психологии верховной самодержавной власти, а с другой — миропонимания и психологии подвластных, то, что сейчас могли бы назвать проявлением «менталитета народа»:

Не изменяй течение дел. Привычка —
 Душа держав. Я ныне должен был
 Восстановит опалы, казни — можешь
 Их отменить; тебя благословят,
 Как твоего благословляли дядю,
 Когда престол он Грозного принял.
 Со временем и понемногу снова
 Затягивай державные бразды.
 Теперь ослабь, из рук не выпуская...
 Со строгостью храни устав церковный...

Бурная и яркая жизнь Бориса Годунова завершалась. Пришли бояре и Патриарх. Последние слова Бориса Годунова, обращенные ко всем: «Простите ж мне соблазны и грехи и больные и тайные обиды. Святой отец, приблизься, я готов». Под рыдание близких Патриарх совершил обряд пострижения; мир земной покидал не строгий и величественный Царь, а смиренный инок под именем Боголеп. Душа Царя Бориса отошла ко Господу...

Сцена кончины Бориса Годунова выдержана в сдержанных тонах. Здесь нет нарочитой патетики, страстной экспрессии, хотя, казалось бы, какие возможности тут открывались для

творческой фантазии. Достоверных известий об этом моменте не сохранилось. Известно только, как Борис Годунов начал этот роковой день — 13 апреля 1605 года, закончившийся для него смертью «около трёх часов пополудни» (15 часов). Что происходило в преддверии смерти повелителя в Царских палатах — об этом, как говорится, «история умалчивает». Есть слухи и суждения, возникшие через годы и десятилетия.

Сама же фабула невольно завораживала и давала материал для буйного воображения: грозный тиран, отягощенный страшным преступлением — убийством невинного царскородного отрока, перед смертью, когда всё земное теряет всякое значение, должен был очистить душу публичным покаянием. Но этого не происходит; монолога венценосного злодея не существует. Пушкин же не писал трагедию «на манер греческой», он создавал русское эпическое полотно, строго документированное во всех главных событийных коллизиях. Потому Царь Борис просит простить его «за соблазны и грехи», за вольные или невольные «обиды». В этот не было ничего необычного: русские православные люди испокон веков перед кончиной просили прощения у всех за грехи и прегрешения. И Царь Борис Годунов покидал земные пределы как обычная душа христианская...

Последние три сцены пушкинской драмы лишены особой значимости и драматизма. Всё главное уже свершилось. Теперь только краткие исторические зарисовки, заканчивавшиеся убийством Фёдора Борисовича, его матери и торжеством Ажедмитрия. Не прошло и семи недель, как бояре клялись на кресте в верности Царю Фёдору, а теперь все дружно стали на сторону самозванца. В Русской истории начался период Кровавой Смуты...

Глава 2. ПРАВДА ПЕРВОПАТРИАРХА...

О Борисе Годунове немало сказано, написаны специальные монографические исследования⁵², однако этот образ всё ещё слишком неясен и туманен. Подобное положение вряд ли и изменится; сохранились только те документы, которые со-

хранились, а основная их часть вышла из кругов противников Царя Бориса I. На появление каких-то новых свидетельств и материалов надежды практически нет никакой.

Если говорить резко и определённо, то можно резюмировать: Борис Годунов как личность остаётся исторической загадкой. Несмотря на многочисленность умозаключений и описаний, сам по себе этот человек в истории выглядит как молчаливо-мрачная или, если мягче сказать, невзрачная фигура. И не более того. Он родился в 1552 году, стал Монархом в 1598 году, умер в 1605 году, то есть прожил 53 года, из которых о 46 годах, до самого воцарения, известно чрезвычайно мало. О некоторых периодах биографии, исчисляемых десятилетиями, не известно вообще ничего. В этом отношении данный случай не есть какое-то историческое исключение.

Скажем, что о такой выдающейся фигуре, как Равноапостольный Император Константин Великий (272—337), подлинных документов, свидетельств очевидцев сохранилось немного. Но у него был свой биограф, его духовный наставник — епископ Евсевий Кесарийский (263—340), которого называют «отцом церковной истории». Ревностный христианин, Евсевий восторженно приветствовал политику Императора Константина по христианизации Римской Империи, став апологетом Монарха, написав обстоятельные труды, навсегда оставшиеся лучшими свидетельства не только Христианской истории первых веков, но и личности Императора Константина⁵³.

В России был свой великий утвердитель Веры Христианской Равноапостольный Великий киевский князь Владимир Святославович, в крещении Василий (ок. 960—1015), который начал почитаться святым уже вскоре после упокоения. Именно это обстоятельство и привлекло пристальное внимание к Владимиру; о нём писали все летописцы, о нём слагались сказания, он стал одним из героев народных былин. Конечно, в этом апологетическом потоке было немало легендарного, недокументального; но все-таки это был поток, позволявший заниматься анализом множества документов как русского происхождения, так и зарубежного.

Или другой пример, напрямую уже связанный с биографией Бориса Годунова, — Первый Царь Иоанн Васильевич (Грозный) (1530—1584). Это вообще можно рассматривать как просто одиозный случай, когда почти вся историография показала свою полную беспомощность, а точнее говоря — заведомую тенденциозность. Имя Иоанна было обставлено плотным частоколом уничижительных характеристик и оценок, выдаваемых столетиями (!!!) за «факты». Самое удивительное, что почти все они при тщательной проверке оказывались только ярлыками и недобросовестными сплетнями, по большей части сочинёнными разного рода иностранцами, обретавшими на Руси⁴.

Да и наши доморожденные западолюбители немало на ниве дискредитации постарались; один только предатель А.М. Курбский (1528—1583) чего стоит. В 1564 году он предал Русь, бросил семью и с мешком золота бежал к ненавистнику Руси Польскому Королю Сигизмунду II (1520—1572). Затем князь многие годы клеветал на Первого Царя за границей, а эти клеветы до сих пор почему-то вызывают доверие!

Однако при всё при том сохранились документы, характеризующие Первого Царя, так сказать, «в прямом отражении»: его речи, «слова», послания, молитвы, стихиры. Если обратиться к этому ценнейшему комплексу источников, то все закорюченные и лживые историографические схемы рушатся сами собой. Проще говоря: «слово» самого Иоанна сокрушает многие злобные суждения о нём⁵.

В случае же с Борисом Годуновым ситуация совершенно иная. Он не был ни великим преобразователем, изменившим ход истории стран и народов, ни мощным правителем, создавшим мировую державу, как то было с Иоанном Грозным. К тому же его посланий и «слов» несоизмеримо меньше, чем в случае с Иоанном Грозным.

Царь Борис хотел править мирно, благочестиво, принести людям имущественное благополучие и государственное умиротворение. Он многого хотел, но малого добился. В какой степени это его личная вина, а в какой — «приговор Провидения» — обо всё этом пойдёт речь дальше. Пока же важно подчеркнуть, что в силу разного года исторических обстоятельств даже при нём

на Руси не сложилась «партия Годуновых»; партия не в смысле кланово-родового союза, а именно как некая общественная группа, отстаивавшая права, престиж и имя Сюзерена.

У него имелось мало искренних сторонников при жизни, а уж что говорить о ситуации после смерти! Потому о нём осталось чрезвычайно мало свидетельств, позволяющих провести «креативную» историко-психологическую реконструкцию этого исторического героя. Иными словами, о фигуре правителя известно немало, а вот о человек, о его внутреннем мире, о строе мыслей, психологических комплексов и реакций, обо всем об этом не известно практически ничего. Или лучше сказать: известно до обидного мало. Но даже мимо этого «малого» глаз многих сочинителей всех времен проскальзывал, не останавливаясь.

При этом просто удивительно, что многие авторы, писавшие о Годунове, неизбежно подозревают и приписывают ему различные помыслы, дела и намерения, которые ни на каких документах не основаны. Годунов «хотел», «стремился», «намеревался», «задумал», подобными определениями пестрят исторические работы. Никакой модальности; формулировки типа «возможно», «можно предположить», «вероятно» отсутствуют. Почти всегда только категорический императив.

В этой связи неизменно возникает «непопулярный» у историков вопрос: откуда сии «тайные намерения», вне зависимости от их свойства, известны авторам? Совокупность косвенных фактов? Но ведь их в большинстве, в подавляющем большинстве случаев можно трактовать по-разному. Почему же их часто преподносят так односторонне, только в негативной для Годунова интерпретации? Если говорить без обиняков, то почти все подобные «перлы» из авуара старых предубеждений, впитанных если уж и не «с молоком матери», то со школьной скамьи наверняка.

Вот, например, выписка из современного школьного учебника: «Годунов не прибегал к массовым казням, но беспощадно (?! — А.Б.) убирал соперников, а потом тайно организовывал (? — А.Б.) их убийства... В 1589 году Годунов помог своему ставленнику (?! — А.Б.), Митрополиту Иову, овладеть титу-

лом (? — А.Б.) Патриарха. Усилившаяся Русская Православная Церковь стала его прочной опорой». Имя автора подобных пассажей называть не требуется; важно обозначить стереотипы восприятия исторических реалий со стороны тех, кто занимается историческими изысканиями, а потом транслирует свои «обретения» широкой публике.

История с Первым Патриархом (с 1589 года) Иовом (ок. 1525—1607) давно служит объектом извращений. Начали эту кампанию по дискредитации Первопатриарха приспешники Лжедмитрия. Потом «вошли в царскую силу» личные враги Бориса Годунова: сперва — боярин и Царь Василий Шуйский. Потом — боярин Фёдор Никитич Романов (ок. 1554—1633), двоюродный брат Царя Фёдора Иоанновича и отец первого Царя (1613) из Династии Романовых Михаила Фёдоровича (1596—1613), ставший в 1619 году Патриархом Московским и всея Руси Филаретом. Из кругов и Шуйских, и Романовых ждать сколько-нибудь положительных отзывов о Царе Борисе и всех, кто его поддерживал, не было никакой возможности.

Когда же появилась «историческая наука», то её представители с каким-то восторженным самозабвением продолжили дело авантюриста Лжедмитрия и его шайки, повторяя облыжные обвинения, даже невзирая на то, что Патриарх Иов почитался в народе святым праведником! Дело здесь совсем не в узко религиозном восприятии ушедшей действительности. Если даже люди и не чувствуют Бытие Божие как объективную реальность, не относящуюся к какой-то далекой и неведомой «метафизике», а к окружающей жизни, даже и тогда они обязаны иметь не только уважение к чужой вере, но и понимать какие-то азбучные категории христианского мировосприятия.

В первую очередь это касается историков, которые описывают реальности Христоцентричного мира. Ведь святого в его избранничестве прославляет Господь; люди же только могут разглядеть это послание и воздать благодарственную хвалу Господу. Такой Подвижник Веры никогда не бывает сервильным, никогда на жизненном пути не домогается земных благ, привилегий, титулов и званий. Это совсем не путь святости; это — прямо противоположный путь. В богатой исторической

практике православно-христианского мира примеров, когда какой-то деятель Церкви служил и прислуживал кому-то из земных владык, делал, что называется, «карьеру», а затем обрел ореол святости, подобных примеров в длинной, сложной и бурной летописи Церкви просто не существует.

Святой всегда только и исключительно — раб Царя Небесного. Здесь зависимость полная и безусловная. Писать нечто обратное — это секулярная глупость или, что ещё хуже, антихристианский умысел. Только несколько пассажей из сочинений историков. Н.М. Карамзин называл Иова «малодушным», «усерднейшим и знаменитейшим» подручным Бориса Годунова⁵⁶, а Н.И. Костомаров — «пособником» и «верным слугою» Бориса Годунова⁵⁷.

Совершенно бездоказательные обвинения Иова в том, что он являлся «марионеткой» Годунова, бросают тень на Церковь, на Православие, оскорбляют веру миллионов. И такие измышления не должны оставаться незамеченными. Поэтому данный сюжет требует особого внимания.

Мысль о том, что Господь должен увенчать Русский Дом знаком Своего избранничества — Патриархом, зародилась ещё в XV веке, вскоре после падения мировой столицы Православия — Царьграда (Константинополя) в 1453 году. Эти представления отразил замечательный эпический памятник русской письменности — «Повесть о белом клобуке», или «Повесть о Новгородском белом клобуке». «Повесть», автором которой назывался посольский переводчик Димитрий Толмач, получила широкое хождение на Руси. Точное время создания произведения неизвестно, но обычно его датируют концом XV — началом XVI века.

В «Повести» рассказывается, что некогда Император Константин повелел изготовить для римского папы Сильвестра особый знак отличия, символ духовной власти — белый клобук, знак его церковного главенства. Из-за неблагочестия римских пап клобук этот перешел в Царьград. Вселенскому Константинопольскому Патриарху Филофею (ок.1300—1379)⁵⁸ было видение свыше, что Царьград скоро падёт и клобук надо передать на Русь, что и было исполнено.

В данном случае особо важен только один фрагмент «Повести»: «Царя же русского возвеличит Господь над всеми народами, и под власть его попадут многие из царей иноплеменных. Патриарший чин также будет передан Русской земле и своё время из этого царствующего града (Константинополя. — А.Б.). И прозовётся страна озарённую светом Россией, ибо Бог пожелал подобным благословением прославить Русскую землю, наполнить величием Православие и сделать её честнейшей из всех и выше всех прежних»⁹⁹.

Буквальная историческая достоверность всей этой истории в данном случае не имеет значения; важно только подчеркнуть, что идея переноса православного церковно-священнического центра на Русь возникла в русском сознании задолго до институционального утверждения Патриаршества. Она отражала русско-православное вселенское мировосприятие XV—XVI веков; только так и следует воспринимать указанную концепцию.

В 1547 году Иоанн Грозный принял титул Царя и венчался на Царство, а в 1562 году данный церковно-государственный акт был признан Вселенским Константинопольским патриархом Иоасафом II (1555—1565), приславшим в Москву особую, соборную грамоту, где и содержалось одобрительное определение православного синклита. Естественно, что в это время вопрос об учреждении второй, после царской, «небесной инсигнии» — Патриаршества — являлся вопросом первостепенной важности. Иоанну Грозному добиться этого не удалось, то произошло через пять лет после его кончины, при правлении его сына Фёдора Иоанновича в 1589 году.

Какова роль в этом грандиозном событии «первого боярина державы» Бориса Годунова? Она была бесспорна, в чём его великая заслуга перед Россией. Уже после учреждения Московского Патриархата, в соборном определении, присланном из Константинополя в Москву за подписью Вселенского патриарха, говорилось, что патриаршество учинено «по соизволению святого вашего Царя» и «по мольбам и просьбам Годунова».

Историк Церкви А.В. Карташев (1875—1960) написал: «Русские историки (Карамзин, Костомаров) при объяснении воз-

никновения русского патриаршества слишком много значения придавали честолюбию Бориса Годунова, проводшего своего ставленника Иова в митрополиты и затем украсившего его титулом Патриарха. Хотя и нельзя отрицать, что честолюбивый Борис Годунов, задумав перевести ослабевшую Династию Рюриковичей в русло своего рода, хотел закрепить в сознании народном своё грядущее воцарение мистикой именно патриаршего венчания, как и подобало действовать наследнику сана византийских царей всего Православия, но главная причина лежала глубже»⁶⁰.

Оставим без комментариев бездоказательные трюизмы «ставленник», «нельзя отрицать», «задумал», «хотел» и зададимся вопросом: а какой мало-мальски образованный русский человек, живя в Православном Царстве, «не хотел» увенчания государства и вторым знаком небесного избранничества — Патриаршеством? Оставим в стороне полемику по поводу частных и обратим внимание на заключительные слова приведённого пассажа известного церковного историка; они представляются совершенно верными. Русь, обрета Царство, для своего нового мирового самоутверждения желала обрести и другой Божественный институт — Патриаршество.

Очень подробно всю эту историю рассмотрел в своём монументальном труде по истории Русской Церкви Митрополит Макарий (Булгаков, 1818—1882). По его словам, «Русская Церковь, видимо, для всех выросла до того, чтобы быть ей совершенно самостоятельной и независимой отраслью Церкви Вселенской и стоять по крайней мере наравне с патриархами православными Церквями, если не впереди всех их»⁶¹. Понятно, что факт утверждения русского национально-церковного самосознания никакого отношения не имел к «хотениям» и «династическим интригам» Бориса Годунова.

В июне 1586 года в Москву прибыл Антиохийский Патриарх Иоаким V (1581—1582), которого встречали здесь с небывалым радушием. Это был первый визит одного из четырех восточных Патриархов на Русь. (Третий в диптихе Вселенской Православной Церкви, вслед за Константинопольским и Александрийским). По прибытии Патриарха принял Царь Фёдор Иоаннович,

который ранее советовался с боярами, говоря им: «А нам испросить (надобно) у Него милости, дабы устроил в нашем государстве Московском Российского патриарха, и посоветовать бы о том с святейшим Патриархом Иоакимом, и приказал бы с ним о благословении патриаршества Московского со всеми патриархами»⁶².

Затем Государь повелел своему шурину, конюшему⁶³ и наместнику Казанскому ехать к Патриарху и искать милости. Переговоры с Иоакимом вёл Годунов. Но Иоаким сразу дал ясно понять, что без согласия с другими патриархами, и в первую очередь со Вселенским (Константинопольским) Патриархом, он такого вопроса решить не может, но заверил, что он обязательно донесёт просьбу до собора Греческой церкви.

В этой связи Митрополит Макарий сделал единственно возможный в данном случае вывод, не оставляющий камня на камне от всех спекуляций по поводу «интриг Годунова». «Всё это (визит Иоакима. — А.Б.) происходило во дни Митрополита Дионисия⁶⁴, когда Иов был только архимандритом Ростовским⁶⁵, следовательно, совершенно произвольно известное мнение, будто собственно Борис Годунов задумал учредить патриаршество в России, чтобы возвесть в этот сан своего любимого митрополита Иова и тем ещё более привлечь его к себе для своих честолюбивых целей»⁶⁶.

Иоаким покинул Москву, нагруженный многочисленными дарами, и дело заглохло. Никто из четырёх Патриархов — Константинопольский, Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский — не горел желанием обрести нового, себе равного Предстоятеля. Однако положение на Востоке было столь сложным, если не сказать, трагическим, что выживать в мире исламской антихристианской ненависти без помощи внешнего «питателя» всего Православия — Руси — было практически невозможно.

Россия оставалась единственным православным государством на земле, единственным Государством-Церковью, где церковные законы и каноны являлись государственными законами и где никогда не забывали о бедственном положении своих братьев во Христе в дальних странах. Потому здесь постоянно

проявлялись разного звания просители с Востока, собиравшие «милостыню» и никогда не уезжавшие с пустыми руками. «Хотели» ли представители церковной иерархии восточных патриархатов или «не хотели» давать согласие на учреждение Московского патриархата, но получать помощь со стороны Руси и «не уважить» молитвенную просьбу её правителя они просто не могли.

Летом 1588 года в Москву «за пособием» прибыл Вселенский Константинопольский Патриарх Иеремия II (1530—1595, Патриарх с 1572 года). Патриарх оставался в Москве более года⁶⁷. В первые месяцы после прибытия тема Московского патриархата была одной из главных в переговорах, которые вёл со Святейшим Борис Годунов. Ход этих переговоров в подробностях неизвестен, но результат был положительным.

Первоначально Царь и его советники приглашали на Патриаршество Константинопольского Патриарха, так как Вселенский Патриарх должен пребывать там, где находится «единый во вселенной» Православный Царь. Участник этих событий, входивший в свиту Патриарха Иеремии, Арсений Елассонский⁶⁸ — греческий епископ, ставший позже русским архиепископом, — свидетельствовал: «Чрез несколько дней царь послал великого боярина своего, родного брата благочестивейший Царицы и Великой княгини госпожи Ирины, господина Бориса Годунова и великого государственного логофета господина Андрея Щелкалова к великому Патриарху. Явились они к нему с просьбою от имени Царя и всего его собора и великого Митрополита московского господина Иова, чтобы он остался в великой Москве, дабы именоваться Патриархом Московским и всей России и быть любящим отцом для царя и царицы. Весьма тронутый их приятными словами, Патриарх решился исполнить волю Царя, если бы ему не воспрепятствовали Монеувасийский⁶⁹ митрополит кир Иерофей, племянник Патриарха господин Димитрий, первый канонарх⁷⁰, Георгий логофет и Николай Аристотель из Афин, и, таким образом, они возвратились к Царю с великою печалью»⁷¹.

Только после того как Иеремия отклонил столь неожиданное и любезное приглашение, сославшись на то, что его кли-

рики подобного не одобряют, только тогда и возникла мысль о поставлении русского патриарха. Как писал Арсений Еласонский: «После немногих дней послал их Царь к Патриарху с просьбою к нему возвести великого митрополита Москвы кир Иова в патриаршее звание, достоинство и на кафедру. Патриарх, выслушавши, таким образом, с радостию принял просьбу Царя и решился исполнить её».

17 января 1589 года в Москве открылся Освященный собор, который позже именовали «Собором Великого росийского (с одной буквой «с». — А.Б.) и Греческого царства». На нем присутствовала вся русская церковная иерархия: архиепископы, епископы, многие архимандриты, игумены и соборные старцы. При начале собора за его ходом внимательно наблюдал Патриарх Иеремия, которому сообщали все подробности и который составил специальный чин патриаршего поставления, соответствующий тому, что соблюдался в Константинополе (Царьграде). Спрашивали Иеремию и о кандидатуре претендента. Иеремия ответил: «Возвести на Московское патриаршество того, кого изберёт Бог, и Пречистая Богородица и великие чудотворцы московские...»

23 января прошло общее собрание уже в присутствии и греческой иерархии во главе с Иеремией. Совместными беседами русские и греки избрали трёх кандидатов: Митрополита Московского Иова, архиепископа Новгородского Александра и архиепископа Ростовского Варлаама. Вся каноническая процедура поставления в патриархи соблюдалась неукоснительно.

Иеремия отправился с грамотой об избрании претендентов к Царю Фёдору Иоанновичу, которой его встретил в парадном зале Царского терема, окруженный боярами. Грамота была зачитана вслух, и из числа избранных Царь назвал имя Митрополита Иова. Такова ранее была процедура и в Империи Константина, которая потом соблюдалась и в Московском царстве. Узнав о своём избрании, Иов сказал: «Если меня, грешного, избрал святой Самодержец и Вселенский господин Иеремия со всем Освященным собором, я принимаю столь великий сан с благодарностью»⁷². 26 января 1589 года в Успенском соборе Кремля состоялось «поставление Иова в Патриархи», или интронизация.

Арсений Елассонский живыми красками описал финальный аккорд процедуры: «И после наречения и целования певцы пропели “Господи помилуй” и “Достоин” и, таким образом, совершился святой вход с Евангелием, поцеловавши святое Евангелие сначала Вселенский патриарх, а потом новый Патриарх Москвы и всей России, в сопровождении святейших патриархов и позади, по чину, архиереи, священники и все иеродиаконны. По окончании святой литургии все мы пошли в большой дворец, Царь, патриархи и все мы, священнодействующие, и бояре. Там за богатою трапезою Царя все мы пресытились различными яствами, которых я не в состоянии описать: замечу лишь только то, что за этою богатою трапезою не было и не видел я какого-либо серебряного или медного сосуда, но все сосуды этого стола были золотые: блюда, кубки, стаканы, чаши, подсвечники — все вообще из золота. Итак, услаждаясь брашнами и веселясь даже до вечера и поднявшись, с великою честью отправились домой патриархи и все находящиеся с ними, возблагодаривши Бога и помноголетствовав Царя».

Позже избрание Иова было одобрено соборами епископата в Константинополе в 1590 и 1593 годах, о чём в Москву были доставлены специальные грамоты. В Соборном определении говорилось: «Престолу благочестивейшего и православного града Москвы быть и называться престолом патриаршим, потому что оную страну Бог удостоил Царством...»⁷³

Русские летописцы потом непременно подчёркивали, что Иов стал Патриархом Московским и всея Руси не самочинно, не одной лишь местной властью, а по согласию и по решению Вселенской Церкви. «Приходил к Москве из Царьграда святейший Иеремия, Патриарх Вселенский, да с ним Терновский митрополит, архиепископ Елассонский, епископ Кизический и поставили в Московском государстве Иова на Патриаршество Московское и всея Руси» («Московский летописец»). «Патриарх Иеремия поставил с московскими архиепископами и епископами первого Патриарха Иова» («Новый летописец»).

Титулы новоизбранного Патриарха звучали велеречиво: «Святейший патриарх царствующего града Москвы и Великого

Российского царства», «Патриарх царствующего града Москвы и всея Руси».

Россия обрела впервые в своей истории Патриарха, что знаменовало новый этап и в жизни Церкви и в жизни государства. Иов стал по праву и иерархического статуса, и своего бесспорного благочестия первым Русским Предстоятелем. «Интриги Годунова» тут не могли играть никакой роли. Благочестие же какого-то лица нельзя утвердить словами, добиться признания угрозами и закулисными махинациями. Благочестие пастыря зримо и доступно всем для наблюдения и оценки.

Не мог быть неблагочестивым пастырь, наставлявший верных чад Православной Церкви: «Подобает нам всегда в заповедях Божественных ходить: не давать злым мыслям царствовать в сердцах наших. Будьте в заповедях Божиих и друг к другу благи и милосердны, якоже возлюбил нас Христос»⁷⁴. Святитель сам всегда жил в соответствии с этим постулатом, потому и остался в памяти народной праведным и нищелюбивым...

Бесконечные утверждения о том, что Иов был «ставленником Годунова», иначе как проявлением насилия над историческим материалом и назвать невозможно. Он был «ставленником» Церковного собора, Восточных патриархатов и благочестивого Царя Фёдора Иоанновича. То, что Годунов испытывал к нему «расположение», общей картины никак не меняло. К Святейшему многие испытывали и «симпатию», и «расположение», которые он завоевал многолетними трудами на ниве церковного служения.

Родился Иов (в миру Иоанн) в городе Старице на Тверской земле⁷⁵ около 1530 года и происходил из семьи посадских людей. Его мать впоследствии приняла монашество с именем Пелагии и являлась местночтимой подвижницей в Старицкой Вознесенской церкви. Первые духовные наставления Иоанн получил в Старицком Успенском монастыре, и именно там он обрел на всю жизнь любовь к монашескому житию. В отрочестве он и удался на учение в монастырь, где постигал грамоту и церковный чин. В 1553 году он решает полностью уйти из мира в обитель. Заметим попутно, что когда тверской отрок принимал постриг, то Борис Годунов ещё не имел и году от роду.

Как следует из Жития Святителя, основанного на предании, постриг Иоанна во имя многострадального Иова совершил архимандрит Герман (1505—1567), настоятель (1551—1555) Старицкой Успенской обители, у которого Иов и находился в послушании⁷⁶. Герман — замечательный подвижник Православия, позже ставший архиепископом Казанским и Свияжским, а по кончине прославленный в лике Святителя.

С молодости Иов поражал всех своими способностями: в совершенстве знал Священное Писание, а Евангелие, Апостол и Псалтырь помнил наизусть. Впоследствии пространные молитвы литургии Василия Великого и вечерни Пятидесятницы мог совершать по памяти. Знание Писания, монастырского устава и безукоризненное «похождение» монастырского послушания выдвинули монаха Иова из числа прочей братии. В 1566 году Иов становится игуменом обители. Он деятельно занимается украшением монастыря, строит величественную каменную трапезную с шатровой церковью во имя Введения во храм Пресвятой Богородицы⁷⁷.

Забегая вперёд, уместно подчеркнуть, что когда Патриарх Иов в июне 1605 года был изгнан из Москвы шайкой Лжедмитрия, то нашёл пристанище в своём родном Старицком Успенском монастыре, где через два года, 19 июня 1607 года, и преставился и где был первоначально погребён. В 1652 году его нетленные мощи, при которых совершалось множество чудес, были перенесены в Москву и погребены в Успенском соборе Московского Кремля.

В 1569 году Старицкий монастырь посетил Иоанн Грозный; умный и энергичный архимандрит ему явно понравился. Первый Царь любил и ценил таковых. Повелением Царя Иов в 1571 году переводится в Москву и определяется настоятелем сначала Симонова Успенского, а в 1575 году настоятелем царского Новоспасского (Ново-Спасского) монастыря. Эти обители относились к числу самых известных и важных монастырей. По сложившемуся положению, Симонов архимандрит, как и Новоспасский, становился участником церковных соборов, и новый архимандрит им стал. Подпись Иова значится под несколькими соборными грамотами.

Именно Царь Иоанн Грозный заприметил и возвысил Иова, введя его в число высшей иерархии Церкви. Никого отношения молодой Борис Годунов к этому не имел, так как в этот период сам был неизвестным и совершенно далеким от большой государственной политики. Последним назначением Иова при Иоанне Грозном стало возведение его в сан епископа Коломенского в 1581 году.

В 1589 году Иов возводится в сан Патриарха всея Руси, занимая пятое место в диптихе Вселенского патриархата. Он остаётся в сане более пятнадцати лет, успев сделать немало в области церковно-государственного благоустройства и в деле укрепления Церкви. Перечисление его деяний не входит в задачу настоящей работы; перечень благих дел Первого Патриарха можно почерпнуть из его Жития. Нас интересует только та сторона жизнедеятельности Святителя, которая прямо или косвенно соприкасалась с деятельностью, как и вообще личностью, Бориса Годунова.

Хочется ещё раз подчеркнуть, что утверждения о том, что Годунов «провёл» в Патриархи «угодного себе» иерея, исторически недостоверны. Они не имеют никакого документального обоснования; нельзя же за таковые считать слухи и сплетни некоторых заезжих иностранцев-гастролёров, как и измышления клеветов пресловутого Гришки Отрепьева или изолгавшегося интригана Василия Шуйского.

Следующее за тем утверждение, имеющее то же распространение, что, «проведя» Иова, Годунов видел в перспективе учредить свою династию венценосцев, также не имеет документального обоснования. Откуда же подобное «намерение» вытекает? Неизвестно. Оно не только неисторично, но и абсурдно, так как в январе 1589 года никакой «династии» у Годунова не существовало. В его семье в то время имелась только шестилетняя дочь Ксения. Правда, родная сестра Бориса — Ирина, в иночестве Александра (1557—1603), была Царицей с 1584 года, но детей у них с Фёдором Иоанновичем не было до самого 1592 года, когда Ирина родила дочь Феодосию, умершую, не дожив до двух лет. Тут тоже никакой «династии» не получалось.

Необходимо ясно осознавать пишущим на темы Русской истории, что в системе православного жизнепонимания рождение ребёнка — это знак Божественного благоволения, это милость Господа, за которую верующие страстно Всевышнего благодарят в молитвах. Будут ли ещё дети у Царя Фёдора или у Бориса Годунова, о том ведал только Господь, и никто иной.

Борис Годунов, о чём редко упоминают, был истинным православным человеком, для которого Закон Божий являлся основным законом жизни. Он не только соблюдал православный обряд сам, но неукоснительно следил, чтобы и все прочие из окружения его исполняли. Он молился много, постоянно, порой многими часами, и никто никогда не узнает, о чём он молил Всевышнего, какие боли души и волнения сердца доносил. Иов прекрасно был осведомлен о глубоком духовном настроении Бориса, заслуженно назвав его в своём завещании («духовной грамоте») «христолюбивым». По заключению Первопатриарха, «не было тогда в Русском Царстве равного ему храбростью, разумом и верой в Бога». Именно благочестие в первую очередь и ценил в Борисе Годунове Патриарх Иов.

По поводу упреждения Патриаршества и роли в этом деле «первого боярина» весьма точно выразился историк С.Ф. Платонов. «Последний шаг к Патриаршеству был плодом дипломатического умения Бориса Годунова, который в то время руководил всею деятельностью московского правительства и прямо гордился этим успехом»⁷⁸.

Фигура Патриарха Иова всегда являлась чрезвычайно неудобной для всех измышлителей. Ведь он ясно и однозначно не признал какую-либо связь между Борисом Годуновым и убийством Царевича Дмитрия в Угличе в мае 1591 года, а следовательно, все рассказы о мучимом совестью кровавом тиране, о пресловутых «кровавых мальчиках в глазах» — всего лишь плод воображения и далеко не всегда художественного.

Когда следственная комиссия Шуйского представила материалы, собранные на месте гибели Царевича в Угличе, на обозрение Царя и Патриарха, то Святитель заключил, что «смерть Дмитрия Царевича учинилась Божиим судом». Как исторически обоснованно говорится в Житии, «Патриарх Иов не верил в

причастность Бориса Годунова к убийству Царевича и сохранял свою уверенность в этом до конца дней»⁷⁹. Первопатриарх всегда был честен перед Богом и людьми.

Однако многие историки до сего дня почему-то не доверяют мудрости и искренности Святителя, но зато готовы принять на веру, без всяких «экспертиз», любую пошлость, любую сплетню, дискредитирующие Власть и Церковь в России.

Если поверить на слово «скептическим» авторам типа упоминавшегося Н.И. Костомарова, то образ Первопатриарха получается неказистый. Какой-то тихий, маленький, бесхарактерный человек, стремившийся ни во что не вмешиваться и сильным во власти не перечить. Его нередко изображают чуть ли не слепым орудием «коварного Бориса Годунова», который руководствовался не волей Провидения, то есть Волей Божей — подобные историки и категории таковой не знают, а исключительно желаниями всемогущего Бориса Годунова. Верить подобным лживым сказаниям, этим злобным карикатурам ни в коем случае нельзя.

Патриарх Иов был скалой, несокрушимым «адамантом», являлся монументом мужества и непреклонности в тех случаях, когда дело касалось и судьбы государства, и судьбы Церкви. Ему пришлось испытать огромные потрясения; много бессонных ночей провел Святитель в мольбах и слезах, видя нестроения, злоумышления, предательства и измены, приносившие ему раны душевные. В своем духом завещании — «духовной грамоте», написанной в 1604 году, Иов говорил следующее: «Бог знает, в какие рыдания и слезы я впал с тех пор, как возложен был на меня сан святительства, или из-за своей немощи, не имея сил духовных, или соболезна бедам паствы своей, погружаем был в лютые напасти, озлобления, клеветы и укоризны; всё это меня, смиренного, постигало»⁸⁰. В 1604 году он ещё не ведал, какие испытания, какие муки ему предстоит пережить в три последних года жизни...

Иова, этого русского многострадальца, многие трагические события настигли, и он многое постиг в характере людском, что противоречило всему кодексу поведения православного человека. Когда в 1598 году по воле «Собора Земли Русской»,

по мольбам Патриарха, других пастырей и мирян Борис Годунов принял Царский венец, то Первопатриарх чувствовал и прекрасно понимал, что среди родовитого боярства далеко не все довольны подобным выбором, что пошли сразу же слухи, что Борис — «недостойный».

Чтобы сказать своё защитительное слово, слово архипастыря, Иов составил особый документ, который можно рассматривать как Житие почившего Царя Фёдора Иоанновича. Называлось это сочинение: «Повесть о честном житии благоверного и христолюбивого государя Царя и Великого князя всея Руси Фёдора Иоанновича, о его царском благочестии и добродетельных правилах по святой его кончине».

Патриарх воссоздавал образ почившего Монарха в самых радужных тонах, что соответствовало традиции агиографической литературы. Не менее важно и то, что Патриарх даёт в «Повести» и восторженные характеристики Борису Годунову, который «превосходил всех саном и благоразумием и, благодаря достойнейшему его правлению, благочестивая Царская держава процветала в мире и тишине». Были перечислены и главные свершения Годунова, когда он при Царе Фёдоре фактически управлял делами государства.

«Искусный же этот правитель Борис Фёдорович по царскому изволению своим недреманным руководством и прилежным попечением возвёл много окружённых каменными стенами городов, воздвиг в них во славу Божию величественные храмы, устроил множество иноческих обителей. Самый царствующий Богоспасаемый город Москву, словно невесту перед венцом, украсил он дивными красотами: построил прекрасные каменные церкви, громадные палаты, так что одно их лицезрение повергает в трепет; всю Москву опоясал могучими каменными стенами, и этот город-крепость, величественный пространством и красотой, прозван Царьградом; внутри же создал гостиные дворы для жительства купцов и для хранения товаров; много и другого, достойного хвалы, было учреждено в Русском государстве»⁸¹.

Конечно, это панегирик. Однако если отбросить декоративные славословия и обратиться к сути сказанного, то нельзя не признать, что Иов говорил чистую правду. Всё перечисленное,

как и многое другое, о чём Святитель не упомянул, было построено, воздвигнуто и учреждено по инициативе, стараниями и попечением Бориса Годунова.

Патриарх верил, что Годунов стремился принести благо государству. Ни в какие слухи, а потом и утверждения о причастности Третьего Царя к убиению Царевича Димитрия он не верил до самого конца. Но когда Собор Земли Русской в январе 1598 года призывал Бориса на Царство, то ведь из числа его членов — всего в нём участвовало несколько сот человек — тоже никто не верил. Если рассуждать логически, а никакие документальные свидетельства тут дело не проясняют, то, наверное, среди участников собора 1598 года имелись и недовольные и несогласные. Однако все безропотно приняли предложение Патриарха: «Кроме Бориса никакого иного Государя не искать».

После избрания участники дали клятву, скрепив своими подписями «Уложенную грамоту», где значились следующие определения: «Если же кто не захочет послушать сего соборного уложения и начнёт молву чинить в людях, таковой будет от священного сана, или из бояр, или иного какого-либо чина, по правилам святых отцов и по соборному уложению нашего смирения да будет низвержен с своего чина и отлучён от Церкви и от причастия Святых Христовых Тайн»⁸².

Фактически отступники признавались еретиками, но прошло всего несколько лет, и к числу тех, кто не только «чинил молву», но и делом участвовал в сокрушении законной власти, значились и те, кто давал перед Лицом Божиим клятвенные заверения в 1598 году.

Естественно, что имелись такие чванливые деятели, как князь Василий Шуйский, которые могли исходя «из потребностей момента», что угодно подписать, любую клятву принести, а потом также легко от всего отречься. Они думали о земном благополучии, ими владели главным образом узкокорыстные, личные интересы. Однако собор 1598 года состоял в значительной степени из лиц духовного звания, которые единодушно «возопили»: «И наш совет и желание то же, и мы единомысленны с тобою, отцом нашим, великим господином Иовом Патриархом»⁸³.

Допустим, участники «не знали», «не ведали» о «тёмных делах» Бориса. В это трудно поверить, учитывая, что в собрании принимали участие архипастыри. Они не могли не знать о настроениях паствы, они обязаны были это знать. Выходило одно из двух: или знали и молчали, или попросту — не ведали.

В секулярной историографии давно повелось изображать русское архиерейство, а шире говоря — священство, в самых безрадостных красках. Оно и «необразованное», и «некультурное», и «забитое», и «запуганное» властью, перед которой пресмыкалось столетиями (!!!) беспрекословно. Конечно, доля правды в таких утверждениях имеется, но только именно доля. Отдельные случаи корысти, пресмыкательства, конформизма, богословского невежества, хотя их и немало, нельзя экстраполировать на всю священническую корпорацию, и в первую очередь — на монашествующих.

Уйдя от мира обычных людей, целиком посвятив себя Богу, в беспрестанных трудах и молитвах черноризцы искали (и находили) самую короткую дорогу ко Христу Спасителю. Монашество явило в истории несчётное множество подвигов Христопреданности, которые во много крат превышают случая духовного падения и отступления от истинного благочестия. Это вообще величины несопоставимые. И утверждать, что «братья и сестры» Христовы, «пресмыкались» перед властью земной, — значит не понимать смысла, сути истинного монашеского подвижничества. Они же были не чиновниками, а слугами Господа, а если кто и «пресмыкался», то он, что называется, попал не на ту общественную стезю.

Невозможно предположить, чтобы, только даже слыша о причастности Бориса Годунова к страшному злодеянию — убийству Царевича, черноризцы и первый среди них Патриарх все как один промолчали. Подобная ситуация представляется просто немыслимой. Ведь пастырь, помимо физических и умственных способов и приемов постижения окружающего мира, наделён еще и «оком духовным», помогающим разглядеть и распознать такие вещи, такие явления, которые простым смертным не дано постигать. И как же мог Иов, исповедовавший Годунова, за многие годы не почувствовать и не разглядеть в душе духовного чада страшную и тёмную тайну!

Могут сказать (и говорят!): Святитель «боялся». Кого? Чего? Он, которому в 1598 году было почти семьдесят лет, большую часть которых он посвятил бескорыстному и преданному служению Богу и Его Церкви! Теперь же, получается, «затрепетал от страха» и перечеркнул своё служение, клятвы и бесчисленные мольбы! Он, который готовился к нелицеприятному Суду Всевышнего, начал якобы отступать о Бога, стал лицемерить и пресмыкаться перед земным правителем. Правда, неизвестно во имя чего; никто ведь того до сих пор не разъяснил. Подобный взгляд — это и глупость, и духовное невежество одновременно. Но не только.

Здесь просматривается и скрытый, но вполне различимый русофобский замысел. Вот, как бы призывают подобные сочинители своих читателей и слушателей, смотрите на эту «жуткую Россию», где испокон веков всё пронизано «дикостью» и «варварством» и даже глава Церкви «весь изолгался» и был чуть ли не «на побегушках» у «кровавого палача» Бориса Годунова. Ну и что, что он святой; это, по мнению очернителей, сути дела не меняет!

Подобные пасквилы по сию пору создают разномастные руссоненавистники всех степеней образованности. Надо, безусловно, понимать, что это — чудовищная фальсификация подлинного хода событий. Один из духовных пастырей в своё время очень точно выразился, когда написал, что Иов «стоял за него (Годунова. — А.Б.) только как за законную власть», и по этой же причине однозначно выступил и в поддержку его сына Фёдора Борисовича, когда Бориса Годунова уже не стало⁸⁴.

До призвания Бориса Годунова на царство слухи о сопричастности его к «углическому злодейству» не имели распространения. И как только взошел на трон новый Царь, то они сразу и зародились, постепенно начали распространяться, приобретая через несколько лет характер социального шторма, погубившего и наследие Третьего Русского Царя, но одновременно и всю русскую государственность.

Как уже говорилось ранее, А.С. Пушкин назвал точную дату зарождения волны дискредитаций: 20 февраля 1598 года, когда Борис согласился принять царский венец. Тогда-то бояре

и сговариваются начать возмущать народ антигодуновскими слухами, стали «молву чинить». Может быть, дело было затеяно и не точно 20 февраля, но что оно «произведение» боярской олигархии — в том трудно усомниться.

Благочестивый Иов с самого первого момента появления только слуха о «чудом спасшемся Царевиче Димитрии» сразу разглядел за ним злокозненный умысел. Когда стало известно, что самозванец обретается в Польше, где и нашёл покровителей, то Патриарх написал в 1604 году послание к высшей раде Короны Польской и Великого княжества Литовского, которое подписали и прочие православные архиереи, заявляя, что указанный «царевич» — на самом деле самозванец именем Григорий Отрепьев и призывал ему не верить.

Когда же самозванец в октябре 1604 года с ополчением, состоявшим из польских наёмников различного сброда, пришёл на Русь и к нему начали примыкать казаки и некоторые другие, то Патриарх рассылал грамоты во все концы Земли Русской, призывал помнить Бога и крестное целование Царю Борису. Он клятвенно заверял, что это — расстрига Гришка, что он — преступный похититель имени Царевича Димитрия. Народ же был словно в бреду, и тогда Святейший предал анафеме самозванца со всеми его сообщниками как злодея и еретика, замышлявшего упразднить Православие на Руси. По повелению Патриарха анафему провозглашали во всех церквах по всей России.

После того как 13 апреля 1605 года скончался неожиданно Борис Годунов, то стараниями Первосвятителя Москва и войско присягнули сыну Бориса — Фёдору Борисовичу; дали «крестоцеловальную клятву». Но, как говорится в Житии Иова, «клятва оказалась нетвёрдой»⁸⁵.

Затем наступили черные дни и месяцы и для Руси, и для Патриарха, когда Святитель Иов показал свою нестигаемую волю и решительную непоколебимость. «Новый летописец» заслуженно назвал его «столпом непоколебимым». Первосвятитель не только был последним защитником рода Годуновых, но и защитником Православия, а следовательно, и Руси. Он слёзно молил главных бояр коленопреклоненно не изменять клятве, не допустить мятежа, обуздать толпу. Но ни уговоры, ни слёз-

ные мольбы Первопатриарха на возбуждённую паству уже не действовали; все были как в исступлении. Началось время измен и преступлений.

Рассматривая феномен Ажедмитриады, историк Церкви А.В. Карташев написал: «Монолит законного царелюбия оказался надтреснутым. Борис воспринимался как Царь неподлинный, не прирождённый. Миф “прирождённого” Царя оказался сильнее Царя искусственного, то есть выбранного. Не помогали ни Церковь, ни миропомазание. Миф прирождённости умножался ещё на романтику о дитяти, чудесно спасшемся от грозившего ему мученичества. Так миф и реальность в психике масс поменялись своими местами. Таким образом, высший идеалистический инстинкт явился каналом, по которому потекла вода низших, корыстных, грабительских вожделений»⁸⁶.

При господстве секулярного, внецерковного сознания признать и понять не только правоту, но всего лишь историческую обусловленность метафизического миропонимания невозможно. Оно ведь совершенно иное, построенное на духовном, а не на материалистическо-рационалистическом основании, исповедует сверхрациональные ценности, для секулярного ума непостижимые. Укоренённость в народном сознании сверхъестественных чаяний и представлений, или в христианском понимании — веры в чудо, нельзя рассматривать как некий признак «забитости», а уж тем более как показатель какой-то исключительно русской «самобытности». На самом деле это — проявление полноты, всеохватности религиозного чувства, которым отличались не только русские православные люди, но в последние века европейской истории именно они по преимуществу.

Поэтому «чудо спасения Царевича Дмитрия» могло иметь место в представлениях людей той эпохи как подлинное событие именно потому, что это чудо. Феномен чуда не объясняется, а только с благодарностью принимается как проявление Воли Божией. В вышеприведенной цитации очень тонко подмечено — «убийство невинного дитяти» и его чудесное спасение, — подобная смысловая композиция производила сильное эмоциональное воздействие на православных людей, хотя такие

определения, как «миф» и «романтика», в данном случае не представляются удачными.

В русском историко-духовном контексте «невинно убиенные», особенно малого возраста, не замаравшие душу земными грехами, всегда пользовались особым почитанием. На Руси даже сложился особый чин прославления таковых мучеников — страстотерпцы. Нелишне напомнить, что первыми русскими святыми стали невинно убиенные в 1015 году юные сыновья Святого Великого князя Киевского Владимира Святославовича — Борис и Глеб, в крещении Роман и Давид, общецерковное почитание которых началось уже вскоре после убиения...

Ажедмитрий очень домогался признания себя в качестве законного правителя именно со стороны Патриарха Иова. Ему обещались чуть не все блага земные, если он это сделает. Святейший был непреклонен: «Царь Димитрий Иоаннович — самозванец и еретик». Казалось бы, если он был таким «нерешительным» и таким «бесхарактерным», как его нередко изображают, то пойдя он на сделку с самозванцем, сиречь — на сделку с совестью, и живи себе мирно, наслаждайся земными благами.

Но дело в том, что «блага земные» для Иова ничего не значили; он дорожил только дарами небесными, неукоснительно блюл чистоту патриаршего сана. Он безоговорочно отверг все попытки принять ложь и измену, явив свою великую самоотверженность и силу воли несказанную. Фактически его жизнь после свержения Царя Фёдора висела, что называется, на волоске. В день гибели Царя Фёдора II Святейший воочию увидел лик смерти, но силы духа не потерял.

10 июня 1605 года, когда убиты были Царь Фёдор Борисович и Царица Мария Григорьевна, как свидетельствовал позже сам Иов, «с оружием и дреколями» толпа приспешников Ажедмитрия вторглась в соборную церковь Пресвятой Богородицы, где он священнодействовал, и, не дав ему кончить литургии, вытолкала его из алтаря! Святитель сам снял с себя панагию, которой некогда благословил его Вселенский Патриарх, положил её перед иконой Владимирской Божией Матери, опустился на колени и произнес незабвенные слова: «О Пречистая Владычица Богородица! Сия панагия и сан святительский возложены на меня,

недостойного в Твоём храме, у Твоего чудотворного образа, и я, грешный, 19 лет правил слово Истины, хранил целостность Православия, ныне же по грехам нашим, как видим, на православную веру наступает еретическая. Молим Тебя, Пречистая, спаси и утверди молитвами Твоими Православие»⁸⁷.

Толпа мятежников впала в неистовство. Несчастные соборные клирики метались, увещевали вторгшихся не богохульничать; некоторые из богомольцев рыдали. Однако глумление над Святителем продолжалось. С него сорвали патриаршее облачение, били, толкали, таскали за волосы. В разодранном простом монашеском одеянии Патриарха выволокли из храма; на площади бросили согбенного старика на землю, пинали ногами. Полуживого Святителя затем погрузили на простую телегу и велели вести в Старицу, куда он прибыл в таком состоянии, что братия Успенского монастыря во главе с игуменом Дионисием не чаяла, выживет ли. Однако Святейший выжил. Невольно возникает предположение, что невидимая «рука Провидения» спасла Патриарха от смерти, чтобы Святитель ещё сказал своё святое слово. И он его скажет — незадолго до своей кончины.

Вся описанная сцена вызывает не столько возмущение, сколько оторопь. Казалось, что оживают исторические хроники, повествующие о захвате греческих городов безбожными турками-агарянами, когда творились жесточайшие преступления против православных. Однако описанное происходило на Русской земле, в городе Москве, в столице Третьего Рима, в главном соборе Православной Церкви, творилось русскими, православными людьми! Немыслимо, непредставимо...

В этой связи надо особо обозначить один сущностный момент. Преданность Иова Годуновым нельзя трактовать как преданность исключительно конкретным людям, вызывавшим личное расположение Первопатриарха. Все было значительно масштабнее и выше. Он был предан не лицам, а высокому устремлению — Русской Идее, то есть Православию. Святейший не знал документов, ставших достоянием позже, о закулисных махинациях Католицизма со своим «протезе» и марионеткой Ажедмитрием, о деньгах, которые ему платили ненавистники Православия. Не знал Святитель и об обещаниях, который, как

говорится в одном документе, самозванец, укравший «имя Царевича Димитрия», давал польским магнатам, что он вёл переписку с римскими папами Климентом VIII (1592—1605) и Павлом V (1605—1621), обязуясь привести Русь «под длань кафедры Святого Петра». Закулисные подробности выплывут на свет Божий после смерти Ажедмитрия.

Подобных документов и свидетельств у Патриарха Иова на руках не было. Но он душой чувствовал, он зрил своим «оком духовным», что на Русь надвигается беда, что козни антихристовы ведут проходимцев завладеть Святой Русью, сокрушить Веру Православную, без которой не бывать Руси. Потому он в своём завещании в 1604 году заповедовал и Борису Годунову, и его сыну Фёдору «блюдите вовеки неизменную и неколебимую православную нашу чистую, непорочную и пречестнейшую христианскую веру греческого закона, которая, как солнце, сияет в области вашего великого скипетродержавия»⁸⁸.

После гибели Годуновых и свержения Патриарха Третий Рим обезглавился. И сделали это не захватчики, не чужеродные пришельцы, какие-нибудь безбожные агаряне⁸⁹, а сами русские, называвшие себя православными. Они не верили ни словам Святого Первопатриарха, ни уложениям, ни соборным грамотам, ни бывшим клятвам. Они поверили слухам и разного рода проходимцам, группировавшимся вокруг «царя Димитрия Ивановича». Они приняли желаемое, но нереальное — воцарение на Земле Русской Правды и Добра в облике Ажедмитрия — за подлинное и спасительное. Ложь затмила глаза многим, очень многим, а не только группе самодовольных бояр, некоторые из которых прекрасно понимали, что это большая политическая игра, и не более. И данный факт ещё печальней, чем дикое неведение беснующейся толпы.

Можно уверенно констатировать: русские люди в 1605 году попыталась совершить первый раз в своей истории акт национально-государственного самоубийства. Хотя попытка эта и не удалась, Русь выжила, но последствия того «суицида» залечивала многие годы. К величайшему прискорбию, первая попытка не оказалась последней. Прошло немногим более трёхсот лет, и последовал новый, теперь уже эпохальный национально-

духовный суицидальный ужас, когда в 1917 году Россия отреклась и от законного Царя и от Веры Православной, отреклась от самой себя...

24 июня 1605 года по распоряжению воцарившегося Лжедмитрия I собор епископов (!) избрал в Патриархи бывшего Митрополита Рязанского и Муромского Игнатия (ок. 1540—1620). Он был родом грек с острова Крита, служивший при Константинопольском патриархате. В 1595 году прибыл в Москву, а в 1603 году, по воле Патриарха Иова и Царя Бориса Фёдоровича, был возведён в сан Митрополита Рязанского и Муромского. Он первым из архиереев признал расстригу Григория «Димитрием» и «законным Самодерзцем», а затем приводил к присяге на верность самозванцу⁹⁰.

Игнатий стал Патриархом при живом Предстоятеле (Иове), вопреки всем анафемам на Лжедмитрия, которые сам недавно и оглашал. Пытаясь объяснить явное антиканоническое действие русского епископата — избрание Игнатия, Митрополит Макарий написал: «Когда не стало Государя, ни Патриарха (странное утверждение, ведь Патриарх не был соборным волеизъявлением исторгнут из сана. — А.Б.), когда Лжедмитрию покорились целые области, всё войско, все бояре и вся Москва и признали его, большей частью по убеждению, за истинного Царевича Димитрия, тогда и неудивительно, если и некоторые из архиереев могли колебаться в своих прежних понятиях, а другие, лучше знавшие правду, покорились, быть может, потому, что не в силах были, как и многие из мирян, противостоять всеобщему увлечению»⁹¹.

Митрополит невольно вынес обвинительный приговор Епископату Русской Церкви. В решительный момент истории одни из них «колебались», другие, «знавшие правду», тем не менее покорились «всеобщему увлечению»! Поразительно: ведь речь шла не о мирянах, которые позволяли себя «увлекать» химерическими видениями и лживыми призывами, а о Епископате! Как удачно выразился один из исследователей, в той ситуации почти всеобщего умопомрачения «стадо вело пастырей», что не имеет никакого касательства к христианской традиции.

Никто из архипастырей не горился, во всяком случае публично, об участии Патриарха Иова, не руководствовался его

словами и призывами, не вспомнил ранее данных клятв. Все как один забыли анафематствование шайки Ажедмитрия. Он ведь совсем недавно единомышленно признан был еретиком и погубителем Церкви! Эти анафемы отменены не были, хотя в храмах больше и не звучали.

Самозванец «щедро одарил» иерархов из числа конформистов, сделав их «сенаторами». Теперь таковыми числились: митрополиты — Новгородский, Казанский, Сарский, архиепископы — Вологодский, Суздальский, Рязанский, Смоленский, Тверской, Архангельский, Астраханский и епископы — Коломенский, Псковский и Корельский.

К чести Русской Церкви надо сказать, что были и такие пастыри, кто не признал Ажедмитриаду, этот бесовский шабаш, воспринимаемый — увы! — немалым числом современников как «восстановление законности». Как на замечательный пример стойкости можно сослаться на епископа (1602) и архиепископа (1605) Астраханского и Терского Феодосия (ум. 1606). Феодосий мужественно, смело обличал самозванца и внушал это народу, за что едва не был убит. Преосвященного заключили под стражу в Троицкий монастырь. После грубых издевательств его отправили в Москву к самозванцу, где святитель в глаза Ажедмитрию заявил, что он не признает его Царевичем. Самозванец не рискнул умертвить владыку Феодосия. После этого преосвященный жил у митрополита Казанского Гермогена — впоследствии Патриарха⁹².

По заключению историка Церкви, «собор русских иерархов по указке самозванца признал Игнатия патриархом, но над ним не было совершено того посвящения в патриархи, какое было совершено над Иовом и какое по тогдашним московским понятиям было обязательно для патриарха (это полный чин архиерейской хиротонии)»⁹³.

Конечно, полный чин рукоположения (хиротонии) имел важное значение при возведении в сан. Однако, думается, что главное отступление было не в нарушении процедуры. Здравствовал законный Патриарх Иов, возведенный в патриаршее достоинство по всем церковным правилам и одобренный не

только Русской церковью, но и соборами епископа Константинопольского патриархата.

Игнатий пытался получить благословение на своё возведение в сан со стороны Патриарха Иова и отправился для того в Старицу, но встретил энергичный и решительный отпор, тем более удивительный, что Святителю было около восьмидесяти лет! Его слова, сказанные при встрече, потом передавали из уст в уста: «По ватаге атаман, а по овцам и пастырь»⁹⁴.

Когда 17 мая 1606 года завершилась вся печально-гротесковая эскапада с Лжедмитрием I и самозванец в результате восстания был убит, то незаконный архипастырь Игнатий уже 18 мая был низвергнут собором иерархов из сана и даже вообще из святительства и в качестве простого черноризца отослан на послушание в Чудов монастырь. Тут же встал вопрос об изгнанном Иове. Собрание иерархов и новый Царь Василий Шуйский обратились к нему с нижайшей просьбой о возвращении. Однако он уже был старым, почти слепым и категорически отказался возвращаться на Первосвятительство. 3 июля 1606 года был возведён на Патриаршее место первый Митрополит Казанский, священномученик Ермоген (Гермоген, ок. 1530—1612), которого благословил на избрание Патриарх Иов.

Последний раз праведный Иов появился в Москве за четыре месяца до своей кончины, последовавшей 19 июня 1607 года. Положение в стране опять складывалось критическое. В мае 1606 года всенародно на Красной площади в Москве Царём был провозглашён князь Василий Иванович Шуйский, венчанный на Царство уже 1 июня того же года. Но прошло всего немного времени, какие-то дни, как появились слухи о том, что на самом деле «царевич Димитрий» жив, что убит был 17 мая не он, а «какой-то немец».

Нашёлся и новый «царевич Димитрий» (1577—1610), объявившийся в Стародубе⁹⁵ уже в конце мая 1606 года и позже прозванный «Тушинским вором»⁹⁶. Его происхождение окутано полным мраком, как «ночь египетская». Рассказывали, что это — то ли крещёный еврей, то ли поповский служитель, то ли бродячий учитель⁹⁷ из Шклова. Карамзин писал, что он знал еврейский язык, «читал Талмуд и книги Раввинов». Совершен-

но, казалось бы, неожиданно на русском горизонте появились евреи, которых на Руси в то время фактически не было, но их немало проживало в Речи Посполитой (Польше), откуда этот аферист и прибыл. «Еврейская энциклопедия» сообщает, что «евреи входили в свиту самозванца и пострадали при его низложении» и что, «по некоторым сообщениям (иностранцев. — А.Б.)», Ажедмитрий II «был выкрестом из евреев и служил в свите Ажедмитрия I»⁹⁸. Всё это в данном случае не имеет особого значения; важен же совершенно другой аспект.

Царь Василий I и Патриарх Гермоген деятельно пытались предотвратить распространение новой общественной заразы, второго приступа Ажедмитриады. Самыми важными упредительными мерами в череде противодействия стало, во-первых, прославление Царевича Димитрия Иоанновича. Его нетленные мощи были доставлены в Москву уже 3 июня 1606 года и выставлены на всеобщее обозрение и поклонение, а затем торжественно погребены в Архангельском соборе. Он был канонизирован как «благоверный Царевич Димитрий Углицкий».

Об этом перенесении и явлении святых мощей Царевича Димитрия Царь Василий объявил всей России особой грамотой, в которой, между прочим, упоминалось, что смерть Царевича — на совести Царя Бориса. И, заняв Престол Государства Российского, Шуйский всё ещё продолжал сводить счеты с Борисом Годуновым; воистину человеческая злоба и зависть не знают «срока давности».

Существует один очень важный пункт, который в данном случае надлежит подчеркнуть. Сам факт канонизации Димитрия требовал новой интерпретации факта его смерти. Ведь, по устоявшейся версии, он был «самоубийцей», что противоречило традиции канонизации, так как считалось грехом. Надо было его изобразить невинно убиенным, и его таковым и изобразили. Уже в первом его Житии, составленном в конце 1606 года, описание событий носит характер лубочного ужаса.

Действие было перенесено с улицы на теремную (дворцовую) лестницу, и в свой последний смертный миг Царевич играл не ножичком, а орешками. Здесь-то и произошла душераздирающая сцена. Как «ехидна злая», вскочил на лестницу дьяк Мишка

Битяговский, ухватил Царевича «сквозь лестницу за ноги», сын же Мишки схватил «за честную его главу», а Качалов перерезал горло. Трудно установить, кто конкретно составлял и распространял подобные небылицы, но, думается, без «опытной руки» Василия Шуйского тут не обошлось...

Вторым важнейшим актом духовного противодействия угрозе нашествия шайки второго самозванца стало церковно-государственное действие, имевшее место в феврале 1607 года в Москве. Василий Шуйский прекрасно осознавал, что для укрепления своей власти и престижа ему необходима поддержка со стороны Патриарха Иова, хотя и пребывавшего в монастырском уединении, но авторитет которого неимоверно вырос после разоблачения и уничтожения Лжедмитрия I.

Время показало, что Святейший был абсолютно прав, в то время как бояре и многие пастыри оказались лжецами, незрячими, трусами или двурушниками. Примирение и прощение — вот чего домогался Царь Василий, а принести ему это мог только Иов. Это тем более было сложно, что Иов прекрасно знал Шуйского и вряд ли мог забыть речь боярина Шуйского на Красной площади перед толпой 1 июня 1605 года. Тогда Шуйский заявил, что Царевич Дмитрий не был убит в Угличе, как того хотел Царь Борис, а чудом спасся. Именно это преступная демагогия и стала детонатором, взорвавшим общественную ситуацию, приведя к общественному мятежу, а затем и к убийству Царя Фёдора Борисовича.

Сам Шуйский обращаться к Иову не стал; наверное, боялся получить сокрушительную для себя отповедь. Он обставил всё значительно тоньше. Патриарх и архипастыри, понимавшие угрозы центральной власти и целостности государства от происков новых самозванцев, единодушно поддержали идею Царя о всеобщем покаянии и забвении старых клятвопреступлений. Соборным решением было постановлено: отправить в Старицу депутацию духовных и светских лиц для «умоления» Иова прийти в Москву.

Со своей стороны, Царь выделил карету (каптану)⁹⁹, а Патриарх Гермоген написал послание, умоляя приехать в столицу «для государева и земского великого дела». И святой мученик,

превозмогая возрастные недуги и старческие немощи, 14 февраля 1607 года прибыл в Москву, откуда его таким бесчеловечным образом изгнали менее двух лет назад.

Через шесть дней, 20 февраля, в Успенском соборе Московского Кремля собрались тысячи народа. Два Патриарха, Иов и Гермоген, занимали патриаршее место, и после общего молебствия представители мирян подали Иову покаянную челобитную, где перечислялись измены и клятвопреступления последних лет и содержалась молитвенная просьба простить всех русских людей. Гермоген приказал архидьякону Алимпию челобитную зачитать «велегласно», то есть в «полный голос».

В ней говорилось: «Мы все от мало до велика прельстились, ложь приняли за истину, отступили от клятвы и изменили крестному целованию, приняли на царство Отрепьева и выдав ему на смерть семейство Бориса, которому клялись в верности. Он умертвил их, тебя, отца нашего, отринул от нас, разлучил пастыря с овцами... Как тогда от твоей святости были связаны, так и ныне от твоей святости ищем разрешения и просим не только за присутствующих в храме сем, но и за всё Русское царство, не только за живых, но и за умерших. Просим разрешить нас всех от мала до велика. И ты, государь, Святейший Иов Патриарх, не отвергни нас, кающихся, не оставь нас умереть и отчаянии. Дай нам прощение и разреши нас от клятвенного греха»¹⁰⁰.

В исторических анналах не сохранилось свидетельств того, кто конкретно составлял указанное «челобитное покаяние», но вряд ли можно сомневаться в том, что дело происходило под неусыпным надзором Царя Василия Шуйского. В тексте присутствуют довольно расплывчатые формулировки, особенно касающиеся самого страшного смертного греха — Цареубийства. Вся вина возлагалась на Ажедмитрия, окаянного Гришку Отрепьева, которому и «выдали на смерть» Царя Фёдора Борисовича и Царицу Марию, убиенных 10 июня 1605 года.

В этом убийстве наш знаменитый «историограф» Н.М. Карамзин увидел «казнь Божию над убийцей Дмитрия», то есть Божие возмездие Борису Годунову. Просто удивительно: автор не только в своей исторической эпопее выплёскивал личные эмоции в неимоверном количестве, но ещё и от имени Божьего

выступал! Такого в отечественной светской историографии ни до, ни после не случилось...

Конечно, главным злодеем Цареубийства являлся именно Лжедмитрий, заявлявший, что не вступит в Москву, пока не будут уничтожены «мои враги». Но конкретными палачами-цареубийцами являлся не он и не польские наёмники из свиты самозванца, а русские люди!

Ведь когда Царя Фёдора свергли 1 июня 1605 года, а потом вместе с матерью и сестрой поместили в их старом доме, то есть заключили под домашний арест, самозванца в Москве не было. Под колокольный звон и при ликовании толпы Лжедмитрий «прибыл» в Первопрестольный град только 20 июня. Но его «уполномоченные» стали заправлять в Москве сразу же после свержения законного Царя.

Имена главных клеветников Лжедмитрия, напрямую замешанных в Цареубийстве, известны; тут были как родовитые и именитые, так и негодяи более мелкого пошиба. Князь Василий Голицын, князь Василий Масальский (Мосальский), московский дворянин, дьяк Михаил Молчанов, дьяк Андрей Шеферединов (Шафарединов), подьячий Иван Богданов. Эти отступники да ещё несколько непоименованных стрельцов непосредственно осуществили Цареубийство. Душили несчастных верёвками; сначала Царицу Марию, а затем юного Фёдора Борисовича. А по завершении злодеяния князь Василий Голицын на площади «возвестил народу», что Царь и мать его «опишася от страха смертного зелья» умерли, иначе говоря, сами отравились.

Необходимо заметить, что указанные лица отнюдь не являлись преданными сторонниками самозванца; они действовали исключительно по личному расчёту, который заменял им и совесть и веру. Скажем, князь Василий Голицын сначала служил Лжедмитрию, от которого получил чин «великого дворецкого», затем участвовал в его свержении, а после лебезил перед Шуйским, которого тоже предал. Подобная же череда измен и предательств сопутствовала князю Василию Масальскому и Михаилу Молчанову. Цареубийцы готовы были служить «хоть чёрту», лишь бы им платили. Им и платили; свои «тридцать

сребреников» эти «русские иуды» получили сполна, хотя и от разных хозяев...

На самом видном месте среди отступников и клятвопреступников находился Василий Иванович Шуйский. Он первым публично обвинил Царя Бориса в злоумышлении на жизнь Царевича Дмитрия, радостно приветствовал его «чудесное спасение», а когда Гришка-Дмитрий утвердился у власти, начал тут же против него интриговать и готовить переворот, за что чуть не поплатился жизнь. Козни были разоблачены. Летом 1605 года Шуйский был арестован, приговорён «выборными людьми», то есть Земским собором, к смерти. Однако Лжедмитрий «явил милость»: Шуйский был помилован и вместе с братьями выслан из Москвы, но уже в конце того года Шуйские вернулись в Москву...

Вот как эта история изложена в «Новом летописце»: «Боярин князь Василий Иванович Шуйский с братьями начал помышлять, чтобы православная христианская вера до конца не разорилась. Он же, тот Гришка, уведал о них, повелел их схватить и повелел собрать собор, и объявил про них, что “умышляют сии на меня”. На том же соборе ни [духовные] власти, ни из бояр, ни из простых людей никто за них [Шуйских] не стоял, все же на них кричали. Он же, Расстрига, видя, что никто им не помогает, повелел посадить их в темницу; старшего же брата их, князя Василия, повелел казнить, и едва упросили его Царица Марфа и бояре [пощадить]. Он же от казни их освободил и разослал по городам, в Галицкие пригороды, по темницам».

Точно неизвестно, но представляется маловероятным, чтобы цареубийцы испытывали угрызения совести и готовы были в феврале 1606 года подписать безропотно «покаянную челобитную», которая «велегласно» звучала в Успенском соборе Московского Кремля 20 февраля 1607 года. Да это и не суть важно. Как настоящий пастырь, Иов не мог не принять покаянное исповедование как акт чистосердечной доброй воли «народа христианского».

В разрешительной грамоте, прочитанной вслед за тем от имени Патриарха Иова и Освященного собора, содержалось моление к Богу, чтобы Он помиловал виновных и простил им

согрешения. В «грамоте» перечислялись эти самые грехи: единодушное избрание Царя Бориса, о всенародной клятве верности ему, что потом люди всё забыли, предали, изменили, прельстясь самозванцем. В конце говорилось, что «покаяние народное принимается Богом».

Далее наступил самый патетический момент всего священнодействия. Разрешительная грамота вызвала в собравшихся неимоверный прилив радости; со слезами на глазах и на коленях люди ползли в сторону Иова; все хотели облобызать его руку...

Земная миссия Святого Патриарха подошла к концу. Как сказано в его Житии: «Земные подвиги Иова были заверены, он как жил в этом мире в смирении и чистоте, так и уходил из него в совершенной простоте, без всякого стяжания и вдали от дворцовых и мирских смут»¹⁰¹.

Патриарх уходил из жизни, а «смуты» на Руси остались, оставались в головах и душах немалого числа русских людей. Подытоживая рассмотрение данного важного эпизода, имевшего место в Успенском соборе в феврале 1607 года, Митрополит Макарий в своей «Истории» заметил, что «разрешительная грамота», эта «нравственная мера, на которую в Москве, кажется, весьма много рассчитывали, не на всех произвела желаемое впечатление...»¹⁰².

Можно выразиться несколько определеннее: впечатление было произведено, но благотворных политических последствий не последовало. Разворачивался новый виток Смуты. Это — горькая, неприятная, «попынная», но Правда Русской Истории.

Глава 3.

ПОД СЕНЬЮ ГРОЗНОГО ЦАРЯ...

В биографии Бориса Годунова особое место занимает история Царевича Дмитрия, убиенного 15 мая 1591 года в Угличе. Тогда, как говорится в летописных сказаниях, погибла последняя, «младая ветвь рода Рюрикова». Этот факт отложил

неизгладимый отпечаток на восприятии Третьего Царя современниками и потомками и, можно прямо сказать, сотворил его исторический образ. Знаток эпохи историк С.Ф. Платонов очень точно сформулировал существующую дилемму: «От взгляда на это событие («углицкое дело». — А.Б.) зависит взгляд на личность Бориса; здесь же ключ к пониманию Бориса. Если Борис — убийца, то он злодей, каким рисует его Карамзин; если нет, то он один из симпатичнейших московских царей»¹⁰³.

Как точно выразился один из исследователей, «следственные материалы свидетельствовали о непричастности Бориса к смерти Цесаревича. Именно поэтому историки отказывались верить в их истинность»¹⁰⁴.

Это может кому-то показаться странным, но недоверие к уникальному документам — давняя историографическая традиция. Многие историки традиционно не доверяли свидетельствам, не позволявшим «разоблачать» проклятую «русской общественностью» монархическую государственную систему, или, по расхожему определению, «царизм».

В историографии всегда наличествовали две взаимоисключающие мировоззренческие позиции. Первая, «обвинительная», которую пропагандировал Карамзин, имевшая к его времени — началу XIX века — давнюю традицию летописных сказаний, однозначно приписывала вину за злодеяние Борису Годунову. Уместно напомнить, что впервые утверждение о замысле Годунову «извести Царевича Димитрия» публично озвучил пресловутый Василий Шуйский 1 июня 1605 года. Хотя существовало официальное расследование, имелось «следственное дело», но оно, в силу обозначенных выше причин, признавалось исследователями «недостоверным». К числу «обвинителей», помимо Карамзина, относились историки С.М. Соловьев (1820—1879) и Н.И. Костомаров (1817—1885).

Вторая точка зрения, принимавшая в расчет не только суждения сомнительного свойства, но и широкую совокупность исторических обстоятельств и причинно-следственных связей, не была столь резкой и однозначной. Исследователи, придерживавшиеся подобной позиции, отмечая недостатки и возможные умолчания «Следственного дела», вовсе не считали необхо-

димым сбрасывать его со счетов. Они рассматривали смерть в Угличе как трагический акт и признавали недостоверным не это событие само по себе, а утверждения о причастности к нему Бориса Годунова. Здесь-то как раз никаких надёжных подтверждений не существовало, а потому и «обвинения» Годунова квалифицировались как сугубо тенденциозные. Подобной точки зрения придерживались историки М.П. Погодин (1800—1875), Е.А. Белов (1826—1895), С.Ф. Платонов (1860—1933). Первым выступил против карамзинского обвинительного уклона М.П. Погодин¹⁰⁵. Особо значимой в ряду исторических изысканий о смерти Царевича Дмитрия следует признать работу А.Е. Белова, опубликованную ещё в 1873 году¹⁰⁶.

Именно в XIX веке в историографии были озвучены все аргументы за и против версии о непосредственной причастности Годунова к смерти Цесаревича Дмитрия (Дмитрия). Труды последующих исследователей принципиально ничего нового не внесли; в лучшем случае добавляли мелкие детали, не менявшие базовой системы мировоззренческих представлений. Самым важным событием в изучении «углицкого дела» стала реставрация документов и опубликование всех материалов следствия в 1913 году¹⁰⁷.

В XX веке в исторической литературе появились предположения, что гибель Цесаревича в 1591 года нельзя сводить только к боярским интригам и злоумышлениям; что её следует воспринимать в более широком историческом контексте. Пастырь-богослов Митрополит Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычёв, 1927—1995), категорически отвергая причастность Годунова к злодеянию, написал: «Смерть Царевича могла быть выгодна только тому, кто стремился уничтожить саму Россию, нанося удар в наиболее чувствительное место её церковно-государственного организма, провоцируя гражданскую войну и распад страны. В связи с этим небезосновательной выглядит версия о религиозно-символическом характере убийства Царевича, олицетворявшего собой будущее Православной русской государственности. Косвенными свидетельствами в её пользу служат сегодня многочисленные доказательства ритуального характера убийства Царственных Мучеников в Екатеринбурге в 1918 году»¹⁰⁸.

Безусловно, смерть в Угличе явилась фактором дестабилизации общественной ситуации в стране. О том, что это не просто событие «местного значения», а элемент большой геополитической композиции по расшатыванию России свидетельствовало то, что «по странному стечению обстоятельств» сразу после событий в Угличе крымский хан Казы-Гирей предпринял набег на Москву, намереваясь уничтожить столицу Руси. Его конному войнству удалось добраться («доскакать») до столицы, грабя и сжигая всё на своём пути. 4 июля 1591 года русские сокрушили орду пришельцев, но эта победа далась дорогой ценой.

Если учесть, что одновременно Русь уже второй год вела изматывающую войну со Швецией за прибалтийские территории, а шведы то же намеревались совершить «марш на Москву», то нетрудно понять, какая напряженная остановка царила в Москве. А на этом безрадостном внешнеполитическом фоне ещё и удар изнутри — страшное известие из Углича...

Можно смело резюмировать, что «версии» и «мнения» об Угличской трагедии будут появляться снова и снова, так как определенного ответа на исходный вопрос: кто же конкретно организовал, или, если воспользоваться современным криминальным жаргоном, «кто заказал» Царевича Дмитрия, нет, да и вряд ли когда-нибудь он появится. Однако это отнюдь не означает, что тему можно обойти стороной. Её категорически нельзя проигнорировать при жизнеописании Бориса Годунова. Сюжет о Царевиче Дмитрии поднимает обширный событийно-смысловой пласт Русской истории конца XVI — начала XVII века, когда решалась вообще судьба России и когда на авансцене действовал и фигурировал Борис Годунов в качестве одного из ведущих героев.

Конечно же, важно выяснить, мог ли вообще Годунов, по складу своей натуры, по характеру своей личной воцерковлённости, переступить заповедный предел и бросить вызов Богу — покуситься смертозлоумышлением на жизнь Царского сына? Если говорить кратко и определённо: не мог. А вот прежде, чем предложить разъяснения данного категорического императива, для этого требуется основательное погружение в русскую историческую проблематику.

Дмитрий был последним сыном Иоанна Грозного, а Самодержец Иоанн Грозный — фокус всей Русской средневековой истории. Потому и разговор о Первом Царе в данном случае не только уместен, но и просто неизбежен. Фактический образ Иоанна Грозного незримо витал над историческим действием в России и многие десятилетия после его кончины в 1584 году. Даже и не просто витал, а во многом определял историческую фабулу Русской истории. Царь Фёдор Иоаннович, Царь Борис Годунов, все Ажедмитрии — на всех этих фигурах как бы лежала печать Царя Иоанна.

Даже когда в 1613 году был призван на Царство первый Царь из Династии Романовых Михаил Фёдорович, то даже и тогда далекая, но родственная связь с Иоанном Грозным служила веским положительным аргументом в пользу Михаила Фёдоровича. К этому времени Первый Царь чтился на Руси как великий правитель. В Утверждённой грамоте об избрании на Московское Государство Михаила Фёдоровича Романова 1613 года Иоанн Грозный называется «христианской веры крепким поборником», в государственных делах «премудрым», от «храброго подвига которого все окрестные государства имени его трепетали»¹⁰⁹.

Практически во всех летописях послеиоанновой поры содержатся восторженные описания личности и дел Первого Царя. Для примера можно привести выдержку из «Московского летописца», где Царь именуется «превысочайшим и городояростным Российской державы Первым Царём и Великим князем всея Руси, Самодержцем, многих царств обладателем и Государем, тщением разума своего прегордые царства разорившего»¹¹⁰.

Пиететное отношение потомком к Царю Иоанну всегда озадачивало описателей истории, видевших в нём в первую очередь «тирана» и «душегубца». Народное поклонение перед памятью Иоанна потрясло уже Н.М. Карамзина. «Добрая слава Иоаннова пережила его худую славу в народной памяти; стенания умолкли, жертвы истлели, и старые предания затмилась новейшими»¹¹¹, — констатировал Карамзин. Народ оказался прозорливее и добросердечнее, чем многие историки, с каким-то патологическим мазохизмом вытаскивавшие на поверхность

только мрак и жестокость, акцентировавшие внимание почти исключительно на «злодействах», нередко просто придуманных.

По заключению историка Р.Ю. Виппер (1859—1954), Грозного «привыкли изображать в виде театрального тирана в русской и всемирной истории». Маститый специалист в области Средневековья совершенно обоснованно назвал подобное изображение «мифом»¹¹². Можно даже сильнее выразиться: это — чёрная, разрушительная выдумка.

Иоанн Грозный являлся выдающимся государственным деятелем XVI века. Значимость данной личности удостоверяли порой те, кто с ним общался и чьи глаза не были зашорены предубеждениями. В качестве подобного примера можно сослаться на оценку вице-канцлера эрцгерцога Карла Штейермаркского и посла Императора Священной Римской Империи Максимилиана II (1527—1576) Кобенцеля фон Проссека, ведшего с Царём Иоанном переговоры в январе 1576 года.

«Так в речах и делах своих он (Царь. — А.Б.) весьма спор. И представляется он многомудрой головой и может менять обличия, как мы могли увидеть, что в отношениях одних он чистая сладость и мёд, в отношении же других, что его не сразу понимают, чистая желчь и горечь, так и то и другое видно по его взорам. Свою репутацию и величие он держат весьма высоко. И природой он в такой мере одарён, что среди множества простого люда, если бы он был в их одежде, его можно было бы сразу признать за большого важного господина»¹¹³.

В русле данного изложения бурная, яркая и судьбоносная эпоха царствования Иоанна Грозного не может явиться предметом сколько-нибудь основательного рассмотрения. К тому же автор посвятил Первому Царю специальную работу, к которой интересующегося читателя и отсылает¹¹⁴.

Ниже будут обозначены только некоторые принципиальные понятия и смысловые ориентиры, являвшиеся определительными рубежи эпохи. Особое значение имеет восстановление в оригинале оболганных страниц семейной жизни Иоанна Грозного, с указанием главных инспираторов лжи. Без всего этого событийно-смыслового контекста адекватно осмыслить исто-

рию с Царевичем Дмитрием невозможно. Ведь и Борис Годунов входил в ближний родственный круг Грозного Царя в последние годы его жизни...

Царь Иоанн Васильевич родился 25 августа 1530 года¹¹⁵ в селе Коломенское под Москвой, преставился 18 марта 1584 года в Московском Кремле, приняв перед уходом постриг с именем Иона, был погребен в Архангельском соборе в монашеском одеянии. Позже его назовут «Грозным», хотя современники не знали подобного определения и им не пользовались¹¹⁶.

Выдающийся русский лексикограф В.И. Даль (1801—1872) дал народную интерпретацию эпитета применительно к правителю: «Мужественный, величественный, повелительный и держащий врагов в страхе, а народ в повиновении»¹¹⁷. Только в данном смысле и следует воспринимать указанный народный титул применительно к Иоанну Васильевичу, а совсем не в тех произвольных и тенденциозных значениях, которые ему приписывают. В переводах на иностранные языки термин «Грозный» переводят как «кровавый», «ужасный», «страшный», что совершенно искажает русское смысловое содержание.

Исторической эпитафией Первого Русского Царя стали слова святого Первопатриарха Иова, сказанные почти через два десятка лет после кончины Грозного: «Благочестивый тот Царь и Великий князь всея Руси Иоанн Васильевич был разумом славен и мудростью украшен, и богатырскими победами славен, и во всем царском правлении достохвально себя проявил, великие и невиданные победы одержал и многие подвиги благочестия совершил. Царским своим неусыпным правлением и многой премудростью не только подданных богохранимой своей державы поверг в страх и трепет, но и окрестных стран иноверные народы, лишь услышав царское имя его, трепетали от великой боязни»¹¹⁸.

Иоанн наследовал титул Великого князя Московского в возрасте трех лет, после смерти отца — Великого князя Московского Василия III Иоанновича (1479—1533, Великий князь с 1505 года). По отцу он — потомок в пятом поколении легендарного победителя хана Мамай Великого князя Владимирского

Дмитрия Ивановича Донского (1350—1389). По матери — Елене Васильевне Глинской (1508—1538), Грозный, как некоторые считают, являлся потомком разгромленного в 1380 году русскими хана Мамай (ум. 1380) ¹¹⁹. Это только одна часть родословия, причём не самая древняя.

Иоанн Васильевич по отеческой линии преемник двух великих династий. Первая — Рюриковичи — восходила к IX веку, к легендарному Рюрику (ум. 879) — основателю правящего владетельного рода в Древней Руси. Отец Грозного — Василий III (1479—1533), дед — Иоанн III (1440—1505), прадед — Василий II (1415—1462) — Великие князья Московские, все происходили из потомков Рюрика.

Бабка же Иоанна, Великая княгиня Софья (Зоя) Фоминична (1456—1503), являлась урожденной греческой принцессой, внучкой «Императора ромеев» (1391—1425) Мануила II. Она приходилась племянницей двум последним греческим Императорам: Иоанну VIII (1425—1448) и Константину XI¹²⁰ (1448—1453) Палеологам, правителям Империи, которую ныне именуют Византией¹²¹. Её дядя, Император Константин, погиб при защите Константинополя от турецкого нашествия в 1453 году и был причислен Православной Церковью к лику Угодников Божиих. Династия Палеологов правила в Константинополе (Царьграде) последние двести лет существования «Империи ромеев» (1259—1453).

Из европейских монархов по степени династического достоинства с Иоанном Грозным никто не мог сравниться. Первый Царь прекрасно знал своё родословие и понимал собственную исключительность в мире коронованных особ. Это свое избранничество он много раз демонстрировал в переписке с властелинами разных стран и народов.

Здесь уместно сделать одно уточнение. Иоанна Грозного со времени Н.М. Карамзина титулуют «Четвёртым», рассчитывая очередность Иванов на Московском княжении от Московского князя Ивана Даниловича Калиты (1282—1340). Московский стол потом занимали отец Дмитрия Донского — Иван II (1326—1359), а затем «двойной тёзка» и дед Первого Царя — Великий Московский князь Иоанн Васильевич (1440—1505), которого

в народе величали и Великим, и Грозным. Однако по точному счёту Иоанн Грозный должен титуловаться Иоанном Первым, учитывая, что он приобрёл высший из возможных земных владетельных титулов — Царский...

В январе 1547 года Иоанн Васильевич в Успенском соборе Московского Кремля венчался на Царство, став Первым Царем в Русской истории. Это был не просто выбор новой властной атрибутики; это было признание всемирной миссии Руси. Теперь, и де-факто и де-юре, функция «Священного Царства», некогда принадлежавшая Константинополю, перешла к Москве. Идея «Вечной Империи» нашла новое историческое воплощение в образе Московского Царства и Московского Царя.

Отныне Русь — не просто государство и правление; но — в первую очередь исполнение мессианского задания, ниспосланного Всевышним Вечной Империи: евангелизации рода человеческого и приуготовлению его ко Второму Пришествию. Как написал в этой связи Митрополит Петербургский и Ладожский Иоанн: «Воцарение Грозного стало переломным моментом: русского народа — как народа-богоносца, русской государственности — как религиозно осмысленной верозащитной структуры, русского самосознания — как осознания богослужебного долга, русского “воцерковленного” мироощущения — как молитвенного чувства промыслительности всего происходящего. Соборность народа и его державность слились воедино, воплотившись в личности Русского Православного Царя»¹²².

Провиденциальная мессианская миссия Московии, так явно ощущаемая людьми середины XVI века, явила новое русское национально-государственное мировоззрение, поднимавшее Русь на особое место в мировом ходе времен. Русская эсхатология, русские упования отнюдь не сводились к ожиданию конца света; это было осознание открывшегося бескрайнего пути нравственного самосовершенствования, молитвенного усердия, истинного благочестия. Ведь Сам Бог ниспослал Руси всемирную роль, тяжелейшее бремя ответственности и долга — быть Его уделом. И вполне закономерно, что страна вослед за Святой Землей начинает именоваться «Святой Русью». Это был идеал, это — предел стремления русского социума XVI века. Других

примеров подобного возвышенного, надмирного восприятия не «государства», а «земли» в мировой христианской истории не существует.

Эсхатологическое ощущение времени чрезвычайно важно учитывать при характеристике мировоззрения Царя Иоанна, насквозь пронизанного экстремальным порывом, сверхличностным устремлением в сакральную высь. Он всю свою сознательную жизнь стремился служить Богу и видел предназначения Промысла там, где другие разглядеть Волю Божию были не в состоянии. По словам одного из европейских гостей, общавшегося с Первым Царём, повелитель Московии называл себя «Самодержцем», то есть правителем, «который держит один управление». Девизом великого князя Иоанна Васильевича было: «Я никому не подвластен, как только Христу, сыну Божию»¹²³.

Сохранившиеся документы и свидетельства подтверждают: мироощущение Первого Царя всегда было кафоличным (все-ленским) и эсхатологичным (мироконечным). Схожими являлись представления и ощущения Бориса Годунова. Хотя здесь свидетельств «прямого отражения» значительно меньше, чем в случае с Грозным, но нет ни одного, которое бы опровергало подобное нравственно-духовное мироощущение.

Подавляющая же часть историографии как отечественной, так и зарубежной, взращенная в линейной системе позитивистско-материалистических координат, традиционно игнорирует подобную духовно-душевную организацию человеческой личности. Потому и возникают бесчисленные одномерные примитивные схемы, модели и описания, часто говорящие не о героях истории, а только об узости понятийного и смыслового горизонта самих авторов. При линейном взгляде на поток времени происходит не только сужение и «приземление» исторического горизонта, но и подмена исторического смысла.

Подобная аберрация исторического мировосприятия обусловлена гносеологическими причинами. Как точно выразился один из современных исследователей, «современному сознанию, в большей степени рационалистическому и даже атеистическому, совсем не просто проникнуть во внутренний мир человека, живущего совершенно по другим законам. По законам

глубоко религиозно-мифологическим. Такое было время тогда, в XVI столетии. Такими были и люди»¹²⁴.

Философия власти, которую выражал и отстаивал Первый Царь, с позиции безбожного мира, с точки зрения «гуманизма» и «толерантности» XIX—XX—XXI веков может выглядеть «архаичной», «средневековой» и даже «кровожадной». Но это — только аберрация исторического зрения, смещение понятий и подмена смыслов. После цивилизационных катастроф века XX, после печей Освенцима, Бухенвальда и Дахау, после ГУЛАГА, после чудовищных бомбардировок Дрездена, Нюрнберга, Хиросимы, Нагасаки, после тотального истребления всего живого в ходе «ковровых бомбардировок», стенания политиков, публицистов и историков о «жестокостях» многовековой давности выглядят только откровенным кликушеством. Однако негодующие и лицемерные вердикты, осуждающие «насилие» Первого Царя, звучат и звучат, и несть им числа...

Царь Иоанн являлся человеком XVI века. Он, конечно же, не был совершенен и подавлял неугодных всеми возможными способами, в том числе и казнями, на что имел полное моральное право как Царь Миропомазанный, ответственный за свои деяния только перед Богом. В гневе он действительно был страшен.

Однако мартиролог его жертв не шёл ни в какое сравнение со списками убиенных его современниками, западноевропейскими корононосителями. Что касается смертоубийств, то, например, по сравнению с английскими Тюдорами, Рюриковичи, в том числе и Царь Иоанн, выглядели скромными «провинциалами». Поэтому говорить о какой-то исключительно «русской жестокости» могут лишь те, кому «беспредельно дорог» старый русофобский идеологический ангажемент. Как документально заключал исследователь, «английские, испанские и французские короли того же XVI века отправили на казнь *в сто раз* больше людей, чем наш Грозный Царь»¹²⁵.

Тенденциозные утверждения о каких-то особых «злодеяниях» Первого Царя, которые уже в XVI веке циркулировали в Западной Европе, совершенно не соответствовали восприятию Самодержца в самой России, что не раз озадачивало иностранных визитёров.

Посланец папы (1572—1585) Григория XIII образованный иезуит Антонио Поссевино (1534—1611), ведший в 1582 году переговоры с Первым Царём и состоявший с ним в переписке, в своём трактате о посещении Московии написал: «Нынешний правитель Московии, Иоанн Васильевич, говорят, ещё ночью поднимается, чтобы идти к заутрене, ежедневно бывает на дневном и вечерних богослужениях. Говорят, что когда его спросили об этом, он ответил: “Разве мы непорочнее Давида? Почему же нам не вставать по ночам к заутрене для покаяния перед Господом, не орошать слезами наше ложе, не смешивать хлеб с пеплом, питьё со слезами?”. Кроме того, ежедневно он кормит около 200 бедняков, которым каждое утро даёт по деньге (это четверть динария), а к вечеру даёт по два ковша пива».

Поссевино ненавидел Царя — он ведь отверг католическую идею об «унии» Католичества и Православия, а потому миссия Поссевино фактически провалилась — должен был как-то объяснить народное почитание Царя. И он его «разъяснил». По его словам выходило, что указанные благочестивые деяния Монарха — молитва и милостыня — «настолько застилают глаза народу, что он либо совсем не видит пороков своих правителей, либо прощает их и истолковывает в лучшую сторону»¹²⁶.

Поссевино озвучивал мысль, которая потом стала камертоновой у Карамзина и многих других авторов. Русский народ в глазах западных гастролёров оказывался «глупым» и «забитым», а потому чужестранцы легко различали «грехи» русских правителей, а подданные Царя видели только то, что было дорого и понятно православной душе.

Все ненавистники Первого Царя до сего дня не могут постичь «немыслимое» для них обстоятельство: почему за десятилетия правления «тирана», «садиста» и «душегуба» против него не только не вспыхнуло ни одного «восстания», но даже ни единого народного «недовольного брожения» не возникло. И, несмотря на постоянное «ухудшение жизни народных масс» — это излюбленное историографическое клише, ни в какой части огромного Царства за сорок лет не вспыхнул бунт. Почему же? Тут у разоблачителей всех мастей полный «концептуальный столбняк».

А всё же было просто и ясно. В народном сознании Иоанн Васильевич являлся Царём «исконным», «природным», «христолюбивым»; Царём грозным и справедливым. Он — Богом данный правитель, а разве против Воли Божией можно восставать!

Иоанн Васильевич отличался тем, в чем никогда не были замечены его коронованные современники. Он остро осознавал собственную греховность, каялся лично и даже публично, что свидетельствовало о живом чувстве Христопреданности. Истязал свое несовершенное естество многодневными постами и многочасовыми молитвами. Постоянно отправлял в крупнейшие монастыри — Троице-Сергиев, Кирилло-Белозерский, Соловецкий и другие — «заупокойные вклады», порой весьма крупные, на помин душ убиенных. В конце концов, распорядился занести все имена казенных в особый Синодик, который был разослан по обителям для молитвенного поминовения усопших. Он заботился о душах тех, кто погиб по его почину, желая избавить их в ином мире от «огня дьявольского».

История Царского Синодика сложна и поучительна. Давно было известно о нем, и историки много раз пытались найти этот важнейший документ, который позволил бы предметно судить о масштабах «террора», о котором так много всегда говорилось, но конкретные данные если и приводились, то выглядели просто фантастическими. Петербургский профессор Р.Г. Скрынников (1931—2009) провел сложнейшую работу по выявлению отдельных уцелевших фрагментов, а затем и воссоздал ценнейший исторический источник, который и был опубликован¹²⁷.

Часто утверждается, что «массовый террор» Царя Иоанна длился 15 лет и главные жертвы пришлось на период Опричнины, существовавшей с 1565 по 1572 год. Внимательное изучение фактических данных позволило исследователю сделать вывод, опровергающий давние историографические трюизмы «о десятках тысяч жертв». «Традиционные представления о масштабах опричного террора нуждаются в пересмотре. Данные о гибели многих десятков тысяч людей крайне преувеличены. По Синодику опальных, отразившему подлинные опричные до-

кументы, в годы массового террора было уничтожено около 3000—4000 человек»¹²⁸.

Историк привел сводный список погибших, который включает около 3700 человек¹²⁹. Конечно, приведенные цифры нельзя считать абсолютными, но то, что они отражают реальное положение вещей, в том невозможно сомневаться. При этом надо обязательно принимать к сведению, что правил Иоанн Грозный безраздельно, самовластно более сорока лет...

Оставим в стороне риторические восклицания моралистов всех мастей о том, что и это — «ужасные цифры». Важно только подчеркнуть, что европейская история XVI века подарила миру целую галерею кроважанных правителей: Король Генрих VIII, Королевы Мария Кровавая и Елизавета I в Англии, Филипп II в Испании, Христиан II в Дании, Эрик XIV в Швеции, Император Священной Римской Империи германской нации Карл V, каждый из которых умертвил куда больше людей, порой в десятки раз, чем их коронованный современник из далёкой Московии.

Данный «статистический аспект» необходимо знать всем, кто интересуется историей Отечества. Следует ясно понимать, что Россия и в Средние века совсем не была неким уникальным «царством террора». В ту эпоху «передовая Европа» по количественным показателям насильственно отнятых жизней, оставляла далеко позади «отсталую Россию»...

Одним из самых запутанных и самых извращённых сюжетов в биографии Иоанна Грозного является его семейная жизнь. Это объясняется не только «плохой сохранностью» документальных данных, но и явным злым умыслом многих и многих людей, рисующих портрет Первого Царя и с этой стороны в самом непривлекательном виде.

А как же иначе: ведь «кровавый тиран» обязательно должен быть «сугубо» аморальным, «глубоко» безнравственным! Такова исходная «творческая» установка, для подтверждения которой все средства хороши, все самые грязные слухи и сплетни пригодятся. И пишут и пишут об этом без устали, не имея ни данных, ни фактов, а только одни пристрастные «суждения», как то началось ещё с Н.М. Карамзина. Давно настала пора отделить «зерна от плевел», говорить правду, основанную только

на знании исторической фактуры. При таком подходе сразу же рушатся многие ветхие и непристойные стереотипы

Бытует точка зрения, что, вопреки церковным правилам и нормам христианской морали, Иоанн Грозный «женился семь раз», хотя православная традиция допускает только три брака. Подробный перечень царских браков привёл «Московский летописец».

«Лета 7089-го (1584) в Великой пост в четвертую субботу преставился Царь и Великий князь Иоанн Васильевич всея Руси, был на государстве много лет, а был женат 7-ми браками: 1 — Царица и Великая княгиня Анастасия Романовна, от неё же 1 сын Царевич Дмитрий, в младенчестве утонул в Шексне реке тем обычаем, как Государь ходил молиться в Кирилов монастырь на судах вверх Шексною и из стану из шатров на судно Царевича несла кормилица на руках, а кормилицу вели под руки царевичевы дядьки бояре Данило Романович да Василей Михайлович Юрьевы, и по грешному делу Царевич из руки у кормилицы упал на сходню, а [с] сходни в воду, и того часа выхватили, и он залился (утопился)¹³⁰; 2 сын Царевич Иоанн, преставился в совершении возраста; 3 Царевич Фёдор был после отца на государстве, да две царевны; 2 — Царица и Великая княгиня Марья дочь Темрюка, князя черкасского из Пятигор, от неё был сын Царевич Василий, во младенчестве не стало; 3 — Царица Марфа Васильева дочь Собакина; 4 — Царица Анна Александрова дочь Колтовских, в инокинях Дарья; 5 — Царица Анна Григорьева дочь Васильчикова; 6 — Царица Марья Фёдоровна дочь Фёдоровича Нагова, от неё был сын Царевич Дмитрий, после отца остался полутора года, дан ему был в удел и с матерью Углич. И как достиг 9-го году, заколот был, как агнец незлобивый, умышлением Борисовым, а Царица пострижена, став инокиней Марфой»¹³¹.

Необходимо отметить сразу же: в перечне присутствуют только «шесть жён», а не семь, как заявлено вначале. Оставим до другого времени разговор о якобы «убиенном» по приказу Бориса Годунова Царевиче Дмитрие и о «несчастной» шестой-седьмой жене Иоанна Грозного Марии Нагой и рассмотрим подробнее весь матримониальный ряд.

В 1547 году не прошло и трех недель после царской коронации, и 3 февраля того года «Царь и Великий князь всея Руси» женился на восемнадцатилетней Анастасии Романовне Захарьиной-Юрьевой, дочери умершего к тому времени окольного¹³² Романа Юрьевича Захарьина-Кошкина. Этот боярский род позже стал называться Романовыми, представитель которого Михаил Федорович и был избран на Царство в 1613 году.

Обряд венчания Царя Иоанна в Успенском соборе Кремля совершал святитель Митрополит Макарий (1482—1563, Митрополит с 1542 года). Как сообщает летопись, «и была радость великая о государеве браке».

После смерти Анастасии от тяжелой и неопознанной болезни в августе 1560 года Царь в 1561 году женился на крещеной Черкасской княжне Марии (Кученей) Темрюковне, скончавшейся в сентябре 1569 года. Этот брак может рассматриваться в качестве важной политической акции. Царь хотел породниться с влиятельным княжеским родом, чтобы закрепить господство России на Северном Кавказе, в так называемом Пятигорье. В конце 1560 года Царь послал сватов Ф.К. Вокшенина и С. Мякинина на Кавказ «у Черкасских князей дочерей смотрети». Им приглянулась юная Кученей — ей еще не было и пятнадцати лет — дочь князя Темрюка Идаровича — князя — правителя Кабарды. Еще в 1557 году Темрюк Идарович просил Царя принять Кабарду в русское подданство, что и было исполнено.

Дочь князя Темрюка Кученя (по другим источникам, Гошаня) в сопровождении свиты 15 июля 1561 года прибыла в Москву на смотрины и оказалась «любой» Иоанну. Через пять дней, 20 июля, Митрополитом Макарием избранница была крещена и получила имя Мария. Прошел месяц, и 21 августа 1561 года юная княжна, знавшая по-русски всего лишь несколько слов, была обвенчана в Успенском соборе Кремля с «Царем и Великим князем всея Руси». Свадьбу сопровождал праздничный трехдневный царский пир, и «народ веселился». Послушность, верность и скромность юной горской красавицы нравились Грозному, и он брал жену в регулярные свои паломничества по монастырям. Умерла Мария в сентябре 1569 года.

Два года Иоанн Васильевич оставался вдовцом, а 28 октября 1571 года женился снова на девятнадцатилетней Марфе Васильевне Собакиной, умершей через несколько дней после свадьбы (13 ноября), не потеряв своей невинности. Считается, что четвертой женой Иоанна стала в апреле 1572 года Анна Алексеевна Колтовская, которая через несколько месяцев была пострижена в монахини и окончила свои дни в монастыре под именем инокини Дарьи в 1626 году.

Анна Колтовская, как и Марфа Собакина, происходила из коломенских дворянок, и, прежде чем на ней жениться, Царь обратился в апреле 1572 года к церковному Собору, состоявшему из трех архиепископов, семи епископов, множества архимандритов и игуменов. Собор созывался в Москве по случаю избрания нового Митрополита вместо скончавшегося 8 февраля Кирилла (1568—1572). Но, прежде чем решать вопрос о Первоиерархе Церкви, собравшиеся слышали покаянное слово Царя, вызвавшее у немалого числа присутствовавших слезы.

«Первую мою жену Анастасию, с которой я жил тринадцать с половиной лет, злые люди отравили; вторую, Марию, после осьмилетней супружеской жизни также отравили; третью, Марфу, испортили еще до венца, и хотя я женился на ней в надежде на ее выздоровление, но через две недели она скончалась, сохранив нерушимым свое девство. В глубокой скорби хотел было облечься в иноческий образ, но, видя бедствия государства и еще несовершеннолетний возраст моих детей, дерзнул приобщиться четвертому браку. И ныне умиленно прошу святительский Собор простить меня и разрешить жениться и молиться о моем грехе»¹³³.

Иоанн прекрасно осознавал свою греховность и просил церковного разрешения на брак, хотя, как явствует из многих сочинений, «был тираном» и «мог творить всё, что угодно». Казалось бы, что Церковь, «запуганная» жестокими методами правления, «репрессиями», должна была безропотно согласиться. Однако этого не произошло. Собор провел специальное обсуждение в храме Успения Богородицы и вынес 29 апреля 1572 года своё заключение: брак разрешить, но наложить на Царя трехлетнюю епитимию¹³⁴.

Суть её состояла в следующем. В первый год в собор вообще не входить до Пасхи. Во второй год стоять в церкви с оглашенными. На третий стоять Царю в Церкви с верующими, и, когда придет третья Пасха, духовник удостоит приобщиться Святых Тайн Христовых. Наказание было суровым, а для особы христианского монарха вообще беспрецедентным. Иоанн несколько месяцев неукоснительно исполнял соборное решение. Сохранились даже летописные описания того, что, прибыв к храму, он оставался у стен его, в то время как дети молились в самой церкви.

В определении Собора имелся пункт, согласно которому с Царя снимается епитимия, «если он пойдет войною против неверных за святые церкви и за православную веру». И такое событие случилось в начале августа 1572 года. Русское воинство во главе с И.М. Воротынским в 45 верстах от Москвы при селе Молоди разгромило соединенную Крымско-Ногайскую орду. Царь с конца мая находился в Новгороде, и весть о победе туда пришла 6-го числа, а уже 7-го он в Софийском соборе отстоял благодарственный молебен. Войска выполняли волю царскую, и повелитель незримо присутствовал там, где сражалась его рать.

Вместе с Иоанном в Новгороде находилась и Анна Колтовская, а когда он в конце августа вернулся в Москву, то к тому времени их совместная жизнь и завершилась. В сентябре 1572 года Колтовская уже была «инокиней Дарьей». Самое замечательное во всей этой истории, что в документах нет никаких данных о процедуре самой царской свадьбы, как будто её вовсе и не было.

В летописях встречаются имена и других царских избранниц: Анны Григорьевны Васильчиковой, умершей в 1626 году, и «вдовы дьяка» Василисы Мелентьевны Ивановой, о которой вообще никаких биографических сведений не существует.

Последней, «седьмой женой» Царя стала в сентябре 1580 года Мария Фёдоровна Нагая, умершая в 1612 году в монастыре под именем инокини Марфы. Иногда можно встретить и другие имена избранниц, но вышепоименованные — самые растиражированные.

Семь жен — таков популярный матримониальный список Иоанна Грозного. Этот «перечень» вызывает немало вопросов. Кроме Анастасии Захарьиной-Романовой, Марии Черкасской, Марфы Собакиной и Марии Нагой, обо всех остальных «избранницах» практически нет никаких достоверных известий. Некоторые авторы, признавая, что «сведения о некоторых женах относятся к области легенд и преданий», тем не менее далее спокойно перечисляют семизначный матримониальный ряд¹³⁵.

Можно обоснованно предположить, что ввиду различных исторических причин сведения о царских избранницах просто «не сохранились». Допустим, но ведь не сохранились даже могилы. В Вознесенском монастыре Кремля¹³⁶, где находилась усыпальница великих княгинь и цариц, рядом с матерью Иоанна Грозного Еленой Васильевной (1508—1538) были похоронены только четыре упомянутые выше супруги. Причем их хоронили там даже через многие годы и после смерти Иоанна Грозного (Мария Нагая).

Как обоснованно заключил один из исследователей, «четыре супруги — безусловное нарушение церковного канона. Но, во-первых, не семь-восемь. А во-вторых, третья супруга Царя, Марфа Собакина, тяжело заболела и умерла через неделю после венца, так и не став царской женой де-факто. Для подтверждения этого была создана специальная комиссия, и на основании ее выводов Царь получил впоследствии разрешение на четвертый брак»¹³⁷.

В литературе существуют данные, что Иоанн Васильевич делал крупные заупокойные пожертвования по скончавшимся своим избранницам, особенно значительные — в Троице-Сергиев монастырь. После смерти Царицы Анастасии монастырю на помин души усопшей было пожертвовано 1000 рублей, по Марии Черкасской — 1500 рублей, по Марфе Собакиной — 700 рублей. В этом же перечне почему-то фигурирует и пожертвование «на помин души» Анны Васильчиковой — 850 рублей, что представляется совершенно невероятным, учитывая, что она скончалась более чем через сорок лет после смерти Царя Иоанна¹³⁸.

Согласно монастырским «вкладным книгам», Царь Иоанн в 1562 году пожертвовал Троице-Сергиевому монастырю на

помин души «Царицы Анастасии» 1000 рублей, в 1570 году — 1800 рублей по «Царице Марии», а в 1572 году по «Царице Марфе» — 700 рублей. В свою очередь, Кирилло-Белозерский монастырь получил в 1562 году 500 рублей по Анастасии, в 1570 году — 500 рублей по Марии, в 1572 году по «Царице Марфе» — 200 рублей. Больше никаких денежных пожертвований ни по «жёнам», ни по «царицам», ни об их упокоении, ни о здравии Иоанн Грозный никогда не делал¹³⁹.

Жена, да еще Царская, по представлениям XVI века — это не просто «сожительница», а только та, кто прошла церковный обряд вступления в брак с мужчиной. Одно дело, «возлюбленная», «фаворитка», «наложница», и совершенно другое — супруга правителя. Царское венчание было невозможно сохранить в тайне; какие-то отголоски, наблюдения непременно запечатлелись бы. В данном случае о трёх «бракосочетаниях» не осталось ничего, так их просто не было. Как удачно выразился один автор, говоря о пресловутой «жене Василисе», «связь с невенчанной Василисой Мелентьевой была лишь данью природе»¹⁴⁰.

Венчание Царя являлось государственным событием, сопровождалось не только публичным церковным действием, но и многолюдными пирами, различными «милостями» и «дарами». Когда Царь отправлялся в терем к жене-царице, а жили они всегда порознь, то Москва оглашалась колокольным звоном, призывая православных молиться за дарование Руси царского члада. Так что скрыть брак Царя было практически невозможно; о нём всегда хорошо были уведомлены не только царские приближенные, но и простые обыватели.

Чаще всего в качестве подтверждения «матримониального списка» Иоанна Грозного ссылаются на записки иностранцев. Обратимся к этому, в смысле надежности, весьма зыбкому документальному источнику.

Англичанин Джером Горсей (ок. 1550—1626), представлявший в России интересы «Московской компании»¹⁴¹ в 1573—1591 годах, выполнявший личные поручения Иоанна IV и врашавшийся в высшем московском обществе, в своей книге о путешествии в Россию утверждал, что Царь был женат пять раз. При этом он насочинял и откровенных небылиц. Якобы вторую

жену Марию Черкасскую, умершую в сентябре 1569 года, Иоанн «постриг в монахини и поместил в монастырь». Затем женился на Наталье Булгаковой, которая через год «была пострижена в монахини»¹⁴². О тенденциозных измышлениях иностранцев говорить отдельно не будем. Ограничимся лишь констатацией общеизвестного: никакой «жены» Натальи никогда в действительности не существовало.

Личная жизнь Первого Царя окутана порой легендами самого низкопробного свойства. Можно найти уверенные заявления о том, что Иоанн устраивал «оргии», что к нему якобы приводили «толпы девиц и женщин», с которыми он предавался «необузданному разврату». В сочинении подобных грязных историй усердствовали иностранцы, а потом и отечественные авторы немало потрудились. В основе же — ничего подлинного, достоверного; только слухи, клевета, одним словом — мутная пена низких человеческих страстей.

Иногда описания принимали форму откровенных патологических видений. В сочинении упоминавшегося Джерома Горсея можно, например, прочитать следующее: «У Царя начали страшно распухать половые органы — признак того, что он грешил беспрерывно в течение пятидесяти лет; он сам хвастался тем, что растлил тысячу дев, и тем, что тысячи его детей были лишены им жизни!»¹⁴³ Тут уже все ниже всякого анализа, но ведь цитируют и цитируют как «доказательство разврата». Конечно, это «доказательство», но не морального облика Царя, а уровня представлений тех, кто пишет, а по сути дела, инсинуирует по адресу всех и вся.

Тема об интимной жизни Первого Царя содержит одно внутреннее противоречие, которое, естественно, измышлители и лжецы всех мастей обходят стороной. Если Царь был так падок на необузданные улады, а «разврат» являлся для него чуть ли не повседневной потребностью, то чем объяснить его стремление иметь законную супругу? Такая постановка вопроса сразу же обращает в ничто все домыслы о «тысячах дев» и «тысячах незаконнорожденных детей», некоторых из которых он «душил собственными руками»! Подобное грязное непотребство тоже встречается в литературе...

Вполне определенно можно говорить о четырех браках Иоанн Грозного. Если учитывать, что Марфа Собакина умерла девственницей, то фактически — о трех. Историческая подлинность таких фигур, как Анна Колтовская, Анна Васильчикова и Василиса Мелентьева, отнюдь не доказывает, что они стали и женами-царицами. Возможно, они являлись лишь «любезными сердцу» Царя Иоанна. Один из исследователей по этому поводу заметил, что «с последними женами Царь жил без венчания»¹⁴⁴. Но если он жил «без венчания», значит, они ни в юридическом, ни церковном смысле женами не являлись. В XVIII веке их, вероятно, назвали бы «фаворитками», а в более поздние времена — «сожительницами». И не более того.

Совершенно точно известно следующее. У Иоанна Грозного родилось восемь детей и все от жен в подлинном смысле этого слова. Анастасия родила ему Анну (1549—1550), Марию (родилась и умерла в 1551 году), Дмитрия (октябрь 1552 — июнь 1553), Иоанна (1554—1581), Фёдора (Феодора, 1557—1598) и Евдокию (1556—1598). Мария Черкасская родила сына Василия (родился 2 марта, умер 6 мая 1563 года), а Мария Нагая — сына Дмитрия (1582—1591).

Цепь трагических неудач и несчастий преследовала Царя Иоанна и его детей. Первый сын Дмитрий — радость и надежда отца — трагически погиб: его «уронила» в реку нянька, и хотя малютку быстро извлекли на берег, но уже бездыханного. Умерли в малолетстве три дочери. В 1581 году, 19 ноября, скончался на двадцать восьмом году жизни сын, наследник Престола Иоанн Иоаннович.

Эта смерть до сих пор служит поводом для безапелляционных обвинений Первого Царя в «садизме» и «душегубстве». Царь убил собственного сына! Таков самый распространенный тезис, утвердившийся в литературе еще со времен Н.М. Карамзина, первым подробно описавшего этот трагический эпизод. По мнению «последнего летописца», сын вызвал у Царя вспышку гнева с тем, что хотел возглавить войско для войны с польскими захватчиками, в то время как Царь стремился заключить мир. Далее следовала патетически-драматическая сцена в сти-

ле древнегреческой трагедии. Якобы Царь Иоанн «в волнении гнева» закричал: «Мятежники! Ты вместе с боярами хочешь свергнуть меня с престола!» Затем Царь «дал несколько ран острым жезлом своим и сильно ударил им цесаревича в голову. Сей несчастный упал, обливаясь кровию. Тут исчезла ярость Иоаннова. Побледнев от ужаса, в трепете, в исступлении он воскликнул: «Я убил сына!» — и кинулся обнимать, целовать его; удерживая кровь, текущую из глубокой язвы; плакал, рыдал, звал лекарей; молил Бога о милосердии, сына о прощении. Но суд небесный свершился. Цесаревич, лобызая руки отца, нежно изъявил ему любовь и сострадание...».

Яркая, пронзительная по выразительности картина! Это просто готовая сценография для исторического полотна, которое и создал в 1885 году художник-передвижник Илья Ефимович Репин (1844—1930), назвав его «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года». Это грандиозное произведение — 2 на 2,5 метра — считается живописным шедевром и украшает собрание Государственной Третьяковской галереи в Москве.

Николай Михайлович Карамзин обладал богатым воображением и мастерством художественного слова и сумел запечатлеть собственный взгляд на историческое действие, которое в данном случае ни на чем, кроме фантазии историографа, не было основано. И.Е. Репин живописно воплотил этот вымысел на полотне. Мрачно-кровавый фон картины, а в центре — старик с безумным выражением лица, обнимающий сильными костлявыми руками бессильно распластанное тело молодого человека. А на голове Цесаревича, в области левого виска, кровавая рана и струится кровь, которую тиран-убийца прикрывает своей рукой¹⁴⁵.

Художественное произведение оказало на современников и потомков просто какое-то магическое действие. За полотном в обиходе утвердилось совершенно привольное название: «Иван Грозный убивает своего сына». Репродукция картины воспроизводится в большинстве изданий, где говорится о времени Первого Царя, и даже — в школьных учебниках¹⁴⁶. Художественный вымысел получил как бы документальную сатисфакцию.

Создателем грязного вымысла об Иоанне Грозном как о «сыноубийце» стал ненавистник Православия и России иезуит Антонио Поссевино (1534—1611). В 1582 году он побывал в Москве, где в присутствии Иоанна Грозного провёл «диспуты о вере», проиграв Царю в этом противостоянии по всем статьям. Потом он написал сочинение о России, где дал волю своей уязвленной гордыни: он не только не смог склонить Русского Царя к унии с Католицизмом, то есть подчинить Православие Риму, но и не добился никаких преференций для католиков в России. Примечательно в этой истории то, что сплетня иезуита стала чуть не хрестоматийной для многих авторов, воссоздававших исторический портрет Первого Царя...

О «Иоанне младом» сохранилось немного подлинных сведений. Известно, что отец очень заботился о его воспитании, сам просвещал его в Писании, брал собой постоянно в паломничества по святым обителям. Иоанн Иоаннович вырос образованным, духовно зрелым человеком. В 1579 году, через год после прославления, он написал канон преподобному Антонию Сийскому и переработал его Житие¹⁴⁷.

С детства Царь приучал Цесаревича к «государеву делу». Сын постоянно следовал за отцом: в военных походах, на приемах послов. Имеются указания и на то, что присутствовал он и на некоторых казнях царских врагов. Наследник престола должен был с малолетства знать, что враги Царя — враги Христа, к ним не может быть милости или снисхождения.

Сын никогда не перечил воле отца даже в вопросе выбора невесты. Был женат трижды. В 1571 году на Евдокии Сабуровой, которая в том же году была пострижена в монахини. Второй раз, в 1574 году, опять по воле отца, Цесаревич женился на дочери рязанского сына боярского М.Т. Петрово-Солово — Феодосии. Как и в первом случае, в связи с бесплодием вторая жена была в 1579 году пострижена в монахини. В третий раз, в 1580 году, Иоанн Иоаннович женился на Елене, дочери И.В. Шереметева. В конце 1581 года в этой семье ожидалось появление ребенка. И так случилось, что Цесаревича не стало, а Елена разрешилась от бремени мертворожденным. Иоанн Грозный так и не увидел появления внука...

В начале ноября 1581 года Царевич заболел и решил предпринять паломничество в Кирилло-Белозерский монастырь. Существуют даже упоминания, правда весьма туманные, что он хотел принять в монастыре постриг. По дороге в далекую обитель Царевич остановился в любимой отцом резиденции — Александровой слободе недалеко от Владимира. Там якобы и произошла ссора с отцом, во время которой Царь ударил его посохом и через несколько дней, 19 ноября 1581 года, Иоанн Иоаннович скончался. Причина ссоры неясна, хотя некоторые уверены в подлинности расхожей версии.

«Царь зашел в покои сына и увидел лежащую на скамье его беременную жену в нижнем платье (на женщине должно было быть не менее трех рубах, чтобы считаться одетой). Царь начал колотить сноху посохом. На шум в комнату вбежал сын и якобы бросил отцу упрек: “Ты без всякой причины отправил в монастырь моих первых жен, а теперь ты и третью бьешь, чтобы погиб сын, которого она носит в чреве”. Грозный действительно не хотел наследника от Шереметевой. От побоев она разрешилась от бремени уже в следующую ночь, но внук Царя родился мертвым. Избил Царь и сына, пытавшегося защитить жену. Иван был тяжело ранен в голову и на пятый (по другому источнику на одиннадцатый) день — 19 ноября — умер»¹⁴⁸.

Таково умозаключение современного автора, которому доступны все существующие материалы. Со времени написания Н.М. Карамзиным исторической эпопеи «История государства Российского» прошло без малого двести лет, но фантазии все еще не оставляют сочинителей. В сцене ссоры — прямая речь и восклицания героев, приводимые до сего дня в различных сочинениях, не более чем игра воображения. Нет ни одного документа, который подобное бы подтвердил. Ни на чем не основаны и уверенные заявления, что «Грозный не хотел наследника от Шереметевой».

В русских летописях, где упоминается смерть царского сына, нет ни звука об убийстве. «Преставился Царевич Иоанн Иоаннович» («Московский летописец»); «в 12 час ночи лета 7090 (1581) ноября в 17 день преставление Царевича Иоанна Иоанновича» («Пискаревский летописец»); «Того же (7090)

года преставился Царевич Иоанн Иоаннович на утрени в Слободе» (Новгородская четвертая летопись); «не стало Царевича Иоанна» («Морозовская летопись»). И никаких тебе обличений, ни лобзаний рук, ни потоков крови.

Кстати, о крови. В 1963 году в Архангельском соборе Московского Кремля были вскрыты захоронения Иоанна Грозного и его сыновей Иоанна и Федора, а затем был проведён тщательный анализ останков. Останки Царевича Иоанна сохранились лишь частично; полностью был утрачен череп, так что уставить повреждения головы не удалось. Зато сохранились волосы ярко-желтого цвета 5—6 сантиметров длиной. Так вот, анализ их показал, что признаков «наличия крови на волосах не обнаружено»¹⁴⁹. Трудно сомневаться в том, что медико-биологические методы изучения могли «пропустить» микроскопические кровяные отложения на волосах, тем более если верить историкам-фантастам, что она якобы «лилась ручьем».

Откуда же появились монологи и диалоги, всевозможные «красочные детали», которые со смаком тиражируются уже несколько веков? Ответ существует: из записок иностранцев. Это, как уже упоминалось, один из самых сомнительных и тенденциозных источников. Все, почти все, это признают, но тем не менее широко черпают «исторические сведения» из потока наблюдений различных иноземцев, как современников Иоанна Грозного, так и тех, кто оказался на Руси через годы и десятилетия после смерти Первого Царя.

Уместно заметить, что «записки» эти интересны в той части, где содержатся личные наблюдения и впечатления; подобные свидетельства имеют несомненную историческую ценность. Но одновременно все они, буквально все, содержат множество лживых утверждений; порой это просто грязный поток домыслов. Вот из этого «источника» большей части и черпаются авторами «факты» о событиях русского политического закулисья.

Как правило, иностранцы не понимали русского языка — исключения тут единичны — и черпали свои сведения от людей, главным образом тех же иностранцев, которые в царские чер-

тоги если и приглашались, то в исключительных случаях, а в закулисную жизнь Русского двора посвящены никогда не были.

Первым версию об убийстве Царевича огласил, что называется, «на всю Европу» иезуит и личный представитель римского папы Григория III Антонио Поссевино, посетивший Москву в 1582 году. Сколько-нибудь подробный разговор о политических и клерикальных мотивах этой миссии здесь неуместен; ограничимся только пассажем из записок иезуита, касающимся случая в Александровой слободе:

«В одном из своих припадков ярости он (Царь) 19 ноября 1581 года убил своим посохом любимого сына, о котором только и могла идти речь как о наследнике престола. Наследник упрекал отца в жестоком обращении с его женой. По приказу отца наследник дважды должен был развестись с женами, ибо они не рожали ему сына; в угнетенном состоянии духа он заговорил с отцом на повышенных тонах, и Иван пришел в ярость»¹⁵⁰.

Поссевино несколько недель пребывал в Москве. Окруженный почетом и вниманием, он не мог долго находиться вне поля зрения многочисленных приставленных к нему русских слуг и вельмож. Никто из русских не стал бы разговаривать с иностранцем о внутренних делах, да еще обсуждать личную жизнь Царя, тему, закрытую раз и навсегда для обсуждения. Поссевино и до прибытия в Москву и потом много общался с польским Королем Стефаном Баторием¹⁵¹, встречался и с русскими эмигрантами, обретавшимися в Литве и Польше. Очевидно, там, в среде эмигрантов-отщепенцев, он и почерпнул свои «знания о событии».

Иную, еще более неправдоподобную интерпретацию события дал упоминавшийся Джером Горсей. Он ничего не говорит о жене Царевича и выставляет в качестве главной причины ссоры Царя с сыном заступничество последнего за «казненных по приказу Иоанна», но не только. «Кроме того, Царь испытывал ревность, что его сын возвеличится, ибо его подданные, как он думал, больше его любили Царевича. В порыве гнева он дал ему пощечину (метнул в него копьем), Царевич болезненно воспринял это, заболел горячкой и умер через три дня»¹⁵².

Замечательная по своей невежественности деталь: за последние пять лет правления Иоанна Грозного на Руси по его приказу не был казнён ни один человек, но «вездесущий» и «всесведущий» иностранец об этом просто не ведал.

Английский «ловец удачи» Джильс Флетчер (ум. 1610), издал в 1591 году в Лондоне книгу «О Русском Государстве». Он приехал в Россию при Царе Федоре Иоанновиче в ноябре 1581 года и пытался осуществить выгодную комбинацию: добиться монополии на торговлю с Россией. Из этого ничего не вышло, «дельце провернуть» не удалось, и через семь месяцев раздосадованный англичанин покинул ненавидимую им страну, а потом и написал книгу-пасквиль, в которой упомянул и о смерти Царевича Иоанна.

По словам купца-неудачника, он был «лучшим» из всех сыновей Грозного. Скончался же он «от головного ушиба, нанесенного ему отцом его в припадке бешенства палкой или (как некоторые говорят) от удара острым концом ее, глубоко вонзившимся в голову. Неумышленность его убийства доказывается скорбью и мучениями по смерти сына, которые никогда не покидали его до самой могилы»¹⁵³. С последним утверждением этого заезжего «знатока России» нельзя не согласиться.

Французский наемник Жак Маржерет, служивший с 1600 года при Царе Борисе Годунове, а затем при Ажедмитрии I, покинул Россию в 1606 году, вернулся во Францию, где написал сочинение о Московском Царстве. Там много рассказано о русских правителях, в том числе и передана версия о гибели Царевича Иоанна.

«Иван Васильевич женат был семь раз, вопреки своей религии, которая разрешает вступать в брак только три раза; у него были три сына. Ходит слух, что Царь собственноручно умертвил старшего сына. Но это случилось по-другому. Хотя Иван бил сына концом палки, окованной четырехгранным железным острием в виде жезла — каковую палку никто не смел иметь, исключая Государя... и хотя Царевич и был ранен, однако же умер не от удара, а уже после во время путешествия на богомолье»¹⁵⁴.

Маржерет не говорит о слухах об отравлении Царевича, которые широко циркулировали тогда, а через несколько ве-

ков получили и определенное документальное подтверждение. Медико-биологическая экспертиза останков Царевича, проведенная через четыреста лет, установила, что они содержат превышение содержания ртути в 32 раза выше допустимого, содержание же мышьяка превышено в 3,2 раза! Удивительно, что и после опубликования этих данных многие авторы обошли их стороной, не удостоив вниманием. Карамзинская история с посохом все еще господствует на страницах Грознианы.

Голландский купец Исаак Масса (1587—1635) дважды по торговым делам посещал Москву и подолгу в ней жил; первый раз он приехал в 1601 году и основал торговлю шелком. Имея обширный круг знакомств, главным образом среди иностранцев, он собирал все сведения о загадочной стране России, а потом пересказал их в своей книге, написанной в 1610—1611 годах. Приведена здесь и версия о гибели старшего сына Иоанна Грозного, причем событийная канва значительно разнится с изложениями и Поссевино, и Горсея.

По мнению голландского негодянта, Грозный убил сына потому, что тот намеревался встать во главе войска во время войны с крымцами. Царь разгневался на сына и ударил его посохом, отчего тот и умер. Далее Масса привел и неведомые другим иностранным рассказчикам слухи. «Говорят, отец подозревал, что его сын, благородный молодой человек, весьма благоволил к иноземцам, в особенности немецкого происхождения. Часто доводилось слышать, что по вступлении на престол он намеревался приказать всем женам благородных носить платье на немецкий лад. Эти и подобные им слухи передавали отцу, так что он стал опасаться сына»¹⁵⁵. Нет нужды доказывать, что подобные суждения — всего лишь злонамеренные измышления.

Когда 18 марта 1584 года скончался неожиданно для всех Иоанн Грозный, то в живых оставались два его сына. Сын от Анастасии Романовой Фёдор Иоаннович, двадцати семи лет от роду, и сын от Марии Нагой Дмитрий Иоаннович, которому не исполнилось и двух лет (родился 19 октября 1582 года). Вопросы о преемнике в тот момент не возникало. Ещё при жизни Иоанн Грозный заставил бояр и ближних родственников присягнуть на верность Царевичу Фёдору.

Фактически Фёдор наследником стал ещё в 1581 году, после кончины своего брата Иоанна Иоанновича, однако, Первый Царь, зная изменчивые нравы «мужей государевых» — боярства и мало им доверяя, захотел связать их крестоцеловальной клятвой ещё при своей жизни. Фёдор Иоаннович вззошел на престол без особых затруднений, венчался на Царство 31 мая 1584 года и оставался Монархом почти четырнадцать лет.

Русская династическая традиция неизбежно создавала иерархическую проблему, дававшую о себе знать давно, а при Фёдоре Иоанновиче начавшую обостряться снова. Женитьба властелина на подданной невольно поднимала авторитет и родни избранницы. Близкие родственники невесты, а потом и жены Царя приобретали статус «царских сродников», получали иерархические преимущества, которых не имели самые родовитые и именитые представители русской аристократии. Спесь, гордыня «именитых», их «возмущения» неизбежно создавали напряжение среди вельмож; плодились интриги. Складывались противостояния, которые неоднократно создавали драматические коллизии при Русском дворе.

Иоанн Грозный, сам не раз испытывавший на себе, сколь злобной, долгой, непримиримой и опасной может быть аристократическая спесивая фронда, в конце концов сумел одержать хоть и не окончательную, но вполне зримую победу на этом направлении. Аристократия была сокрушена и запугана настолько, что в последние годы правления Первого Царя остатки разгромленных боярских кланов, что называется, и пикнуть не смели о своих «возмущениях» по поводу преимуществ какого-то лица «не по чину».

Когда Царь Иоанн в сентябре 1580 года женился на представительнице «незнатного рода» Нагих, «худородной девице» Марии, то никто из боярства и не думал перечить. Наверное, где-то в кругу доверенных, «своих», вельможи и роптали, но эти голоса звучали так тихо, так приглушённо, что никто их и не расслышал и никто их не зафиксировал.

Совсем иначе дело обстояло при первом браке Иоанна Васильевича в феврале 1547 года, когда он обвенчался с Анастасией Захарьиной-Юрьевой (Романовой). Тогда чуть ли не всё бояр-

ское окружение возропало, ему и в лицо говорили, что «Царь берёт в жены холопку». А уж что за глаза говорили и делали, того и перечесть невозможно. Иоанн Грозный всегда был уверен, что «любую» ему «боголюбивую» Анастасию извели, изжили со света его враги из среды близких бояр и служителей.

Предчувствие его не обмануло; неопровержимые факты на сей счёт были добыты... через четыреста лет. При вскрытии гробницы и биохимическом исследовании останков Первой Царицы в 1995 году выяснилось, что в её костях обнаружено огромное содержание солей ртути — 0,13 мг при норме 0,04 мг. Ответ экспертов был однозначным: Анастасия была отравлена¹⁵⁶...

Последняя жена Иоанна Грозного Мария Нагая, происходила из рода, возвышение которого началось в середине XVI века. Считается, что род Нагих происходит от Ольгерда Прего, который переехал из Дании в Россию в 1294 году и поступил на службу к Великому князю Михаилу Ярославовичу Тверскому (1271—1318), погибшему в Орде и причисленному к сонму святых в 1549 году в лике благоверного. Ольгерд принял Православие с именем Дмитрий и женился на родной сестре Великого князя. Его правнук Семён Григорьевич получил прозвание Нога (Нага). Есть упоминания, что он числился уже боярином у Великого князя Иоанна III, переехав из Твери в Москву в 1495 году. От него и пошёл род Нагих. Возможно, что, как часто бывало в ту эпоху, прозвище, ставшее фамилий, обыгрывало какой-то физический признак или недостаток. В старом русском языке слово «нога» означало не только часть человеческого тела, но и указывало на деревянный протез, заменяющий утраченную нижнюю конечность¹⁵⁷.

Никакими известными делами и заметными служениями Нагие себя не проявили, и об их общественной деятельности до начала XVI века сведений в летописях не встречается. Первое точное свидетельство датировано 1509 годом, когда Михаил Иванович Нагой (ум. 1525) был пожалован в ловчие¹⁵⁸. Его сын Фёдор Михайлович Нагой впервые упоминается в чине свадьбы Иоанна Васильевича и Анастасии под 1547 годом, а в 1551 году фигурировал в третьей статье московского списка «лучших детей боярских».

Возвышение Нагих начинается в 1551 году, когда Евдокия Александровна Нагая вышла замуж за двоюродного брата Первого Царя князя Владимира Старицкого (1533—1569), что сразу же ввело Нагих в ближний царский круг. Родив двоих детей — Василия (1552) и Евфимия (1553—1571) — Евдокия в 1555 году приняла в Суздальском Покровском монастыре постриг под именем Евпраксии (ум. 1597). Причины семейного разрыва не вполне ясны, но нас в данном случае это не интересует. Важно другое.

Племянница Евдокии-Евпраксии — Мария в 1580 году и стала последней женой Иоанна Грозного. Её отец Фёдор Фёдорович Нагой, по прозвищу Федец, — один из восьми детей окольничего Фёдора Михайловича Нагого (ум. 1559), сделал самую приметную карьеру при Иоанне Васильевиче: участвовал с ним в походах, служил воеводой в Мценске и в Чернигове. В 1577 году Фёдор Нагой возводится в окольничие¹⁵⁹, а в 1580 году, после брака своей дочери с Иоанном Грозным, он, как тесть, возвышается над всеми остальными боярами.

К началу царствования Фёдора Иоанновича, то есть к весне 1584 года, клан Нагих представлял сплочённую и мощную силу. В начале XVII века среди Нагих насчитывалось девять бояр. Особенно они возвеличились за год правления Лжедмитрия I (1605—1606); самозванец возвышал якобы своих «родственников» по праву «первородства». Род Нагих пресекся в 1650 году со смертью стольника Василия Ивановича Нагого.

Конечно же, самой известной представительницей рода Нагих стала Мария Фёдоровна Нагая — жена Царя Иоанна Васильевича. О ней известно немало, но при этом ни дата рождения, ни даже год смерти точно не уставлены; тут фигурируют разные цифры. Удивительно, но ни в описаниях современников, ни в летописных повествованиях нет сколько-нибудь подробного рассказа о её внешности. Думается, что в 1580 году Марии могло быть 16—18 лет; Царь Иоанн любил девиц в расцвете молодости. Можно предположить, что внешность её была «пригожей», так как на смотрины приводилось немало претенденток и повелитель выбирал из них только ту, которая ему стала «любой».

Венчание состоялось 6 сентября 1580 года. На свадьбе посажёным отцом жениха был собственный его сын — двадцатитрехлетний Фёдор, дружкой жениха — двадцативосьмилетний князь Василий Шуйский, а дружкой со стороны невесты — ровесник Шуйского, Борис Годунов, буквально завтрашний шурин Царевича Фёдора, ибо на сестре Годунова, Ирине, Царевич Фёдор должен был жениться на следующий день — 7 сентября 1580 года.

Единственный сын от последнего царского брака Дмитрий появился на свет 19 октября 1582 года. К этому времени Иоанн Грозный, по не вполне понятным причинам, охладел к своей молодой жене, и Марии выпала участь стать, как называли в народе таких женщин, «соломенной вдовой», то есть женой, живущей по воле супруга отдельно от него.

Над Марией всё время витала угроза пострижения в монахини, так как Иоанна Васильевича в последние годы занимала возможность жениться на англичанке, включая и саму Королеву Елизавету I. Все эти царские «вздыхания» и «мечтания» результатов никаких не принесли, и дальше разговоров и предварительных переговоров дело не пошло.

18 марта 1584 года Царь Иоанн Грозный преставился. На престол вступил его сын Фёдор, чтивший безмерно усопшего родителя. «Новый летописец», составленный около 1630 года, так описывает это событие: «В ту же зиму (Царь) тяжело заболел и, чувствуя близость смерти, повелел Митрополиту Дионисию себя постричь, и нарекли ему имя Иона. На Царство же Московское благословил царствовать Сына Своего Царевича Фёдора Ивановича, а сыну своему меньшому Царевичу Димитрию Ивановичу повелел дать удел град Углич со всем уездом и с доходами. Сам же отдал душу свою Богу марта 18 день, на память святого отца нашего Кирилла Иерусалимского»¹⁶⁰.

Из царской предсмертной воли следует, что, во-первых, Самодержец признавал Дмитрия своим законным сыном. Во-вторых, ему в удел давался Углич с уездом, то есть Дмитрий Иоаннович становился удельным князем, получал свою личную

вотчину. Иногда пишут о том, что Дмитрий с матерью «оказались в ссылке» в Угличе, но подобные утверждения не соответствуют действительности. Углич на Волге — один из древнейших городов России, датой основания которого принято считать 937 год. Это был важный торговый пункт, центр развитых ремёсел. Ранее он уже был «в уделе» у любимого брата Первого Царя Георгия (Юрия) Васильевича (1532—1563), которому во владение передал его Иоанн Грозный.

Углич с уездом насчитывал 25 вёрст, имел три собора, 150 приходов и церквей, 12 монастырей и от 30 до 40 тысяч жителей. В городе имелся свой кремль, окруженный высоким бревенчатым забором с девятью глухими и двумя проездными башнями. На территории кремля располагался Богоявленский монастырь, Спасо-Преображенский собор и ряд хозяйственных построек. Имелись и свои «царские палаты»¹⁶¹, в которых и разместилась отверженная Царица Мария с сыном Дмитрием. Другие представители клана Нагих разместились поодаль, в самом Угличе, имели свои «дворы». Жизнедеятельность Нагих обеспечивали многие десятки дворовых людей.

Мария с сыном и близкими прибыла в Углич 24 мая 1584 года. Англичанин Горсей свидетельствовал: «Царицу сопровождала разная свита, её отпустили с платьем, драгоценностями, пропитанием, лошадьми и прочим — всё это на широкую ногу, как подобает Государыне»¹⁶².

В Угличе оказались влиятельные представители рода Нагих. Отец Марии — Фёдор Фёдорович, её братья Михаил и Григорий, дядя Андрей Александрович. Нагие не просто «жили в Угличе», но жили по-царски. Мария Нагая всем своим поведением постоянно подчёркивала, что она — «природная» Царица, а её сын «подлинный» будущий Царь. Родственники Марии, которые находились рядом с «царицей», вели себя так, будто угличская земля не есть частица Руси, а вполне «независимое», самостоятельное «Углицкое царство», их царство. Эта комедия тщеславия оборвалась в один миг — 15 мая 1591 года...

Глава 4.

СОБЫТИЕ ТЁМНОЕ, «ДЕЛО» РОКОВОЕ

Теперь настала пора внимательно рассмотреть событие 15 мая 1591 года, которое, как уже выше говорилось, оказалось не просто резонансным, но во многом определившим рисунок исторического действия в последующие десятилетия. Что же касается исторического облика Бориса Годунова, то до сего дня смерть Царевича Дмитрия всё ещё остаётся для немало числа людей «позорным клеймом» на «исторической репутации» Третьего Русского Царя. Как велеречиво высказался Н.М. Карамзин, «проклятие веков заглушает в Истории добрую славу Борисову»¹⁶³. Николай Михайлович единственный среди историков решался говорить и от имени «веков», и от имени «Истории»...

Первым публично «обличил» Бориса Годунова интриган и клятвопреступник Василий Шуйский в июне 1605 года, накануне прибытия в Москву законного «Царя Димитрия Иоанновича». Правда, тогда пришлось уверять, что, несмотря «на козни» Бориса Годунова, Царевич «чудом» избежал смерти. Самозванцу и присягали как сыну Царя Иоанна Васильевича.

Даже мать Царевича — Мария Нагая, теперь инокиня Марфа, вызванная из своего монастырского уединения, тут же прилюдно, со слезами на глазах, признала «родное дитя». Вот как сцену встречи «сына» с «матушкой» описал очевидец, французский наёмник Жан Маржерет. «Он (Ажедмитрий. — А.Б.) выехал ей навстречу за версту от города. Поговорив с сыном около четверти часа, в присутствии всех вельмож и граждан, она села в карету, а Царь и вся знать провожали её пешком до самого дворца»¹⁶⁴.

Менее чем через год, когда первая Ажедмитриада позорно провалилась, а «законного» убили, тело сожгли и прах развеяли по ветру, всем главным участникам позорного действия пришлось снова прилюдно рыдать и просить «у народа православного» прощения. Особенно голосила инокиня Марфа; каялась, что «ради страха иудейского» признала в самозванце своего сына. В этом месте невольно хочется воскликнуть: хороша же была «монахиня»!..

В июне 1606 года состоялось всенародное прославление Царевича Дмитрия в лике благоверного¹⁶⁵ и публично были выставлены его останки, оказавшиеся нетленными. Сохранилось описание «святых и честных мощей». «Мощи его целые, ничем не вредимые, только в некоторых местах немножко тело вредилось, и на лице плоть, и на голове волосы целы и крепкие, и ожерелье жемчужное с пуговицами всё цело, и в руце левой полотенце тафтяное, шитое золотом и серебром, целое. Кафтан весь таков же и сапожки на нём целы, только подошвы на ногах попоролися, а на персех (на груди) орешки положены, на персех горсть. Сказывают, что коли он играл, тешился орехами и ел, и ту пору его убили, и орехи кровью полились, и того дня оные орехи ему в горсти положили, и те орехи целы»¹⁶⁶.

Или вот ещё одна картина, описанная известным очевидцем. «В гробу число одежд его было такое: одна, которая обычно при жизни его надевалась после первой на сорочку, была подпоясана, затем две, одного качества, сотканые из белой ткани, которые надевались прямо на белое тело, сорочка и штаники, покрывающие нижние части тела до ступней; сверх них, кроме этого сапожки с обувными платками, вид их тёмно-красный, а шапка на честной его голове из-за недостатков моего зрения забылась, [не знаю], была ли она тут с прочими [вещами], или нет. Замечательно и то, чем занимался он во время убийства... занятие у него по всему было чисто младенческое: потому что в гробнице, внутри её, у святой его груди хранились орехи, тогда у него бывшие, обогранные при убийстве его честной кровью, самостоятельно и обычно выросшие, притом дикие...»¹⁶⁷

Прославление Царевича в 1606 году неизбежно поставило перед властью имущими два вопроса, решать которые надо было незамедлительно. Первый — признать Дмитрия непременно насильственно убитым. Второй — создать «каноническую» историю убийства, то есть письменно зафиксировать взгляд Шуйского и его окружения на событие, происшедшее за пятнадцать лет до того. И эти два вопроса, как казалось, были решены «раз и навсегда».

Канонизация Царевича Дмитрия должна была навеки закрепить в сознании людей не факт самоубийства, а картину

убиения невинного агнца. Как заключал С.Ф. Платонов, «могли рискнуть русский человек XVII века усомниться в том, что говорило “житие” Царевича и что он слышал в чине службы новому чудотворцу»¹⁶⁸.

Несомненно, находились люди, понимавшие, как выразился Платонов, что «Шуйский играет со святыней», но против общего настроения лета 1606 года никто выступить не отважился. Могила Царевича в Архангельском соборе — его похоронили в том месте, где ранее находилась гробница Бориса Годунова, — должна была стать не только местом поклонения, но и как бы вечным зримым приговором «злодеям», убившим невинное создание. Правда, существовало решение Освященного собора июня 1591 года, «слово» Первопатриарха Иова, признавших именно самоубиение Царевича Дмитрия, но в 1606 году об этом старались не вспоминать.

И Шуйским, и Нагим, и Ажедмитрию было необходимо, чтобы главным «злоумышлителем», или, как бы теперь сказали, «заказчиком» преступления, был выставлен именно Борис Годунов. У всех у них имелись и личные, как то было в случае с Ажедмитрием, и клановые, как в случае с Нагими и Шуйскими, обиды и претензии к покойному Царю. Они все ненавидели Годунова не только как личного, но именно как «кровного» врага.

Указанным перечнем фамилий круг заклятых врагов Годунова не исчерпывается. Наличествовал ещё один влиятельный боярский род, все члены которого просто пылали ненавистью к Борису Годунову — Романовы. Причины подобного стойкого неприятия коренились в придворно-династических хитросплетениях, в игре тщеславия и в непрощаемых родовых обидах.

Романовы по праву матримониальных связей были близко связаны с последними Рюриковичами: Иоанном Грозным и Фёдором Иоанновичем. Когда Фёдор Иоаннович в 1584 году вступил на престол, то пятеро его двоюродных братьев — сыновья боярина Никиты Романовича Юрьева стремились занять приоритетные позиции в московских коридорах власти. Никита Романович Юрьев (ум.1586), от которого и пошло прозвание Романовы, приходился братом первой жене Иоанна Грозно-

го — Анастасии Романовне (1532—1560), матери Царя Фёдора Иоанновича.

Никита Романович был женат дважды; второй раз на княжне Евдокии Александровне Горбатой-Шуйской (ум. 1581), которая принадлежала к потомкам суздальско-нижегородских Рюриковичей. Таким образом, Романовы, или, как их звали Никитичи, породнились с боярским родом Шуйских. От этого брака родилось шестеро сыновей: Фёдор, с 1619 года — Патриарх Филарет (1556—1633), Лев (ум. 1595), Никифор (ум. 1601), Михаил (ум. 1602), Александр (ум. 1602), Василий (ум. 1602).

Никита Романович после восшествия на престол Царя Фёдора I в марте 1584 года оказался на первых ролях в государстве. После его смерти дети его таковых позиций уже не имели, хотя и приходились двоюродными братьями Царю Фёдору Иоанновичу. В 90-х годах XVI столетия Романовы, особенно старший из Никитичей — Фёдор, занимали влиятельные позиции в среде боярства. Когда встал вопрос о новом Царе в 1598 году, то Романовы, по праву первородства, могли надеяться на своё воцарение, но этого не случилось; Царем был провозглашен Борис Годунов. Ходили слухи, что Борис Годунов якобы «дал клятву» Фёдору Никитичу, что будет держать его «главным советником в государственном управлении».

В официально-церковном жизнеописании Фёдора-Филарета, одобренном «Издательским советом Русской Православной Церкви», можно прочитать следующее: «Были у самого Фёдора Никитича планы на воцарение, неизвестно; в коломенском дворце, однако, был найден его портрет в царском одеянии с подписью “Царь Фёдор Никитич Романов”». Невольно возникает вопрос: а разве это не есть аргумент в пользу властолюбивых поползновений? Но на этот вопрос ответа нет. И далее, с какой-то меланхолической отрешенностью автор жизнеописания кадетско-либеральный профессор А.А. Кизеветтер (1866—1933) роняет: «Он подписался под избирательной грамотой Бориса»¹⁶⁹.

Но ведь Фёдор Никитич не просто подписал какую-то ни к чему не обязывающую «бумагу»; он дал крестоцеловальную клятву перед Лицом Божиим Царю Борису Годунову, клятву,

от которой его никто не освобождал. Для либерала А.А. Кизеветтера подобная «мелочь» не имела значения; классические русские либералы — все сплошь почти атеисты, материалисты и вероненавистники. Они вряд ли даже и понимают, что это такое — клятва на Кресте. Однако церковный Издательский совет мог бы внести необходимые смысловые коррективы, хотя бы в виде примечания. Но не внёс; наверное «либеральная точка зрения» их вполне удовлетворила...

Фёдор Никитич сам себя «освободил» от всех обязательств по отношению к Третьему Царю, став наряду с Шуйским, одним из трансляторов слухов о «злodeе Борисе». Эта ненависть достигла непреодолимого рубежа после разгона клана Романовых Борисом Годуновым в 1601 году, о чём речь пойдет далее. Именно тогда царской волей боярин Фёдор Романов оказался на четыре года в ссылке в Антониевом Сийском монастыре¹⁷⁰, где и принял постриг под именем Филарета, став позже здесь же, по решению Патриарха Иова и с согласия Царя Бориса, архимандритом. Монашеское пострижение должно было лишить Фёдора-Филарета всех видов на занятие престола Государства Российского.

Когда в 1604 году слухи о появлении на западных границах государства «чудом спасшегося Царевича Дмитрия» достигли далекого Антониева монастыря, то Фёдор-Филарет, до того пребывавший в слезах и печали, необычайно возрадовался и не стеснялся демонстрировать свои чувства перед братией. В Москву поступило донесение, что «Филарет живёт не по монастырскому чину, всегда смеется, неведомо чему, и говорит про мирское житьё, про птицы ловчие и про собаки, как он в мире жил». Озадаченная братия услышала из уст Филарета похвальбу, что они «увидят, каков он впредь будет»¹⁷¹. Филарет надеялся на Ажедмитрия как на избавителя от притеснений и гонений Годунова. И надежды его не обманули.

Как только Ажедмитрий обосновался в Москве, то сразу же призвал своего «сродника» Филарета, вызвал его в столицу, сделав Митрополитом Ростовским. В мае—июне 1606 года по заданию Шуйского Филарет ездил в Углич, где «открывал» мощи Царевича Дмитрия, а потом торжественно доставил их в

Москву. Карьера Филарета в эпоху Ажедмитриады на том не завершилась. Предав своего родственника Царя Василия Шуйского, Филарет переметнулся на сторону нового самозванца Ажедмитрия II, обосновавшегося в селе Тушине, проклятого памятью народной «Тушинского вора».

Этот самозванец провозгласил в 1609 году Филарета — «своего родственника» — «Патриархом всея Руси». Филарет стал играть по всем правилам новой, преступной «антрепризы»; рассылал «патриаршие грамоты», призывая признать «Тушинского вора» подлинным Царевичем Дмитрием. Вполне понятно, что в политическом событийном контексте Царь Борис Годунов непременно выставлялся «погубителем», «злоумышлителем», «сосудом дьявольским», «русским иудой».

В данном пункте интересы Ажедмитриев, Василия Шуйского, Нагих и Фёдора-Филарета полностью совпадали. Разница была лишь в том, то Шуйский стремился убедить всех в гибели Царевича Дмитрия, а все прочие, что он чудом, Божиим помышлением спасся «от руки дьявольской». Вопиющей странностью являлось то, что Филарет только недавно открывал «нетленные мощи» Царевича Дмитрия, торжественно сопровождая их из Углича в Москву, а теперь ссылался на чудо «спасения». Но в сумятице и неразберихе Смуты некогда и некому было приводить аргументы и заниматься изобличениями. Все жили интересами и потребностями текущего времени, страстями «настоящего часа».

Не имея возможности даже кратко перечислять события Смуты, уместно только заметить, то Митрополит Ростовский Филарет оказался в польском плену в 1611 году, где и пребывал до 1619 года. В его отсутствие сын Михаил в 1613 году на Земском соборе был провозглашён Царём, которому «вся Земля Русская» присягнула на верность. Филарета рядом не было, и, надо думать, именно поэтому в очень важном документе той поры — Утверждённой грамоте об избрании на Московское государство Михаила Фёдоровича Романова, составленной в мае 1613 года и подписанной всеми церковными иерархами и прочими «большими людьми», — нет тех интерпретаций преды-

дущих событий, которые возникнут позже, после возвращения Филарета в Москву.

Грамота начинается с утверждения, что верховная власть установлена на Руси Божиим Промыслом, и далее перечисляются все «славные» имена «скифетродержателей Российского царствия», начиная с князя Рюрика. В документе нет ни малейших выпадов против Бориса Годунова. Он там преподносится как законный Самодержец, всея Руси. Ничего ни о каких «злодеяниях» в Грамоте не говорится, иначе вряд ли там нашлись столь благоприятные слова для «Царя-злодея», каковым его представлял Митрополит, а затем Патриарх Филарет. В Грамоте же утверждалось совершенно иное:

«Великий государь Царь и Великий князь Борис Фёдорович, всея Руси самодержец, по благословению сестры своей Великой государыни и Царицы и Великой княгини Александры Фёдоровны (имеется в виду церковное имя сестры Бориса Годунова — Ирины. — А.Б.) всея Руси и по умолению первопрестольнейшего святейшего Иова Патриарха Московского и всея Руси, и митрополитов, и архиепископов, и епископов, и всего Освященного собора, бояр, и дворян, и всего христолюбивого воинства, и гостей, и торговых людей, и всех православных хрестьян всего великого Российского государства, венчался на великие государства на Владимирское, и Астраханское и Сибирское. И на все великие и преславные государства всего великого Российского царствия, от руки первопрестольнейшего великого святейшего кира¹⁷² Иова Патриарха Московского и всея Руси, царским венцом и диадемою, по древнему обычаю; и правяще скифетр великого Российского царствия семь лет во всём благочестиво и бодроопасно (мужественно)»¹⁷³.

Документ определенно устанавливает «благочестие» Царя Бориса «во всём». Правда, это относится к семи годам его правления, но он однозначно провозглашается Царём законным, а таковым по определению не мог стать клятвопреступник и детоубийца.

Подобная трактовка вряд ли устроила бы Филарета, который в тот момент находился в польском заключении и в редактировании Грамоты принять участия никак не мог. Он

вернулся в Москву в 1619 году и почти сразу же был возведён в сан Патриарха, став фактически соправителем государства, которого сын Царь Михаил Фёдорович слушался во всём беспрекословно.

Умному и деятельному Филарету нужна была угодная Романовым, но в первую очередь ему самому история, нужен был такой взгляд на ход событий, где бы не было места личным отступлениям и клятвопреступлениям. И такая история появилась, где во всех бедах Руси периода Смутного времени вина возлагалась на разных лиц, но в первую очередь — на Бориса Годунова. Такова господствующая концепция исторического событийного свода под названием «Новый летописец»; полное название — «Книга называемая Новый летописец».

Он был создан около 1630 года и давал широкую панораму русской жизни: с последнего периода царствования Иоанна Грозного до 1630 года, то есть за полвека. Благодаря «Летописцу» появилась строгая «официальная история», утверждавшая «единственно правильный взгляд» на ход дел в государстве и дававшая непререкаемые оценки и им, и всем деятелям. В историографии прочно утвердился тезис, что «Новый летописец» создавался при непосредственном участии Патриарха Филарета, что его создание им же и инициировалось¹⁷⁴.

В период Смуты на Руси наблюдалась своего рода «свобода слова»; апологеты различных групп, задействованные в политических пертурбациях, издавали «слова» и «грамоты», где поносили противников, разоблачали их. Причём сегодня утверждали одно, завтра совершенно другое, а послезавтра, как ни в чём не бывало начинали отставать то, что совсем недавно поносили. «Новый летописец» всей этой разногласице должен был положить конец. Поэтому данный свод производили в большом количестве, чтобы он стал доступным, образно говоря, «всей читающей Руси». Точное количество распространённых «копий» или «списков» неизвестно, но можно смело предположить, что оно было немалым: до наших дней дошло более ста списков.

Документ заслуживает особого внимания, потому что пересказ событий «Нового летописца» принял на веру Н.М. Карам-

зин и почти все последующие историки из числа обличителей Годунова. У Карамзина, например, пересказ Угличской истории построен на почти дословном воспроизведении текста «Нового летописца», к которому Николай Михайлович только присовокупил личные эмоциональные пассажи...

В «Новом летописце» невозможно обнаружить описания, скажем, весьма «сомнительных» страниц биографии Фёдора-Филарета и его родни, но зато в избытке присутствуют гневные эскапады по адресу неугодных им лиц и, особенно, — Бориса Годунова. Он представлен чуть ли не главным злодеем Русской истории описываемого периода. Иногда невольно возникает впечатление, что в утверждении подобного тезиса — одна из основных целей составителей «Нового летописца».

Вообще, весь «Новый летописец» настроен крайне критически по отношению к Борису Годунову и в описаниях событий до Углича, и после. Ему приписываются коварные планы и злобные намерения, как будто Фёдор-Филарет и иже с ним исповедовали Годунова, который им-то и открывал, что у него «лежало на сердце», что тайно хранил в глубине своей души. Например, при описании призвания на Царство Годунова зимой 1598 года «Новый летописец» утверждает, что Борис хоть и отказывался, но на самом деле «сердце его и мысль давно этого желали»¹⁷⁵. Подобная тенденциозная декларативность будет присуща потом, начиная с Н.М. Карамзина, многим описаниям личности Бориса Годунова.

Когда речь идёт о событиях 15 мая 1591 года, то тут уже дело доходит до неистовых разоблачений и почти проклятий. Это вообще один из самых, если и не самый, пространных тематически фрагментов в данном летописном своде. Из «Нового летописца» можно узнать, что Годунов действовал по наущению «отца лжи» — дьявола, являлся чуть ли не его «рукой». А как же утверждения Грамоты 1613 года о том, что Годунов был «благочестивым» правителем? Ведь в буквально смысле слова «благочестие» — это истинное Богопочитание, а в богословском — великая добродетель, созидание себя сосудом Духа Святого, обретение благодати. Подобные исторические «детали» оставлены без внимания в «Новом летописце». Но

зато там подробно, с эмоциональными порывами и нетерпимыми моральными оценками приведена Угличская история.

Начинается она с описания гонений на род Нагих, но не только на них. После преставления Царя Иоанна Васильевича «в ту же ночь», по приказу Бориса Годунова, «всю родню Нагих схватили». Кроме того, «иных же тут многих схватили», которых жаловал усопший Царь, и «разослали их по городам, иных по темницам, а к другим приставили приставов, и дома их разорили, поместья и вотчины раздали»¹⁷⁶.

Просто какая-то «Варфоломеевская ночь» приключилась в Москве в ближайшие часы после смерти днём 18 марта 1584 года Иоанна Грозного. Но ведь ничего подобного на самом деле не происходило. Нагие прибыли в Углич, в «удел Царевича Дмитрия», в сопровождении свиты и почётного эскорта из 200 стрельцов только 24 мая того года. Углич для Марии и Дмитрия был определён в завещании Царя Иоанна Грозного. Кто скрывался за словом «иные», которых по приказу Годунова якобы «хватали» в первые часы после смерти Иоанна Грозного, непонятно. О таковых неведомо никому, кроме автора (авторов) «Нового летописца».

Сам Филарет тогда, в 1584 году, был достаточно взрослым, имел от роду около тридцати лет, жил в Москве и должен был иметь свои личные впечатления, опровергающие подобные измышления. Да, после смерти Иоанна Васильевича в Москве воцарилась грозная тишина; боялись народных волнений, опасались боярских раздоров. Но всё ограничилось незначительными инцидентами, волнениями «местного масштаба». Влиятельный клан Нагих, несомненно, намеревался «перехватить корону» у Фёдора для малютки Дмитрия. Потому их и отправили из столицы в завещанный Грозным Царём удел, а никак иначе. Вся Боярская Дума поддержала таковой исход. Филарет-Фёдор являлся очевидцем тех событий, однако боярская «жажда мщенья» была так сильна, что подлинных воспоминаний не сохранил или они деформировались со временем до неузнаваемости.

Теперь остановимся подробнее на интерпретации событий 15 мая 1591 года в Угличе в изложении «Нового летописца». Отталкивающий образ Бориса Годунова начинает вырисовыв-

ваться уже в первых строках фрагмента («главы»), озаглавленной: «Об убиении Царевича Дмитрия Ивановича и запустении града Углича».

С самого начала становится ясным, что сын Иоанна Грозного был убит; так же утверждало и скороспелое его житие, составленное в 1606 году, где говорилось о свежих орешках и «живой крови», виденных якобы в гробу при вскрытии могилы Царевича в Угличе, а потом некоторыми впечатлительными москвичами и в столице. Убийство было организовано Борисом Годуновым; «Новый летописец» говорит об этом в непререкаемом тоне. А как же «Следственное дело», утвержденное Освященным собором, признавшим непроизвольное самоубиение Царевича? Никак. Об этом в повествовании нет вообще упоминаний.

«И вложил дьявол ему (Годунову. — А.Б.) в мысль извести праведного своего государя Царевича Дмитрия; и помышлял себе: “Если изведу царский корень, то буду сам властелин в Руси”». Итак, «помыслы» коварного Бориса раскрыты, а потому ему и навешивается ярлык «окаянного», как то было в случае с Киевским князем Святополком Владимировичем (ок. 979—1019), проклятым народом и Церковью как убийца своих сводных братьев Бориса и Глеба в 1015 году. Как «окаянный» Святополк послал братьев своих убить, так же и Борис послал в Углич, чтобы его праведного отравить зельем». Двусмысленные трактовки не допускаются; всё ясно и определённо сказано: Борис — записной злодей.

Однако на пути коварного злоумышления встало Провидение. «Бог хранил праведника», а потому смертоносное зелье и «в еде» и «в питье» не действовало. Однако жестокосердный Годунов, узнав об этом, не успокоился. Призвал «братьев своих и советников своих Андрея Клешнина со товарищи и поведал им, что Царевичу ничего не вредит».

На этом чуть ли не «синедрионе» не все готовы были идти в злоумышлениях дальше; двоюродный брат Годунова Григорий Васильевич «плакал горько» и «к их совету не пристал». Григорий Годунов тут указан не случайно; этот боярин служил дворецким при Фёдоре Иоанновиче, ведал Дворцовым приказом. Вскоре после восшествия на престол Бориса Фёдоровича

Григорий Годунов умер, а боярская молва тут же приписала его смерть новому Царю, обвинила в «отравлении».

Не случайно и то, что в версии «Нового летописца» о заговоре на жизнь Царевича фигурирует Клешнин, которого потом традиционно «обличители» будут выставять, наряду с Годуновым, одним из инициаторов убийства Дмитрия. На этой фигуре стоит остановиться поподробней. Считалось, что Клешнин состоял «в большой дружбе» с Борисом Годуновым, а следовательно, согласно подобной логике — сотоварищ его злобных и коварных замыслов.

Андрей Петрович Клешнин (Лупп-Клешнин) был «незнатного рода», отчего его изначально и не признавало себе «ровней» спесивое, «именитое» боярство. Его служебное возвышение началось ещё при Иоанне Грозном, при котором Клешнин назначается «дядькой» (воспитателем) Царевича Фёдора Иоанновича, будущего Царя.

При Царе Фёдоре в 1585 году Алексей Клешнин получает чин «окольничего», то есть возносится в круг высшей служебной иерархии. (Число окольничих составляло всего 5—6 человек.) Клешнин участвовал в различных военных кампаниях, а в 1591 году входил в состав «следственной комиссии» по делу Царевича Дмитрия. Никем и ничем не доказанные «особые отношения» с Годуновым неизменно выставлялись антигодуновскими «обличителями» в качестве веского аргумента в пользу «фальсификации» всего Угличского следственного дела.

Важная деталь: Клешнин был близким родственником Нагих: его дочь вышла замуж за одного из «героев» Угличской истории Григория Фёдоровича Нагого. Так что «близкие отношения» у него могли существовать не только с Годуновым, но и с его заклятыми врагами! Следует ещё прибавить, что якобы «сердечный друг» Годунова окольничий Клешнин вскоре после восшествия на престол Бориса Годунова уходит в монастырь, принимает схиму с именем Левкий и умирает в 1599 году. Однако вернёмся к повествованию «Нового летописца».

Годунов и его советники во главе с Клешниным не оставили своих смертоубийственных планов, невзирая на то что Сам Господь спасал Царевича. Из этого тезиса неизбежно должен

следовать вывод, что все они — слуги антихриста. Подобный сокрушительный аргумент вырисовывается из следующего фрагмента, в котором рассказывается, как подыскивались губители. Здесь главным заводилой выступает Клешнин, который говорил Борису: «Не скорби о том (что не может найти убийц. — А.Б.), есть у меня братья и друзья, будет твоё желание исполнено». Среди «друзей», готовых пойти на чёрное дело, чтобы угодить Годунову, сыскался только один — Михаил Битяговский, в «которого вошёл дьявол».

Далее следует патетический пассаж, где проводятся немислимые с позиции христианского правоверия аналогии: «И как вошёл сатана в Иуду Искарюта, и тот пошёл к иудеям, говоря: “Что мне дадите, чтоб я вам предал Иисуса?”; они же поставили ему тридцать сребреников, и он начал выжидать, чтобы предать Иисуса, — так и сей окаянный Михаил, замыслив на своего государя, на такого чистого агнца, вошёл к Андрею Клешнину и возвестил ему: “Я хочу вашу волю сотворить”». Узнав об этом, Борис Годунов «пришёл в великую радость» и «обещал воздать ему большую честию, и, одарив его, отпустил в Углич, да с ним же отпустил сына его Данилку да Никиту Качалова, и велел им ведать в Угличе всё. Они же вошли в Углич, как волки, пыхающие на праведного, и пришли в Углич вскоре, и начали всем владеть».

Картина заговора полностью нарисована. Если оставить в стороне исторические разыскания, забыть о документах эпохи и обратиться к данному повествованию с позиции обычного человеческого здравого смысла, то вся сюжетная конструкции обратится в прах. Откуда взяты все эти броские детали секретных переговоров, прямая речь и заявления участников? Кто это описал, удостоверил, какими документами и когда подтвердил? Ответ может быть только один: никто, ничем и никогда. Это — художественное произведение, отстоящее куда дальше от истории, чем, скажем, «Борис Годунов» А.С. Пушкина. Всё это — не описание события, а изложение последующего пристрастного восприятия его.

Когда Филарет и его безымянные «писцы» составляли «правильный» исторический свод, то никого из участников и оче-

видцев тех давних событий — прошло ведь сорок лет — не было давно на свете. Можно было писать всё, что угодно, не опасаясь никаких разоблачений. Да и кто бы посмел высказаться против воли Патриарха! Подобное являлось в нормах того времени не только святотатством, но и государственным преступлением. Конечно, невозможно установить, верил ли сам Филарет вопиющим бредням «Нового летописца». Но это и не самое главное. Ведь Филарету требовалась не правильная история, а исключительно «нужная». Поражает другое.

Если для Филарета история с Угличем всё ещё была живой, всё ещё была «актуальной», то для историков, писавших свои труды через века — тут уже, казалось, не могло быть никакой злободневности, заставлявшей выдавать желаемое за истинное. Но ведь выдавали, да и до сих пор некоторые выдают!

В этом месте необходимо ещё раз вернуться к «Иуде» — дьяку Михаилу Битяговскому, который, как и его сын Даниил, значились в «Новом летописце», как и во многих иных сказаниях, в числе главных участников убийства Царевича Дмитрия. Ранее Битяговский служил помощником управляющего Казанским краем, а затем был назначен управляющим «земской избой» в Угличе. Здесь важно подчеркнуть один сущностный момент: Битяговский оказался в Угличе совсем не для вершения «злого дела», а для того, чтобы навести порядок в управлении хозяйством «Царицы Марии». Она и её родня широко жили в Угличе, обдирая жителей Углича и уезда, что называется, «до нитки». Средств не хватало, и Нагие вводили новые и новые налоги и поборы, отнимая «последние крохи». Жалобы и мольбы угличан и вызвали потребность отправить туда человека, который будет рачительно управлять удельным хозяйством.

Естественно, что прибытие Битяговского в «удел» сразу же вызвало неприятие Нагих, они его быстро просто возненавидели, так как он стремился ограничивать разумными пределами потребности «Царицы Марии», её братьев и дядей. Постоянно происходили «стычки» между управителем и Нагими. Последняя сцена имела место за несколько часов до смерти Царевича Дмитрия, 15 мая 1591 года, когда «Царица Мария», как показывали очевидцы, «ругалась с дьяком».

Надо учитывать обязательно, что Битяговского на столь важную должность — управителя «царёва удела» — ни Клешнин, ни даже Годунов единолично назначить не могли. Это требовало согласования с Боярской Думой и самое главное — одобрения Царя Фёдора Иоанновича. Битяговский ведь и числился в Угличе как «государев человек». Но вернёмся снова к изложению «Нового летописца».

В тексте нет обвинений лично Битяговского «в убиении»; он изображается организатором этого дела; непосредственными же исполнителями стали: «окаянная мамка» Цесаревича Волохова, которая сравнивается со змеей, «прельстившей Еву», её сын Осип, называемый в тексте почему-то «Данилкой». Именно Осип-Данилка на дворцовом крыльце — в варианте сказания 1606 года дело происходило «на лестнице» — «кольнул ножом праведного по шее и не достал ему до гортани». Испугавшись содеянного, Осип-Данилко «бросил нож и побежал». Довершить же начатое решились Данило Битяговский да Никита Качалов, которые «заклали, как чистого агнца, юнца восьмилетнего». Затем прибежала мать, «закричала над ним». Вослед случилось невиданное: «О чудо праведное и ужасное, как мёртвое тело трепетало долгое время, как голубь!»

В этом месте «Новый летописец» перестаёт быть собственно летописью, перечнем дел и событий, а помещает жалостливые пассажи из скоропалительного жития «невинно убиенного» от 1606 года. Из повествования можно узнать, что непосредственные убийцы — Никитка и Данилка, на самом деле Осип, от страха «побежали, и пробежали двенадцать вёрст; кровь же праведного вопияла к Богу и не пустила их; они же окаянные, возвратились назад», а горожане их «побили камнями».

Далее следует очень показательный, в смысле идейной оценки последующих событий, фрагмент. Когда к Царю Фёдору прислали гонца с известием о гибели его сводного брата, то коварный Борис Годунов «велел грамоты переписать, а писать повелел, что Царевич одержим был недугом и сам себя зарезал небрежением Нагих». Эту, «годуновскую» версию якобы и донесли до Царя Фёдора. После этого идёт изложе-

ние расследования, проводившегося в Угличе по повелению Царя. О следственной комиссии почти ничего не говорится; упоминается только, что там был Василий Шуйский, Андрей Клешнин и «власти».

Князь Шуйский «начал расспрашивать всех людей града Углича», как погиб Царевич. И все жители «возопили единогласно, иноки и священники, мужи и жёны, старые и юные, что убиен был от рабов своих, от Михаила Битяговского, по повелению Бориса». Просто оторопь берёт от буйства неуёмной фантазии составителей «Нового летописца». Все «вопящие» жители Углича, оказывается, уже точно знали, что Борис Годунов — главный злодей. Но почему же при такой немыслимой осведомленности они не ведали, что его «правой рукой» в этом тёмном деле был тот самый Клешнин, который сопровождал Шуйского?

В тексте как-то невнятно произносится, что когда Шуйский вернулся в Москву, то сообщил «неправедно», что Царевич самоубился небрежением Нагих, за что Нагие и горожане Углича подверглись жестоким наказаниям¹⁷⁷. Об отпевании и погребении Дмитрия в тексте упомянуто скороговоркой: «Тело же его праведное погребли в соборной церкви Преображения Спаса». Всё. «Нужная» история написана, и тема считается исчерпанной.

Наш знаменитый «последний летописец» Н.М. Карамзин, называя Василия Шуйского «бессовестным лгуном», сам оказался ему подобным, когда воспроизводил эпизоды «Угличского дела». По его уверению, когда начался допрос угличан о гибели Дмитрия, то «единодушно, единогласно — иноки, священники, мужи и жёны, старцы и юноши — ответствовали: «Царевич убиен своими рабами, Михаилом Битяговским с клеветами, по воле Бориса Годунова»»¹⁷⁸.

Просто оторопь берет от подобных фальшивых повествований. Мелкая, но характерная деталь: Николай Михайлович был для своего времени прекрасно образованным человеком, он должен был бы знать, что в XVI веке в русском языке слова «клеветы» не существовало. Однако, очевидно, в погоне за эффектом он искажил не только факт русской истории, полно-

стью уверовав в версию «Нового летописца», но и одновременно искажил и речь русского человека.

С горьким сожалением приходится признать, что не только светские историки позволяют себе озвучивать лживые видения в качестве исторических «доводов», «фактов» и «аргументов». Даже маститые специалисты из числа церковного клира, написавшие монументальные труды по истории Церкви, становились жертвой старых предубеждений и голословных обвинений. Для иллюстрации этого печального обстоятельства приведём обширную цитату из «Истории Русской Церкви» Митрополита Московского Макария:

«По свидетельству летописей, девятилетний Царевич погиб насильственной смертью от убийц, подосланных Борисом Годуновым, подготовлявшим себе путь в к Царскому престолу, но сбежавшийся по набату народ при виде преступления тогда умертвил самих убийц, Осипа Волохова, Никиту Качалова и Данилу Битяговского, а также и отца Данилы дьяка Битяговского и других, всего 12 человек. Когда гонец с вестию об убийстве Царевича прибыл в Москву, Годунов взял у него грамоту и велел написать другую, будто Царевич, страдавшей падучею болезнию, сам заколол себя ножом, играя с детьми, и эту грамоту представил Царю. Царь горько плакал. Для розыска послан был в Углич знатнейший боярин Василий Иванович Шуйский, с двумя другими лицами, а для погребения Царевича — Митрополит Крутицкий Геласий. Следователи в угоду Годунову повели дело так, что Битяговский и прочие с ним убиты народом совершенно невинно по наущению Михаила Нагого, враждовавшего против Битяговского. Царь приказал боярам идти с следственным делом на собор к Патриарху Иову, и оно прочитано было в присутствии всего Освященного собора и бояр дьяком Щелкановым. Патриарх, выслушав следствие, сказал: “Пред Государем-Царём Михайлы и Григория Нагих и угличких посадских людей измена явная; Царевичу Димитрию смерть учинилась Божиим судом”».

Стремясь снять с Патриарха Иова возможные обвинения в «неправедности», в желании услужить Годунову, Митрополит Макарий резюмировал:

«Патриарх, очевидно, высказал своё мнение на основании того, что узнал из следственного дела, и думать, будто он покривил здесь своею совестью в угоду Годунову, совершенно неосновательно. Патриарх тогда ещё не мог знать об участии Годунова в убиении Димитрия, как не знали и другие архиереи; событие совершилось так недавно и не успело довольно огласиться, сам же Годунов не открыл же Иову злых своих замыслов. Отвергнуть следственное дело или не доверять ему Иов не имел никакого основания»¹⁷⁹.

По всей видимости, Митрополит Макарий не видел того самого «Следственного дела», которое было якобы сострепано «по сценарию» Бориса Годунова. Вместе с тем «Новый летописец», очевидно, был перед глазами, почему и изложение получилось явно с обвинительным уклоном. Если бы Владыка прочитал «Следственное дело», то впечатления от событий в Угличе у него могли быть другими, прямо противоположного характера. Ведь «Следственное дело» со всей очевидностью подтверждает непричастность Бориса Годунова к смерти Царевича Димитрия. Однако Макарий поверил сказаниям 1606 года, поверил «Новому летописцу», Н.М. Карамзину, некоторым другим и написал несправедливости. Он был убеждён, что Патриарха Иова ввели в заблуждение, а на самом деле впал в заблуждение именно Митрополит Макарий.

Историки «обличительного» направления всегда, что называется, с порога, отвергали достоверность «Следственного дела», ссылаясь на некоторые погрешности в составлении текста, на его «плохую» сохранность и ещё неведь на что. Безапелляционное отрицание исторической значимости данного документа стало «хорошим тоном» в светской историографии. Ещё Н.М. Карамзин написал, что «Следственное дело» «памятник его (Шуйского. — А.Б.) бессовестной лживости»¹⁸⁰. Прошло полвека, и другой «мэтр» — Н.И. Костомаров — высокомерно заявлял, что «следственное дело для нас имеет значение не более как одного из трёх показаний Шуйского, и притом такого показания, которого сила уничтожена была дважды им самим же»¹⁸¹.

Ну что тут скажешь? Это заведомая профанация серьезного вопроса. «Дело» ведь писал не один Шуйский, да и вообще он

его не писал. Это ведь не его личные «записки», а показания комиссии с перечислением опрошенных лиц, с опросными листами и подписями более чем двадцати фигурантов, подлинность которых никто оспаривать не посмел. Эти «детали» просто выпадали из поля зрения «обличителей». К тому же для Патриарха Иова Митрополитом Геласием, принимавшим непосредственное участие в следственных действиях, была составлена отдельная «сказка», где излагался взгляд на Угличское дело, практически ни в чём не расходящийся с материалами «Следственного дела». Для таких же персон, как русофобствующий Костомаров, всё это — совершенно несущественно. Невинность Годунова никак не вписывалась в устоявшийся «обличительный контекст».

До сего дня история гибели Царевича Дмитрия, всё ещё воспроизводится по лекалам Василия Шуйского и иже с ним. В современной краткой редакции «Житии Святого благоверного Царевича Дмитрия, московского чудотворца» говорится без обвиняков, что Борис Годунов, одолеваемый властным тщеславием, вознамерился погубить Царевича Дмитрия и после «безуспешных попыток его отравить стал искать убийц. Их нашли в лице сына и отца Битяговских и некоего Качалова...». И далее повествуется, как «злодеи» Качалов и Битяговский на крыльце царского терема набросились на ребёнка, «зарезали и сбросили тело с крыльца»¹⁸². Царь Василий Шуйский может мирно почивать в могиле в Архангельском соборе. Его дело по дискредитации Бориса Годунова живёт и можно, смело сказать, — побеждает здравый смысл и подлинные обстоятельства гибели Царевича. Здесь уместно сделать две смысловые ремарки.

Во-первых, если принять подобные утверждения за подлинные, то Бориса Годунов надо признать скудоумным, а проще говоря, безнадежно глупым деятелем. Ведь так бездарно организовать столь важное дело мог только умственно недалёкий человек: привлечение целого ряда лиц к переговорам по поводу убийства, чуть ли не публичный поиск исполнителей для «акции»! Ведь всё, что знают хотя бы двое на Руси, — уже не есть тайна. При этом все, даже заклятые враги Бориса Годунова, признают его изощрённый ум, «дьявольское коварство», что никак

не корреспондируется с той просто бездарной «постановкой», которую якобы осуществил Борис Годунов в Угличе.

Во-вторых, надо заметить, что не исключено, что авторские сомнения и умозаключения некоторые ретивые «защитники веры» истолкуют как покушение на «святые устои Церкви». Посмотрите, могут возопить оголтелые ревнители, как смеет «какой-то Боханов» подвергать сомнению православные святыни! Хочется сразу предвосхитить возможные негодующие голоса. Успокойтесь! Ничего подобного автор и в дальней мысли не держал и потому, что сам является православным человеком, и потому, что всегда призывал в своих сочинениях уважать религиозные чувства всех людей. Речь идёт не о «покушении на святыню», а только о восстановлении исторической справедливости. Прежде чем безапелляционно обвинять Годунова, надо ведь, кроме тёмных слухов, чем-то располагать.

Невозможно ставить под сомнение факт неестественной гибели Царевича Дмитрия, но в равной степени невозможно сопрягать его смерть с «коварными замыслами» Бориса Годунова. Ведь убийство царевича в Угличе было «выгодно» далеко не только ему; можно даже сказать, что ему-то она совсем не была «выгодна». Существовали и другие, куда более заинтересованные силы, о чём речь пойдёт далее...

Кстати, о «тёмных слухах». В качестве образчика подобного мифотворчества уместно привести выдержку из сочинения голландского купца Исаака Масса (Massa) (1587—1635), жившего в Москве в 1601—1609, 1612—1634 годах. Около 1611 года он писал сочинение о событиях в России конца XVI — начала XVII века, где немало страниц посвящено и Борису Годунову. По поводу «Углицкого дела» голландский торговец написал следующее.

«При Царевиче Дмитрие безотлучно находился дьяк Михаил Михайлович Битяговский, которого Царевич считал своим лучшим другом (!!! — А.Б.); его подкупили извести Дмитрия, на что он согласился и поручил совершить убийство своему сыну Даниилу Битяговскому, у которого был товарищ, Никита Качалов; оба они сперва были в Москве у Бориса, который обещал их обеспечить и поручить им важные должности; причастившись

и получив от Борисова священника благословение и полное отпущение грехов (!!! — А.Б.), они поехали в Углич с письмом от Бориса Годунова». И далее сообщается, что, когда «дети играли на дворе в орехи», упомянутые Никита и Даниил «перерезали Царевичу горло, от сильного смущения забыв умертвить других детей, и тотчас бежали»¹⁸³.

Масса строит своё изложение на основании слухов, которые циркулировали в Москве. Однако «слухи» — не документ, его, что называется, к «делу не пришьешь». Это совсем не священное предание, выверенное, проверенное и удостоверяемое Отцами Церкви и святителями. Это всего лишь, как бы теперь сказали, «политический пиар», пущенный в обращение Василием Шуйским, подхваченный и раскрученный другими клятвопреступниками...

Теперь самое время оставить в стороне восприятие ангажированных вполне определёнными идеологическими пристрастными историков, как и всех прочих, и обратиться к самому существу происшествия в Угличе. Восстановить ход событий того дня возможно только на основании «Следственного дела», где содержится подробнейшее изложение всей диспозиции. Здесь хочется выразить просто восхищение труду реставратора, исследователя и публикатора В.К. Клейна, заботами и попечением которого указанное «Дело» наконец-то и было опубликовано в 1913 году в Москве.

Несколько необходимых предварительных пояснительных ремарок к «Следственному делу». Дознаватели из Москвы прибыли в Углич вечером 19 мая 1591 года, то есть на четвертый день после происшествия. Первым делом прибывшие из Москвы высокие дознаватели отправились к телу Царевича Дмитрия, находившемуся в церкви Спаса-Преображения. На трупе лежал нож со следами крови — «орудие убийства». Вскоре выяснилось что «кровь убиенного» — на самом деле куриная, которой вымазали лезвие по приказу Михаила Нагого, а нож, его ещё именуют «ногайским»¹⁸⁴, на самом деле принадлежал роду Нагих и никакого отношения к делу не имел.

Василий Шуйский «со товарищи» внимательно осмотрели тело ребёнка и особенно горло. Порез был очевиден. В ука-

занном храме тело Царевича и погребли 22 мая; погребальный обряд проводил Митрополит Геласий...¹⁸⁵

Точно неизвестно, как формировался состав следственной комиссии, работа которой началась 20 мая и продолжалась неделю. Можно смело утверждать, что командированным лицам высокого социального ранга доверял не только Борис Годунов, но и Царь Фёдор Иоаннович и вельможи из Боярской Думы.

Членами комиссии стали: боярин Василий Иванович Шуйский, выходец из старой приказной семьи дьяк Елизарий Данилович Вылузгин, окольничий Андрей Петрович Клешнин (Лупп-Клешнин). Митрополит Геласий представлял Патриарха Иова. Дознаватели прибыли в сопровождении отряда стрельцов и большого штата подьячих и писцов, выполнявших всю рутинную организационно-техническую работу.

Вопреки тому, что иногда пишут, Василий Шуйский не был «главой» или «председателем» комиссии; все члены имели равные полномочия. Как отмечал ещё В.К. Клейн, «общепринятый и установившийся взгляд, будто для производства были назначены лица, избранные Борисом Годуновым, ни на чём не основан». Ныне данную точку зрения можно считать прочно утвердившейся в историографии¹⁸⁶.

Невольно хочется воскликнуть: не прошло и четыреста лет и наконец-то наступило «охлаждение умов»! В своих умозаключениях исследователи вместо слухов и сплетен начали руководствоваться не столько «новыми» документами, каковых со времени Карамзина мало обнаружилось, а принципиально новых — не обнаружилось вовсе, а обычным здравым рассуждением.

Необходимо особенно подчеркнуть, что высокие дознаватели из Москвы прибыли в Углич не только для того, чтобы установить обстоятельства смерти Царевича Дмитрия. Это была только одна часть задачи. Другая, не менее важная, состояла в расследовании причин беспорядков, происходивших в Угличе 15 мая, во время которых были убиты различные люди, и первый по важности среди них — «государев человек» дьяк Михаил Битяговский. Весть о том достигла Москвы 17 мая, и там происшествие было расценено однозначно: это — бунт, измена,

которые надо искоренить, выявить зачинщиков и наказать их примерно.

Состав следственной комиссии всегда вызывал много разноречивых суждений. Весьма распространённой версией была следующая: следователи — «ручные люди» Бориса Годунова, готовые сделать всё, что от них пожелает «хозяин». Это, конечно, полная чепуха. Надо просто не уподоблять людей XVII века, православных людей, каким-то мелким безбожникам-мещанам, трясущимся от страха не перед Божиим Судом, а перед «начальством» и готовых лгать и предавать, лишь бы гнев влиятельных лиц их не коснулся. Таковые всегда имелись в наличии. Особенно же их много наплодилось уже после того, как в России пала монархическая система. Маленький, серый, запуганный властью советский человек, каковых была тьма, всегда был готов на всё, чтобы только угодить земным властителям, любому начальнику, даже самого мелкого пошиба...

Членов комиссии к разряду запуганных, безвольных и «ручных» лиц уж никак нельзя отнести. К примеру, трудно себе вообразить, чтобы такой потенциальный противник Бориса Годунова, как Василий Шуйский — за ним ведь была вековая спесь боярского рода, — участвовал в разбирательстве, чтобы прикрыть роль Годунова в злодеянии. Да любая подобная «тайна», что называется, вмиг сделалась бы темой пересудов в боярской среде: сначала — среди «своих», а затем — всех прочих. Так было всегда — высокородная злоречивая человеческая природа неисправима. Так почему же в данном случае стало бы иначе? Годунова надо считать очень недалёковидным, недалёковидным до примитивности, чтобы предположить, будто он не просчитал подобного развития событий.

В своё время историк И.И. Полосин (1891—1956) обоснованно заключил, что «самый беспринципный, самый отъявленный, самый злокозненный враг Годунова, князь Шуйский самим фактом его назначения в следственную комиссию должен был свидетельствовать непричастность Годунова к угличским событиям»¹⁸⁷.

Вылузгин Елизар (Елизарий) Данилович являлся старым приказным служакой, получившим чин думного дьяка ещё при

Иоанне Грозном в 1583 году. Находившийся тогда в России англичанин Джером Горсей (1550—1626) даже называл Вылузгина «тайным секретарём» Царя. Потом он руководил Поместным приказом¹⁸⁸, так что входил в круг высшей государственной администрации. Его невозможно воспринимать бессловесной и безропотной марионеткой.

Уместно добавить, что Митрополита Геласия, благочестивого пастыря, умершего в 1601 году, ну уж никак немислимо, даже теоретически, причислить к лицам, «управляемым» влиятельным Годуновым.

Существует и ещё одна сторона дела, противоречащая тезису о манипулировании расследованием Годуновым. Если даже предположить, что «злокозненный», всемогущий, вездесущий или, как его называл Карамзин, «злой властолюбец» Борис Годунов и намеревался «спрятать концы в воду» присылкой «своих людей», то уж, наверное, не допустил бы открытых следственных действий. Ведь разыскные «мероприятия»: опрос очевидцев и свидетелей, «очные ставки», перекрёстные допросы — всё это происходило прилюдно, на улице, в Угличском кремле, в присутствии не только «Царицы Марии» и членов комиссии, но и множества других лиц. И при таком сюжетном раскладе можно было что-то «утаить»?

Необходимо обозначить одну отличительную особенность всего «узнавательного» процесса, которая являлось исключительной в следственных действиях той поры: к опрашиваемым не применились «пыточные» приёмы дознания. Никого физически не истязали, чтобы добыть «правду». Был один только случай репрессии со стороны следственной комиссии. Во время допроса писаря Степана Корякина им был опознан в толпе конюх Михайла Григорьев, который «Михаила Битяговского и почал бити». После этого разоблачения конюх был немедленно арестован.

День 15 мая 1591 года в Угличе не предвещал ничего необычного. Была суббота; погода стояла светлая, солнечная, безветренная и тёплая. Мария Нагая вместе с сыном Дмитрием, поругавшись перед тем в очередной раз с Михаилом Битяговским, отправилась в храм на обедню, после которой вернулась в свой

терем и стала готовиться к полуденной трапезе, или, проще говоря, — к обеду.

Весь Углич разошелся по домам. Уехал к себе из «дьячьей избы» Михаил Битяговский — глава Угличской администрации. Вслед разошлись «по своим подворьяшкам» его подчиненные — подьячие и «пищики» — писари из «дьячьей избы». Братья Нагие, Михаил и Григорий Федоровичи, «поехали... к себе на подворье обедать». «В те поры сидел у ествы» в тереме Марии Нагой её дядя Андрей Александрович Нагой.

После 12 часов Царевич Дмитрий в сопровождении мамки Василисы Волоховой, кормилицы Арины Тучковой и постельницы Марьи Колобовой отправился «гулять на двор», под которым подразумевалась довольно небольшая площадка между теремным дворцом и оградой. Там его уже ждали друзья, «маленькие робята»: сыновья постельницы и кормилицы Петруша Колобов и Важен Тучков, а также Иван Красенский и Гриша Козловский.

Дети стали играть в «тычку»: бросали «сваю», или «свайку», в очерченный на земле круг. Согласно В.И. Далю, «свайка — толстый гвоздь или шип с большой головкою, для игры в свайку; её берут в кулак, за гвоздь, или хвост, и броском втыкают в землю, попадая в кольцо»¹⁸⁹. В этой игре важен один нюанс: остро заточенный предмет — свайку, прежде чем бросить, надо поднять рукой за шляпку острым концом вверх, на уровень груди и размаха руки.

Во время игры у Царевича начался приступ «чёрной болезни», «падучей», или эпилепсии. Он с малолетства страдал этим недугом, а последний приступ падучей начался во вторник, 11 мая. Всему окружению Цесаревича было известно, что когда начинается эта «лихорадка», то он становится неуправляемым, начинает впиваться зубами во что ни попадя. Василиса Волохова показала потом, что Царевич «руку отъел у Ондreja» (Андрея Нагого). В свою очередь, вдова Битяговского рассказала, что «многажды бывало, как ево станет бити тот недуг и станут его держати Ондрей Нагой и кормилица и боярони и он им руки кусал или за что ухватит зубом, то отъест». Выяснилось на дознании, что и сама Мария Нагая испытала на себе подобное; он

у неё тоже «руку отъел», а в марте сын мать свою ещё и «сваею поколол»¹⁹⁰.

Вообще-то болезни царские, включая и царских отпрысков, относились к разряду тайн государственной важности; об этом категорически запрещалось говорить даже в узком кругу, а при честном народе — преступление непростительное. Если бы не сохранились следственные материалы о событиях в Угличе, то вряд ли когда потомки могли узнать о тяжелой болезни младшего сына Иоанна Грозного, о её симптомах и проявлениях. На следствии многие о том говорили из числа придворных служащих и родственников Цесаревича.

Когда начался острый приступ болезни, то в руках у Цесаревича была упоминавшаяся «свайка», которую некоторые опрашиваемые называли «нож», которым он и поранил себя в горло. Вообще, может ли больной во время эпилептического припадка совершить самоубийство? Медики, как правило, дают на этот вопрос отрицательный ответ. Спорить со специалистами дело невозможное.

Однако существуют конкретные обстоятельства каждого необычного случая, такого как Угличский, который может восприниматься как исключительный. Ведь у девятилетнего ребёнка в момент острого приступа падучей в руках оказался остро заточенный, по некоторым данным трехгранный, колюще-режущий предмет. Как вполне правомерно заметил в своей книге о Борисе Годунове историк Р.Г. Скрынников, «на шее непосредственно под кожным покровом находятся сонная артерия и яремная вена. Если мальчик проколол один из этих сосудов, смертельный исход был не только возможен, но неизбежен»¹⁹¹.

Важно учесть, что орудия самоубийства, той самой пресловутой «свайки», обнаружить следствию так и не удалось. Зато когда рассматривали трупы жертв самосуда, числом более десяти, брошенные мятежниками в овраг за забором, на «съедение диким зверям», то при них обнаружилось несколько ножей. Однако, как быстро установили, их туда подложили по наводке Нагих, чтобы замести следы. Самую же главную «улику» — ногайский нож — положили на тело погибшего ребёнка.

Верховодил всем этим грязным делом по созданию фальшивых «доказательств» Михаил Нагой¹⁹².

Все же семеро непосредственных очевидцев гибели Царевича, все без исключения, говорили одно и то же: на дворе, кроме них, никого не было, и Дмитрий сам «поколел себя». Комиссия особенно пристрастно опрашивала четверых товарищей погибшего. Это было вполне уместно и необходимо; если взрослые могли «выучить роль», говорить то, что «надо было», то дети-то, они и есть дети. «Играть по-взрослому» они не умеют; их легко вывести на честный разговор. И маленькие «робята» все четверо говорили как один: «Играл Царевич в тычку с ними ножичком на заднем дворе и пришла на него болезнь — падучий недуг — и набросился на нож»¹⁹³.

Примерно в тех же выражениях описывали происшествие и другие непосредственные очевидцы. «И бросило его на землю, и тут Царевич сам себя ножом поколел в горло, и било его долго, да тут его и не стало» (мамка Василиса Волохова). «Как пришла на Царевича болезнь чёрная, а у него в те поры был нож в руках, и он ножичком поколелся, и она Царевича взяла к себе на руки, и у неё Царевича на руках и не стало» (кормилица Арина Тучкова). «И его бросило о землю, а у него был нож в руках, и он тем ножичком поколелся» (постельница Марья Колобова).

Как видно из приведенных высказываний, все непосредственные очевидцы единодушно подтверждали факт нечаянного самоубийства несчастного мальчика. Были и иные свидетели, стоявшие не так близко, но наблюдавшие за игрой Цесаревича, кто из окон теремного дворца, а кто с церковной колокольни. Никакой разноголосицы в показаниях не было, а опросили всех, более ста человек, кто или в момент смерти находился в кремле, или кто оказался там вскоре после того, как начались беспорядки, спровоцированные Нагими.

Об убийстве говорили только Нагие, оказавшиеся на месте происшествия уже после того, как Цесаревич испустил дух. Первой прибежала Царица Мария. Весть о смерти сына Царице принёс друг Цесаревича Петруша Колобов. Как показали дворцовые слуги, когда Царица села обедать, «бежит вверх

жилец Петрушка Колобов, а говорит: тешился деи Царевич с нами на дворе в тычку ножом и пришла деи на него немочь падучая... да в ту пору, как ево било, покололся ножом, сам и оттого умер»¹⁹⁴.

Но оказывается, у Марии Нагой всего через несколько минут после получения страшного известия, уже сложилась своя непререкаемая «версия». Как только она спустилась во двор и увидела окровавленного ребёнка на руках кормилицы, то начала голосить на весь двор и тут же принялась бить поленом по голове мамку Василису Волохову, да так крепко охаживала, что голову пробила в нескольких местах. Причём набросилась она не на кормилицу, а на мамку, хотя обе были равно виноваты, что недоглядели. Во время избиения Мария всё время приговаривала, что будто бы сын Василисы Осип с сыном Битяговского да «Микита Качалов» Царевича «Дмитрия убили».

Итак, первой приговор об убийстве озвучила Мария Нагая уже через несколько минут после гибели Царевича. В её интерпретации виновными были признаны трое: Осип Волохов (сын мамки), Никита Качалов (племянник Михаила Битяговского) и Данило Битяговский. Откуда она это взяла? Это вопрос так более четырёхсот лет всё ещё и висит в воздухе. Сама Мария того не объяснила. С неё показаний не снимали: как-никак Царица ведь...

Прочие Нагие были в целом солидарны с Марией. Брат Царицы Михаил Фёдорович Нагой: «Царевича зарезали Осип Волохов, да Микита Качалов, да Данило Битяговский». Дядя Царицы Андрей Александрович Нагой: «Прибежал тут же к Царице, а Царевич лежит у кормилицы на руках мёртв, а сказывают, что его зарезали». Лишь показания одного брата Марии — Григория Фёдоровича Нагого — отличались от предыдущих: «И прибежали на двор, ажио Царевич Дмитрий лежит, набрушился сам ножом в падучей болезни».

Михаил Нагой¹⁹⁵, вослед за сестрой Марией, назвал поимённо «убийц Дмитрия»: сына Битяговского — Данилу, его племянника — Никиту Качалова и Осипа Волохова. Однако Михаил не смог привести никаких фактов в подтверждение своих обвинений. Его версия рассыпалась в прах, едва заговорили

другие свидетели. Когда позвонили в колокол, показала вдова Битяговского, «муж мой Михайло и сын мой в те поры ели у себя на подворьишке, а у него ел священник... Богдан». Поп Богдан был духовником Григория Нагого и пытался выгородить Царицу и её братьев, утверждая, что те непричастны к убийству дьяка, погубленного посадскими людьми. Священник подтвердил, что сидел за одним столом с Битяговским и его сыном, когда в городе ударили в набат. Таким образом, в минуту смерти Царевича его «убийцы» мирно обедали у себя в доме вдалеке от места преступления. Они имели стопроцентное алиби. Преступниками их считали только сбитые с толку люди.

Михаил Нагой не был очевидцем происшествия. Он прискакал во дворец «пьян на коне», после того как ударили в колокол. Протрезвев, Михаил осознал, что ему придется держать ответ за убийство дьяка, представляющего в Угличе особу Царя. В ночь перед приездом комиссии он велел преданным людям разыскать несколько ножей и палицу и положить их на трупы Битяговских, сброшенные в ров у городской стены. Комиссия, расследовавшая дело по свежим следам, без труда разоблачила этот подлог. Городовой приказчик Углича Русин Раков показал, что он взял у посадских людей в Торговом ряду два ножа и принес их Нагому, а тот велел слуге зарезать курицу и вымазать ее кровью оружие. Нагой был изобличен, несмотря на запирательство. На очной ставке с Раковым слуга Нагого, резавший курицу в чулане, подтвердил показания приказчика. Михаила Нагого окончательно выдал брат Григорий, рассказавший, как он доставал из-под замка ногойский нож и как изготовлены были другие улики...

В первые минуты, как только весть о смерти распространилась по кремлю, на колокольне Спасо-Преображенской церкви начал звонит колокол, звонил резко и непрестанно долгое время. Как выяснилось, приказ пономарю Фёдору Огурцу звонить «сильно» и на колокольню никого не пускать отдал Михаил Нагой, который, как говорили многие, прискакал на коне быстро и был сильно пьяным («мёртв пьян»).

Явившийся очень быстро в кремль Михаил Битяговский, он квартировал за пределами кремля, не мог сдержать закипающие

срасти; жажда самосуда уже овладела многими. На набатный колокольный звон в кремль бросились жители Углича, «посадские люди» и наёмные рабочие, «казаки» со стоявших на пристани судов. Толпа запрудила всю территорию перед дворцом. Распластанная на площади, вся избитая в кровь, полуживая Василиса Волохова видела, как Мария Нагая указывала на Битяговских и кричала, что они — «душегубцы Царевича». Это было равносильно смертному приговору.

Толпа набросилась на дьяка и его сына, затем «порешила» Качалова, Осипа Волохова и ещё семерых холопов, пытавшихся защитить своих хозяев, а заодно и ещё несколько человек. Показатели числа убиенных разнятся: в одном случае называется двенадцать человек, в другом — пятнадцать. Так или иначе, но твёрдо можно утверждать, что жертвами самосуда, учиненного по воле Нагих, стало более десяти человек. Позже Михаил Нагой бахвалился, что именно он велел убить дьяка и его сына «да Данила Третьякова, да людей их велел побитии я же для того, что они отнимали у меня Михаила Битяговского с сыном»¹⁹⁶.

Причина ненависти к Битяговскому, как выше упоминалось, была проста. Её озвучили служащие Марии Нагой на следствии, показавшие, что Михаил Нагой постоянно «прашивал сверх государева указу денег ис казны», Битяговский же отказывал, почему возникали ссоры и брань¹⁹⁷.

С площади толпа устремилась к дому Битяговского, который был разграблен, найденные в погребе бочонки с вином были выпиты, со двора увели несколько лошадей. Жену же Михаила Битяговского Авдотью избили и, раздетую почти донага, выволокли на улицу и чуть не убили вместе с двумя дочерьми; спасли подоспевшие черноризцы...

Никакого отношения семья Битяговского к гибели Царевича Дмитрия не имела. Было точно уставлено: дьяк вместе с сыном и женой сидел за обеденным столом, когда зазвучал набат. Так что у Битяговских существовало несомненное алиби, что, впрочем, почти и не отразилось на мнениях историков. Здесь уместна интерлюдия общего порядка.

У Карамзина образ дьяка Битяговского представлен так, что даже его внешность, описание неизвестно откуда почерпнутое

«последним летописцев», выглядела отталкивающе. Лицо его «ознаменовано» было «печатью зверства так, что дикий вид его ручался за верность во зле»¹⁹⁸. Иными словами: прирождённый злодей и убийца, и если до поры злодейств не совершал, то всегда готов был для них.

Вот так создавалась история Отечества: вся во зле, в тирании, вся в чаду кровавых страстей. А ведь по Карамзину изучали историю поколения русских; по его книгам преподавали историю в гимназиях и начальных училищах. На его сочинениях-видениях воспитывались исторические представления членов Императорской Фамилии. И надо сказать: «хорошо» воспитали! Когда в 1862 году открывали в Новгороде величественный памятник «Тысячелетия России»¹⁹⁹, то среди 109 фигур выдающихся деятелей Русской истории не нашлось места ни для Иоанна Грозного, ни для Бориса Годунова. Карамзин так «запугивал» читателей «преступлениями» данных исторических героев, что Император Александр II не пожелал видеть подобные фигуры в «бронзовой летописи» России. Грозный — «тиран», «кровавое чудовище», а Годунов — «детоубийца»; им нет места на монументе. Для строптивой новгородской мятежницы Марфы Посадницы место нашлось, а для Грозного и Годунова нет...

В разгар событий в кремль прибыли архимандрит Феодорит и игумен Савватий, служившие в тот день обедню в монастыре, в городе. Заслышав набат, послали служек узнать, что случилось. Вернувшись, те доложили, что «Царевича Дмитрия убили, а тово не ведомо, хто его убил». Игумен потом свидетельствовал, что застал Царицу в церкви возле сына: «Царевич лежит во Спасе зарезан и Царица сказала: зарезали де Царевича Микита Качалов да Михайлов сын Битяговского да Осип Волохов»²⁰⁰. Даже у одра мертвого сына Мария Нагая упрямо продолжала твердить о виновниках трагедии, называя их поимённо. Позиция, просто выходящая за пределы разумения!..

В следственных документах ничего не говорится о поведении Марии Нагой на дознании, на котором она присутствовала. Получалось, что она сидела как истукан на опросе свидетелей, в том числе и своей родни, но не проронила ни слова, не стала

защищать свою версию об именах виновных в гибели сына и в возникших затем беспорядках.

Однако она прекрасно понимала, что дело принимает весьма неблагоприятный для неё и её близких оборот; они ведь спровоцировали народный бунт и убийство «государева слуги». Надо было искать спасения. В деле упоминается о ходатайстве Марии Нагой перед Митрополитом Геласием заступиться перед Царём за «бедных червей». «Как Михаила Битяговского с сыном и жильцов побили, — смиренно заявила Мария, — и дело то учинилось грешное, виноватое»²⁰¹. Подобное ходатайство можно рассматривать как косвенное признание своей вины; ведь «грешное дело» учинили в Угличе Нагие.

В путаных и довольно сомнительных записках Джерома Горсея приведён один странный эпизод, случившийся после гибели Царевича Дмитрия. Горсей находился в тот момент в Ярославле. Предоставим слово английскому негодянту, дипломату и авантюристу:

«Кто-то застучал в мои ворота в полночь. У меня в запасе было много пистолетов и другого оружия. Я и мои пятнадцать слуг подошли к воротам с этим оружием. — «Добрый друг мой, благородный Джером, мне нужно говорить с тобой». Я увидел при свете луны Афанасия Нагого, брата вдовствующей Царицы, матери юного Царевича Дмитрия, находившегося в 25 милях от меня в Угличе. — «Царевич Дмитрий мертв, сын дьяка, один из его слуг, перерезал ему горло около шести часов; признался на пытке, что его послал Борис; Царица отравлена и при смерти, у неё вылезают волосы, ногти, слезает кожа. Именем Христа заклиная тебя: помоги мне, дай какое-нибудь средство!» — «Увы! У меня нет ничего действенного». Я не отважился открыть ворота, вбежав в дом, схватил банку с чистым прованским маслом (ту небольшую склянку с бальзамом, которую дала мне Королева²⁰²) и коробочку венецианского териака²⁰³. — «Это всё, что у меня есть. Дай Бог, чтобы ей это помогло». Я отдал всё через забор, и он ускакал прочь. Сразу же город был разбужен караульными, рассказавшими, как был убит Царевич Дмитрий»²⁰⁴.

История странная, если не сказать, фантастическая. Боярин Афанасий Александрович Нагой (ум.1610) промчался верхом

на лошади несколько десятков километров²⁰⁵, чтобы получить банку «провансальского масла» и склянку с опиумом, которая в то время имелась в наличии в «аптечке» каждого состоятельного дома. Неужели при дворе «Царицы Марии» подобного препарата не сыскалось?

Положим, что указанный эпизод имел место в действительности; сочинять подобное Горсею не было никакого резона. Он уже был на пути в Англию и разукрашивать повествование рассказами о собственной значимости — а таковых мест у него немало — не было никакого особого смысла. Думается, что не погоня за «лечебным средством» являлась побудительным мотивом для Афанасия Нагого скакать несколько часов из Углича в Ярославль. Ему, как и всему клану Нагих, надо было распространить угодную версию события, предвосхитить неизбежное для них наказание за потакание беспорядкам. Имя Бориса Годунова, как организатора убийства, было названо без колебаний. Чтобы выгородить себя и ещё более усугубить ситуацию, Нагим и понадобилась откровенная ложь об «отравлении» самой Марии Нагой...

В очередной раз необходимо подчеркнуть, что никаких сколько-нибудь надёжных, заслуживающих доверия данных, устанавливающих связь Бориса Годунова с убийством Царевича Дмитрия, не существует. Нельзя же за таковые признать, постоянно цитируемые высказывания немецкого наёмника Конрада Буссова (1553—1617), обретавшего в разных качествах в России с 1601 по 1612 год. Он составил своего рода летопись событий, известную как «Московская хроника». В ней говорится и об Угличской истории, хотя Буссов прибыл через много лет после того и никаким «очевидцем» являться не мог. Он служил, в каком качестве до сих пор неясно, и при Годунове и Лжедмитриях.

По его словам, «в большой тайне Годунов прельстил деньгами двух русских людей, и они перерезали Царевичу горло в Угличском Кремле на месте, отведённом для игр... А чтобы не открылось, по чьей указке совершено это убийство, правитель приказал и тех убийц, которых он ранее прельстил большими деньгами, прикончить в пути, когда они возвращались в Москву.

Так Царь Фёдор Иоаннович и не смог узнать, кто был убийцей его брата...»²⁰⁶

Буссов передаёт циркулировавшие слухи, чьи-то сказочные рассказы. Кто же был рассказчиком? Того, конечно же, уже никогда не узнать. Уместно оттенить важную деталь: Буссов, описывавший убийство Царевича в Угличе, преспокойно служил и при Ажедмитрии I, и при Ажедмитрии II. Подлинность или мнимость происхождения правителей его не волновала; его интересовал только «гешефт»...

Материалы «Следственного дела» недвусмысленно отрицают связь Бориса Годунова с Угличским злодеянием. Но это обстоятельство никогда не служило препятствием для обвинений его. В качестве аргумента «за» выставляется то обстоятельство, что данная печальная история позволила Годунову расправиться с ненавистным кланом Нагих. Да, это действительно так. По прошествии времени, недель и месяцев, все главные участники событий мая 1591 года получили наказание. Несколько человек было казнено; несколько сот жителей (60 семей) были выселены из Углича и оправлены на жительство в ссылку, в нововозводимый сибирский город Пелым. Даже церковный колокол, созывавший народ на самосуд, получил своё «наказание»: ему отрезали «язык», оторвали «ушко», и в таком виде он отправлен был в Тобольск²⁰⁷. Жестокая кара обрушилась и на род Нагих, но ведь царская кара-то была заслуженной!

Все родственники «Царицы Марии» подверглись наказаниям «по царёву указу», но никто из Нагих не был казнён. Братья оказались в монастырских заточениях, а сама Мария была пострижена в монахини под именем Марфы и отправлена в дальнюю Николовыскинскую пустынь в дальнем углу Нижегородского края²⁰⁸.

Ненавистник Годунова дьяк Иван Тимофеев просто неистовствовал в своем «Временнике» по поводу «жестокосердия» Бориса Годунова! В пылу ненависти современник событий написал несусветное: «Бывшую соправительницу того мирообладателя (Иоанна Грозного. — А.Б.) окружил (Борис Годунов. — А.Б.) во всём всевозможными лишениями, как жену простого мужа, совершил как бы второе после сына убийство его матери»²⁰⁹.

Во-первых, Мария ни минуты не была «соправительницей» при Иоанне Грозном. Во-вторых, Мария Нагая оказалась соучастницей организации беспорядков в Угличе, и сослана она была не решением «коварного» Бориса Годунова, а приговором Боярской Думы и волей Царя Фёдора Иоанновича. В монастыре же все сестры равны перед Господом, и никаких «привилегий», обусловленных прежней, мирской жизнью, здесь не могло быть. И в-третьих, что, может быть, самое важное, Мария, как уверяли многие, в том числе и Тимофеев, являлась «седьмой женой», что было нарушением православно-церковного канона. Следовательно, этот брак не мог рассматриваться как «законный», а потому с позиции церковной его как бы и вовсе не было. Что же, эти азбучные основы православного мироустройства были неведомы таким людям, как дьяк Иван Тимофеев? Представить подобное невозможно. Просто описатели истории той поры извращали и подтасовывали факты в угоду определённой идеологической концепции.

В 1604 году по приказу Годунова инокиня Марфа вызывалась в Москву, где у нее требовали показаний по поводу появления самозванца Дмитрия. Марфа ничего внятного сообщить не смогла. 18 июля 1605 года Марфа-Мария с триумфом въезжала в Москву, где её на подъезде к столице, в Тайнинском, торжественно встречал «Царь» — «чудом спасшийся Дмитрий». Марфа-Мария тут же, принародно, «обливаясь горячими слезами», признала своего сына. Последующие месяцы до самого конца мая 1606 года инокиня Марфа проживала в отдельных палатах в Вознесенском женском монастыре в Кремле.

В своём возвращении в Кремль Мария Нагая, наверное, увидела торжество долгожданной «справедливости». Из кремлёвских покоев её фактически выгнали, после того как её «дорогого сыночка» разоблачили как самозванца, свергли, а труп испекли. Причём голый труп самозванца волокли мимо окон Марии Нагой, где толпа сделала остановку, выкрикивая оскорбления по адресу изолгавшейся «мамаши»...

Заинтересованность в смерти Царевича Дмитрия Бориса Годунова традиционно объяснялась его стремлением занять престол, на пути к которому существовало только одно пре-

пятствие: царскородный Дмитрий Иоаннович. Ещё Карамзин, со свойственной ему эмоциональной художественностью и моральной нетерпимостью, выразил мировоззрение предстателей обличительного направления: «Сей алчный властолюбец (Годунов. — А.Б.) видел между собою и престолом одного младенца безоружного, как алчный лев видит агнца. Гибель Дмитриева была неизбежна!»²¹⁰

Откуда сия непререкаемая уверенность? Только от человеческого самомнения, так как никаких «бумаг» или показаний современников, хоть как-то, хоть косвенно подтверждающих данную категоричность, не существует. Это всего лишь обыденное логическое построение, уместное при анализе мировоззрения таких «обличителей», как Карамзин, но совершенно неуместное при характеристике психологии, поведенческих мотивов, «хотений», «желаний», «намерений» других лиц, тем более живших века назад.

Как написал знаток эпохи С.Ф. Платонов, Годунова нельзя обвинять в злодеянии, для того нет надёжных данных. «Против него очень мало улик, и вместе с тем есть обстоятельства, убедительно говорящие в пользу этой умой и симпатичной личности». Исследователь поставил принципиальный вопрос: «Разве никто, кроме Годунова, не имел интереса в смерти Дмитрия и не мог рискнуть его убийством?»²¹¹

Подобный ракурс проблемы совсем не является пустопорожним. В первую очередь тут приходит на ум имя Нагих. Но как же так: мать и дяди мальчика могли ли иметь свой «интерес» в таком страшном деле? А почему бы и нет? Ненависть — страшная разрушительная сила, а одержимость ненавистью неизбежно разрушает добродетель человека, искажает все его природные рефлексy, реакции и восприятия, иными словами, губит всё истинное вокруг такого человека. Нагие люто ненавидели «московскую власть», которая их «оскорбила» и «унизила». А кто же не знал, что главным в этой власти был именно Годунов, а Битяговский — только его «привратник».

Надо думать, что какие-то разговоры о том, что эти записные «злодеи» хотят извести весь именитый род Нагих, велись. Во всяком случае, «Царица Марья» и её близкие с непонятной

категоричностью, вопреки очевидному и зримому, с первого же момента голосили именно «об убийстве».

Интересная деталь: несколько холопов Нагих, как только в Угличе случились страшные события, «убежало невесть куда», и их отыскать так и не смогли. Упорное повторение версии «об убийстве», которое как заклинание произносила Мария Нагая и её братья, — не может не поражать и невольно наводит на мысль: то, что устно, во всеуслышание звучало, являлось давней идейной заготовкой.

Конечно, в пользу подобного логического предположения нет никаких документальных подтверждений. Однако и при обвинении Годунова таких свидетельств не существует. Там тоже господствуют «гипотезы», выдаваемые столетиями за «аксиомы».

Когда говорят о Годунове, который якобы замыслил и осуществил злодеяние в Угличе, то неизменно выпячивают на передний план его властные амбиции. Было бы глупо спорить с тем, что у государственного человека на высших ступенях управления, не существовало бы никаких властолюбивых желаний и устремлений. Они в той или иной степени присущи всем и всегда, из круга тех, кто обретается в правящем эшелоне.

Ничего необычного в данном случае Годунов не являл. Однако есть служебно-иерархические амбиции, а есть — царские. Годунова как раз в подобном властолюбии и подозревают, и обвиняют. Может показаться странным, но подобные не предположения даже, а уверенные декларации звучат и звучат, но никто и никогда не привел ни малейшего доказательства их правомочности. Нельзя же за таковые признавать сплетни из записок иностранцев или путанные и исторически неадекватные «сказания», начавшие плодиться с 1606 года. А ведь ничего другого в распоряжении обличителей нет.

В 1591 году имелись и другие влиятельные высокопоставленные по роду и званию представители, которым смерть Царевича могла быть выгодна: Шуйские, Мстиславские, Романовы. Таким путём можно было свалить, или хотя бы подорвать авторитет слишком «крепкого» «худородного властелина», неугодного многим боярам.

Мысль о престоле могла привлекать не только Годунова, но и такого амбиционного боярина, как Василий Шуйский; последующая историческая драматургия этот тезис вполне и подтвердила. Давно наличествует в литературе вполне логичное утверждения, что «Шуйский, скорее чем Борис Годунов, мог решиться на преступление»²¹².

Если отрешиться от всех распространённых интерпретаций события в Угличе и задаться вопросом: имел ли Годунов в 1591 году «мысль», «намерение» занять престол государства Российского? Ответ прост: никто это не знал, не знает и никогда не узнает. Если же предположить, что он уже в 1591 году, за семь лет до подлинного воцарения, «имел такую мысль», видел себя в царской роли, то, значит, надо уподоблять Годунова пророкам, ход времён и грядущих событий которым открывает Господь.

Однако никаким пророком Борис Годунов не являлся. Он был умным, ловким, хитрым, смелым, трудолюбивым, православным человеком, служившим честно своей стране не потому, что впереди маячил «долгожданный приз» — Царский венец, а потому, что по-иному жить и действовать не умел и не хотел...

Глава 5.

ЖИТЬ, ВЫЖИТЬ И ПОБЕДИТЬ

Биография Бориса Годунова теснейшим образом переплетена со всей государственно-управленческой системой, существовавшей в Русском Государстве в XVI веке. Его появление на политическом горизонте неразрывно связано с этой системой, можно даже сказать, что он — продукт её. В какой степени этот факт — дело случая, а в какой — закономерное явление, сказать однозначно нельзя. Конечно, не подлежит сомнению, что взлет Годунова к вершинам властной пирамиды есть результат выбора Первого Царя — Иоанна Грозного в процессе «кадровой революции», проводимой им с середины 60-х годов, в период так называемой Опричнины.

Этот момент в истории русского государствоустройства чрезвычайно важен. В процессе государственно-управленческой консолидации при Первом Царе на смену территориально-земельному управлению приходил принцип централизма. Создавались единые государственные органы — приказы, ведавшие уже не областью-территорией, а отраслью государственной деятельности. Именно тогда целый ряд «худых» фамилий «вознесся не по чину». Появлялся, как бы теперь сказали, «социальный лифт», благодаря чему люди возносились на самый верх административной пирамиды не по родовым преимуществам, а исключительно в силу служебных заслуг и расположения Самодержца.

Одной из самых ярких подобных историй был случай с родом известных дьяков Щелкаловых, братьев Андрея и Василия, которые в конце XVI века играли важнейшую роль в административной системе. Их прадед был барышником на Конской площадке, дед — священником, отец служил подьячим, а они сами, «великие дьяки», ведали важными приказами и не только были включены в «Великую тысячу», став членами Государевой Думы, но старшего из братьев, Андрея, за глаза даже называли «вторым Царём»...

Указанная «кадровая революция» противоречила старой московско-боярской управленческой традиции. Без понимания хотя бы основ этой «традиции» в конечном счёте невозможно понять ни сам факт «взлета» Годунова, ни то неприятие, которое он вызывал в родовитой среде и при жизни, и после смерти. Потому разговор о служебно-иерархической организации Московского Государства неизбежен и необходим. Тема эта огромна, многогранна; она имеет обширную библиографию. Ниже же пойдёт речь лишь о некоторых основополагающих нормативно-правовых и структурных принципах властеустройства.

С самых древних времени и вплоть до Петра I наивысшим служебным званием на Руси являлось боярство. Считается, что само слово происходит от слова «бой» и в стародавние времена означало члена княжеской дружины, отличавшегося особой храбростью и мужественностью. Постепенно дружинники-бояре становились приближенными князя, его «советника-

ми», с которыми правитель-князь «держал совет», или «думу». Этим своим «ближним советникам» ещё основатель княжеско-царской династии князь Рюрик, умерший в 879 году, раздавал в управление города и области. Бояре всегда занимали первые места вблизи князя, являясь прообразом аристократии. Боярство было званием личным и, как привило, не распространялось на потомство, то есть это было пожалование владетельного князя конкретному лицу за заслуги.

Кроме боярства в древние времена существовало и ещё два высших разряда людей: «мужи княжи», или «дети боярские», и «отроки», или дворяне.

С самого раннего периода возникновения Древнерусского государства высший правитель, владетельный князь, великий князь соединял в своих руках три властные стихии: вождя дружины, правителя государственного и судьи. Но для конкретного исполнения дел от лица верховного правителя назначались доверенные лица, которых много позже стали называть «чиновниками».

Самые важные должности в городах и областях принадлежали посадникам, позже — наместникам, которыми становились «ближние советники» или «княжеские отроки». Существовали и «воеводы», совмещавшие административную и военную функции. Этот термин появился в X веке и часто упоминался в летописях. До XV века он обозначал либо командира княжеской дружины, либо руководителя народного ополчения. Затем воеводами стали называть и наместников Государя в городах

Территория или город давались «посаднику» не во владение, а в управление, где он являл административные полномочия от лица князя. Другим правительственным уполномоченным в городе или области являлся тысяцкий, или воевода. Он становился начальником земских полков, формировавшихся из земского или городского населения, ведал сбором податей.

Главные судебные функции на местах возлагались на тиунов, назначаемых князем из числа членов младшей княжеской дружины. Для разбирательства дел при них образовывался штат приставов, дьяков, подьячих и писцов.

Определённая иерархия складывалась при дворе князя; существовали должностные лица, выполнявшие определённые функции: казначей, ключник, подкладник (спальник, постельник), конюший, стольник, меченоша, ловчий, дворецкий, окольничий. Все лица, составлявшие младшую княжескую дружину, стали именоваться «двором», получив общее название «дворян», имея значение второстепенных слуг на служебной лестнице.

Лица, занимавшие все указанные должности, составляли в тогдашнем русском обществе высший, первенствующий класс людей.

После разгрома Руси ханом Батыем и после падения в 1240 году и фактического уничтожения стольного града Киева единое государство распалось на отдельные княжества, степень независимости которых друг от друга была различной. Правители этих княжеств были связаны единокровным происхождением, а приоритет первенства определялся не фактической властью, а характером родства; кто ближе в генеалогическом отношении находился к Великим Киевским князьям, тот и считался «первее». Но так как показатели старшинства князей, при единстве рода, являлись переходными, то смерть «старшего» князя вызывала повсеместное перемещение многочисленных князей из одной земли в другую, с младшего стола на старший.

Высшей приоритетной честью, знаком владетельного приоритета являлось ношение звания Великого князя Киевского, потом — Великого князя Владимирского, а с начала XV века — Великого князя Московского. По завещанию Великого князя Киевского (1249—1263) и Великого князя Владимирского (1252—1263) Александра Невского (1221—1263) Московское княжество было выделено в удел его младшему сыну Даниилу Александровичу (1261—1303), за потомками которого оно и закрепилось. Первым, уже вполне самостоятельным Великим князем Московским титуловался Василий II Васильевич (1415—1462, князь с 1425 года), получивший прозвание Тёмный²¹³.

Примерно в XIII веке появляется понятие «удел», означавшее княжескую родовую вотчину, принадлежавшую конкретному лицу на праве неотъемлемого владения. Каждый князь смотрел на свой удел как на свою частную собственность. Как личный

собственник, отделённый от рода, князь считал вправе завещать свою собственность кому хотел и вообще распоряжаться ею по своему усмотрению. Потребность в государственном общем владении ослабевала, и уделы приобретали признаки вполне независимого владательно-территориального образования.

Можно сказать, что после татаро-монгольского разгрома Руси в XIII веке силы национально-государственной консолидации всё время ослабевали, а центробежные тенденции превалировали над центростремительными. Этот исторический процесс, эта длительная эпоха получила название «период феодальной раздробленности».

Почёт и влияние теперь приобретались не столько положением на родственной лестнице, сколько благорасположением ханов Золотой Орды — владельные князья там получали «ярлыки на правление, а также личной силой, которая измерялась в первую очередь количеством владений. Подобная удельная философия вызывала бесконечные конфликты и даже войны между сопредельными княжествами за обладание теми или иными территориями.

В начале XIV века начался период возвышения Московского княжества, процесс неразрывно связанный с именем Ивана Калиты (1282—1340), ставшего князем Московским в 1325 году, а с 1328 года — и Великим князем Владимирским. Именно при нём начался постепенный процесс превращения Москвы в центр единого Великорусского государства, процесс, окончательно завершившийся при сыне Василия II Тёмного — Великом князе Московском Иоанне III Васильевиче (1440—1505, Великий князь с 1462 года), ставшем полноправным Самодержцем. При нём произошло полное политическое объединение Руси и была ликвидирована удельно-вечевая система государствоустроения.

Начиная с Иоанна III в государственном управлении утверждается принцип предоставления важной должности не по праву первородства, не по происхождению, а на основе «верности государю», который именно за службу жаловал своим «слугам», своим «холопам» землю, которая являлась в ту эпоху фактически единственным источником благосостояния. Удель-

ное право, завещание родовых земель только потомкам постепенно отмирает, на смену семейно-родовому праву приходит государственно-частновладельческое.

Однако носители прежней психологии и выразители старой, удельной идеологии оставались. Лишенные своих уделов и былой самостоятельности потомки родовой знати, порой имевшие не менее древние корни, чем у Великого князя, не хотели жить общими государственными интересами и задачами; они мечтали вернуться к порядкам, «существовавшим встарь». Эти сепаратистские настроения, поползновения, тенденции — определения в данном случае не суть важны — давали о себе знать до самого начала XVII века. Они представляли серьезную угрозу целостности и стабильности государства. Княжеско-боярская вольница являлась по факту потенциальной опасностью существования Руси. Тут можно привести только один наиболее вопиющий пример.

После того как в результате свержения Царя Василия Шуйского в июле 1610 года Русское государство «обезглавилось», власть перешла к «коллективному» руководству, состоявшему из семи представителей родовых кланов. Вот их имена: князь Ф.И. Мстиславский, князь И.М. Воротынский, князь А.В. Трубецкой, князь В.В. Голицын, князь Б.М. Лыков-Оболенский, боярин И.Н. Романов и боярин Ф.И. Шереметев. На Руси на два года утвердилось Семибоярщина, прославившаяся предательством национальных интересов в угоду клановым.

Семибоярщина 17 августа 1610 года заключила с поляками договор о признании Русским Царём сына польского Короля Сигизмунда III принца Владислава, при обязательном обязательстве польской стороны сохранить княжеско-боярские привилегии и собственность. В сентябре того года правительство национального предательства впустило в Москву польские войска. Большая часть страны оказалась фактически оккупированна поляками, а север-запад — шведами. Понадобилась многомесячная кровопролитная борьба русского народа, чтобы сокрушить и изгнать захватчиков.

Потенциальную опасность подобного рода событий прекрасно осознавали верховные правители в Москве, которые

стремились различными путями и средствами обузывать и сокрушать все проявления княжеско-боярского сепаратизма. Самую непримиримую борьбу с антигосударственными дезинтеграционными явлениями и проявлениями в среде «родовитых» и «именитых» вёл Первый Царь — Иоанн Грозный. Как Самодержец, как Богом поставленный правитель, Иоанн Васильевич сам не раз в свои молодые лета испытывал предательства, измены, злоумышления, направленные вельможами против него, «Божьего пристава».

К середине XVI века, ко времени появления Бориса Годунова на свет, общая система управления в Русском государстве выглядела следующим образом. На вершине властной пирамиды находился Царь, называемый Самодержцем, то есть властителем, полностью независимым в делах внешних и внутренних. Но только этими двумя функциями суверенитета смысл данного предиката власти не исчерпывался. Существовала ещё и третья ипостась, означающая уже вассалитет Царя земного по отношению к Царю Небесному.

Русские Великие князья, а потом Цари, как верховные «держатели Земли Русской», являлись одновременно и носителями православного сознания, исполнителями православной вселенской миссии — евангелизации рода человеческого и приуготовления его ко Второму Пришествию Спасителя. В этом отношении русские верховные правители, являясь земными владыками, одновременно исполняли и определённые церковные функции.

Однако распространённые утверждения о том, что Великие князья-Цари-Императоры являлись якобы «главой Церкви», являются совершенно абсурдными. В высшем, сакрально-духовном смысле у Церкви, как сокровищницы благодатных даров, только один Глава — Иисус Христос. Никакого другого «главы» у неё нет и быть не может. Что же касается земной Церкви, как отблеска Церкви Небесной, то здесь влияние русских правителей было ощутимым и вполне зримым. Так ранее было и в православной Империи ромеев — во Втором Риме, где Император-Василевс воспринимался как первый подданный

Царя Небесного, несший ответственность перед Ним не только за себя, но и за благочестие всего «народа православного». Отсюда проистекала и особая церковная функция ромейских императоров.

Да, русские правители принимали самое непосредственное участие в делах земной Церкви: созывали церковные соборы, на которых нередко и председательствовали, определяли служебные перемещения в среде архиерейства, издавали указы и распоряжения о строительстве храмов и монастырей, определяли размер и формы предоставления вспомоществования «братям во Христе» на Востоке. Но правители никоим образом не касались ни основ вероучения, ни таинств, ни литургической стороны церковного действия. Русских правителей и никогда не обожествляли; на Руси молились не им, а за них. Эти исходные вещи необходимо чётко понимать, чтобы воспринимать русский духовно-государственный процесс в его истинных выражениях и подлинных проявлениях.

Высшие государственные органы управления в России XVI века имели вполне определённую структуру, обусловленную определёнными исполнительскими компетенциями. Первое место во главе правительственных органов отводилось Боярской Думе²¹⁴, где сосредоточивались законодательные, административные и внешнеполитические функции. Само понятие очень древнего происхождения.

Первоначально обозначало совещательный орган при князе, носила название «княжеская дума», куда входили родственники князя, старшие дружинники, представители духовенства, городские старшины и др., а в XIV веке становится совещательным органом бояр при князе.

Без думы не обходился ни один государь, не исключая и Иоанна Грозного. Самостоятельной роли Боярская Дума не играла, она всегда действовала вместе с Царём, составляя совместно с государем единую верховную власть. Это единство особенно рельефно проявлялось в делах законодательства и в международных отношениях. По всем делам выносилось решение в следующей форме: «Государь указал и бояре приговорили» или «По государеву указу бояре приговорили».

Знаток предмета, известный историк С.Б. Веселовский (1876—1952) в этой связи написал: «Ввиду распространённых представлений о Боярской думе как учреждении следует напомнить, что у дворян, которых Царь “пускал”, или жаловал, к себе в думу, то есть в “советные люди”, не было ни канцелярии, ни штата сотрудников, ни своего делопроизводства и архива решённых дел. Царь по своему усмотрению одних думцев назначал на воеводство в крупнейшие города государства... других отправлял послами в иноземные государства, иным поручал, “приказывал” какое-либо дело или целую отрасль управления, наконец, некоторых оставлял при себе в качестве постоянных советников по текущим вопросам государственного управления. Так, можно сказать, что думный чин служилого человека свидетельствовал не о действительных служебных заслугах его, а об уровне, на котором он находился в среде правящих верхов государства»²¹⁵. Боярская Дума просуществовала до конца XVII века и позднее была преобразована в Сенат.

В Боярской Думе председательствовал Государь; заседали бояре, окольные, думные дворяне, некоторые другие должностные лица²¹⁶. По отношению к Верховному правителю Дума имела только совещательное значение.

Вслед за Думой по степени значения следовали приказы²¹⁷, начавшие возникать в первой половине XVI века. Приказы действовали на постоянной основе, имели свой штат служащих, собственные помещения (палаты) в Москве и некоторых других городах. Начальниками приказов являлись сановники различных рангов, назначавшиеся Государем; делопроизводством в приказах заведовали дьяки и подьячие. Существовали приказы центральные, ведавшие определённой государственной отраслью, и областные, деятельность которых ограничивалась неким территориальным пространством.

Происходила во времени трансформация Великокняжеского дворового управления и чинов. При Иоанне III появилась: московские и городовые дворяне, городовые дети боярские, постельничий, спальники, сокольничий, ясельничий. При Василии III: оружничий, кравчий, стряпчий, жильцы («дворовые дети боярские»). При Иоанне Грозном: бояре земские и опричные,

дворяне думные, дворяне большие, дворяне первой статьи, дворяне второй статьи, дворяне сверстные, дети боярские второй статьи. Следует особо отметить, что при Фёдоре Иоанновиче появился новый титул — «ближний великий боярин», которым был награждён Борис Годунов и который никому больше не жаловался.

Титул боярина оставался на протяжении всего XVI века чином отличия для знатных и именитых людей, служил высшим званием для служащего государю человека. Количество их никогда не было особо велико. При Иоанне III таковых насчитывалось 19, а к концу царствования Иоанна Грозного — всего 11. Фёдор же Иоаннович пожаловал боярство 11 лицам, и общее их число составило 22 персоны. Бояре занимали, как правило, все важнейшие должности в государстве, исполняли особо значимые поручения государя как в делах военных, внешнеполитических, так и в делах внутреннего управления.

Самодержцы были весьма щепетильны в подобного рода пожалованиях. Так, Иоанн Грозный отказался присваивать боярский чин своему любимцу Григорию Лукьяновичу Скуратову-Бельскому — Малюте Скуратову (ум.1573), тестю Бориса Годунова, опасаясь унизить это высокое звание скорым возвышением человека хотя надёжного и способного, но весьма «худородного». Верный Скуратов носил только звание думного дворянина, полученное в 1570 году.

Вслед за боярским следующим по значимости чином считался окольничий. Подобное звание получал тот, кто всегда был рядом с Государем, как во время государевых путешествий или походов, так и в дворцовых церемониях, при приёме послов. Он являлся непосредственным исполнителем поручений Великого Князя и Царя. Окольничие вместе с боярами всегда входили в «Думу Государеву», присутствуя в этом государственном учреждении в качестве постоянных членов, садясь на лавках «по породе», то есть сразу же за боярами. Число окольничих всегда было небольшим. При Иоанне III таковых насчитывалось 9 человек, а концу XVI века контингент носителей этого звания составлял всего 15 персон. Но в этом ряду имелись исключения.

Существовало 15 знатных фамилий, члены которых получали окольного в силу своего родового происхождения, а не за конкретные заслуги. Вот эти фамилии: Куракины, Долгорукие, Бутурлины, Ромодановские, Пожарские, Волконские, Лобановы, Стрешневы, Барятинские, Милославские, Сукины, Пушкины, Измайловы, Плещеевы, Львовы²¹⁸.

Третьим разрядом высокопоставленных служащих являлись дворяне, высшей степенью которых являлись думные дворяне — чин, возникшей по воле Иоанна Грозного для отличия лиц, совершавших полезные дела, проявлявших преданность Самодержцу, но не имевших родовых заслуг. Они были введены в состав Думы, где имели равные права в решении дел наравне с именитыми служебными чинами — боярами и окольными.

К числу знатных чинов относился чин конюшего, имевший очень древнее происхождение и означавший человека, занимавшего видное положение при дворе. В XVI веке это звание присваивалось часто боярам, и боярин-конюший считался среди первых лиц государева двора по сану и чести. Царь Фёдор Иоаннович в день своего венчания на Царство 31 мая 1584 года возвёл шурина своего Бориса Фёдоровича Годунова в сан конюшего, придав ему при этом титул ближнего великого боярина и Наместника Казанского и Астраханского.

Когда все удельные владения при Иоанне III перешли во власть Москвы, то Государь Московский, как в старину прежние удельные князья, стал «дедичем» и «отчичем» в своём государстве — московской вотчине²¹⁹. Царский дом, как и княжеский, состоял из государя, членов его семейства и дворни, или слуг. Московский Государь, сосредоточивший в своих руках единовластную самодержавную власть, для придания своей особе исключительного, царственного величия окружил себя многочисленными слугами, делившимися на разряды и степени, но не в сословном смысле — Московская Русь сословного строя не знала²²⁰, а исключительно в служебном, создав своего рода «чиновную лестницу» для движения по службе должностных лиц.

Умножение чинов, их иерархическая последовательность требовали определенного учёта и контроля. Уже при Иоан-

не III начали вести разрядные книги, или послужные списки, где фиксировалась вся служилая иерархия «по разрядам». Позже был создан Разрядный приказ, известный по документам с 1535 года, ведавший служилыми людьми, их чинами, их обязательной государственной деятельностью, назначением содержания и т. д.

Однако при всём том родовое начало продолжало существовать, но не в форме «государева закона», а как норма обычного права, как традиция, которую было очень трудно преодолеть. Младший по летам человек, но имевший высокое родословие, считал для себя зазорным служить над началом хоть и старшего и опытного начальника, но «низшего по чину».

Кичились и гордились не талантами, способностями, государственными заслугами своими и своих предков, а в первую очередь и исключительно родовыми званиями. Дело постоянно доходило до склок, препирательств и конфликтов, которые самым неблагоприятным образом сказывались на государственном управлении. Иоанну Грозному даже пришлось издать в 1552 году специальный указ, в котором говорилось, что одному государю принадлежит право судить о родах и достоинстве и что кто с кем послан, тот тому и повинуетя.

Вся русская служебная элита того времени в той или иной степени ощущала на себе воздействие этой традиции «родовой чести». Особенно пострадала от неё репутация Бориса Годунова, которого даже после воцарения в 1598 году в среде именитых и родовитых называли презрительно «рабоцарь», подчеркивая его «холопье», «рабье» происхождение, его «недостойность» для столь великого звания — Хозяина Земли Русской.

Как уже упоминалось, историческая ситуация сложилась таким образом, что о Борисе Годунове писали или недоброжелатели, или его личные враги, а потому его биография изобилует темными пятнами и пустотами, заполненными домыслами и сентенциями нередко самого уничижительного свойства. Один показательный пример.

В числе литературно-публицистических памятников первой половины XVII века значится очень интересное произведение, носящее в духе времени весьма витиеватое название: «Времен-

ник по седмой тысящи от сотворения света во осмой в первые лета», который в историографии называют просто «Временник». Он составлен известным служилым человеком, дьяком Иваном Тимофеевым (ок.1555—1631)²²¹, занимавшим в 1598—1599 годах 17-е место среди приказных дьяков. «Временник» описывает важнейшие события Русской истории от правления Иоанна Грозного до Михаила Романова. Считается, что этот памятник был составлен в конце 10-х — начале 20-х годов XVII века.

Автор являлся очевидцем важных событий, многое видел, многих лично знал, что, казалось бы, должно было сделать данный документ чрезвычайно событийно насыщенным, а потому и чрезвычайно ценным. Ничуть не бывало. Оставляя в стороне прочие сюжетные линии, остановимся только на одном аспекте: описании личности Бориса Годунова.

Здесь уже нет никакой бесстрастной хроники, здесь звучат громы поношений и сверкают молнии негодований. Иван Тимофеев приписывает Годунову все мыслимые и немыслимые дела и намерения. Он однозначно рисует его «незаконным» Царём, «похитившим власть». Что двигало таким всепоглощающим неприятием — неизвестно. Вот только один пассаж, касающийся смерти Царя Фёдора Иоанновича в 1598 году, которого, оказывается, отравил Борис Годунов! Обратимся к тексту «Временника».

Царь Фёдор окончил «по примеру Давида, кротко свою жизнь свою среди совершения добрых дел, умершего прежде времени и насильственно от рук раба (Годунова. — А.Б.), — ибо многие думают о нём, что преступивший крестную клятву раб ранее положенного ему (Фёдору) Богом предела жизни заставил его почить вечным сном, возложив на царскую главу его рабскую скверную руку убийцы, поднеся государю смертный яд и убив (его) хотя и без пролития крови, но смертельно, как ранее и отрока — брата его (Царевича Дмитрия. — А.Б.). Смерти же самого Царя он втайне рукоплескал...»²²²

До подобных низостей даже иностранные сочинители не доходили, а наш, природный русский, «очевидец» додумался! Ведь Борис Годунов хоть не являлся «природным» Царём, но утвердился же он в этом звании вполне законным путём; он

являлся Царём миропомазанным, клятву на верность которому давали все служилые люди, в том числе и Иван Тимофеев.

Спрашивается, каких «позитивных» подробностей биографии Бориса Годунова можно ожидать от таких «очевидцев-современников»; тут Иван Тимофеев не одинок. Ответ прост как яичница — никаких!

До сих пор ничего, например, не известно о семейном укладе родительского дома, о воспитании и образовании Бориса. Известно только, что он был сыном костромского помещика Фёдора Ивановича Годунова, женатого на Степаниде Ивановне, урождённой Снандулия. Фёдор Иванович был одним из трёх сыновей костромского дворянина Ивана Годунова-Чермного. Отец носил кличку Кривой, что свидетельствовало о физическом недостатке. И всё. Как констатировал исследователь, «судить о личных качествах этого человека (Ф.И. Годунова. — А.Б.) не представляется возможным»²²³.

До сего дня не вполне ясен даже вопрос: насколько был Борис Годунов грамотным? Иван Тимофеев утверждал, что Борис от рождения и до смерти не проходил по «стеze буквенного учения» и «первый царь не книгочей нам быть»²²⁴. Исследователи опровергли подобное лживое утверждение. «Примерно в 20 лет Борис удостоверял подписью документ о пожертвовании родовой вотчины в костромской Ипатьевский монастырь. Молодой опричник писал аккуратным, почти каллиграфическим почерком. Взойдя на трон, Борис навсегда отложил перо. Не стоит думать, что он разучился писать. Новый государь не желал нарушать вековую традицию, воспрещавшую коронованным особам пользоваться пером и чернилами»²²⁵.

Да и если бы годуновские автографы и не сохранились, то всё равно было бы трудно вообразить, чтобы Годунов, много лет вращавшийся в придворном кругу, не овладел хотя бы основами письма и чтения. Апостол и жития святых являлись непременно чтением в среде мало-мальски состоятельных людей того времени, а уж тем более в царском окружении; по ним учили грамоте всех «недорослей».

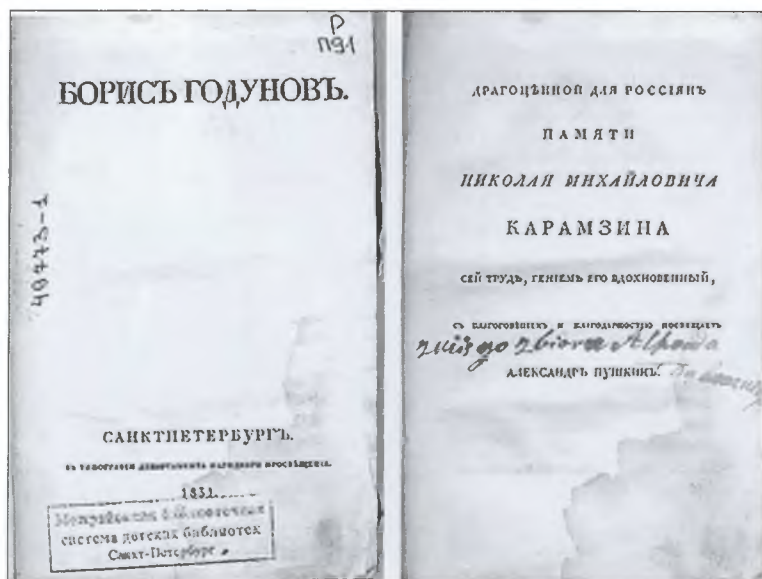
Да и невозможно представить, чтобы Иоанн Грозный, сам великий грамотей и книгочей, целый ряд лет общался близко с

Н.М. Карамзин.
Художник
Дж.-Б. Дамон-Ортолани

А.С. Пушкин.
Художник
О.А. Кипренский

«Борис Годунов» А.С. Пушкина.
Обложка и посвящение Н.М. Карамзину. 1831 г.

Гробница Ивана Грозного и его сыновей в Архангельском соборе Московского Кремля

Земский собор. Художник С.В. Иванов

Царь Федор Иоаннович.
Антропологическая реконструкция

Царица Ирина (в девичестве — Годунова).
Антропологическая реконструкция

исполнити дѣла оного мужа же
ланиа . и совѣсѣтпорѣе сестроу
своеу благопѣрною и холуби поюцрѣ
цею и пелѣнкою кнѣгинею александрѣ
фѣдоровною всегѣрѣсѣн .

Борис Годунов и его сестра Ирина.
Из «Жития митрополита Алексия»

Царь Федор и Борис Годунов. Стенопись.
Грановитая палата. Кремль. Москва

Патриарх Иов. Из «Титулярника» 1672 г.

Боярин Борис Годунов и кудесники,
представляющие ему царствование. Художник А.Д. Кившенко

Царь Федор Иоаннович надевает на Годунова золотую цепь.
Художник А. Нидерман

Борис Годунов принимает царский сан.
Художник А. Нидерман

Царь Борис Годунов.
Из «Титулярника» 1672 г.

Царь Борис Годунов.
Неизвестный художник

Царь Борис Годунов.
Парсуна

Царь Борис Годунов.
Книжная иллюстрация

Борис Годунов наблюдает за учением сына-географа.
Художник Н. Некрасов

Карта России, составленная Федором Годуновым,
изданная Г. Герритсом в Амстердаме

Царская печать
Бориса Годунова

Азъ Борисъ Годуновъ
составилъ

Автограф Бориса Годунова

Трон царя Бориса Годунова. Дар персидского шаха Аббаса I
Борису Годунову в 1604 г.

Смерть Бориса Годунова. Художник К.В. Лебедев

В Смутное время. Художник С.В. Иванов

Агенты Дмитрия-самозванца убивают сына Бориса Годунова.
Художник К.Е. Маковский

Ксения Годунова. Художник С.И. Грибков

человеком, не умеющим не читать, не писать. Первый Царь любил «простецов», ценил бесхитрость, благонамеренность и искренность во всём, однако это совсем не означало, что он почитал невежественных. Никогда бы он не породнился с такими людьми; ведь после замужества сестры Ирины Борис Годунов стал родственником Царя Иоанна!

Биографию молодых лет Третьего Русского Царя приходится восстанавливать по крупицам; материалов, сколько-нибудь основательно освещающих сию тему, просто не существует. Только обмолвки в разных документах той и последующей поры.

Борис Фёдорович Годунов родился в 1552 году, его сестра Ирина Фёдоровна появилась на свет в 1557 году. Мать их умерла очень рано, а батюшка скончался ориентировочно в 1569 году. Опекуном детей стал их дядя, младший брат отца Дмитрий Иванович Годунов. Братья Фёдор и Дмитрий являлись совладельцами небольшой вотчины в Костроме.

О Дмитрие Годунове известно, что он был «в фаворе» у Царя Иоанна Грозного, получил высокие служебные звания: постельничего (1571), окольного (1572) и боярина (1578). Он попал в опричный корпус Царя Иоанна Васильевича одним из первых. В пользу такого выбора говорило как раз «худородие» Годунова, отсутствие у него родственных уз и близких связей с ненавидимым Царём именитым боярством.

Уход дяди в опричное ополчение, надо думать, вызвал и необычное перемещение племянников-сирот. Ирина Фёдоровна Годунова уже в семь лет была принята на воспитание в царский терем, где очень подружилась со своим одноклассником Царевичем Фёдором Иоанновичем. В свои весьма молодые года, в неполные восемнадцать лет, при опричном дворе Иоанна Грозного оказался и Борис Годунов, но ни в каких тёмных опричных делах задействован не был, иначе об этом непременно бы поведали недоброжелатели из числа современников.

Первое точное упоминание о «карьерном успехе» Бориса Годунова относится к октябрю 1571 года, когда молодой костромской дворянин, которому в том месяце исполнилось девятнадцать лет, фигурировал в качестве «дружки» жениха на

свадьбе Царя с коломенской дворянкой Марфой Собакиной, дальней родственницей Малюты Скуратова. Это очень важный исходный момент в биографии Бориса Годунова. Ведь в соответствии с русской свадебной традицией, которая соблюдалась и при Царском венчании, «дружка», или «дружок», — один из главнейших участников церемонии; он в известном смысле руководит обрядовым действием, произносит свадебные приговоры, веселит собравшихся шуточками и поговорками. Мы не знаем, был ли Годунов единственным «дружкой», или их было несколько. Последнее предположение более обоснованно, так как речь шла всё-таки о царской свадьбе.

Здесь важен один смысловой момент: «дружка» неизменно назначался женихом из числа родственников, друзей или близких знакомых. Исходя из этого, можно уверенно заключить, что Царь Иоанн к октябрю 1571 года уже знал и доверял Годунову.

Вообще об этих страницах жизни будущего Царя практически ничего не известно, но несомненно одно: трудная школа придворной жизни сформировала характер крепкий, натуру хитрую и изворотливую. Без этих качеств в сложном мире придворных интриг, наушничества, предательства и клеветы выжить было невозможного. Если к этому добавит несомненный природный ум Бориса, то к своим двадцати годам Борис Фёдорович Годунов был значительной личностью, заслужившей расположение Царя Иоанна Васильевича, который мало кому доверял, а расположение которого могло улетучиться в один миг.

Симпатии к Годунову Грозный Царь за многие годы не переменил, что можно воспринимать одним из удивительных явлений придворной жизни того времени. Возвышение Годунова началось в годы Опричнины; тогда многие незнатные роды поднялись вверх, став в последующем известными. Постичь эту общественную метаморфозу Русской истории невозможно без понимания смысла всей политики Первого Царя в 60—70-х годах, его философии власти, которая и родила Опричнину.

Как заключил Владыка Санкт-Петербургский Иоанн (Снычев), специально рассматривавший тему о Христопреданности Первого Царя, «поведение его всегда и во всем определялось

глубоким и искренним благочестием, полнотой христианского мироощущения и твердой верой в свое царское “тягло” как Богом данное служение. Даже в гневе Иоанн пребывал христианином»²²⁶.

Первый Царь, борясь за нераздельную властную прерогативу, за полнокровное «самодержавство», чаял обратить души людей к Лику Небесному, стремился сделать православных желанными для Царствия Небесного. Он, как первый слуга Господа на земле, действовал и наставлением, и запрещением, и карой. Он долго полагал, что добротой и прощением можно добиться от людей беспрекословного исполнения воли Царя Миропомazanного, а следовательно, и воли Божией.

Летом 1564 года, в письме князю Курбскому, Иоанн, отмечая упреки в жестокости, заявлял: «А за вашу службу, о которой говорилось выше (чуть раньше он говорил о “злобесивом сопротивлении” таких людей, как Курбский. — А.Б.), вы достойны казней и опалы; но мы ещё милостиво вас наказали, — если бы мы наказали тебя, как следовало, то ты бы не смог уехать от нас к нашему врагу; если бы мы тебе не доверяли, то не был ты отправлен в наш окраинный город и убежать бы не смог»²²⁷.

Постепенно, по мере нарастания опыта проб и ошибок, Иоанн разуверивался всё больше и больше в добросердечии натуры человеческой, всё меньше и меньше полагался на «увещания», которые «злобесивыми» людьми воспринимались как «слабость» или не воспринимались вовсе.

Преодолев возраст Христа — тридцать три года — Первый Царь стал являть свой новый нетерпимый образ, ранее широко не известный. Как написал он сам в 1564 году, «добрым — милосердие и кротость, злым же — жестокость и муки, если этого нет, то (тот) не царь. Царь не страшен для дел благих, а для зла». Царский меч — «для устрашения злодеев и ободрения добродетельных»²²⁸.

Его карающий меч теперь обрушивался не только на иноплемennых врагов, но и на своих, на ближних, кому доверял, кого порой любил, кто клялся на Кресте быть «верным до гроба», но кто при первой же возможности изменял и предавал; думал не о благополучии государевом, то есть Государственном инте-

ресе, а только о своей личной выгоде. Они ведь тоже оказались врагами, не менее страшными, чем «басурмане» и «латины». Эти отступники предали поруганию Крест Христов, выступив открытым предательством или тайным злоумышлением против Царя, а значит, и против Всевышнего! Фигура князя А.М. Курбского самая показательная и известная, но таковые находились и раньше и потом; кому-то, как пресловутому князю, удалось убежать²²⁹, иных настигала царская кара...

1564 год можно назвать переломным в умысле Царя Иоанна. Первые двадцать лет царствования он хотел править миролюбиво и благочестиво — отдельные примеры опал и даже казней общей картины не меняли. Иоанн тогда чаще всего полагался на «клятвы» и «заверения» своих подданных, всё ещё надеясь, что строгостью, но и снисхождением можно переломить человеческую природу. Затем пришло убеждение, что люди, отмеченные клеймом первородного греха, не могут по доброй воле следовать за Царем, служить ему честно и нелицемерно.

Первый Царь точно знал, как надо повиноваться, как надо служить своим хозяевам. То святые апостолы Петр и Павел, истолкователи Божией воли, заповедовали, а наставления их Иоанн знал наизусть и не раз на эти установления ссылался. «Слуги, со всяким страхом повинуйтесь господам, не только добрым и кротким, но и суровым. Ибо то угодно Богу...» (1 Пётр. 2, 18—19). «Рабы, повинуйтесь господам своим по плоти со страхом и трепетом, в простоте сердца вашего, как Христу, не с видимою только услужливостью, как человекоугодники, но как рабы Христовы, исполняя волю Божию от души, служа с усердием, как Господу, а не как человекам» (Еф. 6, 5—7).

А ему, Царю Православному, первому среди господ, как его рабы служат? Кругом, куда ни глянь, — корысть, злоба, злоумышления и измены. Измены и предательства нельзя прощать, ведь то предательство Христа.

И тогда Иоанн прибег к другому оружию, которое всегда особенно сильно действовало на людей, — страху. Царская кара — возмездие за худые и подлые дела, и она должна настигнуть всех недостойных, их родных и близких, без различия поло-

жения, пола и возраста. И первые в этот ряд — самые знатные, самые именитые, самые влиятельные — извечные враги сильной центральной власти. Их надо или образумить, или уничтожить, а потому в начале 1565 года появилась известная Опричнина, а Иоанн Васильевич принял облик Грозного Царя.

Решение не было простым. Ему предшествовала целая серия знаменательных печальных и драматических событий, поставивших во весь рост проблему существования не только лично его, Царя, но центральной власти, а следовательно, и Руси.

В 1564 году Царь много уединенно молился. В мае ездил в Переславль (Залесский), где был на освящении построенного по его распоряжению главного собора Никитского монастыря, причем, к удивлению многих, долго и вдохновенно пел на клиросе. Известно, что затем ездил к Троице и у раки Сергия Радонежского проводил ночи и дни, прося Преподобного помочь добиться милости Всевышнего «в устроении державы великой России».

В начале декабря 1564 года Иоанн пошёл на то, что вызвало просто панику у современников и до сего дня служит темой разноречивых размышлений: он решил «оставить» Царство! Это не было какое-то «отречение» — тогда такого и понятия никто не знал; он выехал из Москвы, никого не уведомив и не предупредив. Обычно, когда Царь всея Руси покидал Москву, оставлял вместо себя нескольких бояр вести дела. Теперь же «заместителей» назначено не было и власть «осиротела». Когда разнеслась весть, что Государь покинул стольный град и отбыл «невесь куда», то многие как громом стояли оглушенные, земля под ногами зашаталась, а Митрополит Афанасий²³⁰ на время потерял дар речи.

Царский «обоз» был внушительным. Иоанна сопровождала семья, «избранные бояре», «приказные люди», прислуга и отряд охраны — триста стрельцов. Всем им было предписано ехать вместе с женами. Царь увез с собой иконы, дорогую утварь и, как сказано в летописи, «всю казну свою повелел взять с собой». Царский «поезд» первоначально проследовал в село Коломенское, затем отправился в Троицкий монастырь, где 21 декабря праздновал память Митрополита Петра, а затем отбыл в свою

дальнюю резиденцию (112 верст от Москвы) Александрову (Александровскую) слободу, где и расположился²³¹.

В Москве первоначально полагали, что Царь отправился на богомолье, как то много раз случалось. Однако отсутствие от Царя вестей и указаний подобное предположение не подтверждало. В Москве воцарилось безвластие; все «приказные люди» бросили дела, лавки опустели, хотя то были предрождественские и рождественские дни. Все и всё замерло, как при приближении страшной грозы.

И она грянула. 3 января 1565 года из Александровой слободы к Митрополиту Афанасию прибыл царский доверенный Константин Поливанов, привез «грамоту» и «список», в котором были описаны «измены боярские и воеводские и всяких приказных людей».

Иоанн Васильевич не называл конкретных имен; он бросил обвинения всем служилым людям, начиная с «первых бояр», в неисполнении долга при ведении дел, в том, что не хотят они «оберегать православное христианство». Были высказаны царские укоризны и «духовным отцам», которые заодно со служилыми: когда Царь хочет кого-то наказать, то «архиепископы, и епископы, и архимандриты, и игумены сложатся с боярами и дворянами» и едины все против воли царской. Поэтому «Царь и Государь и Великий князь от великой жалости сердца не хотел многие изменные дела терпеть, оставил свое государство и поехал», куда «его Бог наставит»²³².

Одновременно от Царя поступила «грамота» к купцам и «всему христианству града Москвы», которую перед толпами москвичей зачитывали его доверенные дьяки, чтобы простой народ «сумнения не держал»; на него Царь не гневается и опалы на них «никакой нет».

В терминологии более позднего времени вся эта государственная пертурбация могла бы быть названа «блестящей политической акцией». Иоанн Васильевич и здесь проявил себя не только великолепным стратегом, но и тактиком, оказавшимся по своим умственно-аналитическим способностям неизмеримо выше не только своих врагов, но и всех своих современников. Он хотел народным волеизъявлением добиться подтверждения

своей нераздельной властной прерогативы. И он ее получил, прекрасно предвидя ту реакцию, которая последует за его «отбытием с царства». Он ведь Царь «народа христианского»: они для него, он — для них, а кучка зловредных бояр и других иже с ними двурушников разрушить это нераздельное, божественное единство не смогут. Что касается аристократии, то, как заметил исследователь, «опасность того, что Боярская Дума примет отречение, была вполне реальной»²³³.

Но получилось не по-боярски. Народ «возопил», стал усиленно молиться в храмах, чтобы Господь помиловал, чтобы простил Царь народ свой, чтобы смилостивился. Как же теперь «нам быть без Государя»? Митрополита Афанасия осаждали днем и ночью люди разного звания — быть ходатаем перед Государем, чтобы «он гнев свой отвратил, милость показал и опалу свою снял». Кругом только и было слышно, что москвичи сами готовы постоять за Царя и готовы были, что называется, в клочья разорвать изменников и злодеев. Нет сомнения в том, что если бы Иоанн назвал в своих «грамотах» какие-то имена, то этим лицам долго бы прожить не удалось. Но он не назвал, хотя знал многих. Здесь уместна одна смысловая ремарка.

Над историей «убытия Царя» и особенно реакцией народных масс на то событие, подчеркивающей неразрывную связь народных чаяний с фигурой Помазанника Божия, историки потом много размышляли и много писали. Но так как большинство из них принадлежало к «эволюционной партии прогресса», то есть являлось носителями линейного и одномерного сознания, то и выводы получались соответствующие. Как это! Признать духовно-историческое единство Царя и Народа? Никогда! Ведь «самые передовые» умы в Европе того не только не признавали, но подобные «средневековые предрассудки» высмеивали и категорически отрицали. Потому историки-секуляристы и измышляли тезисы о каких-то «агентах» Царя, которые «вели агитацию в массах», чтобы настроить их против боярства и «передовых людей того времени».

Самое же простое, ясное и бесспорное, удостоверяемое фактом православного сознания, в расчет не принимали. Господь на небе, Вседержитель мира, а на земле — Царь, повелитель, судья

и опора. Отвратит Свой Лик Всевышней, свет померкнет, тьма наступит, мир рухнет. Исчезнет Царь Православный на земле, не быть и царству, не быть дню завтрашнему; злодеи и басурмане землей владеть начнут и изведут весь народ христианский. Потому народ и боролся за Царя, так как боролся за своё завтра, за свою родное и близкое, без чего и помыслить жизнь невозможно. Какие-то «агитаторы», если они и существовали в действительности — тут в историографии полная неясность — никаких новых «идей» в сознании пробудить не могли...

Первый Царь знал свой народ и в его выборе не ошибся; он получил полное и неоспоримое право на власть уже в четвертый и окончательный раз. Первый раз его верховная власть на Руси удостоверялась фактом великокняжеского происхождения, второй — восшествием на прародительский престол, третий — днем коронации. Теперь же последний, четвертый случай, а новых испытаний более уже не будет никогда.

Народное движение за «возвращение Царя» было столь мощным, что уже вечером 3 января в Александрову слободу отправилась делегация умолять Иоанна Васильевича «сменить гнев на милость». Митрополит Афанасий «занемог», и делегацию возглавили архиепископ Новгородский Пимен и архимандрит Чудова монастыря в Москве Левкий. Следом двинулись и другие епископы: Никандр Ростовский, Елефтерий Суздальский, Филофей Рязанский, Матвей Крутицкий и многие бояре во главе с Иваном Бельским и Иваном Мстиславским. 5 января посланцы достигли Александровой слободы, были приняты Царем, который и выслушал «челобитье народа христианского».

Иоанн согласился «вернуться на Царство», но при одном непременном условии: править нераздельно, а «изменников, которые измену ему, государю, делали» и в чём ему были непослушны, — на тех налагать опалу, казнить по своему усмотрению. Царь учреждал теперь и новый особый личный Опричный двор. Так началась известная Опричнина.

В старорусском языке слово «опричь» — означало «кроме», «сверх». Судебник 1550 года определял «опричные», как не «принадлежавшие» к чему-либо или кому-либо²³⁴. В русской общественной практике этим определением означалась обычно

та часть земельного пожалования, которая выделялась «для прокормления» вдове умершего или погибшего воина. Само поместье, жалованное Государем, отходило в казну, опричь (кроме) некоторого участка. Иоанн устанавливал теперь районы и города, которые изымались из обычного административного управления, переходя под личное управление Царя и Опричного двора.

Страна делилась теперь на земщину и опричнину, имевшие собственные органы управления. В зону опричнины вошли в первую очередь районы, где все ещё сказывались старые боярские порядки, те земли, которые ранее входили в состав тех или иных уделов. Центром Опричнины становилась Александрова слобода, где и начал формироваться особый корпус воинов Государя — опричников.

Это был удар по родовой аристократии, по потомкам бывших удельных князей, так называемым «княжатам», которых Грозный вознамерился оторвать от их исконных территорий, частью переселив на новые земли, а частью уничтожив.

Помимо чисто государственно-политических мотивов, в деятельности Иоанна Васильевича явственно проступал и религиозно-мистический момент. По словам Митрополита Петербургского Иоанна (Снычева), «Опричнина стала в руках Царя орудием, которым он просеивал всю русскую жизнь, весь её порядок и уклад, отделяя добрые семена русской православной соборности и державности от плевел еретических мудрствований, чужебесия в нравах и забвения своего религиозного долга»²³⁵.

Уклад жизни в Александровой слободе строился на основе строгого устава, напоминавшего монастырский. Можно даже говорить, что это был своего рода прообраз государства-монастыря, который виделся Царю идеальной организацией земной жизни «народа христианского». Обширная территория слободы была окружена каменной крепостной стеной, внутри были различные помещения и три храма.

Опричники давали крестоцеловальную клятву Царю, обещая служить ему всей жизнью и не знаться не только с друзьями, но и с родственниками. Царь и опричники обычно носили черный

куколь — наподобие монашеского. День начинался в три часа ночи богослужением в храме, причем «службу исполнял» сам Иоанн Васильевич. Опричники за пределами Александровой слободы имели свои отличия: на шею их лошадей прикреплялись собачьи головы²³⁶, а на кнутовище — шерстяная кисть, знак метлы. Сие означало, что «царские воины» будут грызть измену и изменников, как собаки, и выметать все лишнее из страны.

Общее число опричников неизвестно, но в период наивысшего расцвета этого царского установления, в 1569—1570 годах, опричный корпус насчитывал менее 10 тысяч человек, а в Опричный двор входило около 1800 человек. Формировался он из людей разного звания, но нет сомнения, что люди «худородные» в нем преобладали. Иоанн в письме одному из опричников Василию (Васюшке) Грязному в 1574 году о том выразился со всей определенностью. «Это за грехи мои случилось, что князья и бояре наши и отца нашего стали нам изменять, а мы вас, холопов, приближали, желая от вас службы и правды»²³⁷.

Обретались в Опричнине и заезжие чужестранцы, которые потом, покинув Россию, написали немало лживого о «русских зверствах» в этой «ужасной» Московии. О своем же участии в «злодеяниях» они старались не распространяться. Имена «очевидцев-писателей» хорошо известны. Поляк Войтек (Альберт) Шлихтинг, воевавший в армии Сигизмунда II, попавший в плен и перешедший на русскую службу. Ливонские дворяне Иоганн Таубе и Эйлерт Крузе, попавшие в плен и ставшие потом «верными слугами» Царя, а также вестфалец Генрих Штаден²³⁸. Почти вся часть опричных страниц Грознианины построена на утверждениях и измышлениях указанных лиц.

Вот только один полностью выдуманный сюжет, который насочинял Альберт Шлихтинг. «У этого тирана (Грозного. — А.Б.) есть много тайных доносчиков, которые доносят, если какая женщина худо говорит о Великом князе тиране. Он тотчас велит всех хватать и приводить к себе даже из спальни мужей; приведенных, если понравится, он удерживает у себя, пока хочет; если же не понравится, то велит своим стрельцам насиловать её у себя на глазах и таким образом изнасилованную вернуть мужу. Если же у него есть решение убить мужа этой женщи-

ны, то он тотчас велит утопить ее в реке. Так поступил он год тому назад с одним из своих секретарей. Именно, похитив его жену с ее служанкой, он держал ее долгое время. Затем обеих изнасилованных он велит повесить пред дверями мужа, и они висели так долго, пока тиран не приказал перерезать (петлю). Также поступил он с одним из своих придворных. Именно, захватив его жену, он хранил ее у себя и, после обладания ею до пресыщения, отсылает обратно мужу, а потом велит повесить на балке над столом, где муж ее с семейством обычно принимал пищу. Висела она там так долго, пока это было угодно тирану. Когда он опустошал владения воеводы Ивана Петровича, то в лагере у него были отборнейшие женщины, выдающейся красоты, приблизительно в количестве 50, которые передвигались на носилках. Для охраны их он приставил 500 всадников. Этими женщинами он злоупотреблял для своей похоти. Которая ему нравилась, ту он удерживал, а которая переставала нравиться, ту приказывал бросить в реку»²³⁹.

Прочие «эпизоды воспоминаний» об Опричнине пресловутых иностранцев подобного же низкопробного свойства. В данной цитации нет ни одного правдивого тезиса! Как же описателей из Европы всегда тянуло на пошлость, «на клубничку»; да ведь без этого книгу в Европе о России и не продашь. Самое печальное здесь то, что у нас, в России, подобные патологические скабрёзности некоторые авторы до сего дня оценивают как «документы эпохи». Конечно, это — документы, но характеризующие не Первого Царя, а уровень потребностей и представлений сочинителей-очернителей...

В руководстве Опричниной встречались и люди из высших кругов, которым Иоанн лично доверял: отец и сын Басмановы, князь Афанасий Вяземский-Долгой, Малюта Скуратов (Скуратов-Бельский Григорий Лукьянович), князь Михаил Черкасский. Однако среди опричников доминировали люди незнатного происхождения, простые, мелкопоместные или вообще беспоместные дворяне.

Необходимо особо подчеркнуть, что Опричнина не была введена прямым царским указом сразу же после 5 января 1565 года, когда боярство и священство и «люди прочие» безропотно

приняли все условия Иоанна. В середине февраля был созван Земский собор, на котором присутствовали представители и аристократии и «отцы духовные», где Первый Царь выступил с речью. Он сказал, что для «охранения жизни» он намерен учинить «опришнину» с двором, армией и территорией, требуя для себя неограниченных полномочий. Подобные полномочия Царю были единогласно и предоставлены.

Первый удар опричного царского меча пришёлся на знать суздальских родов. В феврале 1565 года были казнены: князь А.Б. Горбатый²⁴⁰ с сыном Петром, окольный П.П. Головин, князь И.И. Сухово-Кашин и князь Д.А. Шевырёв. Несколько человек было пострижено в монахи, а некоторые семьи лишились своих родовых вотчин и отправлены на новые земли в Казанский край. В своей «Истории о Великом князе Московском» Курбский писал, что Александр Горбатый «происходил из рода Великого князя Владимира и была у них старшая власть над всеми князьями Руси более двух сотен лет. Один из них, князь Суздальский Андрей, владел Волгой-рекой аж до самого моря Каспийского, от него произошли великие тверские князья...»²⁴¹

Никогда суздальские князья «Волгой-рекой» не владели, но владения их были действительно обширными. Когда их удельные территории перешли в состав единого государства, а сами некогда удельные стали подданными Великого князя Московского, то спесь родовая никуда не исчезла. Древность и знатность рода по понятиям того времени — преимущества общественно бесспорные, неизбежно взращивавшие непомерное честолюбие. Будучи с рождения приобщенным к высшему кругу, Александр Горбатый-Шуйский занимал самые видные должности в Государстве. Его даже превозносили как «покорителя Казани», хотя он командовал в походе только полком, а титула победителя мог удостаиваться только Иоанн Васильевич.

Однако Царь не за чрезмерное самомнение казнил одного из многолетних руководителей Боярской Думы. Царь прекрасно знал другое, забываемое и не прощаемое. Горбатый был одним из тех, кто все время умалял власть и достоинство Царя. Иоанну

передавали, что этого боярина не раз уличали в «непригожих» (непристойных) речах, которые явно выдавали угнездившийся в князе дух противоречия, а значит, и измены.

Иоанн редко объяснял конкретные причины своего гнева; он много раз говорил об «изменах», называл и имена, но никогда не пытался «объяснить», в чём содержательно состояли эти «измены». Последующим же историкам требовалась «мотивация». Учитывая, что следственные дела об «изменах» как времен Опричнины, так и за другие годы не сохранились, то невольно складывалось впечатление, что это был «чистый произвол», вызванный исключительно «маниакальным синдромом», гипертрофированным чувством «страха», овладевшим натурой Первого Царя. Думается, что всё это — только тенденциозные умозаключения, которые формально как бы «документально» оспорить и невозможно, но которые опровергаются всем строем личности и мировоззрения Иоанна Васильевича. Если же размышлять об Иоанне, игнорируя самого Иоанна, категорически не веря ему, не принимая в расчёт его безусловной Христопреданности, то тогда действительно останется один только «синдром». Но только чей?..

Опричники исполняли суд и расправу над врагами по указу Самодержца, но одновременно творили в разных местах произвол и насилия, формально от имени Царя, но фактически по своей прихоти. Таковых случаев было немало, а Иоанн Грозный воспринимал их как признак своеволия, столь им ненавидимый, как знак непослушания, ведущего к неверности.

Окончательное разочарование в «верных слугах» произошло у Царя весной 1571 года, когда Крымская орда под водительством Девлер-Гирея (1512—1577), численностью до 100 тысяч человек, в очередной раз вторглась на Русь. Этого нашествия в Москве опасались. Царь ещё ранее распорядился устроить сторожевую службу на границах Руси, однако к маю, когда и началось вторжение, пограничная служба ещё не была полностью создана. Крымцы быстро «доскакали» до реки Оки, а затем окольными путями, которыми их вели предатели-перебежчики, знавшие расположение русских войск, вышли к Москве с запада и укрепились в селе Коломенском. Татары разгромили

опричные отряды, причем Царь чуть не попал в плен и ему пришлось срочно перебираться в Александрову слободу. С армией земского набора того не получилось. Воевода Иван Бельский с земским воинством сражались столь самоотверженно, что крымцам пришлось отступить.

Крымцы самой Москвы не взяли, но устроили грабеж и пожар в посадах, в силу чего Москва выгорела почти полностью. Число погибших исчислялось десятками тысяч; Н.М. Карамзин даже называл цифру — 800 тысяч, которая кажется баснословной.

Царь испытал потрясение, неизбежно повлиявшее и на его кадровую политику. Со второй половины 1571 года она приобретает новые черты, а ненависть к старобоярским кланам постепенно проходит. Удельная аристократия была фактически сокрушена, а оставшиеся в живых отдельные её представители не являли никакой угрозы. «Перетряхивание» служилого люда давало о себе знать: ропота и злоумышлений больше не открывалось. За последние шесть с лишним лет царствования Иоанна Васильевича (1578—1584) на Руси вообще не было ни одной смертной казни по царскому повелению.

Первый Царь начинает «возвращать милость» к детям и родственникам тех, кто ранее был в опале. Стал «желанным» для Царя боярин Петр Пронский, отец которого был умерщвлен. Возвращены были в «ближнюю службу» Никита Одоевский, сестрой которого была жена Владимира Старицкого, князь Андрей Хованский, двоюродный племянник ненавистной Царю Евфросинии Старицкой, князь Василий Суздальский, князь Иван Андреевич Шуйский и другие. Милости царские распространились и на детей Фёдора Басманова, одного из руководителей Опричнины, казненного по приказу Царя: они вернулись из ссылки, и им были возвращены отцовские вотчины. Осенью 1572 года Иоанн Васильевич отменяет Опричнину и само это слово запрещает даже упоминать.

Годуновы — Дмитрий Иванович и его племянник Борис — не пострадали в грозные опричные годы. Мало того, Дмитрий Годунов сделал заметную «разрядную карьеру». В Александровой слободе он исполнял роль постельничего, став после отмены

Опричнины главой Постельного (точнее — Постельничего) приказа, то есть вошёл в разряд высших чиновников. Эта должность вводила человека в близкий семейный царский круг. Постельничий — должность учреждённая Иоанном Грозным — не только заведовал «постелью» Государя, то есть обустройством личных царских покоев, но и хранил царскую печать «для скорых и тайных дел», отвечал за охрану Царя в ночное время и даже обязан был почивать рядом с Государем. Это был близкий царский служащий, не только личный слуга, но и секретарь. В его распоряжении находился штат подчинённых, обслуживавших повседневные нужды Царской семьи. Кроме того, он ведал личной охраной государя, подбирал надёжных людей.

Дмитрий Годунов занял должность главы Постельничего приказа в 1565 году, после внезапной смерти руководителя приказа Ивана Наумова. Никто не знает, каким образом Дмитрий Годунов так приглянулся Первому Царю, что он его допустил до своих апартаментов, куда вообще редко кто допускался, и делил даже с ним ночлег. Для этого надо было быть человеком весьма неординарным; неглупым, скорым в исполнении, услужливым до самозабвенной преданности, беспрекословным. Надо было стать в глазах Царя «своим». Обязательно надо было являть и признаки благочестия, соблюдать православный повседневный обряд в мельчайших подробностях. Первый Царь знал каноны, молитвы, службы назубок и на литургиях не терпел никаких отступлений.

В литературе существует точка зрения, что в качестве начальника приказа Годунов-старший сблизился с Малютой Скуратовым (Григорием Скуратовым-Бельским). Подобное логическое построение вполне уместно. Ведь фактически Дмитрий Годунов являлся ближайшим советником, точнее говоря, «наушником» Царя, к которому имел доступ постоянно. А Григорий Скуратов-Бельский, как истинно преданный, даже говорили, «по-собачьи преданный» Иоанну Грозному, не мог игнорировать влиятельного руководителя Постельничего приказа. Когда это сближение произошло, точно неизвестно, но очевидно, что не ранее конца 60-х годов, когда Скуратов начал выдвигаться на первые роли в Опричнине. Здесь самое время представить

этого человека, которому навеки отведена на скрижалях истории роль злодея, которого Н.М. Карамзин величал «лютым кровопивцем».

О Григории Скуратове-Бельском всегда писали часто, писали все кому не лень, представляя его жестоким и беспощадным человеком. На то есть бесспорные причины; он стал олицетворением всего плохого, злого и несправедливого, что принесла Опричина. Но при всём том не может не удивлять отсутствие фактических данных об этом деятеле. Не известны ни место рождения, ни происхождение, ни дата рождения.

По горькой иронии судьбы даже место погребения не сохранилось, хотя он по царскому повелению с почестями в январе 1573 года был похоронен в богатом Иосифо-Волоцком монастыре под Волоколамском. Григорий Скуратов-Бельский погиб от вражеской пули при штурме ливонского города Вейсенштейн (ныне Пайде в Эстонии). Царь явил неслыханную милость к вдове верного слуги; ей было назначено «государево содержание», или проще говоря — пенсия. Это первый «пенсионный случай» зафиксированный в Русской истории...

До того, как Малюта «развернулся» в опричной среде, он был никому не известным и неинтересным человеком. В начале Опричины он никакой заметной роли не играл и первый раз в разрядных книгах встречается под 1567 годом, когда по время похода Царя на Ливонию упомянут в качестве «головы» (сотника) опричного войска. Должность была невелика, но его звёздный час наступил двумя годами позже, когда возникло «дело Старицких».

Владимир Андреевич Старицкий (1533—1569) имел знатное происхождение: внук Великого князя Московского Иоанна III, двоюродный брат Иоанна Грозного, один из последних удельных князей, владеец Старицкого удела. Старицкие по праву первородства всё время являлись угрозой для центральной великокняжеско-царской власти. Все недовольные Иоанном Грозным видели во Владимире Старицком альтернативу авторитарному правлению Иоанна Грозного; вокруг них всегда группировались осколки старой родовой аристократии, мечтавшие о реставрации боярско-родовой вольницы. На Владимира

Старицкого и его мать, гордую и непреклонную Ефросинию Старицкую (урождённая княжна Хованская) не раз поступали доносы, где они обвинялись в злоумышлениях против Царя.

Иоанн Грозный не единожды прощал родственников, брал с них покаянные «слова» и клятвы преданности, но проходил время, и опять в кругу Старицких начинали роиться царские недоброжелатели, опять в их среде звучали «непригожие речи». «Проблема Старицких» много лет занимала и волновала Первого Царя, понимавшего, что без разгрома этого «гнезда злоумышлителей» за дело державного строительства нельзя быть спокойным. Именно князь Владимир и его «злобесивая» матушка²⁴² являлись знаменем и надеждой всех врагов, как внутренних, так и внешних. Но их просто так не настигнешь, злоумышления не отроешь; хитрые, «как бестии».

Вывел же «на чистую воду» Старицких именно Малюта Скуратов в 1569 году. В это время он возглавлял уже опричное «сыскное дело», а среди его осведомителей оказался царский повар, некий Молява, признавшийся, что Старицкие дали ему денег и яд, чтобы он отравил Иоанна Грозного. Были найдены и 50 рублей — для того времени для простого человека деньги огромные — и белый порошок. Царь сам «снял» показания с повара и убедился в его правоте. Старицких — сына и мать — схватили и казнили. Дети же князя Владимира под царскую кару не попали.

Здесь не место размышлять над старой исторической шарадой: существовало ли в 1569 году подобное намерение у Старицких в действительности, или это всего лишь «постановка» Малюты? Однако трудно усомниться в том, что показания пресловутого Молявы, если даже он и был всего лишь жертвенной «подставной уткой», общей смысловой диспозиции не меняли. Старицкие желали смерти Иоанну Грозному, за что и понесли наказание. Первый Царь отдал все посмертные приличествующие почести брату-врагу; его похоронили в кремлевском Архангельском соборе...

В последние годы Опричнины Григорий Скуратов-Бельский вошёл «в большую силу» как доверенное лицо Иоанна Грозного. Другим же доверенным лицом являлся глава Постельничего

приказа Дмитрий Иванович Годунов. Эти два «худородных» дворянина, окруженные миром боярской спеси, должны были стать «соратниками» в своей борьбе за место «под царским солнцем», и они таковыми стали. В самом подобном факте сближения не было ничего не обычного.

При каждом дворе, в окружении любого правителя, вне зависимости от его титулатуры, неизбежно всегда возникали (и возникают) «коалиции», «союзы», «партии», члены которых объединяются для сохранения или упрочения позиций, для получения милостей и преференций со стороны начальника-повелителя. Этот замкнутый мир всегда делился на группировки «одних» и «других», «своих» и «чужих». Причём подобное деление нередко вело к серьёзным противостояниям, к борьбе амбиций и тщеславий, плодило интриги, сплетни, недовольства.

Судьёй же, «высшим арбитром» в таких случаях неизменно выступал повелитель, который извлекал из такого противостояния вполне ощутимые для себя текущие морально-организационные выгоды. Иоанн Грозный мог быть абсолютно уверенным, что такие «холопы», как Малюта и Годунов, никогда не пристанут к вельможам, никогда не станут злоумышлять с родовитыми против него; ведь без его милости они — ничто и никто.

Царь снисходительно относился к тому, что «верные рабы» стремились укрепиться в родовитой среде. Малюта Скуратов и Дмитрий Годунов, что называется, пользовались благоприятным моментом. У Скуратова не было продолжателей рода в мужском колене; у него было три дочери, которым «папенька» подыскал вполне пристойные партии. На старшей дочери женился двоюродный брат Царя князь Михаил Иванович Глинский (ум.1602). Младшая дочь Екатерина вышла замуж за князя Дмитрия Ивановича Шуйского. Средняя же дочь Мария в 1571 году стала женой девятнадцатилетнего Бориса Годунова; род Скуратовых и Годуновых породнился. Но одновременно через Глинского — мать Иоанна Грозного была Елена Глинская — у них сложились и родственные отношения с «Домом Рюрика».

У Дмитрия Ивановича Годунова собственные дети умерли в ранние годы, и когда он стал сановником первой руки, то только подопечные племянники у него и были — Ирина да Борис. Забегая вперед, уместно сказать, что Дмитрий Иванович Годунов, добившийся наивысших на Руси чинов и званий, в конце жизни пережил полное крушение. В 1605 году, после воцарения Лжедмитрия, старика Годунова — ему приблизительно было около семидесяти лет — арестовали, заточили в каземат, морили голодом, а потом по указу самозванца «с позором» выслали из Москвы. В изгнании, в 1606 году, Дмитрий Годунов и умер...

Первый Царь Иоанн Грозный не раз демонстрировал по отношению к Годуновым свою симпатию. Причём подобное расположение порой выходило далеко за рамки служебной степенной иерархии и приводило современников и последующих историков в замешательство. К числу таковых случаев несомненно относится замужество сестры Бориса Годунова Ирины. Без царского соизволения, без царского одобрения подобная партия никогда бы не возникла. В 1580 году она стала женой друга своего детства, Царевича Фёдора Иоанновича. Теперь у Годуновых сложилась прямая, близкая родственная связь с Царским домом; тестем Ирины стал сам Иоанн Васильевич, а Борис Годунов, ставший боярином, отныне — шурин Царевича Фёдора.

Глава 6.

ВЕЛИКИЙ БОЯРИН

Борис Годунов стал государственно известной фигурой в последний период жизни Иоанна Грозного, а в день его смерти он оказался в эпицентре событий. Смерть Первого Царя привела к потрясению всего государственного строя, вызвала замешательство в высших слоях управления Московского Царства, вселила в души многих «больших людей» страх великий за своё будущее и будущее близких.

Никто не знает, какие чувства в тот момент — последние часы и минуты жизни Иоанна Грозного — испытывал Борис

Годунов. Однако трудно предположить, чтобы он испытывал особую радость, так как его будущее становилось весьма шатким и неопределенным. Казалось бы, формально Борис Фёдорович, как шурин преемника Грозного Фёдора Иоанновича, мог быть спокоен: он ведь теперь будет сродником Царя. Однако в момент ухода Грозного, в первые часы и дни после его кончины, будущее безоблачным совсем не представлялось. Возникли многие трудности...

В конце жизни у Иоанна Грозного было два несомненных любимца, два «ближних человека» среди всего придворного люда: Борис Годунов и Богдан Бельский. О последнем надо сказать особо, так как по стечению обстоятельств он оставил в судьбе Бориса Годунова заметный след. Иван Тимофеев в своём «Временнике» даже написал, что сердце Иоанна Грозного «всегда к нему жадно стремилось и глаза свои он неуклонно всегда обращал на него, раненный срамной стрелой тайной любви»²⁴³. Не будем комментировать неизвестно на чём основанный намёк на противоестественное влечение Царя Иоанна Васильевича к Бельскому. Таковы уж эти «показания» современников, какие никак нельзя квалифицировать как беспристрастные.

Богдан Яковлевич Бельский (ум. 1611) приходился племянником Малюте Скуратову, и его возвышение, как и Бориса Годунова, началось в последние годы Опричнины. Точная дата рождения Бельского неизвестна, но можно предположить, что Богдан и Борис являлись ровесниками или, во всяком случае, разница в возрасте у них была незначительной. К марту 1584 года, времени смерти Иоанна Грозного, Борису Годунову шел тридцать второй год, а Богдану Бельскому было что-то около того.

Бельский смолоду принимал участие в Ливонской войне, был членом Опричнины, а в последние годы жизни Царя Иоанна выполнял поручения секретного свойства, например по высочайшему повелению «курировал» переговоры с англичанами о возможности женитьбы Царя на Королеве Елизавете или её племяннице Марии Гастингс. Снискавший расположение Грозного Царя, став его «любимцем», пронырливый Богдан нажил большое состояние. В свои тридцать лет благодаря пожалованиям, подношениям и подаркам, в том числе и от купцов-иностранцев,

он стал одним из самых богатых людей того времени. Расчётливый и проницательный англичанин Джером Горсей называл его «сказочно богатым человеком»²⁴⁴.

Превратности биографии Бельского являлись своеобразным отражением перелома Русской истории; времени бурного и непредсказуемого. Он служил Иоанну Грозному, Борису Годунову, Ажедмитрию I, Ажедмитрию II («Тушинскому вору»), Василию Шуйскому. История с Ажедмитрием I особо примечательна. При Фёдоре Борисовиче Годунове Бельский, находившийся в ссылке, был прощён и вызван в Москву. По дороге, в мае 1605 года, боярин встретил войско самозванца и тут же признал в нём «законного наследника» Дмитрия и начал всем рассказывать, что именно он, Бельский, «спас Царевича» в 1591 году.

Всем, кроме Грозного, Бельский так или иначе изменял, а окончил свои дни весьма печально. Будучи воеводой в Казани, Бельский в марте 1611 года был растерзан толпой казанцев за свои призывы не присягать никому, кроме «Венценосца Московского», которого в тот момент просто не существовало. За бесконечные ложь и предательства народ возненавидел боярина и воеводу и расправился с ним «по-народному».

Бельский и Годунов были теми людьми, с кем Иоанн Грозный провел последние часы своей земной жизни. Вот как выглядела картина смерти Первого Царя в изложении Горсея, прекрасно осведомленного о слухах и сплетнях, витавших вокруг Царя:

«Бельский поспешил к Царю, который готовился к бане. Около третьего часа дня Царь пошёл в неё, развлекаясь любимыми песнями, как он привык это делать, вышел около семи, хорошо освеженный. Его перенесли в другую комнату, посадили на постель, он позвал Родиона Биркина²⁴⁵, дворянина, своего любимца, и приказал принести шахматы. Он разместил около себя своих слуг, своего главного любимца (Бельского. — А.Б.) и Бориса Фёдоровича Годунова, а также других. Царь был одет в распахнутый халат, полотняную рубаху и чулки; он вдруг ослабел и повалился навзничь. Произошло большое замешательство и крик, одни посылали за водкой, другие — в аптеку за ноготковой и розовой водой, а также за его духовником и лекарями». Далее у Горсея

следуют несколько слов, которые потом не раз давали повод усомниться в естественной смерти Первого Царя. Фраза эта такая: «Тем временем он был удушен и окоченел»²⁴⁶.

До сего дня неведомо, от кого Горсей получил подобные сведения; самого его около царских покоев, что называется, и «близко не стояло». Оставим в стороне гадания и зададимся вопросом: могли вообще возникнуть у Годунова и Бельского намерения «додушить» умирающего Царя, у которого случилось, по всей видимости, кровоизлияние в мозг, или инсульт? Никто не поручится за то, что ни тот ни другой в глубине души не хотели бы избавиться от надзора и «всевидящего ока» Грозного Царя. Они не просто его боялись, а перед ним трепетали, как и все прочие лица, включая и иностранных послов, оказывавшихся рядом с Иоанном Грозным. Но одно дело — трепетать, а другое дело — отважиться на цареубийство, совершить страшный грех перед Богом. Вопрос так и остаётся открытым. Другие источники и свидетельства версию Горсея о насильственной смерти Царя не подтверждают.

С православной точки зрения утверждения о насильственной смерти Первого Царя кажутся невозможными. Грозный ведь перед кончиной принял постриг, «великую схиму», а постриг над мертвыми не совершается, это — каноническое преступление. Значит, никакой «подушки» не было.

Однако существует ещё один, уже русский источник — «Московский летописец», составленный во второй четверти XVI века, почти через полвека после кончины Грозного, в котором говорится, что Царю «дали отраву ближние люди. Духовник Царя Феодосий Вятка возложил на него, умершего Государя, иноческий образ и нарёк его во иноках Ионой»²⁴⁷. Здесь уже говорится не об «удушении», а об отравлении. Правда, эту фразу предваряют слова «нецыи глаголют», то есть «некоторые говорят», но многие сочинители на это не обращают внимания и уверенно пишут, что Царя постригли уже мёртвым. Иначе говоря, Митрополит Дионисий, духовник Вятка²⁴⁸ и приближённые творили чёрное дело, стараясь обмануть Господа!

Современный исследователь в этой связи написал: «Если он был удушен руками или подушкой либо отравлен ударной

дозой единовременно, то вопрос пострига отпадал сам собой. Но гробокопатели нашли в 1963 году Царя облачённым в великую схиму. Предсмертный постриг подтверждает большинство авторитетных источников». Это совершенно верно. И далее, комментируя возмутительные идеологические манипуляции с фактографией руссоненавистников всех мастей, автор восклицает, что в поле зрения у них попадает только один источник, в который «вцепились все, кому ненавистен был не какой-то конкретный Царь, а сама идея Самодержавия, Монархии, Русского Царства. Им рыться в отбросах, оставленных всевозможными врагами России, да на диссидентских помойках — самое разлюбленное, привычное дело»²⁴⁹. Сказано, может быть, излишне эмоционально, но по существу — абсолютно точно.

Вот типичный образец летописного изложения событий: «В ту же зиму Царь тяжело заболел и, чувствуя близость смерти, повелел Митрополиту Дионисию себя постричь; и нарекли ему имя Иона» («Новый летописец»). Или вот скупые строчки из «Пискаревского летописца»: «Лета 7092-го преставился Царь и Великий князь Иоанн Васильевич всеа Руси месяца марта в 19 день, с среды на четверг, за пять часов до вечера; а жил 54 лета; а положен во Архангеле, в пределе, на Москве»²⁵⁰. Вообще, о каком-то насилии над Первым Царём ни один из русских источников не упоминает. «Московский летописец» упоминает только как слух, который не может явиться документальным подтверждением. Через годы, когда сначала исподволь, а потом и публично начнётся кампания по дискредитации Бориса Годунова, давний слухок оживёт и пойдёт гулять по свету.

В этой истории для нас важен один аспект. Иоанн Грозный умер ещё далеко не старым человеком; ему в августе 1584 года должно было исполниться 54 года. В понятиях того времени это был пожилой, но ещё не старый мужчина. Мало кто знал, что в ту зиму Грозный много болел, чувствовал себя из рук вон плохо; приступы слабости одолевали, а порой головокружения такие случались, что без посторонней помощи и ступить шагу не мог. Близким трудно было не предположить, что Царь «угасает». Конечно же, об этом не говорили, тема о здоровье Царя была наглухо закрытой и навсегда запретной.

Когда же колокола московских церквей, зазвонив все разом, оповестили москвичей о событии — преставился Царь, то наступила оторопь. Иоанн Васильевич, Царь Грозный, но справедливый, так долго правил, все так к нему привыкли! Казалось, что он будет на престоле всегда. В Москве уж людей-то не осталось, кто бы помнил правление другого Самодержца. И вдруг, как громом, поразила весть: Царя больше нет! Когда первое ошеломление прошло, то сразу же возникли разговоры: Царя «извели», его «погубили» злые, «близкие люди». Как-то само собой и имя главного «злодея» прозвучало и стало передаваться из уст в уста — Богдан Бельский.

При жизни Иоанн Васильевич назначил «опекунами» к Фёдору, его «близкими советниками», их иногда ещё называют «регентами», четырех именитых лиц: дядю Фёдора Никиту Романова-Юрьева, князя Ивана Мстиславского, Богдана Бельского и князя Ивана Шуйского. Завещание Грозного, как отмечает исследователь, «нанесло смертельный удар честолюбивым замыслам Годунова»²⁵¹. Впрочем, вопрос о том, было ли в регентском совете четверо или пятеро лиц, остается нерешённым. В некоторых источниках Борис Годунов фигурирует в составе совета. Об этом, например, уверенно пишет Джером Горсей. Так или иначе, но придворный расклад резко поменялся, когда после погребения Иоанна Грозного на третий день по кончине у стен Кремля оказалась бушующая толпа недовольных, требующая выдачи Богдана Бельского.

В «Новом летописце» об этом событии говорится как о «дьявольском умышлении», так как именно дьявол «вложил в людей мысль, будто Богдан Вельский со своими советниками извёл Царя Иоанна Васильевича, а ныне хочет бояр перебить и хочет отнять у Царя Фёдора Иоанновича Царство Московское для своего советника»²⁵².

Как уже говорилось ранее, «Новый летописец» насквозь пропитан просто патологическими антигодуновскими настроением, а потому составители и додумались написать, что Бельский хотел «похитить престол», но не для себя, а для своего «советника», под которым мог подразумеваться только Борис Годунов. Никто из других ненавистников Годунова подобного

буйства фантазии не демонстрировал; в этом отношении «Новый летописец», который, напомним, был создан под покровительством Патриарха Филарета, превзошёл всех. Однако толпа пришла всё-таки требовать «голову» Бельского, а не Годунова; ведь именно на него пало подозрение в погублении Царя Иоанна Васильевича.

Почему такая ненависть была именно к Бельскому? Никто вразумительно эту коллизию не разъяснил, но, думается, здесь можно высказать предположения, основанные на некоторых косвенных данных. Бельский был молодой выдвиженец, вознесшийся до самых царских чертогов, сопровождавший Царя Иоанна Васильевича на всех выходах и приёмах. Его видели постоянно многие тысячи глаз, и к моменту смерти Самодержца его имя было хорошо известно, как хорошо была известна и его манера жизни. Ничего, кроме осуждения, она вызвать не могла. Не имевший «ни чина, ни звания», Бельский постоянно появлялся в дорогах, расшитых золотом одеждах, весь обсыпанный драгоценными камнями. Ездил же всегда на лучших лошадях, гонял во весь опор, и говорили, что погубил он своей шалой ездой не одну душу христианскую.

Русские могли бы многое понять и простить, но только не бесстыдное выпячивание своего богатства. Знатности нет, род ведь его «неказистый», а как чванливится? Шишок, он и есть шишок (высочка). Бельский стал как бы символом всего плохого и неприятного, что глаз народный различал у «сильных мира». Потому и пришли люди под стены Кремля и стали требовать выдачи «злодея-душегуба» Бельского, угрожая в случае отказа начать штурм Кремля, ворота которого вовремя успели запереть изнутри.

Точно неведомо, что творилось в тот роковой момент в Кремле в окружении нового Самодержца Фёдора Иоанновича, но можно быть почти уверенным, что там царило паническое настроение. Передавали потом, что Бельский рыдал, побежал скрываться то ли на двор к Митрополиту, то ли в опочивальню государя; в этом пункте свидетельские показания расходятся. Но одно несомненно: «баловень судьбы» теперь воочию узрел приближение страшного конца. Но до этого не дошло. Царь

велел послать к бунтующим делегацию, возглавлявшуюся князьями Мстиславским и Шуйским, которая и объявила царскую волю: Богдан Бельский ссылается в Нижний Новгород. Страсти начали затухать, и мятежная толпа во главе с «детьми боярскими» Ляпуновыми и Кикиными отошла от Кремля и быстро рассеялась.

Этот эпизод доказывает старое непреложное правило: когда умирает сильный правитель, такой как Иоанн Грозный, то среди ближнего окружения неизбежно возникает борьба за власть, борьба за политическое наследство и влияние. Восшествие на престол Фёдора Иоанновича далеко не всем представлялось желательным. Да, была крестоцеловальная клятва, но ведь это «клятва по принуждению», а таковой можно и пренебречь. Ведь Фёдор совсем не создан для царской роли; ещё его отец говорил, что он — «постник и молчальник, более для кельи, нежели для власти державной рождённый». Кстати сказать, подлинность данной фразы, кочующей из книги в книгу, так никогда не была удостоверена каким-либо надёжным свидетельством.

Существовали родовые группировки и влиятельные лица, которые не были расположены к новому Венценосцу. Во-первых, клан Нагих. Ведь Мария Нагая считалась «Царицей», матерью Царевича Дмитрия, хотя ещё и «пелёночника», но законного наследника, это ведь «последняя отрасль Царя Иоанна Васильевича». Есть основания предполагать, что слухи об «умственной ущербности», «непригодности» Царевича Фёдора Иоанновича ряд лет целенаправленно распространялись Нагими и их клевретами.

Среди противников воцарения Фёдора Иоанновича находились и Шуйские, особенно именитый князь и боярин Иван Петрович. Герой военных кампаний, сникавший широкую популярность, не хотел Фёдора по той простой, ясной, чисто «боярской» причине: неизбежного выдвижения на первую роль Бориса Годунова. И хотя в 1584 году Шуйские «проиграли партию», но своей антигодуновской позиции не оставили. Собственно, они выступали не против самого Фёдора Иоанновича, а против его жены Ирины, которая не могла принести потомства. Бездетность Царицы стала главным стержнем придворной интриги,

которую раскручивали Шуйские в первые два года после воцарения Фёдора.

Они хотели развода и нового брака Царя. В союзе с митрополитом Дионисием Шуйские попытались в 1586 году добиться развода Царя Фёдора с Ириной Годуновой, но не смогли этого сделать. Они захотели совершить акт насилия над Царём, во имя Царя и России. Однако Фёдор беззаветно любил свою жену и никакой иной себе не мыслил. Якобы «слабый» и «безвольный», он проявил такую волю и решительность, что план по разрушению брака провалился, а Борис Годунов удержался во власти. Дионисий был сведён с митрополичьего престола. Шуйский же вскоре был отправлен в Кирилло-Белозерский монастырь, где его принудили принять схиму. Там 16 ноября 1588 года бывший боярин Шуйский неожиданно умер в своей келье при таинственных обстоятельствах — от «печного угара».

В 1584 года на стороне Фёдора и Ирины, а следовательно, и Бориса Годунова был дядя нового Царя боярин Никита Романович, основатель будущей Династии Романовых, дед первого Царя новой Династии Михаила Фёдоровича²⁵³. В 1584—1586 годах Никита Романович являлся влиятельным должностным лицом в России. Когда же он скоропостижно скончался²⁵⁴, а затем провалился «антибрачный» заговор в 1586 году, то только с этого времени и можно говорить о том, что Борис Годунов выдвинулся на главную роль.

На первых порах союзником Годунова выступал и ещё один член «регентского совета» — именитый князь Иван Фёдорович Мстиславский, ставший при Грозном главой Боярской Думы. Союз этот продолжался до 1586 года, когда Мстиславский поддержал идею о разводе Царя. За это своё «противогосударство измышление» князь подвергся опале и был сослан в Кирилло-Белозерский монастырь, где принял постриг с именем Иона и вскоре скончался.

Годунов одержал победу над всеми противниками, чего ему не могли простить ни многие современники, ни последующие исследователи из числа разоблачителей-обличителей. Но чему же тут возмущаться? Годунов оказался смыслёнее, изворотливее и умнее большинства своих врагов и недоброжелателей.

Возможно, в его судьбе сыграл свою роль и «его величество случай», но факт его личного торжества невозможно оспорить. Он жил и действовал по законам своего времени. В этом отношении Борис Годунов ничем не выделялся из своей среды, не шёл наперекор нравам элитарных слоёв русского общества той эпохи. Да, он преследовал врагов, подвергал их опале, но никто не был казнён по его воле.

Нет никаких сомнений, что враги поступили бы с Борисом Фёдоровичем не менее жестоко, доведись им утвердиться у кормила правления. Мы же знаем, какая жуткая участь постигла род Годуновых в 1605 году. Вполне вероятно, что если бы Годунов «пал» двумя десятилетиями ранее, то он тоже очень скоро бы мог «угореть» в маленькой келье дальнего монастыря. Ведь это так просто: перекрыть печную вытяжку ночью...

Борис Годунов явил свои дипломатические способности уже в первые месяцы царствования Фёдора Иоанновича и потом их не раз подтверждал. Даже ненавидящий Годунова Н.М. Карамзин признавал, что «в делах внешней политики Борис следовал правилам лучших времён Иоанновых, изъясняя благоразумие с решительностью, осторожность в соблюдении целостности, достоинства, величия России»²⁵⁵. В подтверждение своих слов он ссылался на случай с посланником Королевы Елизаветы, англичанином Иеремией Боусом, или Баусом (Jerome Bowes), присланным для переговоров с Иоанном Грозным по поводу возможной «английской партии» для Царя, и для устройства коммерческих дел английских «негоциантов», то есть купцов.

После смерти Первого Царя Боус девять недель находился под домашним арестом, с трудом вырвался из России благодаря заступничеству Годунова — «нашего доброжелателя», как его называл рассерженный на русских англичанин. Вот как сам Боус описал свои «страдания»: «Кончина Иоаннова изменила обстоятельства и предала меня в руки главным врагам Англии: боярину Юрьеву (Романову. — А.Б.) и дьяку Андрею Щелкалову, которые в первые дни нового царствования овладели Верховною Думою. Меня не выпускали из дому, стращали во время бунта Московского, и Щелкалов велел мне сказать в насмешку: “Царь Английский умер”»²⁵⁶. Называя Иоанна Ва-

сильевича «английским царём», дьяк имел в виду тайные переговоры о возможности его женитьбы на англичанке и даже, как некоторые утверждали, намерение его переселиться в Англию. Устроителем этого «тёмного дела» и воспринимали Боуса...²⁵⁷

31 мая 1584 года состоялось венчание на царство Фёдора Иоанновича. Церемония была обставлена необычно пышно и торжественно, по чину древнего Царьграда. Вот как описывает «Московский летописец» убранство Успенского собора, где происходило таинство венчания 31 мая: «Во святой соборной церкви царское горнее место устроено в высоту 12 ступеней, обито сукнами и по сукну барханы, поставлено прямо против царских дверей (в алтаре. — А.Б.), и против устроен аналой со многоценною поволокою (накидкою, или покрывалом. — А.Б.). На правой же и левой стороне устроены святительские места и властелинские»²⁵⁸. Все дороги в Кремле были выложены красным сукном, покрытым «бархаты золотым».

Коронационная процессия была многолюдной и необычно красочной. Впереди несли царские регалии: Шапку Мономаха, скипетр, бармы, державу. Царь шествовал из терема в нежно-голубом одеянии, а бояре в расшитых золотом кафтанах. В соборе Фёдора Иоанновича облачили в верхнее платье, украшенное жемчугом и драгоценными камнями. Когда он сел на трон, то бояре стали вокруг него «по разрядам». Митрополит Дионисий возложил на Царя Животворящий крест и венец Мономаха и надел святыне бармы.

После венчания на Царство государь слушал литургию в короне и со скипетром — «хоругвями правления», как сказано в коронационном чине. В конце литургии Митрополит совершил над Царём священное миропомазание из особого сосуда, или «крабицы», которая некогда принадлежала Римскому Императору Августу, и причастил его святынь тайн; при этом Борис Годунов держал державу («державное яблоко»)²⁵⁹ — символ Царства Небесного, а Дмитрий Годунов и боярин Никита Романович Юрьев — венец царский на золотом блюде.

В «Московском летописце» приведены интересные подробности: «Когда пришло время святого выхода с Евангелием, и Государь, сняв с себя царскую шапку, и поставил на блюдо, дал

держатъ его боярину князю Фѣдору Ивановичу Мстиславскому, скипетр далъ держатъ боярину князю Василию Ивановичу Скопину-Шуйскому, яблоко далъ держатъ боярину и конюшему Борису Фѣдоровичу Годунову»²⁶⁰. Борис Годунов прилюдно принялъ въ руки одинъ изъ важнейшихъ атрибутовъ царской власти въ день коронации Фѣдора Иоанновича.

По окончаніи литургіи среди общаго безмолвія Фѣдоръ Иоанновичъ произнёсъ рѣчь, которая уже сама по себѣ свидѣтельствовала о несомненныхъ самостоятельныхъ способностяхъ новаго Царя: «Владыко! Родитель нашъ, самодержецъ Иоанн Васильевичъ, оставилъ земное царство и, принявъ Ангельскій образъ, отошёлъ на Царство Небесное; а меня благословилъ державою и всеми хоругвями государства, велелъ мнѣ, согласно съ древнимъ уставомъ, помазаться и венчаться Царскимъ венцомъ, диадемою и святыми и бармами»²⁶¹; завѣщаніе его известно духовенству, боярамъ и народу. И такъ, по волѣ Божіей и благословенію отца моего, соверши обрядъ священный. Да буду Царь и Помазанникъ!»²⁶²

По окончаніи обряда въ венцѣ и бармахъ Мономаха, со скипетромъ въ рукѣ Царь вышелъ изъ храма черезъ южныя двери и при выходѣ былъ осыпанъ золотыми и серебряными монетами. Затемъ Второй Царь отправился на молитву въ Архангельскій и Благовѣщенскій соборы, а по окончаніи молебствія черезъ Красное крыльцо вернулся въ свои палаты, гдѣ бояре и прочіе служилые люди целовали венчанному и миропомазанному Царю руку. Здѣсь онъ произнёсъ рѣчь, и были оглашены царскія милости.

Объявлялась амнистія заключеннымъ, отпускались на свободу военнопленные, сокращались долги, а некоторымъ лицамъ жаловались боярскія званія. Среди благодѣтельствованныхъ боярствомъ оказался и будущій Царь и ненавистникъ Годунова Василий Шуйскій. Борисъ же Годуновъ возводился въ знатный санъ конюшаго и получалъ титулъ великаго боярина и наместника двухъ царствъ: Казанскаго и Астраханскаго, причѣмъ ему даровались многіе земли и помѣстья. Празднованія по случаю венчанія (коронованія) длились ціую недѣлю, одинъ пиръ сменялся другимъ, а для «народа московскаго» было устроено въ Москвѣ много увеселеній и зрелищъ.

Были сделаны от имени Царя большие пожертвования, или «милостыни», на помин души усопшего Царя Иоанна Васильевича и о здравии новых Царя и Царицы. Константинопольскому Патриарху отправлено 1000 рублей, Иерусалимскому Патриарху — 900 рублей и т. д. Особо уместно отметить, что при Фёдоре Иоанновиче русские пожертвования православным на Востоке, изнывающих под игом ненавистных агарян (мусульман), стали регулярными и щедрыми. Россия оставалась единственной «питательницей» всего Православного Востока. Как писал в 1593 году Царю Федору Патриарх Александрийский Мелетий (1590—1601): «Если бы не помощь Твой Царственности, то верь, Православнейший Царь, Православие находилось бы в крайней опасности, так же как и эта (наша) Патриархия»²⁶³.

Эпоха правления Царя Фёдора Иоанновича продолжалась без малого полтора десятка лет. В отечественной историографии она традиционно преподносилась как какое-то безликое время. Царь ведь был, по расхожему мнению, «блаженный», а от такого правителя не жди громких побед и ярких свершений. Даже весьма сведущие историки, но лишённые «ока духовного», не могли понять и принять новый облик власти; для них слова «блаженный» и «юродивый» являлись синонимами. А юродство — в этом нет сомнения у всех материалистов-позитивистов — это форма какой-то «умственной неполноценности». Приведём показательный в этом отношении пример. «Дела тяготили Фёдора, — пишет уверенным тоном исследователь, — и он искал спасения в религии, каждый день подолгу молился, нередко сам трезвонил (! — А.Б.) на колокольне, раз в неделю отправлялся на богомолье в ближние монастыри... Среди знати Фёдор не пользовался популярностью. Его не боялись и не уважали. Русские на своём языке называют его дураком, говорил о Фёдоре шведский король»²⁶⁴.

В данной, типичной для историографии, характеристике почти всё перевёрнуто верх дном, поставлено с ног на голову. Здесь просто необходима, так сказать, общеисторическая аллюзия историософского свойства, чтобы была понятна шкала исходных мировоззренческих координат.

Историческая наука в том виде, как она существует, есть продукт «эпохи просвещения», времени «свободомыслия» и «торжества разума», то есть века XVIII. В России она «зацвела» позже, в веке XIX, приняла все исходные оценочные категории западноевропейского рационалистического знания. История народов и стран подлежала критическому осмыслению; всё ранжировалось и интерпретировалось через призму «нужности», «востребованности», «необходимости», в том виде, как эти категории воспринимались секулярным сознанием.

Духовная первооснова бытия была «изъята из обращения» или, во всяком случае, ей перестали придавать доминантное значение. Потому и получалась невообразимая картина. Условно говоря, безбожники описывали мир, где устремлённость к Богу являлась главным стимулом человеческого бытия, где жизнь «по-божески», «благочестиво» считалась высшим эталоном жизнеустроения. Рационалисты же понять данный мир никоим образом не могли, а потому и сочиняли несообразности.

В понятиях же теоцентричного мира «блаженный» — христианский подвижник. В духовном смысле он — избранник, тот, кто сподобился лицезреть Бога на небесах! Понятное дело, что материалисты и позитивисты всех мастей и всех времён значения подобным категориям не придавали; да и не способны они были осознать, что это такое. Православные же люди, прекрасно это понимали, а потому и восхищенно величали Второго Царя «блаженным» и «боголюбивым».

Теперь же вернёмся к приведённой выше цитате. Начнём с того, что ссылка на оценку шведов в данном случае просто неуместна; нельзя же за «мнение русских» принимать какие-то случайные сторонние умозрения. Теперь о более важном: о том, что якобы «дела тяготили Фёдора» и что он «искал спасения в религии». Начнём с буквара. «Религией» может стать всё, что угодно. Сколько уж в истории человечества существовало самых разных «религий»: от обожествления камней, деревьев и статуй до поклонения коммунизму.

Фёдор же Иоаннович с рождения и до последнего земного мига был православным, исповедовал только одну, единственно «правильную», православную веру — в Иисуса Христа. Он

полностью и целиком являлся православным христианином, но так как эти слова в семантическом отношении означают одно и то же, то правильнее называть его просто — православным.

Православный человек уповает на милость Господа для личного спасения; он коленопреклоненно просит милости и для своих близких. Упования же Царя-Миропомазанника, Божьего избранника куда шире и значимее. Его молитва, его благочестие выражают и отражают не только личные желания и устремления; он молится за весь христианский род людской, за вверенную ему державу. Ведь в системе Христоцентричного мира ноша Царя — не только ратные дела, общественное устройство, но и молитвенное оберегание вверенного ему Царства.

Трудно спорить с тем, что самым любимым героем отечественной историографии всегда являлась яркая фигура Петра I: «царя-плотника», «царя-механика», «царя-лоцмана», одним словом — «царя-преобразователя». Он чуть не каждый день своей бурной жизни что-то разрушал, а что-то учреждал. Фёдор Иоаннович ничего не разрушал; он только продолжал и молитвенно охранял. Каждодневно молился Всевышнему за ниспослание себе, народу русскому и державе Российской даров небесной благодати: мудрости, терпения, любви и смирения. Таков был век XVI, таковы были высшие ориентиры жизнедеятельности, а сын Иоанна Грозного Царь Фёдор Иоаннович навсегда остался в истории эталоном царского благочестия.

В своём «Временнике» Иван Тимофеев в самых превосходных степенях превозносит духовный облик Второго Царя. «Добродетельно живший Федор Иванович, Государь всероссийский, наследовал престол своих предков в прекрасной святости, потому что царствовал, любя истину, незлобно и достойно; (подражая) кротостью Давиду, (он) пас своих людей, не любя крови; всю свою жизнь он проводил в посте и молитвах к Богу, непрестанно и неусыпно день и ночь являясь великим предстателем (перед Богом) о мире и святым Царём. Имея постоянное стремление к церковному великолепию и благочинию и непрестанную заботу об украшении святынь, он любил монахов и нищих и очень много им подавал. Он явно нёс подвиг воздержания, потому что кипел в душе своей любовью к делам иночества, хотя был

покрыт светлостью багряницы. Его желанию так жить у себя в доме не помешали ни супружество, ни высота самого царства. Он боролся со всякой неправдой, чуждался ее и, как Иов, «даже устами не роптал на Бога; он за всю свою жизнь ни разу не осквернил мерзкими словами своего богомольного языка, но весь постоянно был охвачен всяческим благочестием; таким же незапятнанным, думается, и предстал он перед Богом, потому, что один из всех сохранил Первообраз и в дни своего царствования охранял от вражеских наветов достояние своих предков. Он царствовал не только над людьми, но и над страстями; думаю, что тот не согрешит, кто его и в молитвах призовет»²⁶⁵.

Естественно, что с позиции материализма и атеизма всё это выглядело как какое-то ущербное «увлечение религией». Однако там не было ничего показного и нарочитого, никакой «ущербности». Была только полнота религиозного чувства, которая владела душой всегда и целиком. Точно такой же по мировосприятию была и его супруга, Царица Ирина; их брак вообще можно назвать уникальным духовно-брачным союзом. Они были с Богом и для Бога в каждый миг своей сознательной жизни; они этим чувством жили, и с ним же, оба, ушли в мир иной.

В «Летописном сказании» — исторической повести, написанной в 1626 году и приписываемой князю И.М. Катыреву-Ростовскому²⁶⁶, о Втором Царе говорится: «Царь Фёдор ростом был мал, образ имел постнический, смиренный. Заботился о душевной чистоте, часто молился. Постоянно подавал нищим милостыни. О мирских вещах мало думал, заботился о душевном спасении. Таким он был всю жизнь, с младенчества. За это благочестие Бог даровал его Царству мир, врагов всех ему покорил и у ног его поставил. Время его правления для людей было благоутешно»²⁶⁷.

А вот противоположное суждение, принадлежавшее представителю «англиканской церкви» купцу Джильсу Флетчеру: «Царь Фёдор Иоаннович относительно своей наружности росту малого, приземист и толстоват. Телосложения слабого и склонен к водянке; нос у него ястребиный, поступь нетвёрдая от некоторой расслабленности в членах; он тяжел и недейтелен,

но всегда улыбается, так что почти смеется. Что касается до других его свойств, то он прост и слабоумен, но весьма любезен и хорош в обращении, тих, милостив, не имеет склонности к войне, мало способен к делам политическим и до крайности суеверен»²⁶⁸.

Приведенные цитации, как и ранее воспроизведенные оценки Первопатриарха Иова, показывают, коль разнообразны, разноречивы и диаметрально противоположны могут быть суждения об одном и том же лице. Бери на выбор, что пожелаешь! И берут. Большей частью как раз умозаключения случайных свидетелей, подобных Флетчеру, и куда реже — свидетельства такого сведущего и честнейшего человека, как Патриарх Иов. Началась подобная тенденциозная «вивисекция материала» ещё в давние времена. Вот, скажем, что утверждал «живописный» Н.М. Карамзин в своей исторической эпопее:

«Не наследовав ума царственного, Фёдор не имел сановитой наружности отца. Ни мужественной красоты деда и прадеда; был росту малого, дрябл телом, лицом бледен; всегда улыбался, но без живости; двигался медленно, ходил неровным шагом от слабости в ногах; одним словом, изъявлял в себе преждевременное изнеможение сил естественных и духовных»²⁶⁹.

Одним словом, на троне оказалась некая не способная ни на что развалина. Поразительно, но Карамзин знал разнообразные источники, но принимал к сведению только то, что порочило Российских Самодержцев. Ведь любой мало-мальски сведущий человек должен знать и понимать, что многочасовое молитвенное усердие, паломничества по святым обителям, которые Фёдор вместе с женой Ириной совершали почти еженедельно, совершали пешком, требовали ресурса огромных физических и духовных сил. Так что о «развалине» могут говорить только авторы, одолеваемые тенденциозными видениями...

И ещё одна попутная ремарка. Купец-неудачник Флетчер, в России ему не удалось «провернуть» ни одного «выгодного дельца», называет «суеверием» религиозное усердие Второго Царя. Самое умильное, что о вере брался судить человек, принадлежавший к мирской «англиканской церкви», главой которой «парламентским эдиктом» был назначен Монарх! Там,

после разгрома Католической церкви при Короле Генрихе VIII (1491—1547), «христианская вера» приняла характер необременительного воскресного времяпрепровождения. Там не было больше ни пастырей-священников, ни монахов, ни монастырей, ни подвижников веры, ни крестного знамения, ни икон. Там теперь правили только «кошелёк», «расчёт», «выгода», «удобство». Никаких других общественно значимых мерил, кроме финансового «прибытка» и личного благополучия, в «протестантской Англии» больше не существовало. Вера превращалась в «личное дело» каждого человека, а монархи больше не обязаны были демонстрировать образцы благочестия. Они его и не демонстрировали...

Естественно, что молитвенное усердие, паломничества Царя Фёдора по святым обителям делали его далеко не всегда доступным для решения текущих, каждодневных вопросов. Ведь в авторитарных системах управления, каковой и являлось Самодержавие, даже текущее неизбежно требовало высочайшей санкции. Боярская Дума, во главе которой находились Никита Романов и дьяк Андрей Щелкалов²⁷⁰, разбирала те или иные государственные задачи, делала свой «приговор», но она не имела решающего голоса. Последнее, определяющее слово всегда принадлежало Царю. Его долгое отсутствие, как и его «негрозность», неизбежно вызывало приступы боярско-вельможного своеволия. Очень хорошо об этом написал Иван Тимофеев.

«Бояре, — писал он, — долго не могли поверить, что Царя Иоанна нет более в живых, когда же они поняли, что это не во сне, а действительно случилось, через малое время многие из первых благородных вельмож, чьи пути сомнительны, помазав благоуханным миром свои седины, с гордостью оделись великолепно и, как молодые, начали поступать по своей воле, как орлы, они с этим обновлением и временной переменой вновь переживали свою юность и, пренебрегая оставшимся после царя сыном Фёдором, считали, как будто и нет его»²⁷¹.

Боярско-аристократическая «вольница» опять дала о себе знать, хотя, казалось бы, жесткое подавление своеволия родовитых Иоанном Грозным покончило с этим злом. Выяснилось, что не навсегда. Личная спесь, родовые амбиции, клановое

тщеславие опять начали представлять угрозу государственному строению и центральному управлению. Именно эти чванливые мотивы и стали побудительными при возникновении своего рода заговора против Царицы Ирины. Опьянённые самомнением, «первые слуги государевы» почему-то решили, что они могут диктовать свою волю Миропомазаннику, определять его семейную жизнь, хотя Фёдор Иоаннович и дальней мысли не держал о расторжении брака с женой. То, что в этих недостойных махинациях оказался замешанным Первоиерарх, Митрополит Дионисий, может вызывать особо грустное сожаление. Заговор провалился, Первоиерархом 1 декабря 1586 года стал благочестивый Иов, воспринявший через два с небольшим года, 26 января 1589 года, и сан Патриарха.

В качестве же главы административного управления утвердился тридцатичетырёхлетний Борис Годунов, которому пришлось постепенно, шаг за шагом, начать обуздывать вельможные своехотения. «Именитые» и «родовитые» этого не забыли, и ему того никогда не простили. Как уже не раз отмечалось, обвинения Годунову сыпались с разных сторон; старые предубеждения и донныне сказываются. Приведём один пассаж из сочинения весьма фактурно осведомлённого автора, который тем не менее делает невероятные смысловые умозаключения.

«Борис, — пишет исследователь, — не оставил записок, которые позволили бы судить о его внутренних переживаниях. Но, как и многие другие люди того времени, он поверял свои тревоги не дневнику, а монахам. Обращения к церкви подкреплялись внушительными затратами... 30 ноября 1585 г. Троице-Сергиев монастырь получил от Годунова фантастическую сумму — тысячу рублей... Вклад денег в монастырь служил первым способом обеспечить будущее семьи. Опала влекла за собой конфискацию имущества. Но это правило не распространялось на имущество и деньги, вложенные в монастырь. Как видно, Борис заботился о том, чтобы обеспечить своей семье приличное содержание в случае опалы»²⁷².

Пожертвование в монастырь есть вид милостыни, которая сама по себе считается одним из неперменных и обязательных подвигов христианина. То, что пожертвовано монастырю, по-

жертвовано на «богоугодное дело», то принадлежит только Богу. Никакого «отчуждения» или «дивидендов» в данном случае нет и быть не может. Монастырь не есть банк; обеспечить себе безбедное существование в будущем таким путём невозможно. Вклад в монастырь — не «инвестиция», а безусловный, бескорыстный и невозвратный дар. Крупное, действительно очень крупное пожертвование Бориса Годунова свидетельствовало только о благочестии жертвователя и не более того...

Никакого «нового курса» при Фёдоре Иоанновиче не объявлялось. Страна продолжала двигаться тем же путём, которым шла в последние годы правления Иоанна Грозного. Конечно же, Фёдор Иоаннович был посвящён во все государственные дела, но текущими вопросами государственного управления с начала 1587 года непосредственно заведовал Борис Годунов. Он был умён, рачителен, умел мыслит широко, стратегически.

Две основные цели: устройство внутренней жизни страны и обеспечение внешней безопасности — оставались актуальными. При Царе Фёдоре, заботами и трудами «главного администратора» Бориса Годунова начала реализовываться большая программа по обустройству новых территорий и укреплению хозяйственного и административного порядка на старых. Для пресечения лихоимства «государевым людям» было вдвое повышено содержание, а мздоимство стало рассматриваться как «первостатейное преступление».

По распоряжению центральной власти русские люди строили и создавали в разных концах Царства много значительного и примечательного. В 1585 году Фёдор Конь начал возводить каменные стены Белого города в Москве, как второе надёжное кольцо оборонительных сооружений столицы. В 1586 году были заложены сторожевые крепости Самара и Воронеж. В том же году воеводами И. Мясиним и В. Сукиным основан город Тюмень, возникший на месте старого татарского поселения Чимги-Тура, завоеванного Ермаком в 1581 году. В 1587 году отрядом казаков во главе с Данилой Чулковым основан город Тобольск. В 1589 году появляется город Царицын на Волге (ныне — Волгоград). В 1593 году основаны город Обдорск (ныне — Салехард)

и город Белгород. Годом позже возник город Сургут на реке Оби и город Тары на реке Иртыше.

Весьма примечательно, что даже ненавистники Бориса Годунова вынуждены были признавать благотворную градостроительную деятельность «великого боярина». В «Новом летописце» можно прочесть следующее об укреплении города Смоленска: «Царь же Фёдор, помыслив поставить смоленский град каменный, послал шурина своего Бориса Фёдоровича Годунова и повелел места осмотреть и град заложить. Борис же пошёл в Смоленск с великим богатством и, идучи дорогою, по городам и по сёлам поил и кормил, и кто о чём челом побьёт, он всем давал желаемое, являясь всему миру добрым. Приехав же в Смоленск и повелел отслужить молебен у Пречистой Богородицы Смоленской и, объехав место, где быть граду, повелел заложить град каменный. И заложив град в Смоленске, пошёл к Москве, и пришёл к Москве»²⁷³. Каменная стена Смоленска строилась в 1595—1602 годах зодчим Фёдором Конем²⁷⁴ при непосредственном «надзирании» Бориса Годунова...

Немало и другого примечательного было устроено трудами и заботами Бориса Годунова. Даже знаменитая ныне достопримечательность Кремля — Царь-пушка — была отлита мастером Андреем Чоховым по личному распоряжению Годунова в 1586 году. Этот — уникальный образец военно-литейного искусства, наглядно показывающий, какого высокого класса имелись мастера на Руси, — не предназначался, собственно, для военных действий. Пушка была установлена на Красной площади, рядом с Лобным местом, чтобы производить впечатление на иностранцев, которые должны были понимать, что русские владеют невиданным в мире оружием и лучше их не трогать.

Показательная историческая деталь: после смерти Царя Бориса Годунов и гибели Царя Фёдора Борисовича Царь-пушка была убрана с площади в дальний угол Кремля, и о ней не было ничего известно до начала XVIII века. Все короносители, правившие после Годунова, всеми силами старались вытравить из памяти народной его имя; ведь в народе с самого начала пушку иначе как «пушкой Бориса Годунова» не называли...

Самым крупным событием времени царствования Фёдора Ивановича стало учреждение Патриаршества в 1589 году, о чём ранее уже говорилось. Это непосредственная заслуга Царя, Патриарха Иова и, конечно же, Бориса Годунова, который вёл все переговоры по этому поводу с представителями восточных патриархатов. Появление Патриарха в Москве знаменовало новый исторический этап существования России в образе Государства-Церкви, обретшей отныне все высшие знаки для исполнения вселенской мессианской миссии. Здесь существует и ещё один момент, который в данном случае нуждается во внимании. Деятельное участие Годунова в отстаивании этой идеи — учреждения Патриаршества — волей-неволей приводит к мысли, что им двигало далеко не только личное тщеславие государственного человека. Думается, что это и пример его личного благочестия.

Многие православные люди чаяли увидеть сияние на Русской земле патриаршего сана. К их числу относился и Борис Годунов, которого враги неизменно выставляли чуть ли не еретиком; Иван Тимофеев, например, даже называл Бориса Годунова «богоборным Царём».

Хотя каких-либо прямых подтверждений личного благочестия со стороны самого Бориса Годунова не сохранилось, но благочестие Третьего Царя не раз удостоверялось выдающимися иерархами. Речь об этом применительно к Первопатриарху Иову шла ранее, и возвращаться тут нет надобности. Существовали и другие яркие примеры признания. Так, весьма чтимый в православном мире Иерусалимский патриарх (1579—1607) Софроний IV прислал Борису Годунову вместе со своим благословением и чудный дар, великую святыню, икону Божией Матери, принадлежавшую в IV веке матери Равноапостольного Императора Константина святой Царице Елене²⁷⁵. Если бы Софроний не был наслышан о Богопреданности Третьего Царя, то вряд ли когда-нибудь расстался с бесценной реликвией.

К тому же надо принимать обязательно к сведению, что Борис Годунов фугировал на общественной сцене многие годы, на него были постоянно направлены тысячи и тысячи глаз и любое не то уклонение, но даже незначительное послабление

в соблюдении православного обряда незамедлительно было бы замечено и стало бы предметом пересудов. Но никто, даже его враги, которых было предостаточно, не могли ему тут ничего конкретного вменить в вину, хотя и постоянно обвиняли его в «лицемерии». К тому же и Царь Фёдор и сестра Годунова Царица Ирина были полностью и целиком преданными Вере Христовой, и оба несомненно ценили и любили Бориса. Подобных высоких чувств никогда бы у них не возникло, если бы царский шурин и царицын брат не являл пример образцового благочестия...

Выдающимся событием царствования Фёдора Иоанновича было победоносное возвращение России на Балтику. Собственно, это стало завершением старой Ливонской войны, которую Московское Царство с перерывами вело с 1558 по 1583 год. «Цена вопроса» для России: с одной стороны, выход на торговые отношения с Западной Европы через один из морских портов на Балтике, а с другой — безопасность западных рубежей государства. Ещё в 1492 году, при Иоанне III, на правом (восточном) берегу реки Нарвы была воздвигнута русская крепость Ивангород, названная в честь Московского Великого князя. Но она была легко уязвима. Постоянно обстреливалась с противоположного берега, со стороны гота Нарвы, находившего в руках шведов. Нужны были более надёжные порты и пути в Западную Европу.

Первоначально противниками России в Ливонской войне являлись «ливонская конфедерация» — бывший католический Ливонский орден, который в 1557 году фактически вошёл в состав Польши, княжество Литовское, объединившееся в 1569 году с Польшей в единое государство (Речь Посполитую), ставшее главной силой агрессии против России, а также — Швеция, Дания, Ганзейский союз, Римская империя германской нации. Была и ещё одна сила, которая постоянно беспокоила русских и представляла как бы угрозу уже с другой стороны: Крымское ханство. Почти за двадцать пять лет Ливонской войны крымцы только три года не совершали своих опустошительных набегов на Русь. Военные действия шли с переменным успехом, но окончилась война для России неудачно.

В январе 1582 года в местечке Ям-Запольский (недалеко от Пскова) было заключено перемирие с Речью Посполитой на десять лет, по которому Россия отказывалась от Ливонии и белорусских земель, но ей возвращались некоторые пограничные («порубежные») земли. В августе 1583 года заключается Плюсское (от названия реки Плюссы) перемирие со Швецией, по которому к Швеции отходили Копорье, Ям, Ивангород и прилегающая к ним территория южного побережья Финского залива. Россия теряла выход на Балтику, лишалась возможности вести широкую торговлю с Западной Европой.

По подсчётам английского купца Джильса Флетчера, находившегося в Московии в 1588—1598 годах, воска в 1588 году Россия вывозила до 50 000 пудов, а теперь (1588) «ежегодно только 10 000 пудов», сала — 100 000 пудов, «теперь не более 30 000», кож вывозилось 100 000 штук, а теперь не более 300 000 и т. д. Флетчер совершенно справедливо заключал, что причиной упадка торговли является «закрытие Нарвской пристани со стороны Финского залива, который находится теперь в руках и во владении шведов; другая причина заключается в пресечении сухопутного сообщения через Смоленск и Полоцк, по случаю войн с Польшей»²⁷⁶. Было ясно, что рано или поздно, но борьба за жизненно важные для России прибалтийские территории будет продолжена.

Швеция отказывалась от заключения полноценного мира с Россией, так как Россия не хотела признавать шведскую аннексию своих исконных территорий. Шведы совершали локальные «акции устрашения», вторгаясь на земли русской юрисдикции; оккупацию Пскова и Новгорода можно было ожидать со дня на день.

Общая геостратегическая обстановка складывалась для Москвы неблагоприятно. Королём Речи Посполитой в 1587 году стал Сигизмунд III (1566—1632), происходившей из Шведской династии Ваза — сын Шведского Короля Юхана III и польки Екатерины Ягеллон. Возникла вполне реальная перспектива династического объединения двух мощных государств²⁷⁷ — древних врагов Москвы. Война становилась неизбежной.

Подготовка к войне началась летом 1590 года, когда в Северо-Западные пределы Московского Царства начали перебрасываться русские войска. Главные силы концентрировались в Новгороде, и ими руководил Царь Фёдор Иоаннович. Цель войны была сформулирована вполне чётко: Русь должна вернуть назад земли, отнятые шведами во время Ливонской войны.

В январе 1590 года главные русские силы выдвинулись к Нарве и Ивангороду, куда по указанию Царя доставлялась артиллерия и стенобитные орудия. 26 января сдался на «милость победителя» шведский гарнизон Яма (Ямгорода), насчитывавший 500 человек; им была сохранена свобода, а позднее они покинули Россию, а некоторые, из числа немцев-наёмников, остались служить Царю.

В феврале сдался Ивангород и начался интенсивный артиллерийский обстрел Нарвы, тогда — Ругодива²⁷⁸. Шведы запросили перемирия, и начались на мосту через реку Нарву переговоры. Но они ни к чему не привели. Шведский Король Юхан III (Иоганн, 1537—1592, Король с 1568 года) люто ненавидел Россию и русских и мечтал только о полном разгроме «московских дикарей». По королевскому указу ведшего переговоры фельдмаршала К.Х. Горна приговорили к казни, но позже, правда, помиловали.

До самой осени 1590 года события на театре войны затихли, однако осенью того года шведы решили нанести «сокрушительный удар», напали на русские части, стремясь вернуть Ивангород. Атака на русский форпост была отбита, и «в отместку» шведы совершили рейд на Псковскую землю, творя немыслимые злодеяния, оставляя за собой только выжженную пустыню. Теперь шведы решили расширить зону боевых действий и попытались утвердить своё господство на Русском Севере.

Новое наступление шведов на Русь началось летом 1591 года, когда над Москвой нависла страшная тень нашествия Крымского хана (1588—1607) Гази-Гирея (Казы-Гирея) со своим пятидесятитысячным войском. Русь оказалась под ударами с двух направлений: с северо-запада, со стороны шведов, и юга, со стороны крымцев. Если добавить, что в любое время можно было ожидать удара с Запада, от Речи Посполитой, то можно смело сказать, что Московское Царство оказалось перед лицом

смертельной опасности. Это был один из самых угрожающих эпизодов в истории Московской Руси.

Главную опасность представляли крымцы, и правительство во главе с Борисом Годуновым правильно оценило ситуацию, приняв соответствующие предупредительные меры. Когда весть о грядущем нашествии достигла столицы, то она была объявлена на осадном положении; защита разных частей её была поручена воеводам. Москва приобрела вид мощной укреплённой крепости, готовой к отражению убийственного испытания. Все монастыри были превращены в боевые объекты, на стенах выставлены пушки. На южных подходах к Москве было расположено основное войско.

За Серпуховской заставой была устроена походная церковь во имя Сергия Радонежского, куда была перенесена икона Богоматери, бывшая с князем Дмитрием Донским на Куликовом поле в 1380 году, почитаемая как Донская. Икона была обнесена вдоль всего войска и городских стен Москвы. Сам Царь Фёдор Иоаннович с большой свитой и в сопровождении «главного начальника» Бориса Годунова объехал все войска. Царь демонстрировал удивительное присутствие духа и бесстрашие, возлагая все надежды на Бога.

Фёдор Иоаннович непрестанно молился во дворце, а Борис Годунов оставался среди войска, уступив первое место в руководстве сражением опытному в военном деле князю Фёдору Ивановичу Мстиславскому (1555—1622), сыну репрессированного боярина Ивана Мстиславского, попавшего в опалу в 1586 году в связи с царским «разводным делом» и умершего в монастырском уединении. Его сын — одна из самых примечательных фигур конца XVI — начала XVII века. Фёдор Иванович имел древнее родословие и мог претендовать на роль Монарха в 1598, 1606, 1613 годах, но не претендовал. Князь Мстиславский оставался высокопоставленной фигурой при семи монархах, неизменно являясь «первым думским боярином»...

На рассвете 4 июля Крымская орда достигла Поклонной горы, за Серпуховской заставой, а затем начала окружать город по периметру. Закипела свирепая битва. На башнях и стенах Белого города, на колокольнях и крышах домов многие тысячи

москвичей наблюдали за сражением, стараясь помочь воинству, чем могли. В храмах совершались беспрестанные моления, в Кремле молился Царь. В «Московском летописце» приведены пророческие слова Царя Фёдора, сказанные в полдень того дня боярину Григорию Годунову, обливавшемуся слезами при виде кровавого сражения. «Не бойся, — сказал Царь, — сей ночью поганые побегут и завтра тех поганых не будет»²⁷⁹.

Борьба не затихала и ночью, а утром разнеслась радостная весть: «Хан бежал». При красном звоне всех московских колоколов — в Москве в то время насчитывалось более 400 церквей и 5000 колоколов — и радостных криках народных конные полки кинулись в погоню за врагом. Крымцы резво бежали, русские догнать хана не смогли, но догнали, «топтали и били» его арьергарды, захватили тысячи пленных и весь обоз. Сам хан прибыл в крымскую столицу Бахчисарай 2 августа на телеге с перебитой рукой, а из числа его армии восвояси вернулось не более трети. Это был последний набег наследников Золотой Орды на Москву, закончившийся полным разгромом старых разорителей Руси²⁸⁰.

Воеводы награждены были бобровыми шубами «с золотыми пуговицами» с царского плеча, золотыми медалями и поместьями. Годунов получил особый титул «Слуги», титул, именитее боярского, который до него носили лишь трое сановников. Велеречиво излагает разгром крымских пришельцев Патриарх Иов в упомянутом ранее житийном памятнике. Воспроизведём ещё раз полностью название: «Повесть о честном житии благоверного и благородного и христоролюбивого Государя Царя и Великого князя всея Руси Фёдора Иоанновича, о его царском благочестии и добродетельных правилах и о святой его кончине. Писано смиренным Иовом, Патриархом Московским и всея Руси». Вот этот фрагмент:

«Великий же самодержец, слушая это, весьма обрадовался и от радости многие слезы испустил и горячо благодарил Бога за то, что не силой оружия, не острием меча побежден был противник, но что Божьим неизреченным человеколюбием и Пречистой Богородицы заступничеством нечестивые были посрамлены и с большим позором вспять обратились. Возблагодарив Бога и

Пречистую Богородицу, Царь и Великий князь всея Руси Фёдор Иоаннович устроил в своих палатах торжественный пир, обильную трапезу, на которой изъясил полное удовольствие, радовался неизреченной радостью о избавлении града от безбожных варваров, искусному же своему правителю Борису Фёдоровичу воздал большую честь, а всех своих думных людей и христоролюбивых воинов угощал и потчевал за трапезой в палатах своих. По окончании пира благочестивый самодержец снимает со своей царской выи (шей. — А.Б.) златокванную цепь, которую носил в знак самодержавного своего монаршего величия, и возлагает её на выю достохвального своего воеводы Бориса Фёдоровича, тем самым заслуженно чувствуя его за победу и также предвещая, что он после смерти Царя будет преемником всего царского достоинства, держателем скипетра и правителем превеликого Российского царства; потом, спустя немногие годы, Божиим промыслом царское пророчество исполнилось. Боярам же своим и всему христоролюбивому воинству Царь также оказал великое милосердие, наградив их щедрым жалованьем»²⁸¹.

Надо сказать, что Патриарх Иов повествует о якобы имевшем месте предопределении царского сана, которое в качестве пророчества высказал Фёдор Иоаннович. Другие источники и современники о подобном «пророчестве» не говорят.

Славная победа навсегда была увековечена учреждением известной монашеской обители. «Повелел же Царь, — повествует «Новый летописец», — на том месте, где стоял русский обоз, воздвигнуть храм во имя Пречистой Богородицы, именуемой Донской, и повелел устроить монастырь, общее жительство инокам, и дал в монастырь всё потребной и вотчины. Ныне же монастырь именуется Донской»²⁸².

С изгнанием крымского полчища связан один эпизод, затрагивающий биографию Бориса Годунова, о котором как-то невнятно сообщает «Новый летописец» в отдельной главе под причудливым названием: «О речах на Царя Бориса и о неповинной крови». В ней говорится о некоем событии лета 1591 года, но почему-то Годунов величается «Царём». Вот этот текст целиком: «Ещё Бог на нас попустил за грехи наши, враг же действовал и радовался о погибели христианской. В лето 7010 (1591)

вошла мысль во многих простых людей украинских, что привёл на Москву Царя крымского Борис Годунов, борясь народа из-за убийства Царевича Дмитрия. Из града, называемого Олексин, пришёл к Москве сын боярский Иван Подгорецкий и возвестил на своего крестьянина, что тот говорил сии преждедеченные словеса про Бориса Годунова. Того же крестьянина взяли и пытали в Москве, он же оклеветал многое множество людей. Послали же про то из Москвы сыскивать по городам. Многих людей перехватывали и пытали и кровь невинную проливали, не только в одном городе, но и по всей Украине. И множество людей после пыток умерли, а иных казнили и языки вырезали, а иные в темницах умирали. И от этого многие места запустели»²⁸³.

Фрагмент откровенно тенденциозный. Не будем полемизировать с измышлениями давно умерших безымянных авторов (или автора) «Нового летописца», появившегося, напомнил, при Патриархе Филарете как своего рода «курс правильной истории». Однако для ныне живущих, как представляется, необходимы некоторые пояснения. Город Алексин находился на Тульской земле, ныне это — районный центр Тульской области. «Украиной» назывались порубежные земли «у края», а совсем не современная территория Украины, которая в тот период в состав России ещё не входила.

Особо важно подчеркнуть, что Годунов изображался как какое-то исчадие ада, о котором нужно было писать только самое неблагоприятное. Понятно, что прямо утверждать об участии Годунова в подготовке набега крымцев на Русь было невозможно; из других источников было хорошо известно, какую роль играл Борис Годунов в событиях. Потому и сочиняли нелепицу со ссылкой на какие-то слухи, которые якобы циркулировали в народной среде. Были подобные слухи или нет, в точности неясно, но точно установлено, что никаких массовых репрессий, а именно так можно воспринимать повествование «Нового летописца», летом и осенью 1591 года на Руси не наблюдалось.

Чтобы завершить размышления по поводу этого фантастического эпизода, уместно сказать, что у Н.М. Карамзина, сочинения которого ныне широко у нас распространены, домыслам

«Нового летописца» придан характер подлинного события. Историограф передаёт в своей эпопее почти слово в слово этот сюжет так, как он изложен в «Новом летописце», называя эти лживые слухи «мнением народным», завершая его критической нравственной сентенцией, что Годунов «с совестью нечистою закипел гневом»²⁸⁴...

Разгром крымцев позволил сосредоточиться на войне со шведами, которые пытались распространить сферу своего влияния и на северные исконные русские территории — Поморье и Беломорье. Причинив немало разорений и бед русским селениям, крепостям и монастырям, шведские захватчики ощутимых результатов не достигли. Везде у них были одни провалы и неудачи. В конце концов шведы пошли на переговоры с русскими. 18 мая 1595 года в деревне Тязвино в окрестностях Ивангорода был заключён мирный договор.

Русская сторона признавала за Швецией права на Эстляндию. Шведы же обязались передать России крепость Кексгольм (Корелу) на Карельском перешейке²⁸⁵ и признать за Россией завоеванные Ивангород, Ям, Копорье. Фактически в деревушке под Ивангородом завершилась почти сорокалетняя война за прибалтийские земли. Россия не добилась максимальных территориальных приращений, но она добилась многого...

Одним из кульминационных рубежей Русской истории стал 1598 год. 7 января, в день праздника Богоявления (Крещения) Господня, на 41-м году жизни скончался Царь Фёдор Иоаннович. В летописях и документах той поры содержится описание этого события, коренным образом переменившего жизнь Бориса Годунова, да и ещё немало числа людей. Приведём несколько свидетельств.

«Благочестивый Царь повелел Патриарху совершить обряд миропомазания. Патриарх же со всем освященным собором тотчас возложил на себя облачение, начал освящение миро, и по окончании богослужения помазует благочестивого Царя святым миром во имя Отца и Сына и Святого Духа. Царя же болезнь совсем одолевает, и время исхода души приближается, и повелевает благочестивый царь Патриарху себя исповедать и причастить Пречистых Тайн, стоящим же у одра его приказыв-

вает всем удалиться. Патриарх же, не мешкая, приняв исповедь у благочестивого Царя, приобщает его Пречистых и Животворных Даров Тела и Крови Христа, Господа нашего. И в девятом часу той же ночи благочестивый Царь и Великий князь всея Руси Фёдор Иоаннович отошел к Господу; тогда просветлело царское лицо как солнце» (Патриарх Иов).

«В лето 7106 (1598)²⁸⁶ году впал Государь Царь Фёдор Иоаннович в болезнь и, видя отшествие своё к Богу от суетного мира сего в вечный покой, призвал к себе благочестивую Царицу и Великую княгиню Ирину Фёдоровну и, дав ей о Христе целование и простив её, не повелел ей царствовать, но повелел ей принять иноческий образ; потом же повелел призвать Патриарха Иова и бояр своих. Патриарх же и бояре и все люди с плачем и рыданием молили его, Государя; и говорил ему патриарх Иов: «Видим, Государь, мы, свет меркнет пред очами нашими и твоё, праведного, отшествие к Богу: кому сие царство и нас, сирых, приказываешь и свою Царицу?». Он же отвечал им тихим голосом: «В сем моём царстве и в вас волен создавший нас Бог: как Ему угодно, так и будет; а с Царицей моею Бог волен, как ей жить, и о том у нас договорено»... Потом же государь велел себя соборовать святым маслом и причастился божественным Тайнам Христовым и честную свою праведную душу отдал Богу января в 7-й день. Тело же его праведное вынесли и, отпевши надгробными песнями, погребли честно в Москве в соборной церкви Михаила Архангела, где изначально погребен их царский корень» («Новый летописец»).

«Лета 7106-го января в 5 день преставился благоверный и христоролюбивый государь Царь и Великий князь Федор Иоаннович всеа Руси, был на государстве 14 лет. И во дни его благочестивого царствия были мир и тишина, и благоденствие, и изобилие плодов земных. Преставление же его случилось в день навечерия²⁸⁷ Богоявления Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа изнемогающему Царю и Царице его Ирине немощней... И дав друг другу последнее прощение и целование, при таком плаче и рыдании, что едва отлиша их ароматными водами. И потом пришёл Иов, Патриарх московский и всея Руси, и обливаясь слезами, встал прямо против очей царевых и

глаголет во всеуслышанье: “Куда идёшь, о Царь и Государь наш драгоценный, и кому вручаешь скипетр царствия своего, и нас, сирых, как же оставляешь? Оставляя нас, вручи жезл царствия шурина своему, Царицы своей, а нашей государыни брату конюшему и боярину Борису Фёдоровичу Годунову, да царствует над нами”» («Московский летописец»).

Существуют и другие описания, а некоторые настолько «экстравагантны», что их лишний раз и цитировать не хочется. Ранее уже говорилось, что Иван Тимофеев, одержимый антигодуновской манией, приписал Борису Годунову даже... отравление Царя Фёдора Иоанновича!

Второй Царь преставился в ночь с 6 на 7 января 1598 года. Подлинную атмосферу того момента передаёт Патриарх Иов в своём жизнеописании Фёдора Иоанновича: «Потом же Патриарх и все христоименитые люди, воздев руки к небесам и вознося Богу молитвы с плачем и со слезами, так возглашали: “О Владыка Человеколюбец, господи Иисусе Христе, Сын Бога живого, чего ради лишил ты нас такого благочестивого Царя, праведного и святого? Зачем, незлобивый Владыка, оставил ты нас сирыми и сокрушенными? На кого нам теперь возложить упования? Кто сумеет теперь мирно управлять таким многочисленным народом? Видел ли ты, Владыка Человеколюбец, сегодняшнюю нашу глубокую скорбь и сетование? Ты отнял от нас Царя, но не отними от нас своей милости, окажи покровительство, господи, городу и жителям его, ибо мы разорены и осиротели, мы словно овцы, не имеющие пастыря; не отними от нас, господи, твоего человеколюбия. Ты сокрушил — исцели; ты рассыпал — снова собери; наказав — снова помилуй!”. Благочестивая же Царица и Великая княгиня всея Руси Ирина Фёдоровна повелела (после погребения усопшего Царя — А.Б.) щедро наградить Патриарха и весь освященный собор. Также и нищих, собрав их бесчисленное множество, накормила досыта и оделила нескудной милостыней. Тогда же она открыла все темницы и узилища, даруя жизнь осужденным на смерть и снабжая убогих узников всем необходимым. Всё это блаженная Царица совершала для того, чтобы прославить святую душу Царя и украсить его венцом добродетели на том свете»²⁸⁸.

Из приведённых фрагментов следует, что центральную роль в момент приуготовления Царя к встрече с миром иным играл Патриарх Иов. Так и должно было быть. Ведь в Государстве-Церкви наличествуют две главы: Царская и Священническая. «Московский летописец» даже утверждает, что Иов хотел чуть ли не вырвать у умирающего монарха имя преемника, которым только и виделся Борис Годунов. «Новый летописец» эту версию не подтверждает, но утверждает, что Царь напутствовал Царицу принять иноческий образ. Так или иначе, но имя Бориса Годунова названо Фёдором Иоанновичем на смертном одре не было. Никто не знает и никогда не узнает, надеялся ли Борис Годунов, прекрасно понимавший зияющую впереди бездну, на то, что Царь благословит его на Царство.

Существует узловый вопрос: хотел ли он вообще носить царский венец? Большинство авторов однозначно отвечают: хотел! Столь категорический ответ должен иметь бесспорное, твёрдое обоснование. Однако его-то как раз и не существует. Есть умозрительное построение, возникшее на основе того, что в предыдущие годы, в течение целого десятилетия, Борис Годунов был фактическим управителем государства; некоторые даже именуют его «временщиком»! Подобная логика представляется неотразимой, но всё-таки это именно логическое умозаключение некоторых летописцев и последующих исследователей, а не отражение исторического факта.

Тотчас после смерти Фёдора Иоанновича Москва присягнула на верность Царице Ирине. Первопатриарх Иов конкретизировал время этого акта, который, по его словам, совершился вскоре же после преставления Царя Фёдора по настоянию Бориса Годунова. «Искусный же правитель, — писал Иов, — Борис Годунов вскоре повелел боярам своей Царской Думы целовать животворный крест и присягать благочестивой Цариц Ирине по обычаям Их Царских Величеств; у крестного целования был сам Святейший Патриарх со всем освященным собором». Это произошло ещё до того, как было публично объявлено о кончине Второго Царя.

Патриарх Иов оставил и свидетельство того, как горько переживал Борис Годунов кончину Царя Фёдора. Сердце Бориса

«снедаемо было сугубой печалью: он сетовал об отшествии к Богу благочестивого Царя и рыдал о безмерной скорби благородной сестры своей, благоверной Царицы, и опасался, что в управлении страной трудно будет сохранить покой и мир». Последние слова говорят о том, что Годунов, как человек государственного склада ума, понимал, что впереди вырисовываются сложности и превратности в положении Верховной Власти.

На девятый день по кончине супруга Царица Ирина в Новодевичьем монастыре приняла постриг с именем Александры. Туда же удалился и Борис Годунов, хотя сразу же возникло и предложение «звать Бориса на Царство». На это предложение он не реагировал, а сестра, Царица-инокиня, не дала ему своего благословения.

Государство обезглавилось; более месяца в Московском Государстве не было верховного правителя. Положение было беспрецедентным, да и вообще сама ситуация складывалась небывалая. Надо было искать правителя, чего на Руси никогда не знали.

Уж несколько столетий на Руси правили «законные», «природные» государи. Начиная с Ивана Калиты московский стол переходил от отца к сыну, и никто не сомневался в такой правомочности. Правда, в «Доме Рюрика» случались раздоры, возникали конфликты из-за прав на власть, когда прямая преемственность на время и прерывалась. Но это были как бы семейные, внутриродовые распри; корень властительский оставался одним и тем же. Теперь же вся эта нерушимая традиция распалась; со смертью Фёдора I засохла последняя ветвь древнего рода.

Некоторые современники (Иван Тимофеев) и последующие исследователи возлагают вину за случившийся острый династический кризис на Иоанна Грозного и Бориса Годунова. Первый в 1581 году «убил» старшего сына Царевича Иоанна-младого (1554—1581), а «злодей» Годунов в 1591 году «порешил» девятилетнего Царевича Дмитрия. Некоторые авторы, тот же Н.М. Карамзин, доходят в своих обличениях «погубителей» до состояния неистовства, хотя вина указанных лиц ни в первом, ни во втором случае даже косвенно никогда не была установлена. Известно хорошо, что Грозный так тяжело переживал смерть

старшего сына, что чуть рассудка не лишился; это событие не могло не отразиться на его здоровье.

Что же касается Бориса Годунова, то никто не знает, переживал ли он гибель Царевича Дмитрия и если переживал, то как. Он был очень закрытым человеком; на людях свои чувства, в отличие от Царя Иоанна, никогда не демонстрировал. Конечно, одно дело — Царь, ему только Бог указчик, а другое дело — царский холоп; его «страдания» и «переживания» никого не интересовали. Никто бы и не понял каких-то чувственных излияний. Будучи умным, очень умным, Борис не мог не понимать, что какого-то «прибытку» ему от «Угличского дела» быть не может. Так оно в конечном итоге и получилось; мёртвый Дмитрий стал ему не менее опасен живого. Но вернёмся к драматическим событиям января — февраля 1598 года.

Возникшее «безгосударево время» должно было закончиться появлением нового Царя; но откуда он придёт и кто им станет, в том была полная неясность. Существовали именитые роды, но к концу XVI века они давно были уже «размыты». По словам историка С.Ф. Платонова, «по общему складу понятий того времени наследовать должен был родовитейший в государстве человек. Но родовые счёты бояр успели к этому времени так уже перепутаться и осложниться, что разобраться в них было не так легко»²⁸⁹.

В такой ситуации решить вопрос могло только «мнение Земли Русской», которое выражал Земский собор. Никого другого легитимного собрания просто не существовало, и волей-неволей вставала задача «избрания» Царя. Здесь надо сразу же внести ясность. Процедура «избрания» того времени не имела ничего общего с «избирательной процедурой» последующих эпох, когда провозглашены были «либерально-демократические» принципы «волеизъявления народа». Тут господствуют закулисные «политические технологии», а само «свободное соревнование кандидатов» почти всё построено на свободной игре низких человеческих страстей; подкуп, махинации, ложь — неотъемлемые атрибуты подобных «процедур».

На соборах же земских «избрания» как такого не было; это была «народная дума», занятая не поиском «кандидатов», а

изысканием путём «рейтинговой жеребьевки» одного, самого достойного претендента. В данном случае правильнее говорить не об «избрании» в современном понимании этого слова, а о приглашении на Царство. Так было в 1613 году, когда званым оказался Михаил Фёдорович Романов, но точно так же случилось и в феврале 1598 года, когда единственным претендентом на царское звание оказался Борис Годунов.

Почему же Борис Годунов так долго и неоднократно отказывался? Почему он, если поверить сочинителям, чуть ли не бредивший верховной властью, первоначально отверг и мольбы Патриарха, и единодушное «приглашение на Царство» Собора? Разоблачители тут как тут со своими «разъяснениями»: оказывается он «хитрил», «набивал себе цену»! Но куда уж больше; выше уж и быть не может!

Некоторые авторы уверены: он «боялся». Современная исследовательница уверена, что «в тайных мыслях Борис, конечно, мечтал о престоле, но в то же время страшился сесть на него»²⁹⁰. Как жива доньине карамзинская «методология» постижения истории! Авторы артикулируют такие вещи, что можно подумать, будто они допущены к самым сокровенным кладям души Бориса Годунова. В очередной раз хочется подчеркнуть, что категорический императив тут совершенно неуместен. Со времени Н.М. Карамзина прошло два века, но — увы! — приёмы не меняются.

С утверждением же, что Годунов «боялся», вполне можно согласиться. Ведь Царская участь, Царская ноша — это неимоверный груз забот и ответственности до последнего земного часа. Только авантюристы и безответственные вертопрахи могут без колебаний и страхов легко принять венец, уверенные в себе и своих способностях.

Так, например, поступил ненавистник Годунова боярин Василий Шуйский в мае 1606 года. В ходе народного восстания 17 мая Лжедмитрий I был убит, а 19 мая группа приверженцев Василия Ивановича на Красной площади «выкликнула» Шуйского царём. «Царь Василий» тут же согласился и времени не терял: уже 1 июня был коронован Новгородским Митрополитом Исидором; это-то при живом предстоятеле Иове! Василий Ива-

нович дал «крестоцеловальную запись», ограничивающую его власть. Следующим шагом этого «царя толпы» стала политика дискредитации памяти Третьего Царя; уже в начале июня правительство Шуйского объявило Бориса Годунова «убийцей Царевича Дмитрия». Василию так хотелось любой ценой утвердиться у власти навсегда, так хотелось завоевать симпатии и уважение у всех, но в итоге интриган потерпел полное банкротство.

17 июля 1610 года частью боярства, столичного и провинциального дворянства «Василий IV Иоаннович» был свергнут с престола; толпа его выдвинула в «цари», толпа его и свергла. Через два дня «бывший царь» был насильно пострижен в монахи в Чудовом монастыре, он отказался сам произносить монашеские обеты. В сентябре 1610 года был выдан (не как монах, а в мирской одежде) польскому «коронному гетману» Станиславу Жолкевскому (1550—1620), который вывез его и его братьев, Дмитрия и Ивана, в Польшу. В Варшаве Шуйские в качестве жалких пленников были представлены Королю Сигизмунду III; потом их возили по улицам под улюлюканье польской черни. Василий Шуйский умер 12 сентября 1612 года в заключении в Гостынинском (Густынском) замке, в 130 верстах от Варшавы. Закономерный финал для клятвопреступника и интригана²⁹¹.

Борис Годунов был человеком совершенно иного склада души и характера; он не был политическим авантюристом и совершенно правильно оценил общую обстановку. Борис Фёдорович, как талантливый шахматист, — а он увлекался этой игрой, — правильно «просчитал» все последующие «политические ходы», а это значит — перед нами выдающаяся личность, стоявшая на голову выше всех своих современников.

Глава 7.

ЦАРЬ ВСЕЯ РУСИ

Борис Годунов стал Царём всея Руси, потому не мог им не стать, потому что не было другого столь же значимого лица, способного в критический момент оспорить преимущества Го-

дунова. Дело было не в «интригах» самих по себе, — какая же реальная политика без них, а в подлинном раскладе сил.

После упокоения Фёдора Иоанновича правительницей была провозглашена Царица-вдова Ирина Фёдоровна — родная сестра Бориса Годунова. По призыву Патриарха Иова и конюшего Бориса Годунова ей начали присягать должностные лица, в том числе и её брат. Фактически произошло воцарение Ирины. Её именем шли повеления и распоряжения из столицы, на её имя поступали донесения с мест²⁹². Возникла совершенно необычная для Руси ситуация: впервые царскую функцию должно было исполнять лицо женского пола. Правда, в юные годы Иоанна Грозного его мать, Великая княгиня Елена Глинская (1508—1538), выступала фактической правительницей, но она распоряжалась от имени своего малолетнего сына Иоанна Васильевича.

Был и ещё один аналогичный случай, имевший место в стародавние времена, о котором на Руси хорошо знали. Имеется в виду Киевская княгиня Ольга (ум. 11 июня 969), правившая после гибели мужа, князя Игоря Рюриковича, примерно с 940 по 960 год, выступая регентшей при малолетнем сыне, Великом князе Киевском Святославе Игоревиче (942—972). Она приняла Христианство ещё до Крещения Руси, став первой русской святой.

Более чем за семисотлетний период Русской государственности никаких других примеров подобного женского управления не существовало. Царица Ирина могла стать первой полноправной повелительницей, но она ею не стала.

Сразу же после похорон супруга, то есть 8 января, Ирина удалилась в Новодевичий монастырь, где и приняла постриг на девятый день, исполнив то предназначение, которое оговорила с супругом перед его кончиной. Этот эпизод достаточно подробно описан в «Новом летописце».

«После погребения Государя Царя Фёдора Иоанновича вся Русь его благочестивая Царица и Великая княгиня Ирина Фёдоровна с погребения его Государева, не заходя в свои царские хоромы, повелела себя отвести простым обычаем в пречестной монастырь Богородицы честного Ея Одигитрии (Путеводитель-

ницы. — А.Б.), что зовётся Новый монастырь, от города Москвы в пяти поприщах²⁹³. В том монастыре она, Государыня, постриглась, а в инокинях дали имя ей Александра, и пребывала она, Государыня, в кельи своей от пострижения и до преставления своего, кроме церкви Божией никуда не ходила». Брат же её, Борис Годунов, и до и после своего воцарения ездил к ней «каждый день»²⁹⁴.

Сразу же после удаления Ирины Фёдоровны в монастырь возникла необходимость, чтобы Борис Годунов взял в руки «скифетр российского царствия», с чём к нему и обратился Патриарх Иов. Ответ был отрицательным, но Борис Фёдорович привёл и свою мотивацию: «Мне и на ум никогда не приходило о Царстве, как мне и помыслить на такую высоту? О государстве и о всяких земских делах радеть и помышлять тебе, государю моему, святейшему Патриарху Иову, и с тобою боярам»²⁹⁵.

Подобное объяснение не выглядит убедительным по той очевидной причине, что Борис Годунов, как очень умный человек, как политик-шахматист, не мог не просчитывать ситуационные ходы. Прекрасно понимая свою неродовитость, нецарскородность, он не мог не принимать в расчёт соображения общего порядка: став Царём «от бояр», его положение будет весьма шатким. Ему требовалось всенародное признание, и он в конце концов его получил.

Обычно игнорируется очень важное обстоятельство воцарения Бориса Годунова. Он стал Царём не после смерти Фёдора Иоанновича, а после пострижения в монахини Царицы Ирины. Затем уже был и Земский собор, и мольбы Патриарха и «Земли Русской» воспринять царскую власть, на которую его в итоге благословила и сестра-монахиня Александра.

Вся эта история продолжалась полтора месяца — время чрезвычайно тревожное и неопределённое. Жизнь в стране начала замирать; закрывались многие лавки, приказы обезлюдели, суды не работали, в войсках началось брожение. Всех мало-мальски мыслящих людей в те тревожные недели занимал только один вопрос: кто станет главой Царства, кто наденет Венец Мономахов, кто явится опекателем и радетелем государства? Определённого ответа не было. В тот период в церквях по всей

России молитвы шли почти непрестанно; верующие взывали к Богу «явить милость», «подсобить» обрести Царя.

Как только проявилась «заминка» в восприятии власти, сразу проявились и боярские поползновения. Об этом хорошо написал знаток эпохи историк С.Ф. Платонов:

«Видя, что Ирина постриглась и Царство принять не хочет, бояре задумали, как говорит предание, сделать Боярскую думу временным правительством и выслали дьяка Щелкалова к народу на площадь с предложением присягнуть боярам. Но народ отвечал, что он знает только Царицу. На заявление об отказе и пострижении Царицы из народа раздались голоса: “Да здравствует Борис Фёдорович”»²⁹⁶. Иными словами, идея «боярского самодержавия» увяла, не успев расцвести.

После этого Патриарх и бояре отправились к Борису Годунову, который пребывал вместе с сестрой в Новодевичьем монастыре, но Борис наотрез отказался, сказав, что прежде надо упокоить душу Царя Фёдора Иоанновича. Тогда решили, что пусть минет сорок дней со дня преставления Фёдора и тогда соберутся в Москву земские люди для избрания Царя.

Очень важно ещё раз подчеркнуть: Борис Годунов не хотел поставления на Царство от Боярской Думы, он не хотел быть правителем от вельмож, как то происходило у соседей, в Польше (Речи Посполитой). Он желал быть избранником «всей земли». Как подчёркивал С.Ф. Платонов, если подобные намерения у Годунова действительно наличествовали — тут утверждать ничего наверняка не возможно, — то Борис оказался умнее и «дальновиднее боярства».

О наличии определённой боярской оппозиции Годунову можно говорить почти наверняка. Всегда, когда возникали какие-то внутренние трения в государстве, тут же проявлялась и разногласица, немедленно же обнаруживались и отдельные боярские претензии на приоритеты. Однако одно дело — внутренние настроения, так сказать, латентная оппозиция, а другое дело — несогласие, оглашённое публично. Это уже — политическое действие, которого в данном случае не наблюдалось. Борис Годунов за годы своего государственного администрирования сумел так поставить дело, что среди родовитых и именитых

не существовало лидера, способного увлечь за собой других «людей высокой чести».

Существовал на Руси один персонаж, который теоретически мог носить Мономахов Венец, так как он одно время хоть и номинально, но числился «правителем». Речь идёт татарском царевиче из рода Чингисидов Симеоне Бекбулатовиче (до крещения — Саин-Булат) (? — 1616). Он появился в России в конце 50-х годов XVI века, когда его отец, царевич Бек-Булат, перешёл на службу в Москву. В конце 60-х годов получил в управление Касимовское царство²⁹⁷. Участвовал в Ливонской войне 1558 — 1583 годов. В 1573 году крестился, приняв имя Симеона.

В 1575 году Иоанн Грозный назначил его «Великим князем всея Руси», а себе выделил особый «удел», сохранив в своих руках фактическую власть в стране. Через несколько месяцев Царь ликвидировал свой «удел», убрал Симеона Бекбулатовича с «великого княжения» и пожаловал ему в удел земельные владения в Твери и Торжке. Тот стал называться «Великим князем Тверским». Вот как этот исторический эпизод излагается в «Московском летописце»:

«А Симеон был на Москве год, именовался Великим князем все Руси. Потом Царь и Великий князь Иоанна Васильевич всея Руси воспринял скифетр Российского Царствия и облачился в царскую багряницу и венец и диадему на себя возложил, как и было прежде. А Симеону дал в удел Тверь, да Торжок, и велел его писать: “Князь Великий Симеон Бекбулатович Тверской”»²⁹⁸.

Здесь не время размышлять о том, почему Первый Царь устроил подобную декоративную властную «рокировку». Убедительного ответа до сих пор не существует, из книгу в книгу кочуют исключительно умозрительные «версии». В данном случае важно только подчеркнуть, что «Князь Тверской» Симеон титул и земли потерял при Борисе Годунове, а в 1606 году был пострижен в Кирилло-Белозерском монастыре под именем Стефана.

Жак Маржерет описывает историю Симеона при Годунове следующим образом: «В день своего рождения, которое празднуется во всей стране с великим торжеством, Царь порадовал сосланного Царя Симеона, дав ему надежду скорого освобождения; при этом прислал ему при своём письме испанского вина.

Симеон и служитель его, выпив это вино за царское здоровье, оба в короткое время ослепли; Царь Симеон слеп и сейчас. Я слышал об этом из собственных его уст»²⁹⁹.

За достоверность этой истории никто поручиться не может. Реально же в 1598 году Симеон никакой конкуренции Борису Годунову составить не мог; да его никто всерьёз и не воспринимал как «правопреемника»...

Если рассмотреть существующий список боярской аристократии, принявшей участие в подписании «Утвержденной грамоты» февральского Собора 1598 года об избрании Бориса Годунова Царём³⁰⁰, то картина будем следующей. Первый «по чести» боярин Б.Ф. Годунов в списке не значится. В перечне членов Государевой Думы фигурирует ещё семнадцать лиц, распределённых в очередность «по чести». Князь Фёдор Иванович Мстиславский, князь Василий Иванович Шуйский, конюший боярин Дмитрий Иванович Годунов, князь Фёдор Михайлович Трубецкой, боярин и дворецкий Степан Васильевич Годунов, боярин Иван Васильевич Годунов, князь Дмитрий Иванович Шуйский, Богдан Юрьевич Сабуров, князья Никита и Тимофей Романовичи Трубецкие, Фёдор Никитич Романов, князь Михаил Петрович Катырев-Ростовский, Александр Никитич Романов, князь Иван Михайлович Глинский, князь Александр Иванович Шуйский, князь Борис Камбулатович Черкасский и князь Василий Карданукович Черкасский.

Здесь представлено девять аристократических фамилий, которые все почти в каком-то колене имели родственные слияния и матримониальные переплетения. Вот, собственно, та русская властная элита, которая наличествовала в Москве на исходе XVI века.

Самыми близкими к царскому роду Рюриковичей являлись Романовы, Никитичи: Фёдор (будущий Патриарх Филарет) и Александр. Они приходились двоюродными братьями Царю Фёдору Иоанновичу. Их отец, боярин Никита Романович Захарьин-Юрьев, брат первой жены Царя Иоанна Васильевича Анастасии, был «в большой чести» у Грозного. Перед смертью в 1586 году боярин Никита Романович завещал опеку над своими детьми Борису Годунову, а потому они неизменно входили в

«партию» Годуновых. Разрыв между Годуновыми и Романовыми произойдёт в самом начале XVII века, но в 1598 году они — верные сторонники Годунова. Никаких властных амбиций бояре Романовы в период избрания Бориса Годунова не демонстрировали; во всяком случае, таковые не были нигде отражены. Позже возникли некоторые «разговоры», но в период избрания Годунова о них ничего слышно не было.

Второй «по чести» после Бориса Годунова член Государевой Думы князь Фёдор Иванович Мстиславский, как уже ранее говорилось, не имел никаких властных амбиций, предпочитая роль влиятельного слуги при повелителе. К тому же он вёл своё родословие от литовского князя Гедимина³⁰¹, что не могло вызвать расположение Патриарха и клира, так как Литва относилась к числу давних врагов Москвы, да к тому же ещё и «отдалась» Католичеству.

Что касается давних возмутителей спокойствия князей Шуйских, то хотя они и причисляли себя к Рюриковичам, но в очень дальнем колене и по степени родственной близости с «царским древом» состязаться с Борисом Годуновым не могли. К тому же Дмитрий Шуйский приходился свояком Борису Фёдоровичу; оба были женаты на дочерях Малюты Скуратова.

Сабуровы, как и Вельяминовы, приходились родственниками роду Годуновых — за единого предка у них считался мурза Чет, в Православии Захария; они неизменно поддерживали Годунова. Среди «соборян» 1598 года Сабуровых насчитывалось 11 человек, а Вельяминовы имели 20 представителей.

Пятнадцатый «по чести» боярин князь Иван Михайлович Глинский (ок. 1540—1602) был двоюродным братом Царя Иоанна Грозного и свояком Бориса Годунова; он был женат тоже на дочери Малюты Скуратова и всегда был в «партии» Бориса Годунова. Как и Мстиславский, никаких властных претензий на Царский Венец не демонстрировал. Его невозможно зачислить к противникам Бориса Годунова.

Князья Черкасские — Борис и Василий — числись потомками турецкого военачальника Мамелюка Инала — владетельного князя Большой Кабарды; он умер в 1453 году. На его правнучке, принявшей Православие княжне Марии Темрюковне (1545—

1569), был вторым браком в 1561 году женат Иоанн Грозный. Единственный их ребёнок Царевич Василий Иванович умер в двухмесячном возрасте в мае 1563 года. Князь Борис Черкасский приходился родным дядей Марии Темрюковне и был женат на Марфе Никитичне Романовой. Его родственник Василий Черкасский был женат на дочери князя Ф.И. Мстиславского. Оба князя приняли Православие уже в зрелом возрасте и силу этого никаких шансов на престол иметь не могли.

В общем и целом Годунов имел неоспоримые преимущества в Боярской Думе, где никто не посмел, даже если бы и хотел, бросить вызов всесильному конюшему. На его стороне были родственные связи в высшем эшелоне власти, его успешная административная деятельность, безусловная поддержка Патриарха, трехвековая преданность Годуновых Православию, благочестие самого Бориса Фёдоровича, ну и, конечно же, огромное личное состояние, позволявшее Годунову «кормить» и «привечать» многих людей, не прибегая к казенному карману. Совокупности подобных преимуществ не имел никто из прочих лиц, которые теоретически, в силу своих родовых достоинств, могли бы проявить претензии на верховную власть.

У немца-наёмника Конрада Буссова (1552—1617), обретавшегося в России с 1601 по 1612 год, приведена неизвестно откуда взявшаяся легенда о целенаправленной закулисной деятельности в пользу Бориса Годунова. Вот что этот ландскнехт³⁰², оказавшийся в России через несколько лет после событий 1598 года, написал:

«После смерти Царя Фёдора Иоанновича вельможи стали раскаиваться, что они столь долго отказывались от скипетра, и сильно досадовать на то, что правитель (Годунов. — А.Б.) поспешил его схватить. Они начали, в укор ему, говорить перед народом о его незнатном происхождении и о том, что он не достоин быть Царём. Но всё это не помогло. Тому, кто схватил скипетр, выдался удачный год, он удержал то, что взял, и в конце концов был повенчан на Царство, хотя знатные вельможи, толстопузые москвиты, чуть ли не лопнули от злости. А всё потому, что правитель и его сестра Ирина, вдова покойного Царя, вели себя очень хитро. Царица тайно призвала к себе

большинство сотников и пятидесятников города, прельстила их деньгами, многое им пообещав, и уговорила их, чтобы они побуждали подчинённых им воинов и горожан не соглашаться, когда их созовут для избрания Царя, ни на кого другого, кроме её брата...»³⁰³

Ранее уже не раз отмечалось, что «записки иностранцев», сведения из которых так любимы всей отечественной западнической историографией, полны нелепостей, несуразностей, а то и откровенной глупости. К последней категории относится приведённое утверждение Буссова, который в России общался с разными людьми, в том числе и из круга «толстопуzych». Он прилежно служил Шведскому Королю, Борису Годунову, обоим Ажедмитриям, а затем Польскому Королю. При самозванцах он входил в число их самых доверенных лиц.

Никто не ведаёт, откуда Буссов «извлёк» подобные знания, но они — откровенно абсурдны. Возможно, в кругу авантюристов, окружавших обоих самозванцев-проходимцев, немецкий ловец удачи и получил подобного рода «ценные» сведения. Только на секунду представим картину: Царица-вдова Ирина-Александра, надо думать, в своей келье созывает десятки «сотников» и «пятидесятников», призывая их «агитировать» за своего брата! Если даже и не принимать к сведению немыслимую историческую диспозицию, а обратиться к сути сказанного, то и тогда это всего лишь — инсинуация. Оба указанных звания относились к воинской службе: сотник — командир сотни в стрелецком войске, а пятидесятник — командир полусотни. «Агитировать» они ведь могли только среди стрельцов, да в городских низах, которые никакой заметной роли при избрании Бориса Годунова играть не могли. Потому всё это, неизящно выражаясь, всего только «бред чистой воды».

Примечательная деталь: даже Н.М. Карамзин, принимавший на веру все самые немыслимые слухи и сплетни, порочившие Бориса Годунова, постеснялся включить подобный слух в своё повествование. При этом он был абсолютно уверен, что за семь лет до того Борис «смело вонзил убийственный нож в гортань Святого младенца Дмитрия, чтобы похитить корону»³⁰⁴. При всей своей недоброжелательной скрупулезности «последний

летописец» так и не сумел отыскать признаков «преступной» закулисной активности Годунова в январе—феврале 1598 года.

Однако его неистребимый антигодуновский пафос заставлял писать несообразные вещи. «Где же был Годунов и что делал?» — задавался вопросом Карамзин. И тут же, что называется, без запинки отвечал: «Заключился в монастыре с сестрою, плакал и молился с нею. Казалось, что он, подобно ей, отвергнул мир, величие, власть, кормило государственное и предал Россию в жертву бурям, но кормчий неусыпно бодрствовал, и Годунов в тесной кельи монастырской твёрдою рукою держал Царство!»³⁰⁵

Непременно возникает уже традиционное в подобных случаях недоумение: откуда сие историографу было известно? Ведь никаких документальных свидетельств такового или даже только каких-то намёков современников на нечто подобное не существует. Чтобы такое написать, надо было, кроме неприязни к Годунову, чем-то располагать, на что-то опираться, делая столь категорические выводы. Карамзин же опирался только на свои предубеждения и буйное воображение, которые в исторических исследованиях совершенно неуместны. Он ведь создавал не художественное произведение, не роман; он описывал реальную историческую драматургию, с подлинными героями и конкретными обстоятельствами. Карамзин наиболее яркий и талантливый пример популяризации предубеждений. А сколько же прочих сочинителей, с творческим масштабом куда меньшим, с научными степенями и без оных, писали и пишут подобную несусветную отсебятину!..

Конечно, многие важнейшие детали событийно-смысловой драматической коллизии Русской истории того момента, по удачному замечанию С.Ф. Платонова, можно реконструировать только «по слову предания». Очень мало подлинных данных, нет подробной хроники событий, хотя общий ход дел и хорошо известен.

В середине февраля 1598 года, через сорок дней после представления Царя Фёдора, открылся Земский собор, последний в XVI веке³⁰⁶. Созыв соборов всегда вызывался каким-то необычным, чрезвычайным поводом, а самым экстраординарным и стал

собор 1598 года. Предмет его рассмотрения — отыскание претендента на Престол Государства Российского, а по сути — о призвании на Царство новой Династии.

По словам историка Р.Г. Скрынникова, «избирательная документация Годунова сохранилась». Авторы её старательно описали историю восшествия Бориса на престол, но им не удалось избежать недомолвок и противоречий. Историки до сих пор не могут ответить на простой вопрос. «Сколько людей участвовало в соборном избрании Годунова? — вопрошает историк и далее резюмирует: — Н.М. Карамзин насчитал 500 избирателей, С.М. Соловьев — 474, Н.И. Костомаров — 476, В.О. Ключевский — 512, а современная исследовательница С.П. Мордовина — более 600. Эти расхождения поистине удивительны, ибо все названные ученые опирались в своих расчетах на показания одних и тех же источников. Затруднения вызваны следующими моментами. Сохранилось не одно, а два соборных постановления об утверждении Годунова в царском чине. Если верить датам, то оба документа были составлены практически в одно и то же время. Первая грамота помечена июлем 1598 г. Вторую грамоту писали в том же месяце и закончили 1 августа 1598 г.»³⁰⁷.

По наблюдению В.О Ключевского, «до нас дошла не подлинная утвержденная грамота 1 августа об избрании царя Бориса с подлинными рукоприкладствами членов-избирателей, а её копия с позднейшими прибавками, переменами в обоих перечнях членов собора и даже с ошибками в воспроизведении имен некоторых рукоприкладчиков. Это мешает точно обозначить некоторые моменты деятельности собора. Так, например, трудно определить, когда составлен был список членов, внесенный в текст грамоты и когда члены прикладывали руки к грамоте»³⁰⁸.

Указанные неясности в данном случае совершенно несущественны; важно не точное выяснение количества участвующих, а характер самого представительства, но главное — соборное определение, принятое единодушно. Русский историк и теоретик монархии Н.И. Черняев (1853—1910) подробно обрисовал дух соборного волеизъявления: «Из соборной грамоты 1598 года видно, что мнимо избирательный собор был весьма

невысокого мнения о своём авторитете и старался исключительно о том, чтобы постигнуть волю Божию. Наши предки твёрдо верили, что Цари поставляются Богом. А гласу народа (а не гласу собора) придавали значение лишь отголоска, проявления гласа Божия. ...Единомыслие всенародного множества, с точки зрения XVI века, не могло быть делом рук человеческих, а могло быть только делом Божественного промысла. Его-то указаний и жаждали в 1598 году люди Московского государства. Поэтому они не допускали избирательных соборов в том смысле, в каком теперь говорится о тех или других избирательных собраниях»³⁰⁹.

На Соборе были представлены практически все основные группы населения: более ста человек из лиц духовного звания, не менее двух десятков бояр, около двухсот придворных чинов, горожан и московских дворян до ста пятидесяти человек, и «тяглых людей», но не крестьян — несколько десятков. Это был весьма представительный форум «Земли Русской», самый представительный из всех, имевших место ранее.

17 февраля 1598 года Собор «единомысленно» решил: Царём всея Руси должен стать Борис Годунов. Очень важный процедурный момент: никакой «дискуссии», «прений» на Соборе не возникало. Патриарх огласил своё слово, назвал самым достойным претендентом Бориса Годунова, а остальные чуть ли не хором подхватили: «И наш совет и желание то же».

Конечно, были какие-то неясные слухи о «недостойности» претендента на престол. Клану Романовых и Шуйских вряд ли готовы были принять безоговорочно подобный выбор. Романовы потому, что имели кровнородственную связь с «Домом Рюрика», были «в первой чести», а Шуйские в силу своего родового тщеславия и старых «обид» на Годунова. Как признавал позже «Новый летописец», «князья Шуйские одни не хотели (избирать) его на Царство; познав его, что быть от него людям и себе гонению; они же потом от него многие беды и скорби и утешения приняли»³¹⁰. Какие «беды и скорби» испытали Шуйские при Царе Борисе Годунове, так навсегда и осталось тайной.

Имелся только один случай опалы, связанный с боярином Иваном Петровичем Шуйскими — личным врагом Бориса Году-

нова. В 1588 году за соучастие в антицарском заговоре («брачное дело») он был арестован, сослан в Кирилло-Белозерский монастырь, там пострижен и умер в 1588 году при невыясненных обстоятельствах в своей келье от «угара».

В то же время братья — Василий (1552—1610) и Дмитрий (1560—1612) Шуйские — находились в «большой чести» и, можно сказать, благоденствовали при Фёдоре Иоанновиче и при Борисе Годунове. Подвергшись в 1586—1587 годы кратковременной опале, они при поддержке Бориса Годунова быстро восстановили свои статусные позиции в высшем эшелоне власти.

Старший Василий, боярин с 1584 года, в 1591 году вёл следствие по делу Царевича Дмитрия; в том же году введён в Боярскую Думу. После этого был воеводой новгородским. Первый воевода полка правой руки в армии Мстиславского в Крымском походе к Серпухову в 1598 году.

Дмитрий Иванович Шуйский, боярин с 1586 года, в 1591 году введён в Боярскую Думу, в 1591 году в Большом полку против крымских татар у Коломенского при Фёдоре Иоанновиче Мстиславском и Борисе Годунове. «Первый воевода» передового полка против крымцев в Серпухове в 1598 году. Воевода Большого полка против Ажедмитрия в 1604 году.

Однако выступить против общего настроения и в Москве, и в государстве родовые боярские кланы не посмели, но при этом от закулисной деятельности не отказались. Патриарх Иов потом с грустью признавал, что он после смерти Фёдора Иоанновича и вступления на престол Бориса Годунова испытал «озлобление и клеветы, укоризны, рыдания и слёзы» от людей, тайно противодействовавших ему в желании видеть Царём Годунова³¹¹.

Слухи слухами, но подавляющее большинство видело многолетнюю государственную деятельность Бориса Годунова, которая несомненно была «благоутешной». В своё время в литературе была распространена точка зрения, что состав участников Собора был «подтасован» Борисом Годуновым. Однако подробный анализ состава соборян, приведённый известными историками В.О. Ключевским и С.Ф. Платоновым, развеял подобные предубеждения.

«Вглядываясь в состав Собора, — заключал С.Ф. Платонов, — мы заметим, что на Соборе было очень мало представителей многочисленного класса рядовых дворян, в котором привыкли видеть главную опору Бориса, его доброхотов. И наоборот, придворные чины и московские дворяне, то есть более аристократические слои дворянства, на Соборе были во множестве. А из этих-то слоёв и являлись, по нашим представлениям, враги Бориса. Стало быть, на Собор не прошли друзья Бориса и могли пройти в большом числе его противники»³¹².

Многие потом, что называется, готовы были «кусать себе руки», но изменить уже ничего было нельзя. Как горился много лет спустя в своём «Временнике» дьяк Иван Тимофеев, подписавший среди прочих «Утверждённую грамоту» об избрании Бориса Годунова, тогда «мы все были виноваты».

Указанная Грамота, обосновывавшая право Бориса Фёдоровича на Царство, была составлена по инициативе предусмотрительного Патриарха Иова, чтобы всё было «впредь неколебимо, как во утвержденной грамоте написано». Первопатриарх, очевидно, слишком хорошо знал свою паству, особенно из числа родовитых и именитых, пытаясь связать всех письменным клятвенным обещанием.

Грамоту подписали все высшие и прочие чины Русского государства, где клялись именем Божиим в верности Царю Борису Фёдоровичу. Эта так называемая «Подкрестная запись на верность службы Царю Борису Фёдоровичу» начиналась словами: «Целую Крест Государю своему, Царю и Великому князю Борису Фёдоровичу, всея Руси Самодержцу, и его Царице и Великой княгине Марье, и их детям, Царевичу Фёдору и Царевне Оксинье (Ксении. — А.Б.), и тем детям, которых Государям впредь Бог даст...» Давшие клятву обязывались «служит и править во всём без всякой хитрости», не жалея живота своего, а «иначе не будет мне Божией милости»³¹³.

Через несколько лет все так же дружно, как подписались, от этой клятвы отреклись, а в антигодуновских летописных сводах об этой Грамоте или вообще не говорится, или упоминается вскользь. Ведь та подпись — дело добровольное, дело открытой и чистой совести; никто не принуждал, никакой «ужасный» Ма-

люта Скуратов с обнаженным мечом за спиной не стоял. Принесли клятву перед Лицом Божиим, а потом предали, став клятвopеступниками. Некоторые объясняли, что они в 1598 году «не ведали», что руки Бориса «обагрены кровью младенца», о чём они узнали позже. Но ведь ничего подлинного же не установили; распространились лишь туманные слухи и голословные утверждения.

Просто «первым мужам державы Российской» «не нравился» Борис Годунов, подавлявший их и своим умственным превосходством, своей энергией и трудолюбием, заставляя «толстопузых» работать не тогда, когда хочется, а когда надо, каждодневно служить Государю, а следовательно, и России. В этом и заключена первооснова всей истории возникновения и распространения антигодуновских настроений, вызвавшая все последующие отречения и клятвopеступления...

После решения Земского собора, который правильнее называть земско-церковным, Патриарх три дня — 18—20 февраля — служил молебны в Успенском соборе, чтобы Бог даровал России Царя Бориса Фёдоровича. На третий же день после молебна вместе с духовенством, боярами и множеством народа, несшим кресты и иконы, в том числе и самые чтимые — Богоматери Владимирской и Донской, Патриарх направился в Новодевичий монастырь³¹⁴ с прежней просьбой к царице-инокине и брату её от лица всей Русской Земли.

В воротах монастыря депутация была встречена Троицким архимандритом Кириллом, игуменьей монастыря, сестрами-инокинями и Борисом Годуновым с иконой Смоленской Божией Матери в руках. Сразу же прошествовали в собор, в «большую церковь». Здесь начали, как гласит летопись, «петь молебны и обедню. И по совершении литургии, Иов Патриарх с митрополитами, архиепископами, боярами, окольничими, дворянами и прочими били челом Борису Фёдоровичу, чтоб принял царскую власть». Но он согласия опять не дал.

Тогда обратились к Ирине Фёдоровне, в иночестве Александре. Патриарх возгласил: «Божиим, государыня, судом света нашего Царя и Великого князя Фёдора Иоанновича всея Руси не стало; оставил земное Царство, переселился в вечное бла-

женство. А ты, Государыня, потому же нас, сирых, оставила и не восхотела царствовать над нами, но изволила иночествовать. А мы сироты, как овцы, не имеющие пастыря. Милость, Государыня, покажи, воззри на наше моление, не дай церквам Божиим затвориться и всем нам от нападения врагов наших всенародно погибнуть, дай Государя нам брата своего конюшего и боярина Бориса Фёдоровича и благослови его на Царство Московское Царём и Великим князем всея Руси».

Это был один из самых драматических эпизодов всей истории с поставлением Бориса Годунова на Царство, воспроизведенный в «Московском летописце».

Патриарх Иов пригрозил Борису, что если он не даст согласия, то священнослужители снимут саны, церкви закроют, а тогда смерть России, за что Господь со всех взыщет, так как «без Государя государству стоять нельзя». Борису же Фёдоровну угрожало отлучение от Церкви! Ответ Ирины Фёдоровны чрезвычайно важен: «Государь Патриарх и святители, и вы, бояре и дворяне! Что такое творити, (что) не по мере на брата моего возлагаете бремя? Один у меня брат, — и того от меня отнимаете»³¹⁵.

Этот эпизод, как правило, описатели событий легко «пропускают», не придавая ему значения, хотя, думается, здесь заключён высокий сакральный смысл. Трудно интерпретировать упорство Ирины только любовью к брату, который в любом случае не мог постоянно находиться рядом с ней в женской обители. Ведь она стала Христовой невестой, она порвала с обычным миром, с которым после принятия пострига у неё не могло быть сколько-нибудь крепких связей.

Взгляд Ирины Фёдоровны, вероятно, был мотивирован не личным желанием одинокой женщины-инокини, а, возможно, чем-то иным. Чем же? Будучи преданной молитве до самозабвения, ей в молитвенном усердии могли открыться некие предопределения будущего, которое представилось в своём ужасающем виде. Конечно, сказанное — только робкое предположение; но во всей этой истории без известных допущений обойтись вообще невозможно. Упоминание об этом имеется в записках Исаака Массы, который передаёт слухи, согласно ко-

торым Ирина Федоровна предсказала брату «много несчастий, которые падут на него»³¹⁶.

Перед лицом всеобщего натиска Ирина Фёдоровна не могла устоять и благословила брата, который вослед за тем принял свою царскую участь. Случилось это событие 21 февраля 1598 года. Было много слёз, но теперь уже радостных. Борис Годунов был провозглашен Царём в Новодевичьем монастыре Патриархом, благословившим избранника иконами Владимирской и Донской и возгласившим многолетие. Отслужили первый благодарственный молебен, а новый Самодержец «вступил на праг церковный», то есть вошел во время службы в алтарь Царскими вратами, куда не мог никто входить из мирян, никто, кроме Царя. В тот день был установлен новый праздник на Руси: Пречистой Богородицы Одигитрии, отмечаемый ежегодно вплоть до утверждения в Москве Ажедмитрия.

Вскоре, в марте 1598 года, появилась окружная грамота Патриарха Иова — провести трехдневные благодарственные молебны по всей стране в связи с восшествием на престол Бориса Годунова.

Новый Царь вёл себя чрезвычайно осторожно и деликатно, прекрасно понимая, что ему теперь надо сдавать чуть ли не каждый день трудный экзамен на свою «достоинность». В Москву он въехал 26 февраля, где его встречало множество народа с хлебом-солью и богатыми дарами: соболями, жемчугом, кубками, золотыми и серебряными блюдами. Он же ничего не принял, кроме хлеба-соли, сказав, что богатство ему приятнее у людей, чем в казне государевой. В храме Успения в Кремле состоялась торжественная литургия, и Патриарх вторично благословил Бориса Фёдоровича на Царство.

Затем Третий Царь молился в Успенском и Архангельском соборах, приложился и к иконам и коленопреклоненно отдал дань уважения и памяти могилам правителей Земли Русской. Затем вернулся на жительство в Новодевичий монастырь; в царские хоромы в Кремле Борис Годунов переехал только в апреле 1598 года.

Годунов был невероятно деятельным; на Москве такого усердного правителя ещё не знали. Даже Н.М. Карамзин вы-

нужден был признать, что Борис Годунов занимался делами «с отменной ревностью, и в кельях монастыря и в Думе, часто приезжая в Москву. Не знали, когда он находил время для успокоения, для сна и трапезы; беспрестанно видели его в совете с боярами и с дьяками или подле несчастной Ирины, утешающего и скорбящего днём и ночью». Просто принять подобное как данность Карамзин, конечно же, не мог, а потому, будучи рабом идеологической концепции, и заключил, что всё являлось «лицемерием»³¹⁷.

Сразу же после воцарения встал и вопрос о совершении чина коронования, без чего правитель не имел права именоваться «Царём Боговенчанным, Помазанником Господним». Вполне возможно, что этот великий мистический акт «венчания с Россией» — коронование — состоялся бы вскоре после принятия престола. Но, как часто бывало в Отечественной истории, важные дела приходилось откладывать под воздействием «внешних обстоятельств».

Над Москвой опять нависла угроза вторжения со стороны ненавистных крымцев. Так почти всегда происходило: как только случались какие-то нестроения в управлении государством, как только возникали некие внутренние трудности и проблемы, то почти тотчас появлялись и закордонные пришельцы, желавшие поживиться за счёт Руси, а ещё лучше — вообще уничтожить эту ненавидимую всеми соседями Московию. Именно так дело обстояло и теперь.

Крымский хан Казы-Гирей³¹⁸, потерпевший позорный разгром летом 1891 года, как только проведал, что власть в Москве «зашаталась», немедленно начал готовиться к походу. Очевидно, желание реванша, жажда мщения ему не давали покоя. Да и торговый промысел надо было поддержать: торговля русскими рабами была самым прибыльным занятием в Крыму.

По подсчётам русского историка В.И. Ламанского (1833—1914), в крымско-турецкий плен за период с XV по XVIII век было увезено не менее пяти миллионов человек! Цифра просто неимоверная, колоссальная, если учесть, что в середине XVI века численность населения Руси составляла около 8 миллионов. Набеги крымцев являлись страшным народным бедствием³¹⁹. Так,

только во время нашествия 1571 года была полностью сожжена Москва и ещё более 30 русских городов и поселений; в плен же было уведено более 60 тысяч невольников. Уместно добавить, что торговлей русскими рабами весьма деятельно занимались не только крымцы, но и «свободные» венецианские «негоцианты», имевшими тесные деловые связи с Крымом³²⁰.

Борис Годунов, как главный администратор при Фёдоре Иоанновиче, надеялся замирился с Крымом; без спокойствия на южных рубежах державы очень трудно было обеспечивать безопасность и благополучие страны. Русское правительство шло на уступки, надеясь на мир с Крымом, который находился в вассальной зависимости от могучей Турецкой (Османской) Империи.

Инициатива замирения исходила из Бахчисарая³²¹. Казы-Гирей писал Царю Фёдору о возобновлении дружбы и сообщал даже о своём намерении провозгласить полную независимость от турок, хотя крымцы одновременно и продолжали нападать на южные области России. Часто посылаемый султаном Мурадом III (1545—1595) в Молдавию, в Валахию, в Венгрию для умирения взбунтовавшихся народов, Казы-Гирей, естественно, с разрешения султана в 1594 году заключил договор о мире с Царём Фёдором, получив от него 10 тысяч рублей и много других даров. Оставался в дружбе с Русским Царством до 1598 года.

Положение изменилось, когда в Стамбуле утвердился у власти кровавый тиран султан Мехмед III (1566—1603), прославившийся в истории тем, что, придя к власти, приказал убить девятнадцать своих единокровных братьев. Теперь все договоренности теряли всякое значение. И Хан решил нанести удар по Москве, считая, наверное, что мир был заключён с Царём Фёдором, а раз его нет, то и обязательств нет. Да и что там с этими «гяурами»³²², «неверными» «недочеловеками» церемониться. Делай, как тебе нужно, как выгодно; Аллах ведь на стороне правоверных!

Борис Годунов не хотел войны и уже в марте 1598 года отправил с гонцом Хану послание с предложением продления мира. Однако скорого отклика не последовало.

Так как крымское войско — это конные соединения, то естественно, что вести военные действия на Севере, при обилии снега

и холодов, такая армия не могла. Русские это прекрасно знали и всегда готовились к отражению крымцев, как только половецье завершалось. В Москве уже в феврале 1598 года точно знали, что Хан готовится к походу на Русь по «первой траве». Потому надо было спешить, собирать воинство, провиант, лошадей, фураж. Всем этим заботам полностью и отдался Третий Царь сразу же после воцарения.

К маю удалось собрать огромную рать. Существуют утверждения, что Русская армия насчитала до 500 тысяч человек. Подобная цифра кажется баснословной, учитывая, что общая численность населения России в тот период не превышала 12—13 миллионов человек. Но в любом случае армия была весьма многочисленной. Сколь же велика могла бы быть Крымская орда, неизвестно, но, учитывая предыдущие случаи, можно предположить, что она вряд ли насчитывала бы менее 100 тысяч.

Воинство под водительством Царя Бориса выступило из Москвы 2 мая 1598 года и расположилось большим лагерем под Серпуховом, на берегу Оки. Ненавидящий Годунова «Новый летописец» по этому поводу говорит: «После Великого дня (Пасхи. — А.Б.) не венчанный ещё Царским венцом, пошёл (Борис. — А.Б.) в Серпухов против крымского Царя со всеми ратными людьми; пришёл в Серпухов, и повелел со всей земли боярам и воеводам с ратными людьми идти в сход, и подавал ратным людям и всяким другим в Серпухове жалование и милость великую»³²³. Последняя обмолвка весьма показательна. Годунов всегда являл щедрость по отношению к служилым людям, вне зависимости от того, были они гражданского или военного звания.

Почти два месяца мощная русская армия во главе с Царём стояла на южных подступах к Москве. Татары, прослышав о несметном воинстве, не рискнули начать сражение. Вместо татарских, как называл их Карамзин, «разбойников» прибыли послы от Хана во главе с Алеем-мурзой. Царь принял их радушно, показал богатство и мощь Руси: более ста пушек палили целый день, и крымцы ещё на подъезде к ставке Царя были потрясены этим грохотом. У них ведь артиллерии не было. Эта история описана в «Новом летописце».

«Пришли же крымские послы, и поставили их от стана в семи верстах. А сам Царь Борис стоял не в Серпухове, а на лугах у Оки-реки, той ночью повелел Борис ратным людям стрелять по всем сторонам, и была стрельба всю ночь, ни на один час не умолкала. И на память святых Апостолов Петра и Павла³²⁴ были послы у Государя; и поставили пеших людей с пищальми от стана государева до станов крымских на семи верстах, а ратные люди ездили на конях. Послы же, видя такое множество войска и слыша стрельбу, ужаснулись...»³²⁵

Посланники уверили Царя, что Хан желает «вечного мира и дружбы» с ним, что нашло живой отклик у хозяев. Была составлена новая «союзная грамота», послов щедро одарили и отправили обратно уже вместе с русским представителями. С тех пор страх неожиданного крымского нашествия постепенно начал выветриваться из сознания русских людей.

Пока Царь находился в Серпухове неотлучно, в Москве «главным начальником» оказался Патриарх Иов, попечению которого перед отбытием Борис Годунов поручил и свою семью и столицу. Иов прислал ему несколько посланий, выражая молитвенную поддержку; в свою очередь, Царь тоже корреспондировал Первосвятителю. Приведем послание Царя Бориса Федоровича Патриарху Иову, составленное в конце июня 1598 года, уже после прихода крымских послов, раскрывающее во всей красе миропредставления Третьего Царя:

«А мы, видя такое Божие милосердие, в Троицы славивому человеколюбивому Господу Богу нашему Иисусу Христу, сотворившему всё и вся, и Пречистой его Матери, ходатайце спасению нашему, преславной Богородице, нашей христианской надеже и заступнице, к Её же мольбам призирая единочадый Сын Слово Божие, и всем Святым, попремногу благодарение воздаём со всем своим воинством, и с сердечным желанием и верою призываем святое имя Его, могущему нас сотворити в радости и во благодати мира своего, что даровал нам и всему воинству нашему и всем православным христианам³²⁶ вашими святыми молитвами избавление и защиту от бесермен (басурман. — А.Б.). А тебе великому господину и государю отцу моему, пастырю и учителю, Святейшему Иову первому Патриарху, и Митро-

политам, и Архиепископам и Епископам, и всему вселенскому освященному собору, хваление приношу, похваляя добродетели ваши, тщание и труды, и к Богу духовные подвиги, и моление, и сердечное прошение о нас и о нашем христолюбивом воинстве и о всём православном христианстве»³²⁷.

Царь возвратился в Москву триумфатором. Патриарх встречал его вместе с клиром и множеством народа, приветствуя как избавителя Святой Руси от страшной угрозы. Обращение к нему Святейшего носило в высшей степени пиететный характер: «О, Богом избранный, и Богом возлюбленный, и Богом почтенный, и Богом дарованный благочестивый и великий Государь Царь и Великий князь Борис Фёдорович...»³²⁸

Тем, первым летом своего правления, Борис Годунов решил и ещё одну насущную государственную задачу: окончательно присоединил к России Сибирь, формально вошедшую в состав России в 1582 году, после взятия русскими столицы Сибирского ханства города Кашлыка (близ Тобольска). Однако там оставался неутомимый и непримиримый хан Кучум — последний правитель Сибирского ханства, происходивший из рода Чингизидов (потомков Чингизхана). В принадлежавших ему Ишимских степях он стал поднимать различные племена, следил за продвижением Ермака и, наконец, вероломно напал (1584) на Ермака, застал врасплох и перебил весь отряд казаков.

В 1592 году Кучум был разбит воеводой князем Владимиром Кольцовым-Масальским, но тот продолжал нападать на верхнеиртышские земли, пока не был изгнан из Сибири воеводой Борисом Доможировым. Однако через четыре года Кучум возобновил набеги. По царскому повелению летом 1598 года Хан был наголову разбит воеводой Андреем Воейковым. Весь его отряд перебили, семью взяли в плен и отправили в Москву, а сам Кучум едва спасся, уйдя вниз по Оби, где вскоре и был убит. Вот как этот исторический эпизод рисует «Новый летописец» в отдельной главке «О побитии Кучума»:

«В то лето повелением его (Бориса) в Сибири из Тарского города ходили воеводы и головы за Царём (Кучумом), и сошлись с его войском, и на станах побии наголову, и взяли его восемь царич да трёх царевичей, да большой полон. Царь же Кучум

ушёл с небольшим отрядом. С царицами и с царевичами воеводы прислали посланцев к Москве, Царь же Борис тех посланников пожаловал великим жалованием... цариц и царевичей повелел беречь и давал им корм великий, чтобы им никакой скудости не было»³²⁹.

По удачному выражению Н.М. Карамзина, «если случай дал Иоанну (Грозному. — А.Б.) Сибирь, то государственный ум Борисов надёжно и прочно вместил её в состав России»³³⁰.

Самым главным событием для Бориса Годунова стало коронование, осуществлённое на третий день нового года — 3 сентября. «Лета 7107-го сентября в 3 день, — сообщает «Московский летописец», — венчался Государь Царь и Великий князь Борис Федорович всея Руси Царским венцом и диадемою тем же обычаем, как писано царское венчание Царя и Великого князя Фёдора Иоанновича всея Руси. И в тот день царского поставления сказано боярам и окольничим, и дворянам большим, и стольникам, и стряпчим, и дворянам из городов, и всяким служилым людям государево жалованье на одном году вдвое, а гостям и торговым людям (то есть купцам. — А.Б.) льгота. В первой день сказано боярство князю Михаилу Петровичу Катыреву, Александру Никитичу Юрьеву, окольничего — Михаилу Никитичу Юрьеву, Богдану Яковлевичу Бельскому, печать — Василию Яковлевичу Щелкалову³³¹. В другой день боярство сказано князю Андрею Васильевичу Трубецкому, князю Василию Карданусовичу Черкасскому; окольничего — князю Ивану Васильевичу Гагину. На третий день — боярство князю Федору Андреевичу Ноготкову, окольничего Михаилу Глебову Салтыкову»³³².

Ненавидящий Годунова «Новый летописец» сухо сообщал: «На сам Семенов день, венчался Царь Борис царским венцом в соборной церкви Успения Пречистой Богородицы, а венчал его Патриарх Иов и все духовные власти московские, а золотыми (монетами. — А.Б.) в дверях осыпал его боярин князь Фёдор Иванович Мстиславский. Царь же Борис три дня пировал и жаловал многих великих людей: многим дал боярство, а иным окольничество, и иным думное дворянство, а детей их многих жаловал в стольники и в стряпчие и давал им жалование великое, объявляясь всем добр»³³³.

Годунов венчался на Царство с особой торжественностью; впервые в истории в чине коронования принимал участие Патриарх. Во время совершения обряда Патриарх Иов подал Царю, кроме обычных регалий, державу, произнеся: «Яко убо сие яблоко прими в руки свои державные, так и держи и все царствия, данные тебе от Бога, соблюдай их от врагов внешних»³³⁴.

День этот ознаменовался невиданными милостями. Кроме пожалования высших чинов, служилым лицам было выдано двойное жалованье; купцам дано право беспошлинной торговли на два года; земледельцы были освобождены на год от податей; заключенные получили свободу и вспомоществование; вдовам и сиротам розданы деньги и провиант; новгородцам пожалована грамота об уничтожении у них кабаков и отмене кабацких денежных сборов и оброка с их дворов и лавок и разрешена свободная торговля «с Литвой и немцами»; карелы были освобождены на десять лет от уплаты податей, пошлин и оброков, а все инородцы избавлены на год от ясака³³⁵.

Милости были невиданные, радость была невыносимая; иначе как «благодетелем», «отцом родным милостивым» Бориса Годунова и не называли. Даже Н.М. Карамзин, не воспринимавший Годунова иначе как «лицемером», «злодеем» и «преступником», вынужден был признать, что «никакое царское венчание в России не действовало сильнее Борисова на воображение и чувства людей»³³⁶.

После чина венчания Царь «говорил слово», где содержались очень важные обязательства, которые ни до, ни после Годунова на себя из Венценосцев никто не брал. О том, как это выглядело, поведал келарь Троице-Сергиева монастыря (с 1608 года), известный русский книжник первой четверти XVII века Авраамий Палицын (ок.1550—1626). В буквальном варианте царские слова звучали следующим образом: «Се, отче великий Патриарх Иов, Бог свидетель сему, никто же убо будет в моём царствии нищ и беден! И труся верх срачицы (сорочки. — А.Б.) на себе рече: “И сию последнюю разделю со всеми”»³³⁷.

Если к этим слова прибавить и царское обязательство никого не казнить, то трудно вообразить, какой восторженный энтузиазм охватил присутствующих. Своды Успенского

собора огласились радостными криками, многие рыдали от умиления.

Упомянутый Авраамий принадлежал к числу недругов Годунова. Он происходил из старинной служилой дворянской семьи, сам в качестве воеводы состоял на царской службе, но в 1588 году, по не вполне понятной причине, подвергся опале и был сослан в Соловецкий монастырь, где и принял постриг. Так вот, даже «обиженный» Авраамий признавал, что «Царь Борис о всяком благочестии и о исправлении всех нужных Царству вещей зело печашеся; по слову же своему о бедных и о нищих крепче промысляще, и милость от него к таковым велика бываше; злых же людей люте изгубляше». И общий вывод монаха не поддаётся двусмысленной интерпретации: «И таковых ради строений всенародных всем любезен бысть»³³⁸.

Не менее высокую оценку государственной деятельности Годунова можно встретить на страницах ещё одного недоброжелателя, апологета Лжедмитрия, французского наёмника Жака Маржерета, приехавшего в 1601 году служить Царю Борису и сразу же удостоенного чести командовать кавалерийским отрядом. «Справедливо, — писал наёмник, — что в его время страна не терпела бедствия, что он обогатил казну, не говоря уже о городах и крепостях, которые он построил, что он заключил дружбу со всеми соседями»³³⁹.

Полный титул Царя Бориса Фёдоровича после коронования звучал следующим образом: «Божией милостью, Государь Царь и Великий Князь Борис Фёдорович всея Руси, Владимирский, Московский, Новгородский, Царь Казанский, Царь Астраханский, Государь Псковский, Великий Князь Смоленский, Тверской, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных, Государь и Великий Князь Новагорода Низовския земли, Черниговский, Рязанский, Полоцкий, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Лифляндский, Удорский, Обдорский, Кондийский, и Обладатель всея Сибирская земли и великие реки Оби и Северные страны Победитель, и Государь Иверские земли Грузинских Царей и Кабардинские земли Черкасских и Горских Князей и иных многих Государств Государь и обладатель»³⁴⁰.

В повседневной жизни и в текущей переписке использовалась более лапидарная форма титулатуры: «Божией милостью, мы Великий Государь Царь и Великий Князь Борис Фёдорович всея Руси Самодержец».

Как и ранее, так и после воцарения перед Борисом Годуновым существовала проблема урегулирования отношений с соседями. После замирения со Швецией и Крымом перед Россией стояла насущная задача надолго урегулировать свои отношения с польско-литовским государством — Речью Посполитой. В XVI веке Русь вела три войны со Швецией, войну с Ливонией и семь войн с Литвой и Польшей, а затем с объединённой Речью Посполитой! Самой затяжной и кровопролитной была Ливонская война 1558—1583 годов, стоившая России огромных жертв и потери выхода к Балтийскому морю. А ещё была почти ежегодная борьба с Крымом. В общей сложности за весь тот бурный век наберётся не более трёх десятков лет, когда Россия не воевала. Естественно, что это самым негативным образом отражалось на хозяйственной жизни страны, на благополучии населения.

Борис Годунов, который был противником военных кампаний, был уверен, что умиротворение отношений с соседями — жизненно важная потребность. Однако на западном направлении внешнеполитической деятельности существовало немало препятствий и главное — нежелание «ясновельможных панов» идти на мир с Москвией. Дело не сводилось только к стратегическим соображениям и территориальным претензиям. Вопрос был куда шире и значимее. Бесконечные польско-литовские агрессивные действия против Руси вызывались далеко не в последнюю очередь непреодолимыми конфессионально-идеологическими противоречиями.

Как преданные «сыны кафедры Святого Петра», то есть римских пап, поляки воспринимали себя носителями «священной миссии» Католичества. Их борьба с русскими объяснялась и обосновывалась «священной» миссией сокрушения «еретиков» и «схизматиков», каковыми они считали православных. Уничтожение Православия — главная цель, высшее устремление, а потому было так трудно изыскать компромисс, найти обоюдноприемлемое соглашение.

Потому, не сумев сокрушить Московию силой, в Польше с таким энтузиазмом ухватились за необычный и грандиозный «идеологический проект», название которому — «Ажедмитрий». Конечно, сама идея родилась на Руси, она экстракт боярских умышлений, но получила развитие, вызрела она именно в Польше. В качестве образца «польского изделия», каковым и являлся Ажедмитрий, уместно привести выдержку из записок секретаря Польского Короля Сигизмунда III Алессандро Чилли, описавшего встречу самозванца с папским нунцием (представителем) при Краковском дворе графом Клавдием Рангони и высочайшей аудиенции, данной Королём 15 марта 1604 года:

«Я сам был тому свидетелем, я видел, как нунций обнимал и ласкал Димитрия, беседуя с ним о России и говоря, что ему должно торжественно объявить себя католиком для успеха в своём деле. Димитрий, с видом сердечного умиления, клялся в неперменном исполнении данного им обета и вторично подтвердил свою клятву в доме у нунция, в присутствии многих вельмож. Угостив Царевича пышным обедом, Рангони повез его во дворец. Сигизмунд, обыкновенно важный и величественный, принял Димитрия в кабинете стоя и с ласковой улыбкой. Димитрий поцеловал у него руку, рассказал всю свою историю. Король, с весёлым видом приподняв свою шляпу, сказал: Да поможет вам Бог, Московский князь Димитрий! А мы, выслушав и рассмотрев все ваши свидетельства, несомненно, видим в вас Иванова сына и, в доказательство нашего искреннего благоволения, определяем вам ежегодно 40 000 золотых на содержание и всякие издержки»³⁴¹.

Прижимистые поляки в данном случае не поскупились; ставка была очень высока, а приз — утверждение польско-католического господства в Москве — таким заманчивым, что пришлось раскошелиться...

Борис Годунов хотел долговременного мира с Польшей. Правители Речи Посполитой тоже того захотели, но ни по соображениям общего порядка — жить в мире и дружбе с восточным соседом, а в силу острого политико-династического конфликта. Королем Речи Посполитой стал в 1587 году сын

Шведского Короля Юхана III Вазы Сигизмунд III. Он был избран на польско-литовский трон желанием польской шляхты, настроенной ортодоксально католически. Сигизмунд был воспитан как истовый католик и активно способствовал утверждению в Речи Посполитой Контрреформации.

В Швеции же, Королем которой он состоял в 1592—1598 годах, возобладали Протестантизм, что и стало одной из причин того, что в 1598 году Сигизмунд был лишён шведской короны. Пытаясь вернуть себе власть в Швеции, он начал с ней ряд неудачных войн (1600—1611, 1617—1620, 1621—1629), закончившихся потерей значительной части прибалтийских владений Речи Посполитой. Когда развернулись военные сражения со шведскими войсками, то в Москве наконец-то и появился представитель «державы польской», канцлер Княжества Литовского Ян Сапега (1557—1633) в сопровождении свиты из нескольких сот человек! Визит в Москву был действительно необходим: угроза русско-шведского союза как кошмар пугала «ясновельможных». Произошло то в октябре 1600 года.

Начались длительные и трудные, иногда на грани срыва, переговоры, заканчивавшиеся 22 февраля 1601 года подписанием соглашения о продлении русско-польского перемирия ещё на двадцать лет. Заключать «вечный мир» с Россией польско-литовские руководители не собирались. Но и достигнутое немало значило; Борис Годунов мог быть теперь спокоен за то, что в обозримом будущем не последует с Запада новое вторжение. Был доволен и Сапега и в конце, получая «отпускную грамоту», даже поцеловал царскую руку! Потом этот эпизод в Польше Сапеге вменяли в вину: он ведь уронил достоинство Речи Посполитой, «приклонился перед варваром»!

Сапегу принимали в Москве с поистине царским величием и русским радушием; на затраты не скупился. Вся многочисленная свита Сапегы содержалась за русский счёт, а Царь устраивал для гостей пиры, потрясавшие роскошью воображение современников. Примечательные штрихи обустройства парадных царских трапез сообщает Жак Маржерет:

«Сапега обедал в присутствии Царя, вместе со своей свитой до 300 человек. Всем подносили угощение на золотой посуде,

которой весьма много — разумею блюда». О царских парадных застольях Маржерет писал не понаслышке; ему самому приходилось их наблюдать.

«По старинному обычаю, царские пиры бывают весьма роскошны; прислуживают 200 или 300 дворян, одетых в кафтаны из золотой и серебряной персидской парчи, с длинными воротниками, висящим по спине на добрых полфута и унизанных жемчугом... Это число 200—300 может быть увеличено согласно числу гостей. Они подают яства Государю и держат их до тех пор, пока он не попробует того или другого блюда. Порядок пира следующий: когда Царь сядет за стол, и послы или другие приглашённые лица тоже займут свои места, названные дворяне подходят по два в ряд к царскому столу, отвешивают низкий поклон и удаляются один за другим в кухню за яствами, которые подносят потом Государю. Но прежде чем подадут кушанья, ставят на стол в серебряных кувшинах водку; её наливают в небольшие чарки и пьют перед обедом. На столах, исключая хлеба, соли, уксуса и перца, нет ничего — ни тарелок, ни салфеток. В то время как гости пьют водку, Царь рассылает каждому отдельно кусок хлеба, называя по имени того, кому назначен этот кусок; тот встаёт, и ему подносят хлеб со словами: “Царь Государь и Великий князь всея Руси жалует тебя”, Жалуемый берёт хлеб, отвешивает низкий поклон и садится; также подносят и прочим. Потом, когда Царь по такому же порядку раздаёт главным особам по одному блюду с кушаньем, на все столы ставят яства во многом множестве»³⁴².

Этот придворный трапезный ритуал начал складываться ещё при Иоанне Грозным, но таким он почти без изменений соблюдался и при дворе Бориса Годунова. Некоторые штришки визита Сапег в Москву содержат и записки голландского купца Исаака Масса:

«6 октября посольство прибыло в Москву с большим великолепием, и было встречено всеми дворянами, одетыми в самые драгоценные платья, а кони их были увешаны золотыми цепями. Посольство разместилось в приготовленном для него дворце, отлично снабжённом всем необходимым, и оно состояло из девятисот трёх человек, имевших две тысячи

отличных лошадей... Посла, верховного советника польской короны, звали Лев Сапега, он был у Царя раз двадцать, и они расставались то друзьями, то врагами... Наконец, был заключён мир или перемирие на двадцать лет между Царём и Королём Польским... И в тот день всё посольство с утра до поздней ночи пировало у Царя на пиру, таком пышном, как только можно себе представить, даже невероятно, не стоит рассказывать»³⁴³.

Борис Годунов, несомненно, намеревался сделать Россию более открытой страной для Запада; он способствовал притоку в страну иностранных купцов, новейших технологий и товаров. В самом начале царствования он предоставил свободу немцам-переселенцам, обитавшим в Москве ещё с Ливонской войны, живших отдельно в Немецкой слободе, откуда не могли отлучаться без ведома властей. Теперь они получали право сводного передвижения, могли уезжать за границу и возвращаться обратно.

Большие коммерческие возможности получали иностранные купцы, которые это благоволение быстро оценили. За подобную политику Царь «удостоился» положительной характеристики в записках Исаака Масса, который так прокомментировал желание английского посла добиться у Годунова особых для англичан привилегий:

«Будучи проникательным Государем и желая жить в мире со всеми государями и владетелями, любя немцев, и, сверх того, зная славные, необыкновенные победоносные дела голландцев... и хорошо зная, как ему надлежит поступать, Борис отвечал, что все нации в этом отношении для него равно любезны, что он желает со всеми жить в дружбе. Другие иностранцы исправно платят подати и пошлины, составляющие доход Государей Московских, и, значит, имеют право вести торговлю, так же как и англичане»³⁴⁴.

Борису Годунову принадлежит мысль использовать матриониальные отношения в качестве инструмента внешней политики. Речь идёт о его желании выдать свою дочь Ксению замуж за иностранного принца. Царь очень любил свою младшую дочь. Историк С.Ф. Платонов писал, что «власти при Борисе предписывали петь многолетие в церквах не только самому,

но и его жене и детям» и эти меры по укреплению царского имени и сана вызывали осуждение современников. Ксения, как и вся семья Бориса, сопровождала отца в различных паломничествах, о которых сохранились летописные записи, содержащие всегда указание, что Царь ходил «молитися и с царицею и з детми».

После нескольких попыток найти достойную партию Борис Годунов остановил свой выбор на герцоге Шлезвиг-Гольштейнском принце Иоанне, брате Датского Короля Христина IV (1577—1648, Король с 1588 года). Датчанин прибыл в Москву 19 сентября 1602 года; здесь ему была уготована торжественная встреча. Купец Масса, очевидец прибытия высокого датского гостя в столицу, описал увиденное. «Герцог, встреченный за одну милю от Москвы, был выведен из колымаги (кареты. — А.Б.) и посажен на коня с большим почётом и поклонами. Его окружали 30 алебардщиков и несколько стрельцов, одетых в белые атласные кафтаны и красные бархатные штаны... Дивно было смотреть на великое множество народа, вышедшего из Москвы навстречу герцогу, так что с великим удивлением взирали иноземцы на пышность и великолепие московитов, которые все были верхом; не видать было конца по всему полю, что за Москвой, так что казалось, то было сильное войско, почти все одеты в парчу и разноцветные одежды»³⁴⁵.

Принц Иоанн согласился жениться на Ксении и стать русским удельным князем, принялся изучать русские обычаи и язык, а Ксения с семьёй поехала перед свадьбой на богомолье в Троице-Сергиеву лавру. В монастыре Борис с супругою и с детьми девять дней молился над гробом Святого Сергия, чтобы благословил Господь союз Ксении с Иоанном, против чего выступала, правда «шепотом и глухо», часть православного клира и мирян, считавшая, что выдача царской дочери за иностранного «безбожника» — дело неугодное Богу. Ведь будущий царский зять не собирался принимать Православие. К числу недовольных относился даже царский троюродный брат окольничий Семён Никитич Годунов³⁴⁶, которого называли «правое ухо Царя». Сохранилось свидетельство, что Царь страшился наказания за богоотступничество³⁴⁷.

Жених внезапно заболел и 29 октября 1602 года скончался в Москве, так и не увидев невесты. Борис сам сообщил Ксении о смерти жениха. По сообщению Н.М. Карамзина, после слов отца: «Любезная дочь! Твоё счастье и мое утешение погибло!», Ксения потеряла сознание. Это событие нашло отражение в трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов».

Но случай с Ксений не стал первым опытом в Русской истории, когда брачный союз должен был принести России некие преференции в международной политике. Самым близким по времени случаем являлся брак племянницы Царя Иоанна Грозного с датским принцем Магнусом Ольденбургским (1540—1583), сыном Датского Короля Христиана III (1503—1559, Король с 1536 года). Предыстория всего этого дела была такова.

Осенью 1559 года Ливонский орден под ударами русских войск начал распадаться. Епископ острова Эзель (современный Сааремаа в Эстонии) обратился за защитой к Дании, уступив датчанам острова Эзель и Пилтен с правом на Ригу и Ревель за денежное вознаграждение. Король отдал эти владения своему брату Магнусу. Принц обосновался на острове Эзель, надеясь на поддержку со стороны Дании и местного дворянства, но не обрёл ни того ни другого.

Иоанн Грозный, воюя с Ливонией, отнюдь не намеревался присоединить все обширные территории ордена к России. Он хотел создать некое буферное государство под русским протекторатом, и тут Магнус оказался весьма кстати. 10 июня 1570 года Магнус прибыл в Москву; здесь его торжественно встретили и провозгласили «Королём Ливонии». Для закрепления этой комбинации Грозный решил прибегнуть к династическому браку. Магнус дал клятву верности Царю и получил большие средства. Одновременно было официально объявлено о его помолвке с княжной Евфимией Старицкой — двоюродной племянницей Царя. Однако эта брачная комбинация не состоялась ввиду скорой кончины невесты.

Это не обескуражило Царя, и «Королю Ливонии» была предложена рука младшей сестры покойной — княжны Марии Старицкой (ок.1557—1597). Выбора у «Короля» не было;

без финансовой и военной поддержки России он был никто и ничто. В 1573 году в Новгороде состоялась бракосочетание, причём оба сохранили принадлежность к своим конфессиям: Магнус был протестантом, а Мария — православной.

Здесь нет надобности и возможности подробно излагать последующую историю. Скажем лишь, что когда против России в войне выступила и Речь Посполитая, то перевес сил оказался не на стороне России. Магнус счёт выгодным переметнуться на сторону Польши, сложил с себя королевский титул и признал польский суверенитет. Вся русско-ливонская комбинация в итоге закончилась ничем. Что касается «ливонской королевы», то она родила от Магнуса двух дочерей — Марию (1580—1597) и Евдоксию (1581—1588), вернулась на родину и тихо скончалась в одном из русских монастырей...

Борис Годунов не был только занят устройством внешних дел. Много времени он уделял и внутренним делам государства; он этим начал заниматься за многие годы до своего воцарения. Ничего принципиально нового в этой политике не произошло и после того, как Борис Фёдорович стал носить царский венец. Как отмечал историк С.Ф. Платонов, «во внутренней политике Бориса, когда вы читаете о ней показания русских и иностранных современников, вы раньше всего заметите один мотив, одну крайне гуманную черту. Это, выражаясь языком того времени, защита вдов и сирот, забота о нищих, широкая благотворительность во время голода и пожаров»³⁴⁸.

У Конрада Буссова, совсем не расположенного к Третьему Царю, тем не менее можно найти высокую оценки его деятельности после коронации. «Все вдовы и сироты, местные жители и иноземцы были от имени царя наделены деньгами и запасом, то есть съестным. Все заключенные по всей земле были выпущены и наделены подарками. Царь дал обет в течение пяти лет никого не казнить, а наказывать всех злодеев опалой и ссылкой в отдаленные местности. Он повелел построить особые судебные палаты и приказы, издал новые законы и постановления, положил конец всякому имевшему место в стране языческому содомскому распутству и греху, строго-настрого запретил пьянство и шинкарство или корчмарство,

угрожая скорее простить убийство или воровство, чем оставить ненаказанным того, кто вопреки его приказу откроет корчму и будет продавать навынос или нараспив водку, меда или пиво. Каждый у себя дома волен угощаться чем Бог пошлет и угощать своих друзей, но никто не смеет продавать москвитам напитки, а если кто не может прокормиться без содержания корчмы или шинка, тот пусть подаст челобитную, и Царь даст ему землю и крестьян, чтобы он мог на это жить»³⁴⁹.

Борис Годунов, как он и восклицал в день коронации, хотел добиться мира, согласия и благополучия на Руси. Ему не удалось многого достичь; обстоятельства внешнего и внутреннего порядка тому воспрепятствовали, но помыслы и посылы его проявлялись всегда именно в этом направлении. В связи с этим нуждается в объяснении одно важное положение. В литературе можно встретить утверждения, что именно при Борисе Фёдоровиче русские крестьянство было окончательно закрепощено, что он стал чуть не творцом крепостничества! Это совершенно бездоказательный тезис.

В своё время ещё В.О. Ключевский, специально изучавший историю аграрных отношений на Руси, заключал: «Мнение об установлении крепостной неволи крестьян Борисом Годуновым принадлежит к числу наших исторических сказок»³⁵⁰. Тем не менее утверждения, что Годунову пришлось сыграть зловещую роль «крепостника», всё ещё продолжают звучать³⁵¹.

История прикрепления крестьян к земле и землевладельцу имела давние корни, но реально дала о себе знать в последний период царствования Иоанна Грозного. Русско-американский историк Г.В. Вернадский (1888—1973), следуя в генеральном русле русской историографии, совершенно справедливо написал: «Широкая политика Грозного превратила Московское государство в настоящий вооруженный лагерь огромных размеров. Одновременная борьба на разных фронтах требовала невероятного напряжения всех народных сил»³⁵².

Интересы государства требовали полной мобилизации народно-государственных ресурсов; интересы «общего» (Царства) получали приоритет над «частным» (крестьянство). Но и со смертью Грозного потребности мобилизации хоть и

потеряли свою военную остроту, но никуда не исчезли. Созидание государства, обустройство его внутренней жизни, которым следовала Верховная Власть, требовали мер чрезвычайных. Одной из таких мер и стало прикрепление крестьян. Здесь нуждаются в пояснении две понятийные категории: Юрьев день и заповедные (запретные) года.

Юрьев день (Егорьев день) — народный праздник, приуроченный к церковным дням памяти Святого Георгия Победоносца. Имя Георгий в русской транскрипции — Егорий, Юрий. Отмечается дважды в год: весной («тёплый Юрий») 23 апреля (6 мая) и поздней осенью («холодный») 26 ноября (9 декабря).

К зимнему Юрию приурочивался сельскохозяйственный календарь; в этот день заканчивались все работы и проводились все расчёты по денежным и натуральным повинностям. К этому рубежу был привязан и выход (перемена владельца) у крестьян. Судебник 1497 и судебник 1550 года разрешали переход крестьян от одного землевладельца к другому за неделю до и после Юрьева дня, то есть две недели в году. С 1580 года стали появляться отдельные указы, устанавливающие заповедные лета, то есть годы, когда «выход» запрещался в отдельных местах и в конкретных вотчинах, а «ушедших» требовалось разыскивать и возвращать «в первобытное состояние». Общего же «Указа», отменяющего Юрьев день, в России не существовало.

При Царе Василии Шуйском в 1607 году Поместный приказ издал пространное Уложение о крестьянах, в текст которого была включена и историческая справка. «При Царе Иоанне Васильевиче, — утверждали дьяки-составители, — крестьяне выход имели вольный, а Царь Фёдор Иоаннович по наговору Бориса Годунова, не слушая совета старейших бояр, выход крестьянам приказал, и у кого колико (сколько много. — А.Б.) тогда крестьян где было, книги учинил»³⁵³.

Как заключал исследователь, «Компетентность составителей Уложения не вызывает сомнения. Уложение вышло из стен того самого Поместного приказа, который издавал и хранил все законы о крестьянах. Этот источник имеет первостепенное значение. Он окончательно разрушает представление о том,

что крестьяне утратили выход при Грозном. Предполагали, что Царь Иван, введя “заповедь”, провел перепись земель, чтобы закрепить крестьян за землевладельцами. По Уложению, перепись провел не Иван, а Фёдор. Факты целиком подтверждают эту версию. При Грозном писцы побывали лишь в Новгороде. Общее описание государства было сделано после его смерти»³⁵⁴.

Все процитированные оговорки и логические конструкции не могут затемнить одного непреложного факта: годуновского указа по сему поводу не было найдено, хотя писцы при Шуйском, что вполне понятно и объяснимо, и пытались возвести на покойного Самодержца напраслину. Потому утверждение, что Царь Фёдор Иоаннович «по наущению» коварного Бориса Годунова «выход крестьянам заказал», — всего лишь утверждение пристрастного служащего (или служащих). Антигодуновская тенденциозность неизменно отличала правление Василия Шуйского; все документы и свидетельства той поры — яркое тому подтверждение...

Единого акта об отмене Юрьева дня и прикреплении крестьян к земле не существовало, так что утверждать, что при Борисе Годунове «произошло полное закрепощение», нет никаких оснований. Подобный указ до сих пор не обнаружен. Мало того, при Борисе Годунове в 1601 и 1602 года крестьянам царскими указами разрешался «выход».

Прикрепление крестьян к земле и к землевладельцу вводилось постепенно, как прецедентное право. Оно началось до Бориса Годунов и продолжилось после него. Окончательное, уже полное закабаление произошло при Петре I и его преемниках в XVIII веке, когда крестьянин не только прикреплялся к земле, но и становился личной собственностью землевладельца-помещика. Насколько известно, первый указ подобного рода появился в 1720 году, когда властям в Сибири было представлено право принимать в рекруты не только вольных людей, но и «покупных». Указ 4 декабря 1747 года окончательно признавал за помещиком абсолютное право над подданными, разрешая им продавать крестьян и дворовых с обязательством платить подушные подати за проданных³⁵⁵.

Никакой торговли крестьянами, то есть полной потери личного крестьянского суверенитета, не существовало ни при

Иоанне Грозном, ни при Фёдоре Иоанновиче, ни при Борисе Годунове. Земледельцев прикрепляли к земле, чтобы, с одной стороны, упорядочить сбор податей и гарантировать экономическую жизнедеятельность вотчинных хозяйств, а с другой, не менее важной — обеспечить хозяйственное развитие огромных пустынных территорий на Юге и на Востоке страны.

Московские Цари, в том числе и Борис Годунов, ещё не являлись «абсолютными» монархами, каковыми, по примеру западноевропейских монархий, стал Пётр I и его потомки. Они были «самодержавными», обязанными не просто управлять государственными делами и распоряжаться подданными, но и блюсти «Правду Божию» на земле. Совместить же Её с торговлей «живым товаром», то есть людьми, было невозможно.

Глава 8.

НЕИСПОВЕДИМЫ ПУТИ ТВОИ, ГОСПОДИ...

Царствование Бориса Годунова не стало временем благоденствия для Руси, хотя помыслы Царя были направлены на умиротворение и процветание страны. Вся его деятельность свидетельствовала о том, что он хотел передать сыну Фёдору родной дом, свою «отчину», Царство благоустроенным и «зело красивым». Не вышло, не получилось. Беды и напасти следовали чередой. Современники видели в этом Божье наказание за «дела неправедные» Царя Бориса. Во «Временнике» Иван Тимофеев привёл как бы «диагноз» причин тяжёлых потрясений Русской Земли:

«Общей кончиной этих двух братьев (Дмитрия и Фёдора Иоанновичей. — А.Б.) после их смерти был прерван род и весь благородный корень российских властителей! После же этих начали возводить наверх царства рабов — людей из среды бояр, но по-разному, одного так, другого — иначе: среди них первый — Борис, потом Расстрига и те, кто за ними, чья дерзость была совсем бесстыдна и воцарение странно; из-за них и земля, не терпя (этого), столько лет, даже до настоящего времени, смущаемая из-за Царя, колеблется неустанно»³⁵⁶.

Автор не видел разницы между Борисом Годуновым и Лжедмитрием; для него они оба из разряда «рабов», а потому — властители «незаконные» и Богу не угодные. Подобную же мировоззренческую систему прекрасно выразил и «Московский летописец»:

«По преставлении же Царя и Великого князя Фёдора Иоанновича вся Русь многочисленного московского народа и прочих градов без воли Царицы и Великой княгини иноки Александры нарекли Царём и Великим князем вся Русь Бориса Фёдоровича Годунова, потом помазав его на Царство. И от того времени благодать Божия и мир начали отступать, а злоба и вражда, и злодейства начали являться за нестрашными клятвами, вводя в грехи росейский род, его же не имея силы понести. И сего ради навёл Господь на землю глад, скорбь, усобицу. Потом неведомо откуда возник прелестник, и нарёкся сыном Царя и Великого князя Иоанна Васильевича вся Русь Царевич Дмитрий, убиенный повелением Борисовым, тем Бог отомстил кровь неповинную Дмитрия Царевича. По сему всеми людьми Борис ненавидим был, и отступились от него и от сына его и примкнули к прелестнику; он же сына Борисова Царевича Феодора Борисовича и мать его давлению предал, и дочь его постриг, и род его от влaстительства изменил, и поляков и литовцев привёл, и многие кровопролития сотворил; и сам убиен бысть от народа повелением бояр»³⁵⁷.

Такова была концепция Русской истории, объясняющая смысл хода времён, начавшая возникать уже в 1605 году и быстро утвердившаяся в сознании, а через два десятка лет, после смерти Бориса Годунова, ставшая «аксиоматической».

Показательно для умонастроений времени, что «Московский летописец» идёт на открытый подлог и утверждает, что Борис Годунов «наречён» был Царём «без воли» Царицы-инокини Александры. Все участники январско-февральских событий 1598 года знали, что Ирина-Александра благословила брата на Царство. Однако с тех пор прошло много времени; «Московский летописец» составлен был после 1635 года. Никого из очевидцев уже не осталось в живых, а потому подлинные обстоятельства заслонялись последующими «нужными» представлениями о

них. Желаемое приобретало не только облик возможного, но и становилось как бы действительным, хотя это и не соответствовало подлинной реальности.

В приведённой выдержке из «Московского летописца» особо примечательны выражения: «нестрашные клятвы», «введение во грех» народа «росейского». Вина за это безоговорочно возлагалась на Бориса Годунова, «повелением» которого был якобы убит Царевич Дмитрий. В документе явно проступает несбалансированность причинно-следственных связей. Гибель Дмитрия преподносится как непрощёное преступление, а убийство Царя Фёдора Борисовича, лично ни в чём не замешанного, безвинного и непорочного, «как ангел», то это убийство трактуется только как возмездие за дела отца. Никакого иного морально-назидательного акцента тут больше нет.

Естественно, что составители «Московского летописца», как и целого ряда других подобных сводов той эпохи, ни о каком «балансе» не помышляли. Им надо было объяснить ту череду тягостных, а то и просто ужасных событий, сотрясавших Русский дом целый ряд лет, да так тяжело, что всё здание разрушилось почти до основания. Надо было найти «виноватых», и они были найдены. Во-первых, Борис Годунов — Царь «неправедный», а во-вторых, самозванец.

Для теоцентричного сознания, а таковым именно оно только тогда и было, происходившие события воспринимались как «кара Божия». Все книжники и интеллектуалы того времени прекрасно знали библейские предания, глубокий назидательный смысл библейских повествований.

Для наших предков, в отличие от множества современных людей, Библия не являлась набором неких «текстов» из стародавних времён; это — Книга Жизни, данная людям навсегда, раскрывающая Промысел Божий, без усвоения которого правильное жизнеустройство на земле невозможно. Ведь земная человеческая жизнь — смрадная, скоротечная, неблагая — только миг, перед той несказанной красотой небесного бытия, которая грядёт в мире ином. Но подобную радость надо заслужить, а для этого — «правильно усвоить» испытания и кары, посылаемые Всевышним.

Библия давала множество назидательных примеров. Самый в данном случае подходящий и, как казалось, сопоставимый — история «казней египетских». Подобное выражение в Ветхозаветном Писании не встречается; это — общецерковное определение, обозначающее Божии кары за неблагочестие правителей и людей³⁵⁸. Сам перечень кар на Руси был иным, чем в Египте, но суть от этого мало менялась. Все «казни» Русской Земле посылались Всевышним за «неблагочестие», «богоотступничество» «неправого» Царя Бориса, который вознесся на трон, хотя не имел, в силу своего «худого» происхождения, на него никакого права. Подобная точка зрения, которую можно назвать «боярской», прекрасно выражена Иваном Тимофеевым.

Тимофеев называет и хорошие качества Бориса Годунова, которые он явил тогда, когда на престоле восседал «святой Царь» Фёдор Иоаннович, а Борис «добром» управлял людьми, делая немало благого; он был «сладок, тих, кроток, податлив и любим». За то его и избрали на Царство. И тут произошла с ним разительная перемена: он стал нетерпим, жестоким безмерно, то есть всех обманул. За этот обман, подытоживал дьяк Тимофеев, Борис «погубил свою душу», и Бог наказал его за гордость³⁵⁹.

Во «Временнике» перечисляются «преступные» и «свято-татственные» дела Царя Бориса Годунова. Тимофеев подробно останавливается на том, как, желая укрепить своё и своей семьи положение на престоле, Борис нарушал древние обычаи: он изменил традиционную форму и вид присяги, заставляя своих подданных приносить её в церкви и вводя в текст угрозы тем, кто нарушит клятву; требовал, чтобы его титул писали всюду полностью, чтобы духовенство поминало в церкви не только его, но и его семью. И, о ужас! — грамоту о своём избрании, подписанную избирателями, он «кладет» в гробницу Святителю Петра, совершая, по мнению Тимофеева, неслыханное богохульство. Тимофеев убежден, что, если бы дерзнуть открыть эту гробницу, обнаружилось бы, что это «рукописание» отвергнуто Петром, так как оно «богопротивно».

В ряду обвинений далее следует: Борис строит в Кремле высочайшую колокольню (Ивана Великого) и наверху её укрепляет «золотую доску» со своим именем, в память своего из-

брани на Царство; он устанавливает ежегодный крестный ход в Новодевичий монастырь, «радостне празднуя, на кий день временную славу си получи», то есть учреждает празднества не Богу, а самому себе. Он собирался строить церковь и задумал создать невиданную «плащаницу» — «гроб Христов», изукрашенную золотом и драгоценными камнями. Описывая её, Тимофеев замечает, что сие делалось не «по естеству», а «сугубо от гордости» и от «высокоумия», которые у правителя заменили веру³⁶⁰.

Тимофеев в «каталог» вин и прегрешений Бориса Годунова включил дела и поступки Третьего Царя, которые трудно вменить в вину именно с позиции праведности.

Вначале уместно сказать о Святителе Петре, высокочтимом особенно в Москве. Митрополит Киевский и всея Руси Пётр (ум.1326) первый из Митрополитов перенёс своё местопребывание из Владимира в Москву в 1325 году, предсказав освобождение от татаро-монгольского ига и великую историческую будущность этому, тогда ещё довольно захолустному городу. По желанию и совету Святого Петра Великий князь Иван Данилович (Калита) заложил в 1326 году, августа 4-го, в Москве на площади в Кремле первую церковь каменную во имя Успения Пресвятой Богородицы. «Если ты, — наставлял святитель Великого князя, — успокоишь старость мою и возведешь здесь храм Богоматери, то будешь славнее всех иных князей, и род твой возвеличится, кости мои останутся в сем граде, святители захотят обитать в оном, и руки его въздут на плещи врагов наших».

Святой Митрополит собственными руками построил себе каменный гроб в стене этого храма и желал видеть строительство оконченным, но церковь Успения была освящена после его кончины, летом 1327 года. А раньше, 21 декабря 1326 года, Святитель Пётр отошёл к Богу, а его тело было погребено в ещё строящемся Успенском соборе. Пётр почитался покровителем и заступником Москвы и московских правителей, начиная с Ивана Калиты.

Слух о том, что Борис якобы положил «во гроб» Святителя свою Утверждённую грамоту, не имеет под собой никакого основания; это — пристрастная легенда. Согласно нормам

Православия, в «гроб» после погребения ничего и никогда «не клали»; это было бы вопиющим святотатством. Если бы нечто подобное произошло, то тогда можно было уже обвинять не только Годунова, но Первопатриарха Иова и вообще всех русских архиереев в нарушении канона. Другое дело, что традиционно помещали некие предметы и документы на гробницу Угодников Божиих, прося благословения и заступничества перед Богом. Так что говорить о том, что Святитель «отверг рукописание», нет никаких оснований, тем более что подобное «рукописание» было одобрено и утверждено Собором Земли Русской и всем церковным синклитом.

Что касается возгласения многолетия и моления за здравие Царя и Царского рода («царская ектенья»), то это было принято давным-давно, и ничего нового тут Борис Годунов не вводил; к тому же ничего в церковный чин он сам «ввести» и не мог. При всей своей огромной властной прерогативе московские правители, даже «тиран» Иоанн Грозный, ничего от себя в церковный чин не «вписывали» и угодных себе добавлений не делали.

Теперь что касается колокольни Ивана Великого. Это — общеупотребительное название церкви-колокольни Святого Иоанна Лествичника, расположенной на Соборной площади Московского Кремля. Колокольня являлась самым высоким зданием Москвы — 81 метр — вплоть до конца XIX века, до сооружения храма Христа Спасителя. В старину у колокольни читали царские указы — громогласно, «во всю Ивановскую», как тогда говорили.

Краткая история создания храма-колокольни такова. В 1329 году на этом месте была построена церковь Святого Иоанна Лествичника «иже под колоколы». В 1505 году старая церковь была разобрана, и к востоку от неё приглашённым итальянским мастером Боном Фрязином была сооружена новая церковь в память об умершем в тот год Великом князе Московском Иоанне III. Строительство было закончено в 1508 году. «Того же лета [1508 год] свершиша церковь святого Архангела Михаила на площади и Иоанн святой иже под колоколы и Иоанн святой

Предтеча у Боровитских ворот, а мастер церквам Алевиз Новый, а колоколници Бон Фрязин».

В 1532—1543 годах зодчий Петрок Малый пристроил с северной стороны церкви прямоугольную звонницу с храмом Вознесения Господня, которая была полностью перестроена и приобрела вид, близкий к современному.

В 1600 году при Царе Борисе Годунове предположительно «государевым мастером» Фёдором Конём к двум ярусам колокольни Иоанна Лествичника был достроен ещё один, после чего колокольня приобрела настоящий вид. Завершение строительства отмечала не «золотая доска», а надпись золотыми буквами под куполом колокольни, сохранившаяся донныне: «Изволением святой Троицы повелением великого Государя Царя и Великого князя Бориса Федоровича всея Руси Самодержца и сына его благоверного Великого Государя Царевича князя Фёдора Борисовича всея Руси сей храм совершен и позлащен во второе лето государства их».

Надстройка колокольни была связана с готовившимся Борисом Годуновым возведением в Кремле храма Святая Святых — Новоиерусалимского собора, повторявшего храм Гроба Господня в Иерусалиме, который должен был располагаться к северу от «столпа» колокольни, на месте нынешней звонницы. Проект осуществлён при Царе Борисе не был. Только при шестом Патриархе (1652—1666) Никоне и Царе Алексее Михайловиче в 1656 году на реке Истре под Москвой начали возводить Воскресенский Новоиерусалимский монастырь, долженствующий воссоздать главные контуры Святой Земли и стать Русской Палестиной.

Все указанные вины Царя Бориса носят какой-то нарочитый, несерьезный характер. Лишний раз только можно убедиться, что, как написал историк С.Ф. Платонов, все «улики против Бориса слишком шатки»³⁶¹. Но при этом обвинения-то слишком громогласны и слишком серьезны. Помимо «дела Царевича Дмитрия» существовало и ещё одно «дело», в котором многие видели, а некоторые и до сего дня видят проявление «низменной человеческой природы Годунова»; одну из главных его «вин». Речь идёт о так называемом «деле Романовых».

Перед Борисом Годунов после воцарения постоянно возникал вопрос об укреплении своей власти, чего невозможно было сделать без обуздания боярского своеволия. Он, конечно же, прекрасно знал, как боярские спесь, непослушание, корыстолюбие, «многомятежные хотения» умел подавлять Царь Иоанн Грозный. Сколько в его правление именитых и родовитых лишились и имущества, и крова, и свободы, и жизни. В конце же своего правления он так всех «приструнил», что «люди высокой чести», что называется, и пикнуть не смели. Сам, пройдя тяжёлую и опасную «школу Иоаннову», Борис Годунов не хотел подобной участи не только для своей семьи, но и для других.

Третий Царь намеревался добиться веры и верности не через страх, а по доброй обязанности, по согласию, через миролюбие и взаимное расположение. Ведь все крест целуют и клятвы дают, всё перед Лицом Божиим присягают, и исполнять обеты обязаны по доброй воле. Но очень быстро выяснилось, что доброе сердце и незлобивые помыслы Царя только разнуздывают старые инстинкты. Он не желал прибегать к казням, хотя это было неотъемлемое право Самодержцев, но и оставлять без последствий боярскую «оппозиционность» он не имел права.

Необходимо ещё раз подчеркнуть, что до нас дошло очень мало материалов и свидетельств, раскрывающих время, так сказать, «в прямом отражении». Всё, что написано про Бориса Годунова и эпоху его правления, практически всё, выходило из-под пера различных авторов через годы и десятилетия. В таких случаях событийно-смысловая ретушь неизбежна. В данном же случае речь вообще надо вести не о какой-то «ретуши», не о «поправлении» портрета времени, а в силу различных причин общего и частного порядка о его полном переписывании и переименовании. Потому многие важные события как бы повисают в воздухе.

Сами дела правителя подвергаются осуждению и хуле, а мотивационные установки «злодея» просто отсутствуют; вместо них во множестве циркулируют домыслы, уверенно выдаваемые на «тайные намерения» Бориса Годунова. Самое показательное и резонансное подобное событие эпохи Третьего Царя —

«Дело Романовых». С пафосом обличительной нетерпимости Н.М. Карамзин написал, что «сие дело — одно из гнуснейших Борисова ожесточения и бесстыдства»³⁶².

С тех пор об этой истории так много сказано, но существо события так до сего дня и не прояснено. Да вряд ли оно вообще когда-либо будет прояснено во всех своих составляющих; сколько-нибудь надёжных документов до наших дней не дошло. Однако общий абрис той истории восстановить и возможно, и необходимо.

Ко времени воцарения Годунова, в 1598 году, здравствовали пять братьев Никитичей — сыновья покойного боярина Никиты Романовича Захарьина-Юрьева, умершего в 1586 году и принявшего перед смертью постриг с именем Нифонта. Именитый вельможа, дядя Царя Фёдора Иоанновича, был весьма «чадоплоден». Он был женат дважды: первый раз — на Варваре Ивановне Ховриной (ум. 1552), а второй — на княжне Евдокии Александровне Горбатовой-Шуйской (ум. 1581), принадлежавшей к потомкам суздальско-нижегородских Рюриковичей. В общей сложности Никита Романович являлся отцом тринадцати детей.

От первой жены родились: Анна (ум. 1585), супруга князя И.Ф. Троекурова; Евфимия (ум. 1602), супруга князя И.В. Сицкого; Анастасия (ум. 1555), супруга князя Б.М. Лыкова-Оболенского и Ульяна (родилась и умерла в 1565 году).

От второй жены родились: Фёдор (Филарет) (1556—1633); Марфа (ум. 1610), супруга князя Бориса Кейбулатовича Черкасского; Лев (ум. 1595); Михаил (ум. 1602); Александр (ум. 1602); Никифор (ум. 1601), Иван (ум. 1640); Ирина (ум. 1639), супруга окольничего Ивана Ивановича Годунова; Василий (ум. 1602).

Главным среди Никитичей был старший сын Фёдор Никитич, красивый, статный боярин, много лет считавшийся «первым щёголем» в Москве. Как отмечал голландский купец Масса, среди портных и московских купцов было принято «говорить, когда платье сидело на ком-нибудь хорошо: “Второй Фёдор Никитич”; он так ловко сидел на коне, что всяк, видевший его, приходил в удивление; остальные братья, которых было немало, походили на него»³⁶³.

Богатые, родовитые, именитые Никитичи явно выделялись среди русской аристократии, можно даже сказать, что они выдвигались на первое место среди вельмож. Во-первых, у них существовали родственно значимые связи с Царским «Домом Рюрика»; во-вторых, они занимали видные места в Боярской Думе, то есть в высшем органе управления, и, в-третьих, матримонимальные связи Никитичей связали этот боярский род со многими другими представителями элиты, так что возник мощный боярский клан. Именно в силу подобных причин они потенциально могли стать как важной опорой власти Царя Бориса, так и первыми разрушителями её. Лидером этой «партии» несомненно являлся старший из Никитичей — Фёдор.

Примерно в 1590 году Фёдор Никитич женился на костромской дворянке Ксении Ивановне Шестовой, в иночестве Марфа (ум. 1631). В браке родилось шестеро детей: Татьяна (ум. 4 ноября 1612) — супруга князя И.В. Катырева-Ростовского; Борис (ум. 20 ноября 1592 года в младенчестве); Никита (ум. 29 ноября 1593 года в младенчестве); Михаил — будущий Царь (1596—1645); Лев (ум. 21 сентября 1597 года в младенчестве); Иван (ум. 7 июня 1599 года в младенчестве).

Семья Фёдора Никитича могла считаться образцовой: богатая, благочестивая, известная; дом был хлебосольным, что называется, «полная чаша». Романовым было чем гордиться; у самого Царя они «первые гости» и «первые советники». Однако в ноябре 1600 года наступил полный крах. Всех Романовых арестовали, имущество конфисковали, а самих разослали по разным местам и монастырям. Несколько месяцев они провели в Москве под следствием, а в 1601 году Ксению Ивановну сослали в Заонежье в село Толвуя на берегу Онежского озера и принудили принять постриг под именем Марфы. Фёдора же Никитича отправили в Антониев-Сийский монастырь под Архангельском, где он принял постриг с именем Филарета. Двоих детей — Татьяну и Михаила — разлучили с родителями, и их на попечение взяла тётка — княгиня Марфа Никитична Черкасская.

Подобная же участь была уготована и другим Никитичам, а также и их родственникам: Сицким, Черкасским, Шестуновым,

Карповым. Никто из них не был казнен, но из Никитичей только двое — Фёдор и Иван — пережили опалу, остальные умерли, но не по вине Бориса Годунова, хотя его в этом потом и обвиняли. Как заключал С.Ф. Платонов, «до нас дошло любопытное дело о ссылке Романовых; в нём имеется инструкция Царя, чтобы со ссылкой боярами обращались мягко и не притесняли их. Этот документ отлично оправдывает Бориса от излишних обвинений в жестокости во время его царствования...»³⁶⁴

Все эти кары и опалы выглядят неоправданными или, по крайней мере, необъяснимыми. Первоначально Романовы никаких личных властных поползновений внешне не выказывали и совершенно безоговорочно подписали Грамоту об избрании Бориса Годунова, принеся все клятвы, по сему поводу полагающиеся. Казалось бы, что же случилось? Почему Царю через два года после коронования понадобился разгром боярского клана? Несмотря на показную «тихость», боярское самомнение никуда не делось; чваниться своей «родовой честью» оставалось в порядке вещей. Здесь самое время привести точку зрения самих Романовых, которую отразил «Новый летописец», включающий отдельную главу: «О Фёдоре Никитиче с братьями». Это довольно пространный текст, который будет воспроизведён в обширном фрагменте, так как там содержатся важные детали и обмолвки, помогающие приблизиться к разгадке всего «дело Романовых».

«Царь же Борис, помышляя себе, что извёл царский корень, повелев убить Царевича Дмитрия, а потом и Государь Царь Фёдор Иванович преставился, желая царских последних родственников извести: братьев Царя Фёдора Ивановича Фёдора Никитича с братьями, а родство их ближнее — Царица Анастасия да Никита Романович от единых отца и матери; от Царицы Анастасии Романовны Царь Фёдор Иванович, а от Никиты Романовича — Фёдор Никитич с братьями. Царь же Борис не мог их видеть, желая оставшийся царский корень извести, и многих подучал людей их на своих господ донести; и по тем доносам хватал у них [Романовых] людей многих, которые за них стояли, и пытал их разными пытками; они же на государей своих ничего не говорили, терпели за своих государей в правде, не ведая за

государями своими ничего [худого]. Потом же вложил враг [умысел] в раба в Александрова человека Никитича во Второго Бартенева.

Тот же Второй был у Александра Никитича казначеем и замыслил, яко же в древности окаянный Яким Кучкович³⁶⁵ умыслил на государя своего на князя Андрея Боголюбского, и пришел к братии своей со словами: “Идем, убьем государя своего, князя Андрея”, — так и свершилось; так же и сей окаянный Второй пришел тайно к Семену Годунову³⁶⁶ и возвестил ему: “Что Царь повелит сделать над государями моими, то и сотворю”. Семен же был рад и возвестил [о том] Царю Борису. Царь же Борис повелел сказать ему [Второму] о своем великом жаловании.

Семён же, замыслив со Вторым, положил всякое коренье в мешки и повелел ему положить [мешки] в казну Александра Никитича. Тот же Второй сотворил это и пришел доносить на государя своего, и про то коренье возвестил. Царь же Борис послал окольного Михаила Салтыкова³⁶⁷ с товарищами и повелел расследовать [это дело]. Тот же окольный Михаил поехал с тем Вторым и мешки с кореньем взял, иного ничего не искал, зная, что в доме ничего несправедного нет; и привезли те мешки на двор к Патриарху Иову, и повелел [Михаилу Салтыкову] собрать всех людей, и то коренье из мешков повелел выложить на стол, будто то коренье найдено у Александра Никитича, и того доносчика Второго поставили тут в свидетели. Тут же привели и Фёдора Никитича с братьями. Они же пришли, как агнцы непорочные к закланию, лишь возлагая упование на Бога и не боясь ничего, потому что не ведали за собой никакой вины и неправды. Бояре же многие на них как звери пыхали и кричали. Они же им не могли отвечать из-за такого многолюдного шума.

Федора же Никитича с братьями отдали приставам и повелели их заковать; родственников же их: князя Федора Шестунова и молодых Сицких и Карповых отдали приставам же. За князем Иваном Васильевичем Сицким послали в Астрахань и повелели его привести в Москву с княгиней и сыном, заковав. Людей же их [Романовых], которые за них стояли, схватили. Федора

же Никитича с братьями и с племянником с князем Иваном Борисовичем Черкасским не единожды приводили к пытке. Людей же их, рабов и рабынь, пытали различными пытками и подучали, чтобы они на своих государей говорили. Они же отнюдь не помышляли ничего злого и помирали многие на пытках, и на государей своих не клеветали.

Царь же Борис, видя их неповинную кровь, держал их в Москве за приставами много времени; и, замыслив привести их к кончине, с Москвы разослал по городам и монастырям. Фёдора же Никитича послал с Ратманом Дуровым в Сийский монастырь и велел там постричь [в монахи]. Он же, государь [Фёдор Никитич], неволей был пострижен, но волей и с радостью великой и чистым сердцем ангельский образ воспринял, и жил в монастыре в посте и в молитве.

Александра Никитича с Леонтием Лодыженским сослал к Студеному морю к Усолю, называемому Луда; там его заточили в темницу; и по повелению [царя] Леонтий там его удушил, а погребен [Александр Никитич] был на Луде. Михаила же Никитича Романова с Романом Тушиным [царь] сослал в Пермь Великую, и повелел ему сделать тюрьму от города в семи поприщах; и там [Михаила Никитича] удавили, и погребен он там в пустынном месте, а над гробом его выросли два дерева, называемые кедры: одно дерево в головах, а другое в ногах³⁶⁸. Ивана же Никитича сослал в сибирский город Пелым со Смирным Маматовым; да к тому же Смирному послал Василия Никитича с сотником стрелецким с Иваном Некрасовым. Там же Василия Никитича удавили, а Ивана Никитича морили голодом»³⁶⁹.

Таким образом интерпретировалась история в окружении Патриарха Филарета, эту версию по праву можно назвать «Романовской»; она до сих пор ещё в ходу.

Начнём рассмотрение фрагмента с конца. Как явствует из повествования, трёх братьев — Александра, Михаила и Василия — по приказу Царя «удавили» в разных местах ссылки. Выжили только Фёдор да Иван Романовы. Брата же Ивана хоть и не удавили, но «морили голодом». Только об одном из братьев — Фёдоре — не говорится о его истязаниях, хотя, казалось бы, он-то, как старший представитель рода,

являл первейшую угрозу для Бориса, якобы просто горевшего желанием «извести Царский корень». Но его почему-то не «удавили» и голодом не заморили. Мало того, он стал монахом, «ангельский образ восприняв», и «жил в посте и молитве», а через три года вознесся до настоятели обители, получив сан архимандрита! Неплохой исход для «заклятого врага» всесильного Бориса Годунова!

Как установил ещё С.Ф. Платонов, никаких истязаний ссыльных Романовых не проводилось; можно точно говорить, что такие деяния не осуществлялись по повелению Царя. Отдельные же случаи издевательств и унижений, которым, несомненно, подвергались некоторые из ссыльных Романовых, например Михаил Никитич, можно объяснить только неумной служебной ретивостью приставленных к ним должностных лиц.

В пользу же того, что никакого «удавливания» не существовало, говорит тот факт, что некоторые из «погубителей» потом, после воцарения Романовых, служили в чести и почёте. Тот же стрелецкий голова Леонтий Лодыженский, будучи приставом у боярина Александра Никитича и якобы «удавивший» пленника, много лет потом служил стольником, то есть «наблюдал за столом» у его брата Фёдора, при дворе теперь уже Патриарха Филарета. При крутом нраве и непреклонности Патриарха Филарета трудно представить, чтобы он терпел перед глазами убийцу своего брата!

Даже Карамзин, для которого обличение Годунова, как, впрочем, и Иоанна Грозного, было, что называется, потребностью души, не смог обвинить прямо Годунова в убиении братьев Романовых. Говоря об Александре и Михаиле, он заметил, что они скончались то ли «от горести», «то ли от насильственной смерти». Не было ни одного, даже косвенного, свидетельства, подтверждающего намерение Годунова сжить со света Романовский род. Мало того, «Бедная Лиза»³⁷⁰ нашей историографии, то есть Н.М. Карамзин, вынужден был признать: его к тому принудили приказные документы, что Иван Никитич Романов в ссылке «имел весьма не бедное содержание, ежедневно два или три блюда, мясо, рыбу, белый хлеб и что

у пристава его было 90 (450 нынешних серебряных) рублей в казне для доставания ему нужного»³⁷¹. О каком тут «морении голодом» могла идти речь!

Из изложения «Нового летописца» следует, что в основе всей истории разгрома Романовского клана лежал заговор на жизнь Царя, которого намеревались извести то ли «ворожкой», то ли просто отравить. Здесь «Новый летописец» скуп на подробности; другие же свидетели той поры ещё менее словоохотливы. Можно заключить, что якобы у Александра Никитича были найдены какие-то «волшебские коренья», ставшие главной уликой при «разоблачении» Романовых. Инспирировали же этот подлог начальник сыска Семён Годунов и казначей Александра Никитича Романова некий Второй Бартенев, которого Борис Годунов наградил «великим жалованием».

В этом случае, как и в рассказанной ранее предыстории подготовки убийства Царевича Дмитрия, опять присутствует определённый мистический момент. «Окаянный» Бартенев предложил свои услуги доверенному Царя Семёну Годунову; при этом воспроизводится даже форма предложения — цитируется прямая речь при тайных переговорах. Конечно, всё это — безусловный вымысел.

Необходимо обратить внимание на другие обстоятельства, о которых сообщает «Новый летописец». Всё разбирательство о «мешках с зельем» и обличения Романовых происходили не у Царя, не в Боярской Думе, а у Патриарха, который не проявил участия и не выступил в защиту подозреваемых. Нередко пишут, что такая позиция Первопатриарха Иова объяснялась тем, что он «был ручным», был преданным Годунову, чуть ли не его марионеткой. Ранее приходилось уже говорить, что Монах-Первосвятитель никогда не являлся слепым исполнителем воли «зловредного» Бориса Годунова, которого он-то как раз считал благочестивым правителем. По его словам, Царь Борис являлся «православной веры крепким и непреклонным истинным поборником»³⁷².

Разбирательством же руководил боярин и окольный Михаил Глебович Салтыков, которому Царь повелел «расследовать дело». По всей видимости, у «мешков с кореньями» на

патриаршем подворье произошла жаркая сцена, когда братья Романовы попали под огонь разоблачительной критики. Ведь, как признавал «Новый летописец», бояре на них «как звери пыхали и кричали». Кто входил в круг этих «пыхающих», не ясно, но не подлежит сомнению, что то были не только Семён Годунов, «Второй Малюта Скуратов», по оценке Карамзина, и Михаил Салтыков. Может быть, братья Романовы ничего не говорили, стояли «как агнцы непорочные перед закланием», именно потому, что были сокрушены разносными речами именитых и высокопоставленных. Положение же обязывало что-то говорить, так как речь шла об обвинении в тягчайшем преступлении — злоумышлении на жизнь Государя. За такое наказывали смертью и не только в России; за подобные провинности казнили и до Бориса Годунова, и после.

Вот выдержка из Уложения Царя Алексея Михайловича от 1649 года: «Будет кто каким умышлением учнёт мыслить на государское здоровье злое дело, и про то его злое умышленье кто известит, и по тому извету про то его злое умышленье сыщется допряма, что он на царское величество злое дело мыслил, и делать хотел, и такова по сыску казнить смертию. Так же будет кто при державе царского величества, желая Московским государством завладеть и государем быть и для того своего злово умышления начнет рать собирать, или кто Царского Величества с недруги учнёт дружитца, и советными грамотами ссылатца, и помощь им всячески чинить, чтобы тем государевым недругом, по его ссылке, Московским государством завладеть, или какое дурно учинить, и про то на него кто известит, и по тому извету сыщется про ту его измену допряма, и такова изменника по тому же казнить смертию»³⁷³.

Подобный законодательный норматив существовал и через полвека после смерти Бориса Годунова. Разница состояла только в том, что Годунов своих недругов жизни не лишал.

Мы не знаем, какие речи звучали при той сцене на Патриаршем подворье, но сам глава рода Фёдор Никитич и в ссылке в Сийском монастыре не мог долго успокоиться; ненависть знати, близкой им по статусу, потрясала и заставляла проливать горючие слёзы. Пристав при нём доносил в Москву, что тот говорил: «Бояре-

де мне великие недруги, искали-де голов наших, а ныне-де научили на нас говорить людей наших, а я-де сам видел то не единожды»³⁷⁴.

Царь Борис Фёдорович не прибег к решительным мерам, не отправил обвиняемых тотчас на плаху, как то иногда делал Иоанн Грозный и на что Третий Царь имел неоспоримое право. Следственная комиссия работала более шести месяцев, а только в июне 1601 года последовал приговор Боярской Думы. Иными словами, наличествовала определённая процедура дознания и суда, что свидетельствовало о соблюдении Самодержцем принятых правовых норм.

«Новый летописец» об этой процедуре ничего не говорит, хотя и утверждает, что слуг Романовых «пытали», «казнили», «подучали» доносить на своих господ. Кого и сколько всего «казнили» — о том не сообщается; молчат об этом и другие современники. Умалчивается и о том, что родственник Романовых князь боярин Фёдор Шестунов не был «закован», так как был болен. Он тихо скончался в своём доме, хотя его слуга дал на него разоблачительные показания. Да и вообще надели оковы на Романовых не царским повелением, а распоряжением Боярской Думы!

Что же установили всё-таки при разбирательстве и в Думе, а потом в следственной комиссии? Неужели только «мешки с кореньями» стали причиной такой резкой реакции? Возможно, для ворожбы, что вообще-то считалось занятием нечистым, нехристианским, а потому и противозаконным, и требуется множество «кореньев», но ведь для отравления нужна всего какая-то малая толика ядовитого зелья. Подробностей разбирательства не существует; здесь опять можно сослаться на очень плохую сохранность документов той эпохи. Как следует из скупых скороговорок и обмолвок «Нового летописца», какие-то показания служащих Романовых существовали. Насколько можно судить, дознание проводилось «с пристрастием», то есть под пытками, что в то время было в порядке вещей.

«Фёдора же Никитича с братьями и с племянником с князем Иваном Борисовичем Черкасским не единожды приводили к пытке», — утверждает «Новый летописец». Более нет никаких

указаний на процедуру дознания и её результаты. Нет данных и о том, что указанные лица — Фёдор Никитич и его племянник Иван Черкасский³⁷⁵ — физически пострадали при дознании, а такое часто случалось. Никаких телесных недостатков у них потом не наблюдалось, и они прожили после тех мытарств долго: Фёдор-Филарет преставился в 1633 году, а Иван Черкасский в 1642 году.

О судьбе Ивана Черкасского, который при Царе Михаиле Фёдоровиче в 1630-х годах станет фактическим главой государственного управления, следует сказать особо. Он родился около 1580 года и в 1598 году в качестве стольника подписался под соборным определением о призвании Бориса Годунова на Царство. Князь Черкасский был взят вместе с Романовыми³⁷⁶. Уже потом выяснилось, что старобоярский дом князей Черкасских часто посещал Григорий Отрепьев, который служил у Романовых. Исходя из знакомства будущего Лжедмитрия с Романовыми, некоторые авторы предполагают, что именно этот факт мог стать поводом для разгрома Романовского клана. Но думается, что это слишком вольная интерпретация. В 1600 году, когда начало раскручиваться это дело, будущий самозванец ещё был никому не известен, и даже не вполне ясно, находился ли он в России или уже бежал в Польшу.

Боярский приговор, состоявшийся в июне 1601 года, определил князю Ивану Черкасскому самую высшую меру наказания, какая только была применена в этом процессе: имение его было «отписано на Государя», а самого его решено было сослать в Сибирь на житье; туда же были сосланы только двое из выдающихся представителей рода Романовых — Иван и Василий Никитичи. Однако пристав, везший князя Ивана Борисовича в ссылку, получил приказание оставаться со своим узником до царского указа в Малмыже на Вятке. 28 мая 1602 года Царь указал быть князю Ивану Черкасскому и дяде его Ивану Никитичу Романову на государевой службе в Нижнем Новгороде; пристав должен был везти князя Ивана из Малмыжа в Нижний нескованного и смотреть, чтобы он ни во время пути, ни в Нижнем ни в чём не нуждался и никакого «лиха» над собой

не учинил. В Нижнем Новгороде князь Черкасский должен был «жить до указа», который и вышел 17 сентября 1602 года: Царь Борис «пожаловал» князя Ивана и Ивана Никитича Романова, велел их «взять к Москве», куда князь Иван и был привезен в ноябре того же года.

Возвращаясь к поставленному ранее вопросу: были ли добыты в ходе следствия некие компрометирующие Романовых показания, уличающие их в злоумышлении против Царя, то есть в государственном преступлении особой тяжести? Точного ответа нет. Можно предположить, что что-то всё-таки обнаружилось, но что именно, так и осталось не ясным. Получается, что в итоге остались только «коренья»? Думается, что не только. Ведь существовали какие-то «изветы»³⁷⁷ служащих на своих господ, их «рабов и рабынь», по лексике «Нового летописца», которых «подучали» доносить.

Здесь уместно сказать о следующем. Трудно сомневаться в том, что Борис Годунов боялся отравления. В ту эпоху отравление было, так сказать, инструментом «политической борьбы» как у нас в стране, так и за рубежом. Разговоров об этом всегда было много, но подлинных фактов почти и нет. Ясное дело: подобные чёрные дела никогда не афишировались.

Но вот что установлено доподлинно: Царский род повергался целенаправленной травле на протяжении нескольких поколений. Вскрытие царских и великокняжеских могил в Кремле и проведённые потом биохимические исследования показали с неотвратимой очевидностью, что в тлене, волосах, одежде и даже на стенках саркофагов почти во всех случаях выявлено превышение содержания мышьяка и солей ртути в разы против нормы. Фактически подобные показатели были несовместимы с жизнью. Царей травили, и они травили своих врагов и злоумышленителей, хотя, как уже говорилось, в последнем случае ничего определённого установить и нельзя. Таковы были нравы эпохи, таковы были «инструменты» политической борьбы.

Борис Годунов не мог не бояться отравления. Он вообще последние годы своего царствования чувствовал себя не очень хорошо: мучили головные боли, подагра и бессонница, а по-

рой был так слаб, что его выносили на публику в кресле. Никто никогда не узнает, было ли это естественным следствием многолетнего переутомления, или здесь не обошлось без неких зелий. Прах же Бориса Годунова практически не сохранился, о чём раньше уже упоминалось, так что никакие экспертизы в данном случае невозможны в принципе.

В то же время известно совершенно точно, что Борис Годунов держал при своей особе штат врачей-немцев; к немцам он вообще питал особое расположение. Выпускник Лейпцигского университета и зять известного наёмника Конрада Буссова — Мартин Бер (1577—1646) несколько лет прожил в Немецкой слободе и в своих воспоминаниях оставил полный список царских врачей. «В 1600 году Борис вызвал из Германии несколько аптекарей и докторов медицины, — писал Бер. — Сверх того, по желанию Царя, Английский посланник уступил ему своего собственного медика, родом баварца, Христофора Рейтлингера, врача весьма искусного, знавшего разные языки. Доктора же, прибывшие в Россию из Германии, были: Давид Васмер, Генрих Шредер из Любека, Иоанн Гилькен из Риги, Каспар Фридлер из Кенигсберга да студент медицины Эразм Бенский из Праги. Все они должны были пользоваться только Государя, не смея лечить никого из посторонних; самый знатный боярин не иначе получал от них пособие, как с дозволения Его Величества»³⁷⁸.

Врачи полностью содержались за царский счёт и имели годовое жалованье в 200 рублей, что по тем временам было огромной суммой. Однако пора вернуться к Романовской истории.

Чтобы несколько прояснить основу сюжета — почему Борис Годунов сподобился разгромить старобоярский клан Романовых, следует обратиться к запискам иностранцев. Закордонные пришельцы непременно фиксировали все слухи и сплетни о правителях, циркулировавшие в столице Московии. Анализ подобных слухов помогает понять систему бытовавших представлений и суждений времени. У Конрада Буссова можно найти следующий пассаж:

«Царица Ирина Фёдоровна, родная сестра правителя, обратилась к своему супругу с просьбой отдать скипетр её брату, правителю (который до сего дня хорошо управлял страной).

Но Царь этого не сделал, а протянул скипетр старшему из четырех братьев Никитичей, Фёдору Никитичу, поскольку тот был ближе всех к трону и скипетру. Но Фёдор Никитич его не взял, а предложил своему брату Александру. Тот предложил его третьему брату, Ивану, а этот — четвертому брату, Михаилу, Михаил же — другому знатному князю и вельможе, и никто не захотел прежде другого взять скипетр, хотя каждый был непрочь сделать это. А так как уже умиравшему Царю надоело ждать вручения царского скипетра, то он сказал: “Ну, кто хочет, тот пусть и берёт скипетр, а мне невольно больше держать его”. Тогда правитель, хотя его никто и не упрашивал взять скипетр, протянул руку и через голову Никитичей и других важных персон, столь долго заставлявших упрашивать себя, схватил его. Тем временем Царь скончался...»³⁷⁹

Конечно, вся изложенная история выглядит фантастически. Никакого «дележа» «скипетра Росейского Царствия» у постели умирающего Фёдора Иоанновича не было, да и не могло быть. Подробнее об этом говорилось выше, и повторяться нет надобности. Но что здесь примечательно: Буссов озвучивает мысль о законном правопреемстве Романовых, и первого среди них — Фёдора Никитича, на занятие российского престола. В то время как Годунов выставляется «захватчиком», узурпатором, присвоившим себе царский венец несправедливо. Ни о каком избрании на Царство, о выражении «воли Земли Русской» тут уже не говорится; об этом вообще не вспоминали не только в Немецкой слободе, где жил Буссов, но и в боярских хоромаш.

Трудно предположить, чтобы такие «баловни судьбы», как Никитичи, считавшие себя первыми среди прочих, не испытывали досады от того, что царский венец их род миновал. Конечно, никому из них не приходило в голову, что фактически Борис Годунов получил корону не из рук Фёдора Иоанновича, а из рук Царицы Ирины, своей родной сестры. И здесь о «царском корне», которым так всегда тщеславились Романовы и их апологеты, вообще речи вести нельзя.

Ирина Годунова и Романовы никакими близкими кровно-родственными узами не были связаны. Ирина же Фёдоровна была Царицей законной, общепризнанной, и только после её

одобрения, её благословения Борис Фёдорович дал согласие стать Царём. В историографии же со времен Н.М. Карамзина этот принципиальнейший «момент» вообще исключается, как правило, из поля зрения. Всё сводится к генеалогическим построениям вокруг первой жены Иоанна Грозного — Анастасии, родство с которой якобы открывало законный, легитимный путь к престолу. Но если Анастасия — «царскосанная» первоосновательница, то почему же Ирина таковой не является? Подобный вопрос обычно повисает в воздухе; точнее говоря, он просто вообще не возникает!

Почему двоюродный брат Царя Фёдора Иоанновича, например Фёдор Никитич, ближе и приемлемее для наследования престола, чем шурин Царя Борис Годунов? В первом случае имеется в виду кровнородственное родство, а во втором брачно-духовное. В русском же историческом контексте «духовное родство» не считалось ниже кровных связей, оно во многих случаях являлось даже значимее. Что же современники тех событий о духовной первооснове русского бытия, о «родстве во Христе», не знали? Конечно, они всё знали и всё понимали, но Борис Годунов мешал всем правителям, пришедшим ему на смену.

По рождению Анастасия Романовна Захарьева-Юрьева, дочь окольного, не была «царского рода». Она таковой стала после замужества в 1547 году с Иоанном Грозным. Пять братьев Никитичей не её прямые потомки, а родственники по боковой, «братской» линии — племянники. Их отец Никита Романович, умерший в 1586 году, породнился с Царским Домом через брак своей сестры, начал считаться «царским сродником». Но ведь таковым же являлся и Борис Годунов, после того как Ирина стала супругой Царевича, а потом Царя Фёдора Иоанновича. Однако многолетняя целенаправленная антигодуновская «пропаганда», иного слова тут и подобрать нельзя, настолько всё исказила и извратила, что потерялись все первичные ориентиры и смыслы.

Невзирая на «нюансы» фамильного родословия, Романовы кичились именно своей «царскородностью». Подобная горделивость неизбежно прорывалась в разговорах, в беседах

ниях с друзьями, родственниками и знакомыми. Интересная подробность содержится в записках Исаака Масса. В одном месте он обмолвился, что Романовы «держали себя как цари», а в другом описал эпизод, относящийся к моменту принятия Борисом Годуновым престола.

«Говорят, что Фёдор Никитич по возвращении домой сказал своей жене: „Любезная! Радуйся и будь счастлива. Борис Фёдорович — Царь и Великий князь всяя Руси“. На что она в испуге отвечала: „Стыдись! Чего ради отнял ты корону и скипетр от нашего рода и передал их предателям любезного нашего Отечества?“, и жестоко бранила его и горько плакала. Он, разгневавшись, в злобе ударил её по щеке, а прежде и худого слова никогда ей не выговаривал. Говорят, что после она советовалась с братьями своего мужа, Иваном и Александром, и их родственниками о том, как бы извести Царя и весь дом его; но это известие неверно...»³⁸⁰

Была ли такая сцена или нет — теперь уже и не узнать. Голландский купец передаёт слухи, распространенные среди торговых и приказных людей, с которыми ему приходилось много общаться. Подобные суждения можно воспринимать как отражение, хотя и деформированное, того, что много позже получило название «общественного мнения». Разговоры о «недостойности» Царя Бориса Романовыми велись, что уже само по себе являлось государственным преступлением. Намеревался ли некто из Романовых ворожкой вызвать на голову Царя Бориса напасть, или даже кто-то собирался его отравить — не суть важно. Ничего определённого установить здесь нельзя.

Но, что разговорами и о «недостойности» Бориса Годунова они исподволь сокрушали сакральный ореол Царской Власти, о том можно говорить почти наверняка. Девальвация же подобного знака небесного избранничества Миропомазанника — только первая ступень на пути неизбежного его устранения. Так было всегда и самым трагическим образом проявилось через триста с лишним лет после Бориса Годунова, уже в XX веке, в 1917 году. Тому вселенскому обвалу — ниспровержению Царства — тоже предшествовала многолетняя кампания по шельмованию Царя всея Руси и Его Семьи. И развернули эту кампанию и постоянно

подогревали её своими разговорами о «недостойности» Царя не какие-то тайные враги и злопыхатели из-за границы, а свои, природные аристократы, «русские бояре» последней волны...

И ещё одна примечательная подробность, относящаяся к «делу Романовых». Впервые широко в дознавательных и судебных делах начали использовать показания «рабов и рабынь», то есть служащих и холопов в домах родовитых и именитых, а за полученную важную и нужную информацию власть стала вознаграждать: деньгами, платьями, поместьями.

Боярство содрогнулось; теперь даже в своих хоромашках нельзя было находиться в безопасности, нельзя было «вымолвить слово»; «прошки», «сидорки», «захарки» и «парашки», обслуживающие господ, которых те и за людей-то часто не считали, могли теперь «предать», «донести». И самое «ужасное» было то, что им верили! «Безродные», «худые», «никчёмные» получали возможность вершить судьбу «именитых» и «родовитых»; они ведь ранее и «уста раскрыть» не имели права на господ! Теперь же жизнь начала меняться по вине «зловредного» Царя Бориса. Этот боярский «ужас» передаёт «Новый летописец»:

«Искони же враг наш дьявол, не желая добра роду христианскому, приводя его к последней гибели, вложил в мысль царю Борису — захотелось ему в Московском государстве все ведать, чтобы ничто от него утаено не было; и помышлял о сем много, как бы то и от кого узнавать, и положил мысль свою на том, что кроме холопей боярских узнавать не от кого, и повелел тайно научить доносить на боярина князя Федора Шестунова человека его Воинка. Тот же Воинко пришел доносить на государя своего Царь же тому боярину, на виду у людей, сперва никакого зла не сделал, а того Воинка пожаловал, велел ему объявить о своем государевом жаловании перед Челобитенным приказом на площади, перед всеми людьми, и дал ему поместье, и повелел служить в городских детях боярских. Люди же боярские со всех дворов, видя такое жалование к тому Воинку, начали умышлять на своих господ, и сговаривались человек по пять или шесть, один шел доносить, а другие были свидетелями и ему потакали.

Люди же боярские, которые не хотели душ своих отдать на дно адское и государей своих не хотели видеть в крови, в гибели и разорении, против доносчиков противились и за государей своих стояли, и они же, бедные, мучимы были: пытали их, и огнем жгли, и казнили, а иным языки резали, иных по темницам сажали. Они же крепились и не посягали против государей своих. Государи же их за их терпение воздавали им многую свою любовь, а тех же доносчиков Царь Борис жаловал своим великим жалованием, иным давал поместья, а иным жаловал из казны, а более всех жаловал людей Фёдора Никитича Романова и его братьев за то, что они на господ зло умышляли. И от тех наветов в царстве была великая смута, друг на друга люди доносили, и попы, и чернецы, и пономари, и просвирицы³⁸¹. Да не только эти люди, но и жены на мужей доносили, а дети на отцов, и от такого ужаса мужья от жен своих таились. И в тех окаянных доносах много крови пролилось неповинной: многие от пыток померли, иных казнили, иных по темницам рассылали, дома разоряли; ни при каком государе таких бед никто не видел»³⁸².

«Новый летописец» традиционно неимоверно сгустил краски. Верных боярских хлопов «не жгли» и языки не «резали»; в существующих источниках не задокументировано ни одного подобного случая. Но сам факт возможности «низших» давать показания против «высших» потрясал все устои боярско-вотчинной психологии, колебал принципы «исконного» мироустройства. Нет, и раньше всегда бывало, что когда начиналось «государево дело» против какого-то вельможи или вотчинника, то их людей опрашивали и допрашивали, в том числе и «с пристрастием». Однако неизменно инициатива исходила от власти, а не от «хлопов».

Было просто уму непостижимым, что теперь-то «дело» против родовитых мог возбудить простой дворовый человек! Действительно, ни «при каком государе» подобного ещё не знали. Думается, что указанная практика особо усугубила антигодуновские настроения в кругах элиты. И не случайно, как только в 1606 году у власти утвердился «боярский царь» Василий Шуйский, то с годуновским новшеством было покончено раз и навсегда.

Если разобраться по существу, то ничего катастрофического и исключительного эта мера в себе не заключала. За важную информацию всегда и везде платили, как платят и до сих пор. В начале XVII века Россия в этом отношении только «сильно отставала» от стран «мирового прогресса». При этом надо иметь в виду, что «оклеветанные» имели право на оправдание; они могли доказать ложность обвинений и в таком случае сам обвинитель, «изветчик», подвергался суровому наказанию вплоть до лишения жизни...

1601 год стал переломным для царствования Бориса Годунова. Только закончилось «Романовское дело», как на страну стало надвигаться тяжёлое испытание, страшное бедствие — голод. Тот год выдался необычайно дождливым, рано ударили морозы. Основные сельскохозяйственные культуры погибли; нечем было кормить скотину. Цена хлеба за год увеличилась в сто раз! Начался падеж скота, а за ним пришёл на Землю Русскую и «мор»³⁸³. И так продолжалось три года! Вот как о том сообщает «Новый летописец»:

«Наводит Бог, грехов ради наших, приводя нас к покаянию, мы же его наказания ни во что не ставим, за то навел на нас Бог голод великий: были дожди великие все лето, хлеб же рос; и когда уже [пора пришла] хлебу наливаясь, он незрелый стоял, зелен как трава; на праздник же Успения Пречистой Богородицы был мороз великий и побил весь хлеб, рожь и овес. И в том же году люди еще питались, терпя нужду, старым и новым хлебом, а рожь сеяли, чаяли, что взойдет; а весной сеяли овес, тоже чаяли, что взойдет. Тот же хлеб, рожь и овес, ничего не возшло, все погибло в земле. Был же на земле голод великий, так, что не купить и не добыть [хлеба]. Такая была беда, что отцы детей своих бросали, а мужья жен своих бросали же, и умирали люди, яко и в прогневание Божие, в моровое поветрие так не умирали. Был же тот голод три года. Царь же Борис, видя такое прогневание Божие, повелел мертвых людей погребать в убогих домах и учредил к тому людей, кому трупы собирать»³⁸⁴.

Царь указом ограничивал цены на хлеб, преследовал тех, кто взвинчивал цены, но успеха не добился. Стремясь помочь голодающим, он раздавал беднякам деньги. Но хлеб дорожал,

а деньги теряли цену. Борис приказал открыть для голодающих царские амбары. Но их запасов не хватало на всех голодных, тем более что, узнав о бесплатной раздаче, люди со всех концов страны потянулись в Москву, бросив те скудные запасы, которые всё же имелись у них дома. Имеются сведения, что около 127 тысяч умерших от голода было похоронено только в районе Москвы! Однако хоронить успевали не всех. Появились случаи людоедства. Люди начинали думать, что это — кара Божья. Возникло убеждение, что царствование Бориса не благословляется Богом, потому что оно незаконно, достигнуто «неправдой». Следовательно, не может кончиться добром.

Живописно-мрачную картину бедствий Русской Земли даёт Авраамий Палицын. По его словам, Господь «омрачил» небо, покрыл его облаками, откуда «дождь проливался» непрерывно, а люди «во ужас впадаша», а на земле перестало родить «всякое семя сеянное» от «безмерных вод», «лиемых от воздуха». Затем «побил мраз сильный» всякий труд человеческий «и в полях, и в садах, и в дубравах», как будто вся земля огнём «поедена бысть». Беды на том не кончились, ибо наказание Божие не поняли и не покались, склонились к беззаконию. А за то последовали новые наказания «во второй год», ставшие «злейше» первого, так же случилось и «в третье лето». Авраамий тут присовокупляет, что «Царь же Борис в те лета многу милостыню творяше к нищим».

Авраамий отмечает меру, которая отвечала милосердным представлениям Царя: начали раздавать по царскому повелению в Москве жизненные припасы и деньги. Однако это не только не улучшило ситуацию, но только усугубило её. «Многие тогда из ближних градов» к Москве потянулись за пропитанием. Земля обезлюдела, хозяйство везде бросали, и толпы народа бродили по стране. Голод вызвал небывалую смертную статистику. Авраамий называет 127 тысяч человек; мертвых было так много, что хоронили в общих могилах без гробов и без отпевания. И это «только во единой Москве». Многих же погребали при церквях, которых в Москве было более четырехсот, а тех погребённых было «неведомо колико»³⁸⁵. Русь переживала катастрофу национально-государственного масштаба.

Исаак Масса писал, что «на всех дорогах лежали люди, умершие от голода, и тела их пожирали волки и лисицы, также собаки и другие животные». Стало страшно подавать милостыню, так тут же могла возникнуть толпа страждущих, готовых разорвать дающего. «Я сам охотно бы дал поесть молодому человеку, — писал Масса, — который сидел против нашего дома и с большой жадностью ел сено в течение четырёх дней, от чего надорвался и умер, но я, опасаясь, что заметят и нападут на меня, не посмел»³⁸⁶.

Некоторые люди обезумели от голода. Появились случаи людоедства, невиданные ранее на Руси. Жуткую историю поведал, как очевидец, Жак Маржерет. «Я сам был свидетелем, — писал французский наёмник, — как четыре женщины, мои соседки, брошенные мужьями, решились на следующий поступок: одна пошла на рынок и, торгуя возом дров, зазвала крестьянина на свой двор, обещая отдать ему деньги; но только он сложил дрова и зашёл в избу, чтобы получить плату, как женщины удавили его и спрятали в погреб, чтобы тело не повредилось: сперва хотели съесть лошадь убитого, а потом приняться за труп. Когда же преступление открылось, они признались, что труп этого крестьянина был уже третьим»³⁸⁷. Естественно, что нельзя обобщать подобные случаи, но невозможно их и игнорировать; данные о каннибализме встречаются не только в записках иностранцев.

Политика Годунова была направлена на исправление дел, на улучшение ситуации. Недоброжелательно настроенный по отношению к Царю француз Маржерет признавал: «Сумма, выданная Борисом для бедных, невероятна; не говоря о Москве, во всей России не было города, куда бы он ни посылал более или менее денег для пропитания бедных. Мне известно, что в Смоленск отправлено было с одним из моих знакомых 20 тысяч рублей. К чести этого Царя должно заметить, что он охотно раздавал щедрые милостыни и награждал духовенство, также ему преданное. Голод сильно подорвал и силы России, и доходы Государя»³⁸⁸.

В 1601—1602 годах Годунов пошел на законодательное восстановление Юрьева дня. Он разрешил собственно не выход,

а вывоз крестьян в более благополучные места. Вотчинники спасали свои имения от запустения и разорения, но обязывались обеспечивать пропитанием крестьянам. Нет каких-либо данных о том, соблюдались ли эти положения в эпоху повсеместного разорения и нарушения общественного равновесия: крестьяне, вне всякого Юрьева дня, массами бежали не только в Москву, но и в Новгород (второй по величине город) и на Юг, где всегда были «тучные нивы», и даже на Север, в известные «рыбные края».

Массовый голод вызвал народные волнения. Бродячие голодные и обездоленные люди сбивались в группы, становившиеся шайками и бандами, рыскавшими по всей стране, промышляя грабежами и убийства. Такие «ловцы удачи» появились даже в пригородах Москвы. В одном случае центральной власти пришлось применять регулярную вооружённую силу, чтобы справиться с бандитами, которых в советской историографии уважительно называли «восставшим народом». Самым крупным «восстанием» явилось движение под предводительством атамана Хлопка (Косолап Хлопко), разразившееся в 1603 году. В нём участвовали в основном казаки и холопы. Шайка насчитывала до 500 человек и действовала в окрестностях Москвы; возникла реальная угроза безопасности столицы. На борьбу с ней было направлено войско под начальством окольного И.Ф. Басманова, который в сентябре 1603 года был убит в бою. Тем не менее разбойники были сокрушены, а раненый Хлопко взят в плен и повешен.

В 1604 году голод на Руси завершился, урожай того года был обильным, и можно было надеяться на скорое выздоровление всего национально-государственного организма. Однако грянуло бедствие страшнее всех предыдущих, которое Борису Годунову, несмотря на его ум, политическое чутье и административное мастерство, одолеть не удалось. Под именем Царевича Дмитрия появился самозванец, которого немалое число людей постепенно стало воспринимать не только законным корононосителем, но и «мечом возмездия» для Царя Бориса.

Слухи о том, что Царевич Дмитрий «на самом деле» спасся, а вместо него похоронен был в Угличе некий «поповский

сын», ходили давно. Точно установить время их появления не представляется возможным. Во всяком случае, это случилось за несколько лет до того, как в 1604 году этот слух материализовался в образе расстриги Григория Отрепьева. Если подойти ко всей этой истории с прагматических и рационалистических позиций, то она сразу же окрасится в фантастические тона. Как говорил один герой А.П. Чехова: «Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда!»

Русское же сознание, как уже говорилось, было в ту эпоху теоцентричным и эсхатологичным; оно воспринимало мир и все события его как дар Всевышнего, Которому ведомо всё и для Которого нет невозможного. Потому подобное событие и воспринималось как возможное, а для кого-то и желанное проявление метафизического мира.

Конечно, верили «чудесному спасению» далеко не все; можно даже сказать, что на первых порах в это почти никто и не верил. Проводилось же расследование, была официальная процедура похорон, на которой присутствовали именитые должностные лица, родственники погибшего и даже благочестивый митрополит Геласий. К тому же гроб с телом Царевича стоял в Угличе в храме открытым несколько дней, а к нему стекалось множество народа, в том числе и дворовых людей Нагих, знавших Дмитрия в лицо, так что «осуществить подмену» не было никакой возможности. Первопатриарх же Иов, как только возникли разговоры о самозванце, тут же обратился к пастве с окружным посланием, где называл истинное имя «похитителя» титула Царевича. Всё это имело воздействие, но далеко не на всех.

Нельзя не учитывать, что с тех пор, как погиб Дмитрий, прошло много лет, важные подробности его смерти и похорон забылись. Эта тема вообще была изъята из официального обращения более десяти лет. Как показало развитие событий, то была стратегическая ошибка правительства Бориса Годунова. Спихнулись, когда слух о «спасённом Царевиче Дмитрие» начал приобретать характер своеобразной общественной пандемии.

Для некоторых родовитых, таких как Василий Шуйский или Фёдор Никитич Романов, появление самозванца открыто путь к

политическому реваншу, к ниспровержению Бориса Годунова; Василий Шуйский потом в этом откровенно признавался. Этот боярин, стоявший у гроба с телом погибшего Цесаревича, принимавший участие в его погребении, всё прекрасно знал. Ни в какое «чудо Царевича» он не мог верить, так как упомянутое «чудо» являлось рукотворным.

Можно сказать, что в данном случае именно слух «родил героя»; точнее говоря, произвёл на свет одного из самых гротесковых антигероев Русской истории. Подробности «угличского чуда» описал в своих записках Жак Маржерет, который был близок к Ажедмитрию, возглавляя при нём отряд иноземной стражи самозванца, то есть являлся начальником его личной охраны. Уместно попутно заметить, что свою роль эти наёмники сыграли из рук вон плохо и не смогли уберечь своего повелителя от гибели в мае 1606 года.

По словам Маржерета, как только Нагие были отправлены в Углич, то у них возникло опасение за жизнь Царевича. Они «предугадали» коварный замысел Бориса Годунова и «нашли средство подменить его другим мальчиком»³⁸⁹. Что это был за мальчик и куда дели настоящего, обо всем этом не говорится ни слова.

Маржерет называет и точный год — 1600-й, — когда «разнеслась молва о Дмитрие Ивановиче». Если это было действительно так, то невольно возникает предположение, что «дело Романовых» могло быть спровоцировано именно этим обстоятельством. Как уже говорилось, Григорий Отрепьев некоторое время подвизался на подворье Романовых, и не исключено, что разговоры о «чудесном спасении» и о его «подмене» там велись. В одном месте своих записок Маржерет даже называет Романовых вместе с Нагими боярскими родами, стремившимися «избавить младенца от грозившей опасности. Спасти же Царевича они иначе не могли, как только подменив его другим и воспитав тайно»³⁹⁰. Одного этого было достаточно, чтобы царская кара обрушилась на весь боярский клан. Конечно, всё это только предположения, но почти вся Ажедмитриада на этом построена; без них обойтись в данном сюжете невозможно.

Имеются указания на то, что, как сам уверял самозванец, его спасли «бояре и дьяки Щелкаловы». Об этом, например, повествует «Новый летописец». Братья Щелкаловы — Андрей и Василий — занимали видное место в системе государственного управления конца XVI века. Особенно значимой фигурой был старший — Андрей (ум.1598), начавший занимать столь удивительные для дьяка влиятельные позиции ещё в эпоху Иоанна Грозного. В 1583 году он вёл переговоры с английским послом Иеремией Баусом (Боусом), который, не без трудностей покинув России, написал, что, когда он выехал из Москвы летом 1584 года, Никита Романов и Андрей Щелкалов «считали себя царями и потому так и назывались многими людьми».

Андрей Щелкалов поочерёдно возглавлял приказы: Разрядный, Поместный, Казанского Дворца. Борис Годунов, считая Андрея Щелкалова необходимым для управления государством, был очень расположен к дьяку, стоявшему во главе всех прочих дьяков в целой стране. Во всех областях и городах ничего не делалось без его ведома и желания. Борис Годунов, ценя Щелкалова за ум, ловкость дипломатическую, позже подвергнул его опале за «самовольство»: Андрей Яковлевич и его брат Василий «искажали росписи родословных людей и влияли на местнический распорядок, составляя списки административных назначений». Иными словами, обвинялись в самоуправстве и неправомерном использовании казённых средств. В 1594 году Андрей Щелкалов потерял все свои посты и отошёл от дел.

Его брат Василий, будучи младше Андрея на двенадцать лет, начал свою служебную карьеру дьяком Разбойного приказа, а в 1577 году возглавил влиятельный Разрядный приказ и оставался на этой должности до 1595 года, а затем возглавил Посольский приказ. В 1601 году потерял все посты и оказался в опале. Ажедмитрий оказал опальному Василию Щелкалову «великую милость»: вернул из изгнания и наградил чином окольничего. В этом решении нельзя разглядеть признака личной благодарности: самозванец всех, подвергавшихся преследованиям при Борисе Годунове, чествовал и возвышал. Если бы здравствующий Василий — брат Андрей уже преставился —

был бы действительно «спасителем», то Щелкаловых надо было чествовать как родственников, а не только отмечать как служащих, пострадавших от Бориса Годунова.

Теория об участии Щелкаловых в деле «подмены» и спасения «истинного царевича» кажется фантастической. Так называемая «подмена» могла произойти в промежутке между 1584 и 1591 годами. Здесь возникает несколько контраргументов, которые невозможно фактурно опровергнуть. Во-первых, Щелкаловы, и особенно старший Андрей, в это время верные союзники Годунова. С какой стати им надо было ставить под удар карьеру и собственную жизнь, чтобы играть в пользу Нагих.

Во-вторых, чтобы «спасать» Дмитрия, надо было знать или хотя бы догадываться о подобном умышлении Бориса Годунова. Никогда и нигде подобное намерение не было зафиксировано; все утверждения об этом носят исключительно публицистический характер и предметного значения не имеют.

И наконец, в-третьих: если даже и допустить, что «истинный царевич» спасался месяцы или годы — тут нет ясности никакой — где-то в поместье или в московском доме у Щелкаловых, то ведь надо представлять общественные условия эпохи, чтобы исключить подобную возможность полностью. Никакое «дитя» не могло бы бесследно существовать ни у какого должностного лица; система государственного контроля и взаимного «пригляда» была так хорошо поставлена, что об этот вскоре неизбежно стало бы известно...

Летом 1604 года дело о «спасшемся» сыне Иоанна Грозного начало приобретать скандальный оборот, получило европейский резонанс. В июле в Москву прибыл посол Императора Священной Римской Империи, а проще говоря — Австрийского императора Рудольфа II (1552—1612, Император с 1576 года) барон Генрих фон Логау, которого сопровождала блестящая свита из почти ста человек. Суть миссии сводилась к возможности установления союза с Россией и получения от неё помощи в борьбе с турками и поляками. Высокий посланец пребывал в Москве с 1 июля по 29 августа 1604 года, но ничего не добился. Русский Царь и его ближайшие советники совершенно не со-

бирались воевать за чужие интересы, да ещё и в союзе с «проклятыми латынами». В данном случае это не суть важно.

Интересно другое: на одной из аудиенций Логау призвал Монарха быть «предусмотрительными и осторожным», так как в Польше объявился некий человек, выдающий себя за сына Царя Иоанна, который нашёл в Польше «немало приверженцев». Надо думать, что подобное «предупреждение» со стороны иноземца произвело тяжелое впечатление на Бориса Годунова. Он довольно резко ответил, что «может одним перстом разбить этот сброд и для этого даже не понадобится всей руки»³⁹¹.

К лету 1604 года Третий Царь уже хорошо был осведомлен о самозванце; разговоры и слухи о нём были так настойчивы, что Самодержец распорядился доставить из выксунского далека мать Царевича Дмитрия инокиню Марфу. В Новодевичьем монастыре в присутствии Патриарха он лично её опросил: как было дело в 1591 году и не случилось ли тогда «подмены».

Мария-Марфа, ненавидевшая Годунова всеми фибрами своей души — он ведь её, Царицу, и её родню сверг с царской высоты и превратил почти «в грязь дорожную», — отнекивалась, что-то невнятно лепетала, ссылаясь «на беспамятство». Но она всё помнила и ждала часа возмездия, взывала к Богу, чтобы покарал врагов и погубителей. Когда последняя жена Иоанна Грозного 18 июня 1605 года с триумфом въезжала в Москву в сопровождении дорогого «дитяти», то, наверное, испытывала безмерную радость, какую трудно с чем было и сравнить. Именно её признание в Лжедмитрии своего сына и стало последней преградой на пути торжества проходимца.

В «Пискаревском летописце», составленном в 40-х годах XVII века, содержится удивительный рассказ о том, что будущий самозванный «Царь всея Руси» во время своих скитаний по стране добрался и до Выксы, где пребывала Мария Нагая, теперь инокиня Марфа. «И неведомо каким вражьим наветом, — утверждал летописец, — прельстил Царицу и сказал ей воровство своё. И она ему дала крест злат с мощами и с камением драгим сына своего благоверного Царевича Дмитрия Ивановича Углицкого. И оттоле Гришка Рострига поиде в северские грады и попущением Божиим, наветом вражьим, скинул с себя ино-

ческий образ и облекся в мирское одеяние, и начал мяса есть и многие грехи творить»³⁹².

Подобное свидетельство, которое не встречается в других документах, может вызвать только недоумение. Невозможно поверить в правдивость данной истории; иначе Мария-Марфа будет выглядеть преступной и коварной заговорщицей, дискредитировавшей полностью монашеское звание...

Тем не менее именно позиция матери — Марии-Марфы — летом 1605 года сняла все препоны и отmelda все сомнения в подлинности «Царевича Дмитрия». Маржерет, утверждая «подлинность» Ажедмитрия, вполне логично заключал: «Нельзя не обратить внимание на мать Дмитрия, и многих его родственников, которые, если это было бы не так, могли выступить с протестами»³⁹³. С позиции обычного человеческого «здорового смысла» так оно и должно было быть. Однако получилось совершенно иначе. Мать приняла правила предложенной шулерской игры. Скажи она хоть слово правды и вся эта преступная Ажедмитриада могла бы закончиться уже после «первого акта». Однако монахиня (!!!) этого слова не сказала, став одной из виновниц преступного торжества проходимца. Как видно, ненависть может лишить человека и разума и совести.

Прошло менее года, и 3 июня 1606 года Марфа уже торжественно встречала в Москве «мощи Царевича Дмитрия», и голосила «во всю Ивановскую», чтобы простили её грешную, виноватую «пред Царём (Василием Шуйским. — А.Б.), и пред всем Освященным Собором, и пред всеми людьми Московского государства, и всего более пред своим сыном, Царевичем, что долго терпела вору-расстриге, злому еретику, не объявляя о нём, и просила простить ей прежний грех и не подвергать её проклятию»³⁹⁴. И Шуйский её простил «от имени всех людей государства» (!!! — А.Б.) и поручил святителям молиться о ней, чтобы и Бог её простил...

Не только Мария-Марфа благоденствовала при бутафорском «Царе Димитрии». Процветали и её родственники. Так, Ажедмитрий пожаловал брату «Царицы Марии» Михаилу Федоровичу Нагому (ум. 1612) окольничего и значительную

часть владений Бориса Годунова, включая малоярославскую вотчину с селом Белкином. После 1605 года Нагие заметной общественной роли уже не играли; этот род окончательного пресёкся в 1650 году со смертью стольника Василия Ивановича Нагого...

Третий Царь совсем не собирался игнорировать проблему «воскресшего Дмитрия» уже на ранней стадии её возникновения. Имелись надежные сведения, что самозванец собирает сторонников и намеревается вторгнуться в пределы государства. Будучи умным человеком и изощрённым политиком, Борис Годунов отнёсся к подобным известиям со всей серьезностью. Ему не представлялся опасным сам по себе самозванец; летом 1604 года ему была известна предыстория прохиндея. Однако Третий Царь не бездействовал и предпринял даже некоторые дипломатические шаги: отправил послание Императору Священной Римской Империи германской нации Рудольфу II. В нём говорилось, что «Юшка Отрепьев был в холопах у дворянина нашего, у Михаила Романова, и, будучи у него, начал воровати, и Михайло за его воровство велел его збити з двора, и тот страдник учал пуще прежнего воровать, и за то его воровство хотели его повесить, и он от тое смертныя казни сбежал, постригся в дальних монастырях, а называли его в чернецах Григорием»³⁹⁵.

Конечно, Самодержцу и в голову не могло прийти — такого просто никогда раньше в истории не случилось, — что царские подданные — русские православные люди! — через несколько месяцев чуть ли не табунами побегут «присягать» какому-то проходимцу, забыв все клятвы, обеты и анафемы.

Царя же особо беспокоило, что за спиной самозванца стояли польские покровители — давние и извечные враги России и русских. Он опасался, что дело идёт к большой войне, а потому летом 1604 года началась военная мобилизация, причём к делу формирования ополчения привлекались даже монастыри.

В записках Мартина Бера имеются интересные подробности первой стадии Ажедмитриады на Русской Земле. «Димитрий, уже честимый как Царевич многими Польскими вельможами, получил от них значительное вспоможение и, соединяясь с

казаками, имел до 8000 воинов. С этим отрядом он начал своё дело, осадил Путивль и, благодаря содействию проклятого Отрепьева, овладел пограничным городом в октябре месяце, не сделав ни одного выстрела: жители Путивля покорились ему добровольно, как законному государю. Весть о таком происшествии ужаснула Бориса. Он сказал князьям и боярам в глаза, что это было их дело (в чем и не ошибся), что они изменою и крамолами стараются свергнуть его с престола. Между тем разослал гонцов по всему государству с повелением: всем князьям, боярам, стрельцам, иноземцам явиться к 28 октября в Москву непременно, угрожая отнять у ослушников имения и самую жизнь. На другой день разослал других гонцов, а на третий третьих, с указами такого же содержания. В течение одного месяца собралось более 100 000 человек... Строгие меры принудили всех идти к войску, которое, около Мартинова дня³⁹⁶, состояло уже почти из 200 000 человек³⁹⁷.

В приведённой цитате два момента привлекают внимание. Во-первых, утверждается, что якобы существовало два персонажа: Царевич Дмитрий и Григорий Отрепьев. Последний являлся не только как бы агентом «царевича», но и выступал чуть ли не его альтер-эго. Позднее теорию «двух Дмитриев» развивал историк Н.И. Костомаров и некоторые другие любители несуществующих «тайн истории».

Подобная точка зрения была широко распространена среди обретававшихся на Руси иностранцев, которые все почти служили Ажедмитрию I, а многие потом перешли на службу и к Ажедмитрию II («Тушинскому вору»). Некоторые из них были убеждены, что в мае 1606 года в Москве свергли и убили не «Царевича Дмитрия», а пресловутого «Гришку Отрепьева». «Подлинному» же Дмитрию якобы удалось скрыться! Почитатель Ажедмитрия I, оставивший в своих записках просто панегирик самозванцу, — Жак Маржерет даже уверял читателей, что когда труп свергнутого авантюриста был вытащен на Красную площадь для всеобщего обозрения, то «он не был похож на себя».

Вторая интересная подробность, которая встречается в сочинении Бера, — это обвинение в измене и пособничестве

врагу, которое осенью 1604 года бросил Борис Годунов боярскому синклиту. Какими Самодержец на тот момент сведениями располагал, мы точно не знаем, но ясно, что он уже и не сомневался, что самозванец — продукт боярских интриг. При этом, как не без удивления написал Н.М. Карамзин, Борис Годунов «не казнил ни одного человека за явную приверженность к самозванцу»³⁹⁸.

Знаток сложных хитросплетений того времени, С.Ф. Платонов написал: «Боярство не могло помещать ему (Борису Годунову. — А.Б.) занять престол, потому что помимо популярности Бориса, права его на Царство были серьёзнее прав всякого другого в глазах народа по родству Бориса с угасшей Династией. С Борисом-Царём нельзя было открыто бороться боярству, потому что он был сильнее боярства, а сильнее и выше Бориса для народа была лишь Династия Даниловичей (Ивана Даниловича Калиты). Свергнуть его можно было только во имя её»³⁹⁹.

От тайных разговоров и глухих слушков дело «воскресшего Дмитрия» постепенно стало приобретать характер серьезного общественного движения против Бориса Годунова. 16 октября воинство самозванца перешло границу и вторглось на территорию России. За несколько же месяцев до того по стране начали распространяться «подметные грамоты», «преlestные письма» от имени «Царевича Дмитрия».

Уже сам по себе этот факт свидетельствовал о том, что за спиной авантюриста стояли влиятельные и состоятельные силы, способные вести, как бы теперь сказали, «информационную войну». Нет никаких указаний на то, что эта кампания как-то и кем-то финансировалась из России. В то же время совершенно точно установлено, что «благодетелями» самозванца выступали «ясновельможные» польско-литовские покровители и сам Король Речи Посполитой. Деньги шли из Польши, а благословляли же всё это антирусское начинание «наместники кафедры Святого Петра» в Риме. Одним словом, это был, если воспользоваться современной фразеологией, «креативный международный проект» по сокрушению Православной России.

Для того чтобы была понятна суть преступной антрепризы под названием «Ажедмитриада», достаточно привести фрагмент

из «подметной грамоты», где самозванец, обращаясь к Русскому народу, изрекал, что «он невидимою Десницею Всевышнего устрани́нный от ножа Борисова и долго сокрываемый в неизвестности, сею же рукою изведён на феатр мира под знамёнами сильного, храброго войска, спешит в Москву взять наследие своих предков, венец и скипетр Владимиров». При этом он убеждал, что они свободны от клятвы Борису, который — «злодей богопротивный»⁴⁰⁰. Самое отталкивающее во всей этой истории то, что свои тёмные дела сам авантюрист, как и его менторы, и приспешники, старались прикрасить «именем Божиим». Без подобной «сатисфакции» чего-то добиться на Русской Земле не было ни единого шанса ни у кого.

Подлинное происхождение Лжедмитрия и его эскапады до побега в Польшу в общих чертах хорошо известны. Первоначально Патриарх Иов озвучил перечень походов, затем и другие писали, добавляя детали. Далеко не все историки этим свидетельствам верили, да некоторые и до сих пор не верят. Бог им судья! Нельзя же взрослого человека научить отличать свет от тьмы; подобное восприятие может открыть только «око духовное». А о ком же «оке» можно говорить, если для некоторого числа наших современников прошлое России — сплошной перечень злодейств, тьмы, дикости и невежества. С таковой публикой говорит вообще дело бессмысленное; из их писаний следует, что, оказывается, Лжедмитрий хотел «европеизировать Россию»!

Если отбросить словесную шелуху о «европеизаторских намерениях» Лжедмитрия I — единственного из самозванцев, захватившего престол Государства Российского, и фактического убийцы Царя Фёдора Борисовича и Царицы Марии Григорьевны — и опираться исключительно на аутентичные документы, то «родословие» проходимца достаточно хорошо известно. Его уже знал Патриарх Иов. В Соборном определении от июня 1604 года ясно и недвусмысленно говорилось: «Царь и Великий князь Борис Фёдорович всея Руси, с отцем своим святейшим Иовом Патриархом всея Руси, и с сыном своим благородным Царевичем князем Фёдором, со всем освященным собором с митрополиты, и архиепископы, и владыки и архи-

мандриты, игумены и со всем своим царским синклитом, видя божеское на нас, за грехи наши, праведное прещение, яко известный всем и знаемый вор, чернец, бывший сын боярский, по реклу Отрепьев, бежав в ляхи, назвался Царевичем Дмитрием, как всем ведомо, по приключению скончался во граде Угличе и погребён тамо»⁴⁰¹.

Патриарх знал и лично «похитителя имени», который некоторое время служил при нём. Очевидно, именно поэтому самозванец и не рискнул встретиться с Первопатриархом, а въехал в Москву только тогда, когда Иов был насильственно изгнан из Москвы.

Происхождение Григория Отрепьева и его похождения в «допольский период» подробно передаёт «Новый летописец». Подобные свидетельства опирались на показания его матери, дяди и прочих родственников-галичан. Дядя Григория, Смирной-Отрепьев, оказался самым толковым свидетелем, и Царь Борис даже посылал его в Польшу для обличения племянника, но ничего из этого путного не получилось. Поляки не хотели ничего слушать, а встретиться дяде с племянником — «Царевичем Дмитрием» — не позволили. Они уже начали реализовать «эпохальный проект» Ажедмитрия.

Последующие историки добавляли второстепенные детали и нюансы, но ничего нового, нового по существу, так и не установили. Так как вокруг этого сюжета всё ещё бытуют разноречивые спекулятивные суждения, то уместно привести обширный фрагмент из летописного свода:

«В пределах московских есть город Галич⁴⁰². В нём же живут в имениях своих множество воинов. Среди тех галичан жил сын боярский по имени Замятия Отрепьев⁴⁰³. У него же было два сына: Смирной да Богдан. У того же Богдана родился сын Юшка. И когда он подрос, отдали его в Москву на учение грамоте... и был [он] грамоте весьма горазд, и в молодости постригся [в монахи] в Москве... и пришел в Суздаль, в Спасо-Евфимьев монастырь. Архимандрит же Левкий, видя его юный возраст, отдал его под начало духовному старцу. Он же жил в том монастыре года, и из того монастыря ушел и пришёл в монастырь Спасский на Куксу⁴⁰⁴, и жил там двенадцать недель. И, услышав

о деде своем Замятие, что тот постригся в Чудовом монастыре, пришел в Чудов монастырь, и в Чудове монастыре жил и был поставлен в дьяконы. Патриарх же Иов, слышав о нём, что он научен грамоте, взял его к себе к книжному письму. Он же жил у Патриарха и начал составлять каноны святым. Ростовский же Митрополит Иона, видя его у Патриарха, возвестил Патриарху, что сей чернец дьяволу сосуд будет. Патриарх же не поверил ему.

Он же [чернец Гришка], окаянный, живя у Патриарха в Чудовом монастыре, многих людей вопрошал об убиении Царевича Димитрия и проведал об этом подробно... [Гришка] в шутку говорил старцам: “Царь буду на Москве”. Они же на него плевали и смеялись. Тот же преждедеченный Митрополит Ростовский возвестил самому Царю Борису, что сей чернец самому сатане сосуд. Царь же Борис, услышав такие слова, повелел дьяку Смирному Васильеву послать его [Гришку] на Соловки под крепкое начало. Тот же Смирной сказал [об этом] дьяку Семейке Евфимьеву. Тот же Семейка был Гришке родственник и молил Смирного, чтобы его сослал не сразу, а хотел о нём хлопотать. Дьявол же его [Гришку] укрывал: положил Смирному [это дело] в забвение, и [тот] царский приказ позабыл.

Он же, Гришка, узнав об этом, побежал из Москвы, и прибежал в галицкий монастырь, к [Преподобному] Якову на Железный Борок⁴⁰⁵, и, немного пожив тут, ушел в Муром, в Борисоглебский монастырь, а в Борисоглебском монастыре строитель дал ему лошадь и отпустил его. Он же, Гришка, пошел на Северщину⁴⁰⁶, и пришел в Брянск, и в Брянске сошлись с ним такие же воры чернецы Мисаил Повадин с товарищем. С ними же [Гришка] соединился и пошел в Новгородок Северский в Спасский монастырь, и тут пожил немного. Тот же окаянный Гришка жил у архимандрита в кельи, и отпросился у архимандрита с теми же окаянными старцами в Путивль, сказав, что: “Есть де у меня в Путивле, в монастыре, родня”. Архимандрит же [об обмане] не догадался, и отпустил их в Путивль, и дал им лошадей и провожатого. Он же, окаянный Гришка, написал память: “Аз есмь Царевич Димитрий, сын Царя Ивана; как буду на престоле отца своего в Москве, и я тебя пожалую за то, что

ты меня принял в своей обители". И ту память оставил у архимандрита в кельи...

Тот же Гришка с товарищами пришли в Киев. В Киеве же воеводствовал князь Василий Константинович Островской и держал православную веру крепко. Увидев их, был он рад и повелел тому Гришке служить у себя обедню. Он же [Гришка] ему полюбился, и послал его [князь] в Печерский монастырь и повелел его там покоить и беречь во всем. Тот же Гришка жил в монастыре не по христианскому обычаю: всякую скверну творил и мясо ел. Видя его скверную жизнь, возвестили [о том] архимандриту; архимандрит же возвестил князю Василию. Князь же Василий, о том услышав, повелел его поймать и казнить. Враг же его [Гришку] хранил, ведя его к последней гибели. Сведав о том, бежал [Гришка] из монастыря, и низверг с себя иноческий образ и облекся в мирское платье, и побегал к князю Адаму Вишневецкому⁴⁰⁷ в его город...»⁴⁰⁸

В силу родовой ангажированности «Новый летописец» не упоминает о службе Григория Отрепьева у бояр Романовых на Варварке, где он подвизался ещё до службы у Патриарха...

«Царевич Дмитрий» обнаружился в польско-литовской Речи Посполитой где-то в конце 1602 года, а уже весной 1604-го был представлен Польскому Королю Сигизмунду в Кракове, который его «признал» и выделил средства самозванцу. Этот момент и стал подлинным началом преступной антрепризы под названием «Ажедмитриада». Затем был сбор «воинства», переход русской границы.

Авантюрист и его шайка, при непосредственной поддержке польско-католических кругов, развязали в России, по сути дела, гражданскую войну. Как казалось, перелом наступил 21 января 1605 года, когда войнство самозванца было разгромлено у деревни Добрыничи. Армия самозванца обратилась в беспорядочное бегство; «быстрее ветра» неслись восвояси польские конники, числом в несколько сот человек. Вместе с ними уносил ноги и Ажедмитрий, едва избежавший гибели, ускакав, как выразился Н.М. Карамзин, «в беспамятстве страха» на раненой лошади в пограничный Путивль. Исаак Масса сообщал о 8000 погибших с польской стороны и о 6000 — с русской. Но думается, что циф-

ры русских потерь здесь явно завышены. Карамзин приводил более адекватные данные: русское воинство потеряло пятьсот россиян и двадцать пять немцев⁴⁰⁹.

Попавшие в плен к царским войскам дети боярские, стрельцы и казаки были повешены. Царская кара была жестокой и заслуженной, и казалось, что Борис Годунов одержал, может быть, самую важную в своей жизни победу. Хотя самозванца и не поймали, вначале решили, что он был убит, но все явные изменники, как и те, которые готовы были изменить при случае, оцепенели от ужаса. Казалось, что в облике Бориса Годунова снова является на Русь Грозный Царь Иоанн, тот, преставившийся за двадцать лет до того, при котором никакой прохиндей не смог бы никогда найти ни одного сторонника на Русской Земле. Но так только казалось.

Вся трагедия по-настоящему только начиналась. Наступило 13 апреля 1605 года, и, как бесстрастно повествует летописец, «после Святой недели в канун [праздника] Жен Мироносиц Царь Борис встал из-за стола, после кушанья, и внезапно пришла на него болезнь лютая, и едва успели постричь его [в монахи]. Через два часа от той же болезни [Царь] и скончался. Погребен был [царь Борис] в соборе Архистратига Михаила в приделе Ивана Спасителя Лествицы, где же погребен Царь Иоанн Васильевич с детьми».

Борис Годунов умер около 15 часов в царском тереме, успев благословить на Царство сына Фёдора и приняв перед кончиной иноческий образ с именем Боголепа. С его смертью закончилась одна эпоха и началась другая — одна из ужаснейших в истории России.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

История — великая загадка. Как неожиданно, как непостижимо и неотвратно дела минувшего вдруг оживают, актуализируются через десятилетия и века. Конечно, то, что называется «укладом жизни», то, что именуется «человеческой повседневностью», никогда и никуда не возвращаются. Но узловые общественные проблемы, противостояния, национальные и государственные смыслы вдруг оживают через эпохи. В этом отношении драматургия Русской истории конца XVI — начала XVII века звучит необычайно злободневно.

Один из Отцов Церкви и родоначальник христианской философии истории (историософии) Блаженный Августин (354—430) в своей «Исповеди» заключал: «Совершенно ясно одно: ни будущего, ни прошлого нет, и неправильно говорить о существовании трёх времен, прошедшего, настоящего и будущего. Правильней бы, пожалуй, говорить так: есть три времени — настоящее прошедшего, настоящее настоящего и настоящее будущего. Некие три времени эти существуют в нашей душе, и нигде в другом месте я их не вижу: настоящее прошедшего — это память; настоящее настоящего — его непосредственное созерцание; настоящее будущего — его ожидание»⁴¹⁰.

Формула Августина вполне соответствует и современным научным представлениям. «История ничему не может нас научить, — заключает специалист в области семиотических исследований, — исторический опыт не есть нечто абсолютное и объективно данное, он меняется со временем и выступает, в сущности, как производное от настоящего»⁴¹¹. Познавательный импульс — «настоящее прошедшего», актуализирующий давние исторические события, — придаёт им значимость и востребованность через годы, века и тысячелетия.

Чем значим для нас, людей, живущих в XXI веке, отрезок Отечественной истории четырёхсотлетней давности? Может ли та давняя эпоха быть актуально-познавательной, но главное — назидательной для поколения Интернета? Ведь, по расхожему мнению, ушедшее время — это кладёз историй забавных и трагических, но в равной степени невозвратно прошедших. Всё это — «лавка старьёвщика», предметы которой интересны только любителям старины. Но так может казаться только поверхностному уму.

Антураж времени, конечно же, меняется, порой до неузнаваемости, но суть нравственных проблем и дилемм человеческих остаётся всегда одной и той же. Что есть добро и зло, как соотносятся личное и общественное благо? Что есть счастье и какой ценой его можно добиться? Где тот предел, который нельзя переступать, чтобы не потерять звания человеческого? Где и как отыскать цель, но главное — смысл жизни? Может ли таковой «смысл» находиться за пределами овеществлённого мира и существует ли вообще подобный мир? Что значит Родина и каковы те жертвы, которые обязан по зову сердца приносить гражданин для её сохранения и защиты?

Обозначенные вопросы если и возникают, то преимущественно в нерелигиозной, секулярной среде, у людей, не чувствующих и не понимающих, что наряду с миром физическим, наличествует и мир метафизический, существующий по своим сверхрациональным установкам и импульсам. Христоцентричное сознание давным-давно всё это постигло и объяснило, так как опиралось в своих размышлениях, суждениях и оценках на признание Абсолюта. Истина — Одна. Она — вечна, неизменна и неизъяснима — Иисус Христос. Потому нравственность отдельного человека и целых сообществ оценивается православной христологией только с той точки зрения, в какой мере они приближались или удалялись в своей деятельности, в своих поступках и намерениях от Абсолютного Эталона.

Если воспринимать личность Бориса Годунова в данной системе мировоззренческих координат, то она неизбежно предстанет в светлых тонах, так как лишится налёта давних текущих

пристрастий и чёрной ретуши современников и последующих описателей событий.

Что, собственно, «вменяют в вину» Борису Годунову уже более четырёхсот лет? На бесконечном «суде истории» Третьему Царю неизменно «предъявляют» два «главных эпизода»: убийство Царевича Дмитрия и преследование своих оппонентов и противников, в первую очередь бояр Романовых.

В случае с Дмитрием Иоанновичем обвинители так и не смогли предъявить ни одного свидетельства, ни единого документа, сколько-нибудь надёжно удостоверяющего, хотя бы косвенно, причастность Бориса Годунова к происшествию в Угличе. Существуют категорические утверждения и трагические картины-описания, но это всего лишь — человеческие домыслы, которые никак не могут стать подлинным фактом.

Во втором случае — мотивация «акции» так неопределённа, а само «дело» так запутано и невнятно, что выносить категорические суждения просто не представляется возможным. К тому же необходимо принимать в расчёт, что Годунов жил и правил по законам своего времени, когда преследование личных явных и тайных недоброжелателей являлось непрямым инструментом политической практики коронованных особ всех стран и народов. В этом отношении Годунов никоим образом не представлял какой-то исключительный пример. Если правление его и являлось уникальным, то только в том смысле, что никто из врагов и злопыхателей Миропомазанника не был лишён жизни по его приказу.

Если же убрать указанные пункты «обвинения», то Борис Годунов окажется значительной исторической личностью, что называется «денно и ночью» радевшей о Русской Земле, об Отечестве, после воцарения ставшем для него родовой «отчиной». И восстание, восстание словом и делом, против Третьего Царя явилось национально-духовной катастрофой, оказалось мятежом против России.

Говоря о другой катастрофе — свержении в 1917 году монархической системы, замечательный русский мыслитель В.В. Розанов (1856—1919) в 1918 году поставил точный диагноз: «Мы умирает от единственной и основной причины: неуваже-

ния себя. Мы, собственно, самоубиваемся», а значит, «пришло время смерти»⁴¹².

Подобное «время смерти» наступило и в начале XVII века. И началось оно с того момента, когда в сознании людей произошло разделение клятв перед Лицом Божиим на «нетвердые» и «истинные». Царь оказался, по мнению немалого числа людей, «плохим», а стало быть, ему можно было изменять в угоду своим мелким желаниям, эгоистическим хотениям и сиюминутным страстишкам.

Виновными в крушении Русского Царства в эпоху Смуты так или иначе, но оказались все. С нелюбимой откровенностью говорил о том участник и очевидец событий дьяк Иван Тимофеев:

«Поищем у себя и все усердно постараемся, прежде всего, уяснить то, за какие грехи, не бессловесного ли ради молчания наказана наша земля, славе которой многие славные злобно завидовали, так как много лет она явно изобиловала всякими благами; ибо согрешили (все) от головы и до ног, от великих до малых, т. е. от святителя и царя, от иноков и святых. И если кто захочет (описать) по порядку все злодеяния — как эти, так и те, которые могли разжечь против нее неизменное Божие определение, — поставлен будет в затруднение, — какое из них могло раньше других возбудить ярость гнева у Судии: от одного ли какого-то неистового греха, как от многоголового змея, могущего своею тяжестью заполнить место всех зол, или от всех зол в совокупности, собранных в одно место, произошло все наше наказание? И если кто и начнет по именам их (злодеяния) исчислять или прочитывать и прочее, то, обессилев, бросит писательскую трость, не перечисливши по порядку всего множества злодеяний»⁴¹³.

В 1917 году произошло то же самое! После падения Монархии в стране начался хаос и распад, как и тремя веками ранее.

С 1605 по 1613 год, до избрания на Царство Михаила Романова, в России объявилось более десяти «царевичей», выдававших себя за детей и внуков Иоанна Грозного, у каждого из которых находились сторонники и приспешники. По словам

очевидца событий Ивана Тимофеева, в период Смуты «в разных местах по отдельным городам начали возникать многие срамные и лживые цари из мельчайших и безымянных людей; больше же всего они ставились из среды последних страдников в безумном шуме городской чернью всей земли, досаждая этим законным царям; глядя на этих появившихся перед нами захватчиков, раз-вращались и люди всей земли»⁴¹⁴.

На авансцене же политического действия «прогарцевало» семь правительств. Ажедмитрия I, Василия Шуйского, Ажедмитрия II («Тушинского вора»), Семибоярщины, Ажедмитрия III (некоего Сидорки) и два правительства так называемого «Совета всей земли». Каждое из череды этих новоявлений претендовало на свою «законность», и все известные современники, но главное — описатели событий, как русские, так и иностранцы, так или иначе были причастными к деятельности того или иного самозванного органа, то есть фактически «замарались в событиях».

Замарались все. Могут сказать, что «такого не бывает», когда все виноваты перед Богом и перед памятью потомков. Бывает. Существует один вечный, на все времена, пример: история возникновения, расцвета и крушения Царства Израильского. Та великая эпопея взлёта и падения Божьего установления подробно изложена в Ветхом Завете, а фактурно дополнена летописцем и очевидцем последнего акта государственного самоуничтожения историком Иосифом Флавием, умершим около 100 года от Рождества Христова⁴¹⁵.

Русское Православное Царство, возникшее в XVI веке, в начале XVII века фактически пало; фрагментировалось до мельчайших подробностей. Жестокая и кровавая гражданская война и иностранная интервенция, когда каждый был против всех, а все и всё — против каждого, нанесли страшный урон стране. Хотя никто не смог подсчитать точно людские потери в эпоху так называемой «Смуты», но, безусловно, они были огромны и исчислялись миллионами погубленных жизней. И это-то при общем населении страны чуть более десяти миллионов!

И провалилась Русь в эти «пределы адовы» по «доброй воле», после страшного клятвопреступления — Цареубийства.

Вот когда обрушились действительные «кары небесные», доводившие людей порой просто до невменяемого состояния. После провала всех самозванных правителей и правительств сознанием именитых и родовитых овладевала просто безумная идея: для умиротворения страны «призвать на Царство» иностранца!

Это одна из самых позорных страниц истории России, когда клика из семи бояр (Семибоярщина), заключила после свержения Василия Шуйского 17 августа 1610 года договор с поляками о «признании Русским Царём» сына Польского Короля Сигизмунда III принца Владислава (1595—1648) из шведской Династии Ваза⁴¹⁶. Закордонный Королевич в Москву не приехал; вместо него «присягу принял» гетман Станислав Жолкевский. Семеро высокородных князей и бояр, «людей высокой чести», творили чёрное, бесчестное дело: впустили в Москву польские войска, выдали им на растерзание и Русскую Землю, и несчастного поверженного Царя Василия Шуйского и даже начали чеканить монету от имени Царя «Владислава Жигимонтовича». Кстати сказать, одним из этих бояр-предателей оказался Иван Никитич Романов (ум. 1640), один из тех, кого Борис Годунов якобы «истязал» и «морил голодом», но так и не смог «извести»...

Боярские попытки «отыскать Царя», в том числе и за русскими пределами, обосновывались представлениями, что «бывало же такое встарь!» Тут, конечно же, возникал образ легендарного Рюрика, призванного русичами на власть в IX веке; случай, описанный всеми древнейшими русскими летописями.

Однако летописное предание обрисовывало ситуацию, совершенно не похожую на ту, что сложилась почти семь веков спустя. Рюрик (ум. 879) — летописный основатель государственности Руси, варяг, новгородский князь и родоначальник княжеской, ставшей впоследствии царской Династии Рюриковичей, последним представителем которой и оказался Царь Фёдор Иоаннович, преставившийся в 1598 году. Когда Рюрик⁴¹⁷ был «призван», то России как государства ещё не существовало. Это был только прообраз или протогосударство, являвшее на практике конгломератом славянских племён.

К концу XVI века положение было принципиально иным. Русь-Московия — обширное и сильное Православное Государство. Когда же оно «обезглавилось», то православные люди, что, вполне естественно, пытались разгадать сакральный смысл возникшего испытания и найти промыслительное решение.

Борис Годунов принял скипетр и державу государства Российского не потому, что был самым «сильным», а в первую очередь потому, что был наиболее «достойным». Это его качество установили Первопатриарх, церковный синклит и Земский собор. С формально-правовой точки зрения данное обстоятельство безусловно легитимизировало права нового Царя и новой Династии, хотя в боярско-аристократическом сознании подобная легитимизация не имела безусловного значения.

Принципиальнейшее отличие случая Рюрика от ситуации Бориса Годунова состояло в том, что первый не являлся христианином, а второй им был и по рождению, и по воспитанию. Никто, даже из числа самых непримиримых врагов Третьего Царя, обвиняя его невесть в чём, никогда не ставил ему в вину личное неблагочестие. Как говорилось в Утверждённой грамоте Царя Михаила Фёдоровича Романова в 1613 году, Борис Годунов правил семь лет «во всём благочестиво и бодроопасно»⁴¹⁸.

И духовная катастрофа июня 1605 года состояла именно в том, что свергали и убивали тогда законного правопреемника и православного венценосца — Фёдора Борисовича Годунова. Многие были потом уверены, что данный кровавый акт — возмездие Царю Борису за его «злодеяния». Настроенный к Царю Борису Фёдоровичу без излишней предубеждённости князь И.М. Катырев-Ростовский написал через два десятка лет после катастрофы июня 1605 года: «Царь Борис красой цвёл и внешностью своей многих людей превзошёл; роста был среднего; муж удивительный, редкостного ума, сладкоречивый, был благоверен и нищелюбив, распорядителен, о государстве своём много заботился и много хорошего по себе оставил. Один лишь имел недостаток, отлучивший его от Бога: к врачам был сердечно расположен, а также неукротимо властолюбив; дерзал на убийство предшествовавших ему царей, от этого и возмездие воспринял»⁴¹⁹.

Князь знал Царя Бориса лично, так как служил при нём стольником, и вместе с отцом подписал избирательную грамоту Царя Бориса. Однако он запечатлел нелепости насчёт «дерзостей» Третьего Царя, который ни к каким злоумышлениям на жизнь ни Иоанна Грозного, ни Фёдора Иоанновича не имел касательства. Но таково было время, такова была уже мировоззренческая традиция, когда Катырев-Ростовский, умерший в 1640 году, составлял свою «повесть». На дворе стояло «время Романовых». Князь, являвшийся шурином Михаила Фёдоровича Романова, играл заметные роли при Царе новой Династии. Ведь именно убийство Фёдора Борисовича Годунова открывало Романовым путь к Престолу Государства Российского, и этот трагический и преступный акт требовал объяснения, а по сути дела — оправдания. Князь подобную «потребное моменту» объяснение и предложил...

Хотя истолкование Промысла, то есть Воли Божией, не может стать предметом «истолкования» светского автора, но тем не менее трудно удержаться от предположения, что вся последующая многолетняя кровавая драматургия Русской истории — кара русским людям за отступления и предательства, ниспосланная свыше.

Конечно, нельзя сбрасывать со счетов, что «избрание», «призвание» Царя в 1598 году явилось потрясением традиционных верований и представлений, касавшихся верховной власти. О Рюрике помнили только избранные «книжники», интеллектуалы той поры. Основная же масса людей Московского Царства знала, что в Москве более трёх веков «престолом владели» исконные правители — Даниловичи, потомки первого удельного князя Московского (с 1271 года) Даниила Александровича (1261—1303), ведшего своё родословие от Рюрика и являвшегося сыном благоверного святого Князя Александра Невского!

Род Даниловичей пресёкся в 1598 году, а потому все последующие цари-правители представлялись «незаконными», «неприродными», «неродовыми». Подобная народная «генеалогия» весьма сильно способствовала успеху Лжедмитрия I и чрезвычайно беспокоила как пришедшего ему на смену Василия

Шуйского, так и первых Царей из Династии Романовых — Михаила Фёдоровича и Алексея Михайловича.

В период Смуты вошло уже почти в привычку не только «избирать», «выкликать», «назначать» царей, но и их низвергать! Русские люди, особенно самые общественно активные и ближе всего стоявшие к событиям — стрельцы, приказные и посадские люди и «вольные казаки», — переставали относиться к царскому институту именно как к святыне.

В этом отношении боярство, фактически и разнуздавшее подобное мятежное людское своеволие, само оказалось заложником ситуации. Первой их попыткой умирить взвихрённое человеческое море стало «призвание» Василия Шуйского. Опыт оказался и провальным, и позорным. Потом именитые и родовитые ухватились за преступную иллюзию отыскать правителя на стороне, заключили «сделку с дьяволом», стремясь добиться умиротворения под дланью шведско-польского принца.

Только третья попытка, окрашенная невероятной кровью и страданием, принесла желаемый для всех мир. В феврале 1613 года Собор Земли Русской единомысленно призвал на Царство юного Михаила Фёдоровича Романова. На самом январско-февральском соборе 1613 года вначале бушевали великие страсти. Претендентов было немало: несколько местных князей, польский принц Владислав, шведский принц Карл-Филипп, избранный новгородцами, находившими под шведской оккупацией, сын Марии Мнишек и Лжедмитрия II Иван, сын-вья татарских ханов. Но всё довольно быстро прояснилось, и страсти улеглись. Выбор пал на шестнадцатилетнего Михаила Романова — двоюродного племянника Царя Фёдора Иоанновича.

В 1613 году априори никакого бесспорного фаворита не существовало. Речь здесь шла не о «выборе» как некоей механической процедуре получения максимального числа голосов тем или иным претендентом, а об установлении «достойности». О православном восприятии процедуры цареизбрания очень хорошо написал генерал М.К. Дитерихс (1874—1937), занимавшийся расследованием обстоятельств убийства Царской семьи в Екатеринбурге в июле 1918 года. Он составил об обстоятель-

ствах того злодеяния подробный отчет. Одновременно генерал провел историческую реконструкцию народных представлений о царской власти, в системе понимания которых события 1613 года имели ключевое значение.

«К Михаилу Фёдоровичу Романову, — писал М.К. Дитерихс, — нельзя применить определения, что он был “выборный царь”, так как те действия, которые имели на Земском Соборе 1613 года, совершенно не подходят к понятиям о “выборах”, установленных правилами и тенденциями современных “гражданских идей”... Дебаты на Земском Соборе сосредотачивались не на вопросе “кого избрать”, а на вопросе “кто может быть царем на Руси” соответственно тем идеологическим понятиям о власти, которые существовали в то время в русском народе “всяя земли”... Земские люди 1613 года, собравшись на “обирание” Государя, предоставляли “избрать” Царя Господу Богу, ожидая проявления этого избрания в том, что о Своем Помазаннике Он вложит в сердце “всех человецех единую мысль и утверждение”»⁴²⁰.

Царя посылает людям Господь, и посылает тогда, когда они сподобятся заслужить Его милость. И удел земных — разглядеть этот промыслительный дар и принять с благодарственной молитвой. Таков высший духовный смысл события, происшедшего 21 февраля 1613 года в Успенском соборе Московского Кремля.

В истории никогда не бывает прямых событийных совпадений, но на уровне духовно-семиотическом диспозиционная сопоставимость исторических явлений существует. В случае со вторым явлением Царства на Руси знаковую переключку можно найти не в анналах отечественной истории, а в событии, произошедшем почти за две с половиной тысячи лет до того. Речь идет об истории ниспослания царя израильскому племени, изложенной в ветхозаветной Первой Книге Царств.

Как явствует из библейского повествования, у израильтян тоже было «нестроение», разрушительное общественное безначалие, вызванное несправедностью властителей-судей. Народ захотел иметь во главе себя Царя, «чтобы он судил нас, как у прочих народов» (1 Цар. 8, 5). С этим ходатайством старейшины

обратились к Самуилу — последнему великому судье Израиля. Самуил же молитвенно обратился к Господу. И Он, услышав зов народа и молитву верного Себе, открыл имя будущего Царя. Этот отрок ничем не был примечателен, принадлежал к одному «из меньших колен Израилевых», но, по неизъяснимому Промыслу Всевышнего, удостоился Царского служения. Хотя Самуил, передав Волю Всевышнего народу, предупреждал соплеменников об угрозе произвола правителя, получившего неограниченную властную прерогативу, но народ был непреклонен: «Пусть Царь будет над нами» и «судить будет Царь наш, и ходить пред нами, и вести войны наши» (8, 19—20).

Сам Саул, имя которого в буквальном переводе значит «испрошенный», и не подозревал о грядущем царском предназначении. Библия не сохранила свидетельств того, как Саул реагировал, узнав про свою царскую участь. Библейский рассказ позволяет заключить, что молодой человек, очевидно, был глубоко потрясен. Он полностью и безропотно подчинился всем распоряжениям Самуила, который и помазал Саула на Царство. Бог же наделил Своего избранника даром пророчества и «дал ему иное сердце» (10, 9). Когда же надо было явиться народу, Саул настолько перепугался, что скрылся от глаз людских. С помощью Божией его отыскиали в «обозе» и явили всем коленам Израиля. И тогда Самуил обратился к народу и сказал: «Видите ли, кого избрал Господь? Подобного ему нет во всем народе. Тогда весь народ воскликнул и сказал: да живет Царь!» (10, 20—24).

Даже при самой тщательной документальной реконструкции ситуации 1613 года, значение события, его внутренний смысл невозможно постичь без учета промыслительного предопределения. Все фактурные доказательства и логические аргументы всё-таки не проясняют главного: почему же именно Михаил Романов стал Царем на Руси? Михаил Романов мало кому был известен, родители своего отпрыска на престол, как бы теперь сказали, не «лоббировали». Отец Фёдор Никитич, принявший монашество в 1601 году под именем Филарета, томился в польском плену; мать, принявшая постриг под именем Марфы, находилась в монастыре. Все главные боярские роды, передрав-

шиеся за свои преимущества, фактически склонились в пользу царя-иностранца.

И святой праведный Патриарх Ермоген (Гермоген) в своем молитвенном усердии распознал имя будущего Царя и назвал его задолго до собора⁴²¹. Народ и все делегаты Собора, просвещенные Святым Духом, склонились безропотно в пользу единого решения. Как заметил С.Ф. Платонов, «по общему представлению, Государя сам Бог избрал, и вся земля Русская радовалась и ликовала»⁴²².

Участник тех событий келарь Троице-Сергиева монастыря (лавры) Авраамий Палицын заключал, что Михаил Фёдорович «не от человека, но воистину от Бога избран». Он видел доказательство этой исключительности в том, что при «собрании голосов» на Соборе не случилось никакого разногласия. Сие же могло случиться, как заключал Авраамий Палицын, только «по смотрению Единого Всесильного Бога»⁴²³.

Уже после избрания Михаила, после рассылки грамот о том «во все концы Русской Земли», и после присяги и крестоцелования в Москве не знали, где находится новый Царь. Направленное к нему в начале марта 1613 года посольство отбыло в Ярославль или «где он, Государь, будет». Избранник же скрывался в костромской родовой вотчине Домнино, а позже вместе с матерью переехал в Костромской Свято-Троицкий Ипатьевский монастырь, где его и отыскала делегация Земского Собора. Первоначально и сама инокиня Марфа, и её сын наотрез отказались от царской участи. Еще были памятны все измены и предательства, совершенные после клятв верности и по отношению к Борису Годунову, Фёдору Годунову и по отношению к Ажедмитрию и Василию Шуйскому.

На заре христианского обращения Руси Церковь играла роль наставницы и творца исторического облика власти и страны, теперь же, по прошествии более шестисот лет, Церковь являлась хранительницей русской государственности.

После многочасовых молитв, увещаний, просьб и слез согласие Михаила было получено, а мать его благословила. Михаила Фёдоровича провозгласили торжественно Царём 14 марта 1613 года.

Удивительный исторический акт национального единения, который в современных выражениях, можно назвать и «пафосной ораторией», и «патетической симфонией», происходил в центре Ипатьевского монастыря — Троицком соборе. Храм этот был воздвигнут при Фёдоре Иоанновиче заботами Царицы Ирины Фёдоровны, умершей монахиней в 1603 году, и её брата Бориса Фёдоровича Годунова, ставшего в 1598 году Царём.

Годуновы чтили Ипатьевский монастырь под Костромой, так как, согласно преданию, относящему к XIV веку, родоначальником рода Годуновых являлся татарский мурза Чет (или Чета), принявший Православие под именем Захария, перешедший на службу к московским князьям и основавший эту обитель. На этом месте ему было видение Божьей Матери с предстоящими апостолом Филиппом и священномучеником Ипатием Гангрским, результатом которого стало исцеление Чета-Захарии от болезни. В благодарность за это на этом месте и был основан монастырь.

При Годуновых монастырь украсился и архитектурными строениями, и произведениями церковного искусства. В подклети Троицкого собора были погребены родители Царя Бориса — боярин Фёдор Иванович и Степанида Ивановна, тесть и теща Царя Федора Иоанновича. Торжество новой Династии у алтаря храма стало своеобразным символом исторической преемственности.

Конечно, никто подобную событийную композицию специально не создавал и не режиссировал, да никто её тогда и не осознавал. Однако трудно удержаться от предположения, что и в этом необычном стечении обстоятельств проявился некий промыслительный знак.

Михаил Романов был благословлён на Царство чудотворной иконой Божией Матери, получившей название Фёдоровской. Она явилась на Руси еще в XII веке, именовалась Городецкой, по месту своего нахождения — Городца на Волге. В 1239 году, в эпоху Батыева разорения, явила своё чудодейство и стала называться Фёдоровской, так как заняла свое место в церкви Святого великомученика Фёдора (Феодора) Стратилата, погибшего в начале IV века от рук римских язычников. С этой иконой

впереди и шествовала процессия из Костромы в Ипатьевский монастырь, и именно с этим образом Богоматери связывала свои упования инокиня Марфа: «Тебе, Владычице, поручаю сына моего! Да будет Твоя святая воля над нами».

2 мая 1613 года Царь Михаил Фёдорович торжественно въехал в Москву, а 11 июля 1613 года в Успенском соборе Московского Кремля состоялось венчание его на Царство.

В событиях 1613 года победили не мирские страсти, не «политические технологии», не групповые интересы, а религиозная Идея. Михаил стал Царём не по воле родовитых и именитых, не в силу прагматических или корыстных расчетов тех или иных сил, а давлением народной массы, уставшей от нестроений и разрухи, и по предуказанию святого Гермогена Патриарха Московского и всея Руси.

ПРИМЕЧАНИЕ

Введение

1. *Митрополит Иоанн*. Русская симфония. Очерки русской историософии. СПб., 2009. С. 187.

2. Недавно вышло весьма содержательное исследование, посвященное князю Рюрику, которое уместно рекомендовать всем, интересующимся этим героем. См.: *Пчелов Е.В.* Рюрик. М., 2010.

3. *Карамзин Н.М.* О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях//Русская социально-политическая мысль XIX — начала XX века. Н.М. Карамзин. М., 2001. С. 86—87.

4. Канонизирован в 1989 году.

5. *Платонов С.Ф.* Русская история. М., 1996. С. 129.

6. *Керенский А.Ф.* История России. Иркутск, 1996. С. 66.

7. Преподобный Дионисий, в миру Давид Зобнинский, преставившейся в 1640 году, с 1605 года был архимандритом Старицкого Богородицкого монастыря, а в 1619 году, по воле Патриарха Гермогена, стал настоятелем Троице-Сергиевой лавры.

8. Россия перед Вторым Пришествием. Материалы к очерку русской эсхатологии / Сост. С. и Т. Фомины. Т. 1—2. М., 2002. Т. 1. С. 248.

9. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. XI. Гл. III. С. 276.

10. *Сахаров А.Н.* Триумф и трагедия Лжедмитрия//ЮНЕСКО. История человечества. М., 2003. Т. VIII. С. 179.

11. *Митрополит Иоанн*. Указ. соч. С. 193.

12. Документальный сборник// Грозный Царь Иоанн Васильевич. М., 2009. С. 309—310.

13. Полное название — Свято-Успенский Княгининский женский монастырь. Основан в 1200 году Великим князем Владимирским Всеволодом III по настоянию жены княгини Марии, которая приняла там постриг с именем Марфы. Отсюда и второе название — Княгинин.

14. *Пушкин А.С.* Собрание сочинений в десяти томах. М., 1981. Т. 10. С.337.

Глава 1

15. Замысел Пушкина и соответствие пушкинских героев историческим показаниям проанализировано в целом ряде специальных работ. Отметим только наиболее значимые: *Базилевич К.В.* Борис Годунов в изображении Пушкина//Исторические записки. Т. 1. М., 1937; *Городецкий Б.П.* Драматургия Пушкина. М.—Л., 1953; *Благой Д.Д.* Мастерство Пушкина. М., 1955; *Рассадин С.Б.* Драматург Пушкин. М., 1977.

16. *Пушкин А.С.* Собрание сочинений в десяти томах. М., 1981. Т.11. С. 204.

17. *Там же.* С. 189.

18. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М., 1989. С. 146.

19. *Пушкин А.С.* Собрание сочинений в десяти томах. Т. 9. С. 343.

20. Царь Ирод — Царь иудейский, о котором упоминается в Новом Завете, отличавшийся страшной свирепостью. Узнав о новорожденном Царе Иудейском (Спасителе) в Вифлееме, он приказал убить тысячи новорождённых, думая погубить Богомладенца Иисуса.

21. *Пушкин А.С.* Собрание сочинений в десяти томах. Т. 9. С. 210.

22. *Там же.* С. 216.

23. *Там же.* С. 225.

24. *Там же.* С. 232.

25. См.: *Боханов А.Н.* Царь и Поэт// Боханов А.Н. Николай I. М., 2008. С.164—165.

26. Император Николай Первый. Сборник документов / Сост. М.Д. Филин. М., 2002. С. 143.

27. *Пушкин А.С.* Указ. соч. С. 364.

28. Утверждённая грамота об избрании на Московское Государство Михаила Фёдоровича Романова 1613 г.//Царский сборник. Службы. Акафисты. Месяцеслов. Помянник. Молитвы за Царя. Коронация / Сост. С. и Т. Фомины. М., 2000. С. 558.

29. Платонов С.Ф. Русская история. М., 1996. С. 139—140.

30. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях её деятелей. Кн. 1. М., 1990. С. 609—631.

31. Там же. С. 582.

32. Сокольничий — придворный чин, ведавший царской охотой. На эту должность назначались, как правило, люди незнатного происхождения. Должность существовала до 1606 года, когда и была упразднена, а Г.Г. Пушкин стал последним сокольничим.

33. Вид персонального отличия. Думский дворянин — должностное лицо, имевшее право участвовать в заседаниях Боярской Думы.

34. Хан Батый — внук основателя огромной Монгольской державы Чингисхана (ок. 1155—1227) возглавил поход на Русь, большая часть которой была разграблена и закабалена.

35. Настоящее имя Григорий Лукьянович Скуратов-Бельский, любимец Иоанн Грозного, служивший тому верой и правдой, один из известных деятелей Опричины. Получил своё прозвище Малюта за малый рост.

36. Если быть совершенно точным, то Борис Годунов дал свое согласие 21 февраля.

37. Соловьев С.М. История России с древнейших времён. СПб., 1884. Т. 8. С. 746.

38. Киреевский И.В. Критика и эстетика. М., 1979. С. 105.

39. Был основан в 1357 году на территории Кремля святителем Митрополитом Киевским и всея Руси Алексеем, преставившимся в 1378 году. При большевиках, в 1918 году, монастырь был закрыт, а все его постройки разрушены до основания в 1930 году.

40. Дьяк (от греческого «служитель») — вплоть до XVIII века начальник и письмоводитель канцелярии разных ведомств; в современных понятиях синоним чиновника.

41. Воевода — название военачальника или правителя.

42. Полное название: Спасо-Ефимиев мужской монастырь в Суздале. Был основан в 1352 году и назван в честь первого игумена монастыря святого преподобного Евфимия Суздальского (1316—1414).

43. Симфония. По творениям Святителя Иоанна Златоуста. М., 2006. С. 471.

44. Валишевский К. Смутное время. М., 1993. С. 127.

45. Приказ Большого прихода ведал сбором налогов преимущественно военного назначения и был учреждён Годуновым в 1699 году.

46. «Временник» Ивана Тимофеева. М.—Л., 1951. С. 77.

47. Она была издана в Амстердаме в 1613 году, а в 1614 году появилось второе издание. Исследователи считают, что карта попала к иностранцам во время разгрома в Кремле дома Годуновых в 1605 году. См.: *Багров А.* История русской картографии. М., 2005. С. 198.

48. Евангелие от Матфея (5, 3), Евангелие от Луки (6, 20).

49. *Протоиерей Г. Двяченко.* Полный церковно-славянский словарь. М., 2004. С. 46.

50. Отметим только две важные работы: *Успенский Б.А.* Царь и самозванец//Художественный язык средневековья. М., 1982; *Скрынников Р.Г.* Самозванцы в России в начале XVII века. Новосибирск, 1990.

51. Ныне село Добрунь в Брянской области.

Глава 2

52. *Платонов С.Ф.* Борис Годунов. Пг., 1921; *Скрынников Р.Г.* Борис Годунов. М., 1978; *Он же.* Царь Борис и Дмитрий Самозванец. Смоленск, 1997.

53. Два выдающихся произведения Евсевия: «Церковная история» и «Хроники».

54. Подробнее о длительных идеологических манипуляциях с фактами см.: *Манягин В.Г.* Правда Грозного Царя. М., 2007; *Боханов А.Н.* Царь Иоанн IV Грозный. М., 2008; *Митрополит Иоанн (Снычев).* Русская Симфония. Очерки русской историософии. СПб., 2009; *Фомин С.В.* Правда о Первом Русском Царе. М., 2010.

55. См.: Русская социально-политическая мысль XI—начала XX века. Иван Грозный. М., 2002; Сб. Царь Иван IV Грозный / Сост. С.В. Перевезенцев. М., 2005.

56. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. 10. М., 2009. С. 1003.

57. *Костомаров Н.И.* Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. 1604—1613. М., 1888. С. 30.

58. Занимал Патриарший престол дважды: в 1353—1354 и в 1364—1376 годах.

59. Сказание о белом клобуке// Университетские известия. Киев, 1912. № 8. С. 39.

60. *Карташев А.В.* История Русской Церкви. М., 2004. С. 495—496.

61. *Макарий, Митрополит Московский и Коломенский.* История Русской Церкви. Кн. 6. М., 1996. С. 28.

62. *Там же.* С. 29.

63. Придворный чин и должность руководителя Конюшенного приказа, в ведении которого находились не только формирование конного войска, но и дипломатические вопросы.

64. Дионисий (ум. 1587), бывший игумен Хутынского монастыря. Полное название: Варлаам-Хутынский Спасо-Преображенский монастырь; основан в XII веке и располагался недалеко от Новгорода, при деревне Хутынь. Дионисий носил сан Митрополита Московского и всея Руси с 1581 по октябрь 1586 года.

65. До конца 1586 года, когда 11 декабря и возведён был в сан Митрополита Московского и всея Руси.

66. *Макарий, Митрополит Московский и Коломенский.* Указ. соч. С. 30.

67. Он покинул Москву 1 августа 1589 года.

68. Арсений Элассонский (1550 — 1625). В 1588 году Арсений сопровождал Патриарха Иеремию в Москву, где они вместе вели переговоры о введении в России Патриаршества. В 1589 году в Успенском соборе Арсений принял участие в избрании Патриарха всея Руси и участвовал в рукоположении святого митрополита Иова в Патриархи. Получив разрешение от Царя оставаться в Москве, Арсений поселился недалеко от царского дворца в Кремле. Умер в сане архиепископа Суздальского. Канонизирован в 1982 году с включением имени в Собор Владимирских святых.

69. Монема́сия (Монемва́зия) — греческий город-крепость на острове, соединённом узким перешейком с Пелопоннесом. Название города происходит от греческого «мони эмвасис», что значит — «один вход».

70. Церковнослужитель, возглашающий перед пением глас и строчки из молитвословия, которые вслед за возглашением поет хор.

71. Хроники смутного времени. М., 1998. С. 168—169.
72. Патриархи Московские. С. 31.
73. Святой Иов. Патриарх Московский и всея Руси//Московский Патерик. М., 1991. С. 113.
74. Святитель Иов. Патриарх Московский и всея Руси. Житие//Патриархи Московские. М., 2004. С. 28. Далее: Патриархи Московские.
75. Ныне центр одноименного района Тверской области, расположенный примерно в восьмидесяти километрах от Твери.
76. Патриархи Московские. С. 29.
77. Сохранилась до наших дней в несколько обновленном виде.
78. Платонов С.Ф. Русская история. М., 1996. С. 128.
79. Патриархи Московские. С. 37.
80. Там же.
81. Полное собрание русских летописей. СПб., 1910. Т. 14. С. 18.
82. Макарий, Митрополит Московский и Коломенский. Указ. соч. С. 68.
83. Там же. С. 67.
84. Феодосий (Иванов) священник. Церковь в эпоху Смутного времени на Руси. Екатеринослав. 1906. С. 42, 43.
85. Патриархи Московские. С. 39.
86. Карташев А.В. История Русской Церкви. С. 521.
87. Макарий, Митрополит Московский и Коломенский. Указ. соч. С. 72.
88. Там же. С. 74.
89. Агарянами или измаилитами, измаильтянами, на Руси всегда называли мусульман. Считалось, что они род свой вели от Агари — рабыни-египтянки, служившей в доме у праотца Авраама, которая родила от хозяина незаконного сына Измаила (Исмаила).
90. После изгнания из России Игнатий поселился в Польше, принял униатство, то есть фактически стал католиком, и умер в городе Вильно, где в его распоряжение предоставили дворец. Польская власть так до конца его дней признавала Игнатия «патриархом».
91. Макарий, Митрополит Московский и Коломенский. Указ. соч. С. 77.
92. Со второй половины XVII века архиепископ Феодосий стал почитаться как местный святой. Признание Церковью святости архиепископа Феодосия первоначально было выражено включением его

имени в Службу всем святым, в земле Российской просиявшим, а в 1999 году было официально подтверждено местное почитание святого в Астраханской епархии.

93. *Протоиерей Лев Лебедев*. Москва Патриаршая. М., 1995. С. 11.

94. Патриархи Московские. С. 40.

95. Стародуб — ныне городок в Брянской области, в 190 километрах на юго-запад от Брянска.

96. «Тушинский вор» — от названия села Тушина под Москвой, где с мая 1608 по декабрь 1609 года размещалась ставка самозванца.

97. Шклов — ныне город в Могилевской области Республики Беларусь, в указанное время входил в состав Речи Посполитой (Польши).

98. Краткая еврейская энциклопедия (КЕЭ). Иерусалим, 1976—1982. Т. 7. С. 290.

99. Каптана — зимний экипаж на полозьях, наподобие возка.

100. Патриархи Московские. С. 41.

101. *Там же*.

102. *Макарий, Митрополит Московский и Коломенский*. Указ. соч. С. 92—93.

Глава 3

103. *Платонов С.Ф.* Русская история. М., 1996. С. 112

104. *Скрынников Р.Г.* Борис Годунов. М., 1978. С. 78.

105. *Погодин М.П.* Об участии Годунова в убиении Царевича Дмитрия//Московский вестник. М., 1829.

106. *Белов Е.А.* О смерти Царевича Дмитрия// Журнал Министерства Народного Просвещения. СПб., 1873. Июль—август (№ 7 и № 8).

107. *Клейн В.* Угличское следственное дело о смерти царевича Дмитрия 15 мая 1591 г. М., 1913.

108. *Митрополит Иоанн*. Русская Симфония. Очерки русской историософии. СПб., 2009. С. 177.

109. Царский сборник. Службы. Акафисты. Месяцеслов. Помянник. Молитвы за Царя. Коронация. М., 2000. С. 554—555

110. Полное собрание русских летописей. Т. 34. М., 1978. С. 221.

111. История государства Российского. Т. 9. М., 2009. С. 964.

112. *Виппер Р.Ю.* Иван Грозный. М.—Л., 1944. С. 155.

113. Цит. по: *Делиус Вальтер.* Антонио Поссевино и Иван Грозный//Иван Грозный и иезуиты. М., 2005. С. 18.

114. *Боханов А.Н.* Царь Иоанн IV Грозный. М., 2008.

115. Свое же тезоименитство Иоанн отмечал 29 августа — в день усекновения главы Иоанна Предтечи. Именно Иоанна Предтечу Первый Царь считал своим небесным покровителем.

116. Этот народный титул возник уже после смерти Ивана IV, в начале XVII века, в период разорения Руси, в годы Смуты.

117. *Даль. В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. М., 1989. С. 397.

118. *Митрополит Иов.* Повесть о житии Царя Федора Ивановича // Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI—начало XVII века. М., 1987. С. 77.

119. Существует генеалогическое предание, что род Глинских, перебравшийся из Литвы на Русь в самом начале XVI века, восходил к сыну Мамай Мансуру. Сам Иоанн Грозный никогда не признавал свое родство с Чингизидами. См.: *Трепавлов В.В.* Белый Царь. М., 2007. С. 96—97.

120. По другой пагинации, Константин XII.

121. Собственно, государства Византии в действительности никогда не существовало. Все жители христианской Восточной Римской Империи, основной Римским Императором (306—337) Константином Великим и существовавшей более тысячи лет, называли себя «ромеями» (римлянами) и вполне обоснованно считали свою Империю законной преемницей Первой Римской Империи. Жителей же «ветхого Рима» именовали «италийцами».

Термин «Византия», утвердившийся в XIX веке, ввели ранее в обращение католические идеологи, стараясь умалить всемирно-историческое значение Империи Константина. В основу смыслового подлога было положено название возникшего еще в 657 году до Рождества Христова греческого городка Византий, куда в 330 году Император Константин перенес столицу Империи из Рима и который получил название Константинополя. От самого Византия уже в то время не осталось никакого следа; все было построено заново. Константинополь стал центром величайшей мировой Империи. В период своего рассвета — с V по XII век включительно — Константинополь

являлся красивейшим, самым благоустроенным и наиболее населенным центром мира; число его жителей превышало миллион человек. Жители Империи Константина до самого конца осознавали себя именно «ромеями». Это была церковно-государственная традиция. Выдающийся канонист XII века Феодор Вальсамон, отвечая на вопросы Патриарха Александрийского Марка, писал в 1195 году, что православные христиане — «римляне, независимо от места проживания, а потому и должны подчиняться римским законам».

122. *Иоанн, Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский*. Самодержавие духа. Очерки русского самосознания. СПб., 1994. С. 142.

123. *Принц (Принц) фон Бухау*. Иван Грозный: отзыв современника-иностранца. 1586 г. / Пер. И. Тихомирова // *Русская Старина*. 1878. Май. С. 173.

124. *Перевезенцев С.В.* Государь Иван IV Васильевич Грозный // *Царь Иван IV Грозный*. М., 2005. С. 5.

125. *Кожин В.В., Кириллин В.М.* Обличитель ересей непостыдный. Фонд имени Преподобного Иосифа Волоцкого. 1999. С. 57. Подробнее об этом см.: *Кожин В.В.* Судьба России: вчера, сегодня, завтра. М., 1990. С. 50—54, 196—200.

126. *Поссевино А.* Московские посольство // *Иван Грозный и иезуиты*. М., 2005. С. 219.

127. *Скрынников Р.Г.* Царство террора. СПб., 1992; *Иван Грозный*. М., 2006.

128. *Скрынников Р.Г.* Иван Грозный. С. 334.

129. *Там же*. С. 462—477.

130. Царевич Дмитрий («Первый») погиб 4 июня 1553 года, не дожив до года.

131. Полное собрание русских летописей. Т. 34. М., 1978. С. 229.

132. Окольничий — второй после боярина чин в государстве, член Боярской Думы.

133. Цит. по: Макарий, Митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви. Т. 4. Ч. 1. М., 1996. С. 173.

134. Епитимия от греческого слова «наказание». Она обозначает добровольное исполнение тех или иных дел благочестия, не имеет значения собственно кары, а является лишь «врачеванием духовным».

135. См.: *Филюшкин А.И.* Андрей Михайлович Курбский. СПб., 2007. С. 545—546.

136. Вознесенский женский монастырь был основан в 1407 году вдовой Дмитрия Донского Великой княгиней Евдокией, которая и была погребена в главном монастырском храме Вознесения Господня. Архангельский собор являлся для царей, а Вознесенский — для цариц. Борис Годунов велел выстроить здесь женскую усыпальницу как копию государевой, равной ей по статусу.

137. *Манягин В.Г.* Правда Грозного Царя. М., 2007. С. 199.

138. *Скрынников Р.Г.* Иван Грозный. М., 2006. С. 434.

139. См.: *Макарий, Митрополит Московский и Коломенский.* Указ. соч. Т. 4. Ч. 2. С. 137.

140. *Морозова А.Е.* Затворницы. Миф о великих княгинях. М., 2002. С. 297.

141. «Московская торговая компания» была учреждена в Лондоне в феврале 1555 года и предназначалась для торговли с Россией. В ее делах принимали участие представители многих английских аристократических семей, а королева Елизавета ей покровительствовала. По распоряжению Царя за англичанами была закреплена Холмогорская пристань, а местом стоянки английских кораблей был определен остров напротив устья реки Двины. В начале 80-х годов XVI века по указу Иоанна Грозного в устье Северной Двины был заложен город Архангельск, носивший до 1613 года название Новохолмогоры и ставший более чем на столетие главными морскими воротами России.

142. Из книги «Путешествия сэра Джерома Горсея»//Царь Иван IV Грозный. М., 2005. С. 423.

143. *Там же.* С. 444.

144. *Пчелов Е.В.* Рюриковичи. История Династии. М., 2001. С. 369.

145. Подробный разбор исторической сюжетной фальши картины И.Е. Репина сделал С.В. Фомин: См.: Правда о Первом Русском Царе. М., 2010.

146. В 2007 году одно московское издательство выпустило в свет книгу «Царь Иван Грозный. Энциклопедия» (под редакцией М.А. Вольпе). Обложка этой «энциклопедии» украшена почему-то фантазией И.Е. Репина.

147. Преподобный Антоний, ремеслом иконописец, основатель монастыря того же имени в Архангельской губернии, преставился в 1557 году и еще при жизни пользовался почитанием как святой праведник. Антоний Сийский посещал Москву, беседовал с Царем Иоанном и высоко ценил его и его добродетельную жену Анастасию.

148. *Кузьмин А.Г.* История России с древнейших времен до 1618 года. Кн. 2. М., 2003. С. 267.

149. *Манягин В.Г.* Указ. соч. С. 162.

150. Иван Грозный и иезуиты. Миссия Антонио Поссевино в Москве. М., 2005. С. 105.

151. Стефан Баторий (1533—1586), с 1571 года — князь Трансильванский (вассал Османской Империи), Король Польский с 1576 года.

152. Из книги «Путешествие сэра Джерома Горсея». С. 90.

153. *Флетчер Дж.* О Государстве Русском. М., 2002. С. 34.

154. *Маржерет Ж.* Состояние Российской державы и Великого княжества Московского//Россия XVII века: воспоминания иностранцев. Смоленск, 2003. С. 16.

155. *Масса И.* Краткое известие о Московии. С. 79.

156. См.: *Фомин С.В.* Правда о Первом Русском Царе. М., 2010. С. 303, 339.

157. *Даль В.И.* Указ. соч. Т.2 С. 551.

158. Ловчий — руководитель великокняжеской или царской охоты, придворный чин и должность.

159. Окольничий — второй после боярина думный чин, член Боярской Думы.

160. Полное собрание русских летописей. Т. 14. СПб., 1910. С. 34—35.

161. Это единственная постройка — дата сооружения 1482 год, которая сохранилась от того времени до наших дней и имеет ныне название «Палаты Царевича Дмитрия».

162. *Горсей Джером.* Записки о России XVI — нач. XVII в. М., 1990. С. 142.

Глава 4

163. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. 10. Гл. 1. М., 2009. С. 967.

164. *Маржерет Ж.* Состояние Российской державы и Великого княжества Московского // *Россия XVII века: воспоминания иностранцев.* Смоленск, 2003. С. 58.

165. Благоверный — исповедующий истинную веру, правоверный, православный. См.: *Протоиерей Г. Дьяченко.* Полный церковнославянский словарь. М., 2004. С. 40.

166. Собрание грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М., 1819. Ч. 2. № 147. С. 311.

167. «Временник» Ивана Тимофеева. М.—Л., 1951. С. 216—217.

168. *Платонов С.Ф.* Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. М., 1937. С. 159.

169. Патриарх Филарет // *Патриархи Московские.* М., 2004. С. 63—64.

170. Полное название: Свято-Троицкий Антониев-Сийский монастырь расположен в 160 километрах от Архангельска, был основан в 1520 году Преподобным Антонием (1497—1557).

171. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1851. Т. 2. С. 64—65.

172. Кир — «господин»; слово греческого происхождения, использовалось в титулах патриархов.

173. Утверждённая грамота об избрании на Московское Государство Михаила Фёдоровича Романова. 1613 г. // *Царский сборник.* М., 2000. С. 558.

174. *Черепнин А.В.* Русская историография до XIX века: Курс лекций. М., 1957. С. 123; *Корецкий В.И.* История русского летописания второй половины XVI— начала XVII в. М., 1986. С. 3; *Поршнев Б.Ф.* Социально-политическая обстановка в России во время Смоленской войны // *История СССР.* 1957. Т. 5. С. 119.

175. Новый летописец // *Хроники Смутного времени.* М., 1998, С. 286.

176. *Там же.* С. 268.

177. *Там же.* С. 275—277.

178. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. 10. М., 2009. С. 1007.

179. *Макарий, Митрополит Московский и Коломенский.* История Русской Церкви. М., 1996. Т. 6. С. 63—64.

180. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. 10. М., 2009. С. 1007.
181. *Костомаров Н.И.* Исторические монографии и исследования. СПб., 1905, Кн. 5. Т. 13. С. 452.
182. Московский патерик. М., 1991. С. 84.
183. *Масса И.* Краткое известие о Московии // Россия XVII века: воспоминания иностранцев. Смоленск, 2003. С. 102.
184. Обычно «ногайским», иногда «татарским» называли массивные поясные ножи, которые производились в Крыму.
185. По обычаю того времени, Царевичу Дмитрию было дано и второе имя Уар, по имени Святого Мученика Уара, убиенного в 307 году. Согласно житию, Уар был воином, начальником римского отряда в Египте начале IV века, провозгласив себя христианином, он подвергся мученичеству и скончался от истязаний.
186. См.: *Клейн В.К.* Угличское следственное дело о смерти Царевича Димитрия. М., 1913. Ч. 2; *Скрынников Р.Г.* Борис Годунов. М., 1978; *Кобрин В.Б.* Кому ты опасен, историк? М., 1992.
187. *Полосин И.И.* Социально-политическая история России XVI—начала XVII в. М., 1963. С. 225.
188. Поместный приказ — высшее правительственное учреждение, созданное Иоанном Грозным и ведавшее жизненно важным для Руси вопросом: землевладения.
189. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. М., 1989. С. 146.
190. Угличское следственное дело. Л. 11, 25, 40, 45.
191. *Скрынников Р.Г.* Указ. соч. С. 187.
192. В современном Житии Царевича Дмитрия до сих пор фигурирует утверждение, что при теле Цесаревича в раке в Архангельском соборе рядом с телом помещался «нож, которым он был убит». См.: Московский Патерик. С. 84.
193. Угличское следственное дело. Л. 13.
194. *Там же.* Л. 28.
195. Михаил Нагой пережил все превратности судьбы (ум. 1612). В 1591 году Нагого посадили под стражу, после чего он был сослан в заточение, откуда возвращён в царствование Бориса Годунова. С 1598 по 1602 год был на воеводстве в Царёве-Санчурске. В 1606 году был

пожалован Ажедмитрием, которого он признал своим родственником, в бояре и конюшие.

196. Там же. Л. 48.

197. Там же. Л. 10, 45—46, 49—50.

198. Карамзин Н.М. Указ. соч. С. 1005.

199. Архитектор М.О.Микешин (1835—1896), скульптор И.Н. Шредер (1835—1908).

200. Угличское следственное дело. Л. 20.

201. Там же. Л.47.

202. Елизавета I.

203. Териак — от персидского *teryak* («опиум»), распространённое лечебное и универсальное средство в Средние века, считавшее противоядием.

204. Путешествие сэра Джерома Горсея // Записки о России XVI—начало XVII в. М., 1990. С. 250—252.

205. Расстояние от Углича до Ярославля составляет около ста километров.

206. Русская историческая библиотека. СПб., 1909. Т. 13. С. 80.

207. В конце XIX века колокол вернули в Углич, и ныне он висит на колокольне церкви Царевича Дмитрия на крови, построенной в конце XVII века.

208. Ныне точное место расположения пустыни неизвестно.

209. «Временник» Ивана Тимофеева. М.—Л., 1951. С. 209.

210. Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 10. Гл. 2. М., 2009. С. 1004.

211. Платонов С.Ф. Русская история. М., 1996. С. 114.

212. Кому нужна была смерть Царевича Дмитрия // Христианское чтение. СПб., 1891. С. 420.

Глава 5

213. Князь Галицкий Дмитрий Юрьевич (ум. 1453), по прозвищу Щемьяка (Щёголь), захватил 1446 году Московский стол, ослепил Московского великого князя, своего двоюродного брата Василия Васильевича, однако удержать власть в Москве надолго не смог.

214. Само понятие очень древнего происхождения. Первоначально означало совещательный орган при князе, куда входили родственники

князя, старшие дружинники, представители духовенства, городские старшины и др., а в XII веке становится совещательным органом бояр при князе.

215. *Веселовский С.Б.* Род и предки Пушкина в истории. М., 1990. С. 170—171.

216. Лица, ведшие делопроизводство в Боярской Думе, в 1566 году получили название «думных дьяков».

217. Название произошло от термина «приказ», употребляемого в смысле особого поручения.

218. *Порай-Кошиц И.* История русского дворянства от XI до конца XVIII века. М., 2003. С. 82.

219. В старину «дедич» означал владельца, собственника, а «отчичем» назывался наследник отцовского состояния.

220. Сословия — правовая, юридическая категория, означавшая принадлежность по рождению к определённой роду людей. Сословная система начала складываться при Петре I в начале XVIII века.

221. Полное имя — Иван Тимофеев сын Семёнов, или в полной именной транскрипции — Иван Тимофеевич Семёнов.

222. «Временник» Ивана Тимофеева. М.—Л., 1951. С. 217—218.

223. *Скрынников Р.Г.* Борис Годунов. М., 1979. С. 6

224. «Временник» Ивана Тимофеева. С. 178.

225. *Скрынников Р.Г.* Указ. соч. С. 10.

226. *Иоанн, Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский.* Самодержавие духа. Очерки русского самосознания. СПб., 1994. С. 237.

227. Русская социально-политическая мысль XI — начала XX века. Иван Грозный. М., 2002. С.105.

228. *Там же.* С. 86.

229. В 60-х годах в Литве существовала целая колония русских предателей-беглецов из бывших воевод, «детей боярских» и «служилых людей», насчитывавшая десятки человек: Ю. Горенский, В. Заболоцкий, И.Б. и М.А. Оболенские, Т. Тетерин, М. Сарыхозин, Г. Нащокин, Б. Хлызнев-Колычев, И. Ярый и другие. Подобнее см.: *Филюшкин А.И.* Андрей Михайлович Курбский. СПб., 2007. С. 264—265.

230. Митрополит Афанасий, в миру Андрей (? — 1570-е годы). С 1549 года протопоп Благовещенского собора Московского Кремля, духовник Иоанна Грозного. Принял монашеский постриг в москов-

ском Чудовом монастыре в 1562 году с именем Афанасий. В феврале 1564 года избран в Митрополиты Московские, оставил Метрополию «за немощью великою» в мае 1566 года и вернулся в Чудов монастырь, где и скончался.

231. Ныне город Александров во Владимирской области.

232. *Веселовский С.В.* Исследования по истории опричнины//Московское государство. Век XVI. М., 1986. С. 549—552.

233. *Скрынников Р.Г.* Иван Грозный. М., 2006. С. 180.

234. *Протоиерей Г. Дьяченко.* Полный церковно-славянский словарь. М., 2004. С. 385.

235. *Иоанн, Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский.* Самодержавие духа. СПб., 1994. С. 165.

236. История с «собачьими головами» походит на исторический анекдот, пущенный в обращение иностранцами, но тем не менее ставший одним из неперенных атрибутов опричной мифологии.

237. Библиотека литературы Древней Руси. Т. 11. XVI век. СПб., 2001. С. 162.

238. Их сочинения давным-давно изданы и у нас в стране. См.: Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе//Русский исторический журнал. Пг., 1922. № 8; Новое известие о России времени Ивана Грозного. «Сказание» Альберта Шлихтинга. Л., 1934; Генрих Штаден. О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. М., 1925.

239. Новое известие о России времени Ивана Грозного. Л.: Изд-во АН СССР, 1934. С. 24.

240. Через несколько дней Царь прислал в Троице-Сергиев монастырь 200 рублей на помин души князя А.Б. Горбатого.

241. *Курбский А.М.* «История о Великом князе Московском»//Царь Иван Грозный. Энциклопедия. М., 2007. С. 379.

242. В хрестоматийном двухсерийном фильме Сергея Эйзенштейна «Иван Грозный» (1944) роль Ефросинии Старицкой великолепно сыграла замечательная актриса Серафима Бирман (1890—1976). Конечно, созданный образ не есть «историческая фотография», которая до нас на самом деле не дошла, а скорее — блестящее художественное воплощение возможного и весьма убедительного портрета княгини-интриганки.

243. «Временник» Ивана Тимофеева. М.—Л., 1951. С. 211.

Глава 6

244. Путешествие сэра Джерома Горсея// Записки о России XVI—начало XVII в. М., 1990. С. 195.
245. Родион Петрович Биркин (ум. 1589), рязанский дворянин, опричник, состоял при царском дворе с 1574 года.
246. Путешествие сэра Джерома Горсея//Царь Иван IV Грозный. М., 2005. С. 445—446.
247. Полное собрание русских летописей. Т. 34. М., 1978. С. 229.
248. Феодосий Вятка — бывший архимандрит Андроникова монастыря, оказавший важные услуги Царю в деле Митрополита Филиппа и ставший в 1569 году настоятелем первой русской обители — Троице-Сергиева монастыря.
249. *Фомин С.В.* Правда о Первом Русском Царе. М., 2010. С. 280, 281—282.
250. Полное собрание русских летописей. Т. 34. М., 1978. С. 194.
251. *Скрынников Р.Г.* Борис Годунов. М., 1978. С. 17.
252. Хроники смутного времени. М., 1998. С. 273.
253. Жил Никита Романович в своих палатах на улице Варварке в Москве (сейчас в них открыт Музей боярского быта XVI—XVII веков).
254. Перед смертью принял монашеский постриг с именем Нифонта; погребён в фамильном склепе в подклети Преображенского собора Новоспасского монастыря.
255. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. 10. Гл. 1. С. 973.
256. Цит. по: *Малинин В.А.* Русь и Запад. Калуга, 2000. С. 539.
257. Тезис о намерении Царя жениться на англичанке выглядит весьма сомнительно; хотя по этому поводу кое-какие переговоры и велись, но дальше их дело вряд ли когда и дошло. Подробнее см.: *Боханов А.Н.* Царь Иоанн IV Грозный. М., 2008.
258. Полное собрание русских летописей. Т. 34. М., 1978. С. 230.
259. Золотой шар с крестом.
260. Полное собрание русских летописей. Т. 34. М., 1978. С. 231—232.
261. Бармы — сделанное из золота оплечье, украшенное изображениями Богоматери, пророков и святых.

262. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. 10. М., 2009. С. 970.

263. *Каптерев Н.Ф.* Характер отношений России к Православному Востоку в XVI и XVII столетиях. Сергиев-Посад, 1914. С. 395.

264. *Скрынников Р.Г.* Борис Годунов. М., 1978. С. 20—21.

265. «Временник» Ивана Тимофеева. М.—Л., 1951. С. 328—329.

266. Катыврев-Ростовский Иван Михайлович при дворе Бориса Годунова был стольником, участвовал во многих событиях начала XVII века, умер в 1640 году. Стольник — придворный чин, занимавший по росписи чинов пятое место, после бояр, окольничих, думных дворян и дьяков.

267. Цит. по: *Пчелов Е.В.* Рюриковичи. История Династии. М., 2001. С. 370.

268. *Флетчер Дж.* О Государстве Русском. М., 2002. С. 155.

269. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. 10. М., 2009. С. 967.

270. Андрей Яковлевич Щелканов (ум. 1597) — думный дьяк, возглавлявший ранее приказ Казанского Дворца, или Казанский приказ, а с 1574 по 1594 год — глава Посольского приказа, то есть в то время фактически Русского Министерства иностранных дел. В 1594 году отошел от мира, приняв постриг.

271. «Временник» Ивана Тимофеева. С. 178.

272. *Скрынников Р.Г.* Указ. соч. С. 28—29.

273. Хроники смутного времени. М., 1998. С. 282.

274. Фёдор Савельевич Конь (1540—1606) — крупнейший русский зодчий XVI—начала XVII века, построивший немало каменных сооружений различного назначения и получивший при Царе Борисе Годунове звание «государев мастер».

275. *Каптерев Н.Ф.* Указ. соч. С. 101.

276. *Флетчер Дж.* О Государстве Русском. М., 2002. С. 24—25.

277. В 1592 году Сигизмунд объединил под личной унией оба государства, но в 1595 году уния распалась, и Швеция получила собственного правителя.

278. Поселение Нарвия известно с XII века и принадлежало Киевской Руси. Позднее этой территорией и Нарвой владели датчане, затем Ливонский орден и шведы. Нарва стала русской при Петре I в 1704 году, когда удалось одержать окончательную победу над шведами.

279. Хроники смутного времени. М., 1998. С. 277.
280. Крымское ханство обособилось от Золотой Орды в 1441 году, а в 1478 году стало вассальным от Турецкой (Османской) Империи государством. Было присоединено к России в 1783 году.
281. Полное собрание русских летописей. Т. 14. Ч. 1. СПб. 1910.
282. Хроники смутного времени. С. 277.
283. Там же. С. 278.
284. Карамзин Н.М. Указ. соч. С. 1013.
285. Ныне город Приозёрск, районный центр Ленинградской области.
286. Летоисчисление в ту эпоху шло от сотворения мира, а разница с летоисчислением от Рождества Христова составляла 5508 лет.
287. Крещенский сочельник.
288. Полное собрание русских летописей. Т. 14. СПб., 1910. С. 22.
289. Платонов С.Ф. Русская история. М., 1996. С. 114.
290. Морозова Л.Е. Затворницы. Миф о Великих княгинях. М., 2002. С. 333.
291. В 1635 году останки были возвращены в Москву и погребены в Архангельском соборе.

Глава 7

292. Платонов С.Ф. Борис Годунов. Пг., 1921. С. 116.
293. Поприще — мера расстояния, состоявшая из тысячи больших шагов, а в каждом таком шаге считалось пять стоп. См.: *Протоиерей Г. Дьяченко*. Полный церковно-славянский словарь. М., 2004. С. 475.
294. Хроники смутного времени. М., 1998. С. 285—286.
295. Макарий, Митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви. Т. 6. М., 1996. С. 66.
296. Платонов С.Ф. Русская история. М., 1996. С. 116.
297. В борьбе за московский престол великому князю Василию Тёмному большую помощь оказали татарские царевичи Касим и Якуб. В 1446 году они ушли из Казани на Русь, спасаясь от преследований своего брата Махмута, который, убив отца и одного из родичей, захватил власть. За верность и важные услуги князь Василий пожаловал Касиму Низовой Городец. Было это в 1452 году. Так по князьему указу в глубине мещёрских лесов возникло Касимовское царство, про-

существовавшее с 1452 по 1681 год. В состав царства входили уезды Рязанской и Тамбовской губерний.

298. Полное собрание русских летописей. Т. 34. М., 1978. С. 227.

299. *Маржерет Ж.* Состояние Российской Державы и Великого княжества Московского//Россия XVII века: воспоминания иностранцев. Смоленск. 2003. С. 47.

300. Акты Археографической экспедиции (ААЭ). Т. 2. СПб., 1836. С. 46—54.

301. Гедимин (ок. 1275 — декабрь 1341) — основатель династии Гедиминовичей. Соправитель Литвы (князь Жемайтский) в период с 1295 по 1316 год. Великий князь Литовский в 1316—1341 годах.

302. Ландскнехт —от немецкого Landsknecht, переводимого как наёмник или прислужник.

303. *Буссов Конрад.* Московская хроника. 1584—1613. М.—Л., 1961. С. 78.

304. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. 10. М., 2009. С. 1033.

305. *Там же.*

306. Всего Земских соборов в том веке состоялось четыре: в 1550, 1566, 1584 и 1598 годах.

307. *Скрынников Р.Г.* Борис Годунов. М., 1978. С. 103—104.

308. *Ключевский В.О.* Сочинения в восьми томах. Т. 8. М., 1959. С. 396.

309. Почему Борис Годунов был избран Царём?//*Черняев Н.И.* Мистика, идеалы и поэзия Русского Самодержавия. М., 1998. С. 247.

310. Хроники смутного времени. М., 1998. С. 285.

311. *Макарий, Митрополит Московский и Коломенский.* Указ. соч. С. 68.

312. *Платонов С.Ф.* Указ. соч. С. 118.

313. Акты Археографической экспедиции. Т. 2. СПб., 1836. С. 57—61.

314. Полное название: Новодевичий Богородице-Смоленский монастырь — православный женский монастырь, основан Великим князем Василием III в 1524 году в честь Смоленской иконы Божией Матери Одигитрии, главной святыни Смоленска, в благодарность за овладение Смоленском в 1514 году.

315. Полное собрание русских летописей. Т. 34. М., 1978. С. 236.
316. *Масса И.* Краткое известие о Московии // Россия XVII века: записки иностранцев. Смоленск, 2003. С. 138.
317. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. 11. М., 2009. С. 1058.
318. Правильное буквальное титулование — Газы II Герай, Хан Крыма с 1588 года.
319. Подробнее см.: *Каргалов В.В.* На степной границе. Оборона «крымской уkraine» Русского государства в первой половине XVI столетия. М., 1974.
320. *Воейков Н.Н.* Церковь, Русь и Рим. Минск, 2000. С. 488—489.
321. Бахчисарай — столица Крымского ханства с 1532 года.
322. Гяур — общее название в исламском мире для немусульман.
323. Хроники смутного времени. С. 286.
324. Праздник Святых Первоверховных Апостолов Петра и Павла отмечается ныне 12 июля, а по старому стилю — 29 июня.
325. Новый летописец // Хроники смутного времени. М., 1998. С. 286.
326. «Православное христианство» обозначало традиционно христианское сообщество, в широком смысле — народ как совокупное целое. Христологическое обозначение «христианство-народ» постепенно трансформировалось в понятие «крестьянина», обозначающего собственно земледельца.
327. Акты Археографической экспедиции (ААЭ). Т. 2. СПб., 1836. С. 10.
328. *Там же.* С. 12.
329. Хроники Смутного времени. С. 287.
330. *Карамзин Н.М.* Указ. соч. С. 1064.
331. Печатник — древний чин Великокняжеского двора, дьяк-хранитель «Государевой печати», один из самых доверенных лиц Государя.
332. Полное собрание русских летописей. Т. 34. М., 1978. С. 237.
333. Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 287.
334. Сказание о венчании на Царство Русских Царей и Императоров. М., 1896. С. 10—11.
335. Ясак — натуральная подать, которой облагались нерусские народы, занимавшиеся охотничьим промыслом в XV—XVIII веках в Поволжье и в Сибири.

336. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. М., 2009. Т. 11. С. 1062.
337. Сказание Авраамия Палицына//Русская историческая библиотека. Т.13. СПб., 1909. С. 83.
338. *Там же.*
339. *Маржерет Ж.* Состояние Российской Державы и Великого княжества Московского // Россия XVII века: воспоминания иностранцев. Смоленск, 2003. С. 19.
340. *Лакиер А.Б.* История титула Государей России// Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1847. Ч. 56. № 11. С. 124.
341. *Воейков Н.Н.* Указ. соч. С. 428—429.
342. *Маржерет Ж.* Состояние Российской Державы и Великого княжества Московского// Россия XVII века: воспоминания иностранцев. Смоленск, 2003. С. 48—49.
343. *Там же.* С. 121—122.
344. *Там же.* С. 123—124.
345. *Масса И.* Указ. соч. С. 131.
346. Третий сын окольничего Н.Д. Годунова.
347. *Масса И.* Указ. соч. С. 133.
348. *Платонов С.Ф.* Указ. соч. С. 123.
349. *Буссов Конрад.* Московская хроника. 1584—1613. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 48.
350. *Ключевский В.О.* Сочинения. Т. 3. М., 1957. С. 24.
351. *Скрынников Р.Г.* Указ. соч. С. 101.
352. *Вернадский Г.В.* Начертание русской истории. М., 2004. С. 194.
353. *Татищев В.Н.* История Российская. Т. 7. М., 1968. С. 373.
354. *Скрынников Р.Г.* Борис Годунов. М., 1978. С. 96.
355. См.: *Захаров Н.А.* Система русской государственной власти. М., 2002. С. 53—55.

Глава 8

356. «Временник» Ивана Тимофеева. М.—Л., 1951. С. 330.
357. Полное собрание русских летописей. Т. 34. М., 1978. С. 221—222.

358. «Десять казней египетских» — описанные в Пятикнижии, обрушившиеся на египтян за отказ фараона освободить сынов Израилевых. Согласно Книге Исход, Моисей именем Бога требовал от фараона отпустить его народ, обещая, что в противном случае Бог накажет Египет. Фараон не послушался, и на Египет были обрушены 10 бедствий, причём каждый раз после нового отказа фараона отпустить евреев следовало очередное бедствие: наказание кровью, казнь лягушками, нашествие мошек, наказание пёсьими мухами, мор скота, язвы и нарывы, гром, молнии и огненный град, нашествие саранчи, необычная темнота (тьма египетская), смерть первенцев.

359. «Временник» Ивана Тимофеева. М.—Л., 1951. С. 55.

360. Там же. С. 51.

361. Платонов С.Ф. Русская история. М., 1996. С. 129.

362. Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 11. М., 2009. С. 1086.

363. Масса И. Краткое известие о Московии // Россия XVII века: воспоминания иностранцев. Смоленск, 2003. С. 106.

364. Платонов С.Ф. Указ. соч. С. 133.

365. Имеются в виду бояре Кучковичи, стоявшие во главе заговора на жизнь Великого князя Владимирского Андрея Боголюбского (ок. 1110—1174) — сына Юрия Долгорукого, сделавшего столицей Руси Владимир, отличавшегося крутым нравом, воинственностью, но и благочестием. Яким Кучкович был любимцем Великого князя и стал его убийцей. Похоронен Андрей Боголюбский в Успенском соборе во Владимире. Канонизирован Русской Православной Церковью в лике Благоверного.

366. Семён Годунов — окольничий, (1599), боярин (1603), троюродный брат Царя, ведал делами сыска и дознания при Борисе Годунове. При Ажедмитрии в июне 1605 года был арестован, сослан в Переславль-Залесский, где вскоре и был убит.

367. Салтыков Михаил Глебович (ум. 1621) — окольничий, в 1601 году получил боярство. В 1605 году поддержал Ажедмитрия, при Шуйском был отправлен в ссылку, в 1611 году поддержал польских интервентов, позже бежал из России и умер за границей.

368. Михаил Никитич был поселён на жительство в деревушке Нырбка на Севере Пермского края, куда он прибыл в сентябре 1601 года. Жил он в глухой и глубокой землянке, а местные жители помогали

ему припасами. Скончался он в августе 1602 года, был похоронен на местном кладбище и скоро стал почитаться в округе как «мученик» и «праведник». В 1603 году ныробцы, восхищённые кротостью, смиреннием и выдержкой боярина, построили над «ямой» Михаила Никитича деревянную церковь. Тело Михаила Никитича в 1606 году было перевезено в Москву и похоронено в Новоспасском монастыре. При Царе Михаиле Романове ныробцы получили «отбельную грамоту», освобождающую их от государственных податей.

369. Новый летописец // Хроники смутного времени. М., 1998. С. 288—290.

370. «Бедная Лиза» — повесть Н.М. Карамзина, опубликованная в 1792 году. Это — шедевр сентиментализма и лубочности. Автор погружает читателя в мир «нежных чувств» и «высоких переживаний», заставляя героев постоянно «проливать слёзы нежной скорби». Подобные приёмы — выдавливания у читателя «нежных и горючих слёз» — он использовал и при написании своей «Истории», изобразив Русь-Россию «юдолью (долиной) печали», и постоянно горился по этому поводу.

371. Карамзин Н.М. Указ. соч. С. 1087—1088.

372. Макарий Митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви. Т. 6. М., 1996. С. 69.

373. Соборное Уложение 1649 г. // Полное Собрание Законов Российской Империи. СПб., 1830. Т. 1. С. 72.

374. Акты Археографической экспедиции. Т. 2. СПб., 1836. С. 38.

375. Его отец боярин Борис Камбулатович был женат на сестре Фёдора-Филарета Никитича Романова — Марфе Никитичне.

376. Иван Черкасский не имел жены до 1622 года, когда женился на первой красавице Москвы Евдокии Васильевне Морозовой, дочери боярина Василия Морозова; детей в браке не было.

377. Извет — клеветнический донос.

378. Бер М. Летопись московская с 1584 по 1612 // Сказания современников о Дмитрии Самозванце. Т.2. СПб., 1859. С. 19—20.

379. Буссов Конрад. Московская хроника. 1584—1613. М.—Л., 1951. С. 80—81.

380. Масса И. Указ. соч. С. 106, 113.

381. Просвирица, или просвирия, — женщина в приходе, приставленная для выпекания просвиры; обычно вдова лица духовного звания.

382. Хроники смутного времени. М., 1998. С. 288.
383. Массовая смерть.
384. Хроники смутного времени. С. 292.
385. Сказание Авраамия Палицына. СПб., 1909. С. 212.
386. *Масса И.* Краткое известие о Московии // Россия XVII века: воспоминания иностранцев. Смоленск, 2003. С. 124—125.
387. *Маржерет Ж.* Состояние Российской Державы и Великого княжества Московского // Россия XVII века: воспоминания иностранцев. Смоленск, 2003. С. 51.
388. *Там же.* С. 52.
389. *Маржерет Ж.* Указ. соч. С. 18.
390. *Там же.* С. 69.
391. *Масса И.* Краткое известие о Московии. С. 144.
392. Полное собрание русских летописей. Т. 34. М., 1978. С. 205—206.
393. *Маржерет Ж.* Указ. соч. С. 75.
394. *Макарий, Митрополит Московский и Коломенский.* Указ. соч. С. 87.
395. *Скрынников Р.Г.* Борис Годунов. М., 1978. С. 156.
396. Католическая церковь 11 ноября чтит память монаха-отшельника, небесного покровителя Франции Святого Мартина Турского (335—397).
397. *Бер М.* Летопись московская с 1584 по 1612 // Сказания современников о Дмитрии Самозванце. Т. 2. СПб., 1859. С. 38—39.
398. *Карамзин Н.М.* Указ. соч. С. 1100.
399. *Платонов С.Ф.* Указ. соч. С. 131—132.
400. Акты Археографической экспедиции. Т. 2. СПб., 1836. С. 76.
401. Собрание государственных грамот и договоров. Т. 2. СПб., 1819. С. 164.
402. Город Галич расположен на Костромской земле примерно в 120 километрах от Костромы.
403. Род Отрепьевых восходит к польскому дворянину Владиславу Неледзевскому, приехавшему на Русь при Дмитрии Донском и оставшемуся ему служить. Участвовал в Куликовском сражении, принял Православие с именем Владимир и родовой фамилией Нелидов. От князя Дмитрия он получил село Николаевское с деревнями под Суздалем. У него был единственный сын Георгий. В пятом поколении от

Владислава-Владимира было двое Нелидовых. Старший, Давид Борисович, от Иоанна III получил прозвание Отрепьев за то, как гласит предание, что предстал перед Великим князем в обтрёпанной одежде. От него-то и пошли Отрепьевы. Согласно «Тысячной книге» 1550 года на царской службе состояли пять Отрепьевых. Из них в Боровске сыновья боярские «Третьяк, да Игнатий, да Иван Ивановы дети Отрепьева. Третьяков сын Замятия; в Переславле-Залесском — стрелецкий сотник Смирной-Отрепьев». Из потомства Давида Борисовича и произошёл Юрий Богданович Отрепьев (Юшка), принятый в монашество с именем Григория.

404. Спасов-Кукоцкий, или Спас на Куксе, от названия реки, мужской монастырь под Владимиром. Основан в XVI веке. Первые сведения о монастыре совпадают со временем пребывания в нём Гришки Отрепьева. В 1764 году монастырь упразднён.

405. Свято-Предтеченский Иаково-Железноборский мужской монастырь, расположенный примерно в 80 километрах от Костромы, был основан в конце XIV века Преподобным Иаковом (ум. 1442). Существует предание, что именно здесь Григорий Отрепьев принял постриг.

406. Сёверщина, или Северская земля, — так в XI—XVII веках именовались территории, располагавшиеся на северо-востоке современной Украины (Черниговская и Сумская области) и на юго-западе современной России (Брянская и Курская области).

407. Адам Вишневецкий (1566—1622) — польский шляхтич и магнат, получил известность тем, что «обнаружил» Лжедмитрия I.

408. Хроники смутного времени. М., 1998. С. 296—298.

409. Карамзин Н.М. Указ. соч. С. 1107.

410. Блаженный Августин. Исповедь. Киев, 2004. С. 208—209.

411. Успенский Б.А. История и семиотика. Восприятие времени как семиотическая проблема // Успенский Б.А. Этюды о русской культуре. СПб., 2002. С. 19.

412. Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени // Розанов В.В. Уединённое. М., 1990. С. 394—395.

413. «Временник» Ивана Тимофеева. М.—Л., 1951. С. 263—264.

414. Там же. С. 331.

415. До нас дошло несколько произведений Флавия: «Иудейская война» о восстании 66—71 годов и «Иудейские древности», где из-

ложена история евреев от сотворения мира до Иудейской войны. Как и трактат «Против Апиона», они имели целью ознакомить античный мир с историей и культурой евреев и развенчать устойчивые предрассудки.

416. Владислав, ставший в 1632 году Королём Речи Посполитой, окончательно отказался от претензий на Москву только в 1634 году!

417. Совокупность всех противоречивых известий о Рюрике представлена в книге известного историка. См.: *Пчелов Е.В.* Рюрик. М., 2010.

418. Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Фёдоровича Романова 1613 г.//Царский сборник. Службы. Акафисты. Месяцеслов. Помянник. Молитвы за Царя. Коронация. М., 2000. С. 558. «Бодроопасно», то есть неусыпно.

419. Повести князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовского//Русская историческая библиотека. Т. 13. СПб., 1909. С. 720.

420. *Дитерихс М.К.* Убийство Царской Семьи и Членов Дома Романовых на Урале. Т.1—2. М., 1991. С. 29—30.

421. Патриарх Гермоген (Ермогѣн, в миру Ермолай; ок. 1530 — 17 февраля 1612) — второй Патриарх Московский и всея Руси, погиб в заточении при поляках. Святой Русской Церкви, дни празднования: 17 февраля — представление и 12 мая — прославление в лике Святителя.

422. *Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве. СПб., 1889. С. 173.

423. *Вальденберг В.* Древнерусские учения о пределах Царской власти. Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века. Пг., 1916. С. 366; *Боханов А.Н.* Русская идея от Владимира Святого до наших дней. М., 2005. С. 179—188.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава 1. ОКО РУССКОГО ГЕНИЯ	17
Глава 2. ПРАВДА ПЕРВОПАТРИАРХА.....	58
Глава 3. ПОД СЕНЬЮ ГРОЗНОГО ЦАРЯ.....	92
Глава 4. СОБЫТИЕ ТЁМНОЕ, «ДЕЛО» РОКОВОЕ	126
Глава 5. ЖИТЬ, ВЫЖИТЬ И ПОБЕДИТЬ	163
Глава 6. ВЕЛИКИЙ БОЯРИН	195
Глава 7. ЦАРЬ ВСЕЯ РУСИ	231
Глава 8. НЕИСПОВЕДИМЫ ПУТИ ТВОИ, ГОСПОДИ... ..	267
Послесловие	310
Примечание	324

Научно-популярное издание

Великие исторические персоны

Боханов Александр Николаевич

БОРИС ГОДУНОВ

Выпускающий редактор *М.К. Залесская*

Корректор *О.Б. Бубликова*

Верстка *И.В. Резникова*

Художественное оформление *Е.А. Бессонова*

ООО «Издательский дом «Вече»

Почтовый адрес:

129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24, а/я 63.

Фактический адрес:

127549, Москва, Алтуфьевское шоссе, 48, корпус 1.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 14.10.2011. Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Гарнитура «MyslC». Печ. л. 11.

Тираж 2500 экз. Заказ № 8986.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами

в ЗАО «ИПК «Парето-Принт», г. Тверь,

www.pareto-print.ru

БОРИС ГОДУНОВ

Русская история — один из самых оболганных и окарикатуренных культурных феноменов в летописи человечества. И в первую очередь Борис Годунов вызывает у многих историков явное неприятие. Он изображается «коварным», «лицемерным», «лукавым», а то и «преступным», ставшим в конечном итоге виновником Великой Смуты начала XVII века, когда Русское Государство фактически было разрушено. Но так ли это на самом деле? Виновен ли Борис в страшном преступлении — убийстве царевича Димитрия? Пожалуй, вся жизнь Бориса Годунова ставит перед потомками самые насущные вопросы. Как править, чтобы заслужить любовь своих подданных, и должна ли верховная власть стремиться к этой самой любви наперекор стратегическим интересам государства? Что значат предательство и отступничество от интересов страны во имя текущих, клановых выгод и преференций; возможно ли вообще оправдание отступничества? Где то мерило, которым можно измерить праведность властителей, и какие интересы должна выражать и отстаивать власть, чтобы заслужить признание потомков? История Бориса Годунова невероятно актуальна для России. Она поднимает и обнажает проблемы, бывшие злободневными и «вчера» и «позавчера»; таковыми они остаются и ныне.

ВЕЛИКИЕ
ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПЕРСОНЫ

ISBN 978-5-9533-5679-4

9 785953 356794

Вече
20 лет